ЗОЛОТАЯ НИТЬ

выпуск IV

Студенческий литературно-художественный альманах
ЛИТО ЛЭТИ

Опять зовет и к делу нудит
Родную Русь твоя волна,
И к распре той, что Бог рассудит,
Великий Севастополь будит
От заколдованного сна.
(Ф. И. Тютчев. Черное море)

«РЕНОМЕ»
Санкт-Петербург
2009 г.

ББК 84 Р 7
З 801

Редакция:
Выпускающий редактор – Юрий Королёв
Художественный редактор – Валерия Смирнова
Литературный редактор – Александра Евдокимова
Политкорректор – Никита Мокеев

Дизайн обложки Валерии Смирновой

Вниманию господ авторов.

Желающих опубликовать стихотворения, прозу, публицистику, живопись, фотоработы и т. д. и т. п. в альманахе «Золотая нить» покорнейше просим присылать свои произведения по адресу: danitschi@mail.ru

Золотая нить: – СПб.: ИП Генкина А.Д., 2009. – 448с.

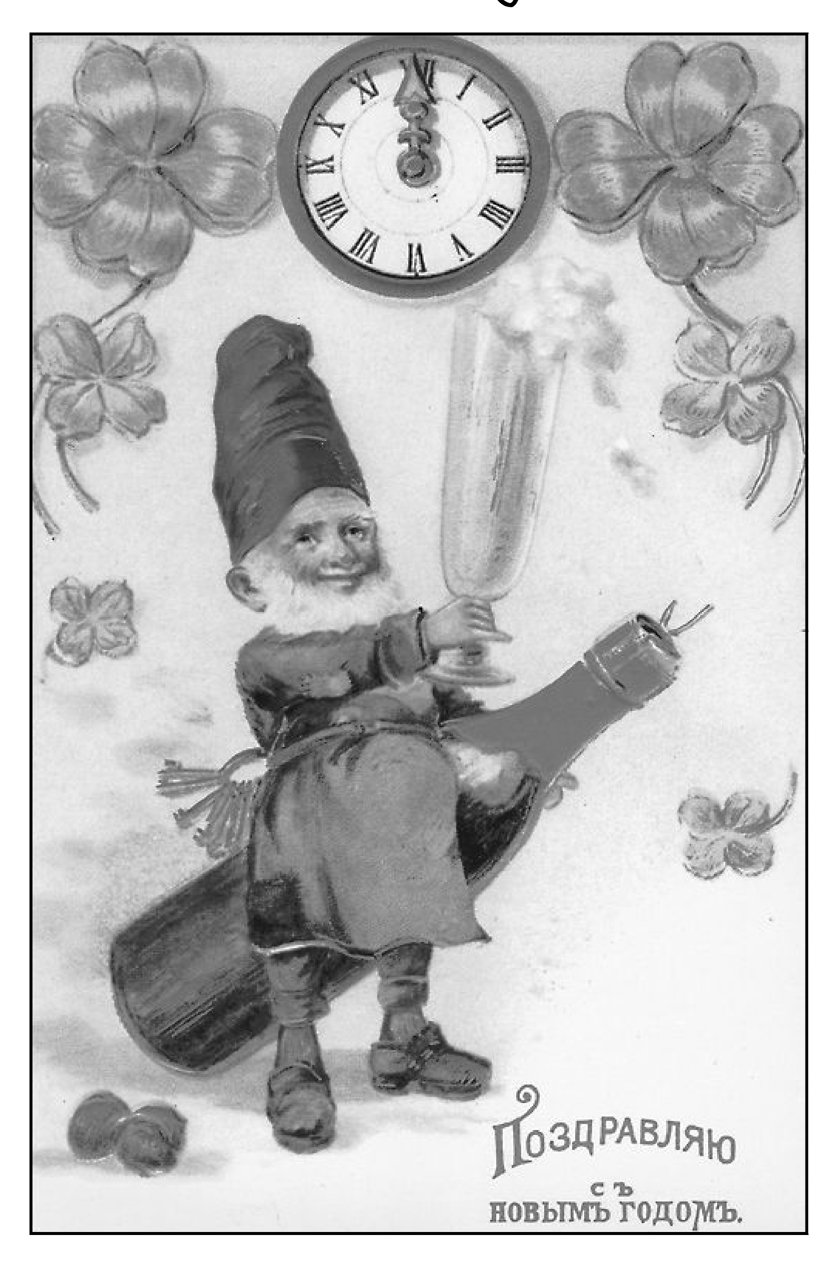
Ежегодный альманах ЛИТО ЛЭТИ включает художественную прозу, поэтические тексты, критику и публицистику студентов ЛЭТИ и других членов ЛИТО. Сборник проиллюстрирован живописью, графикой и фотоработами членов ЛИТО. Руководитель ЛИТО – А. И. Михалевич (поэт, член Союза писателей С-Петербурга).

Альманах предназначен для широкого круга студентов и преподавателей всех учебных заведений без исключения.

Материалы в рубриках расположены в алфавитном порядке по авторам.

ISBN 978-5-98947-148-5

С Новым Годом!

Максим ШВЕЦ

* * *

Новогодняя ночь
с фонарями цветными на льду.
У наряженных елок
распахнуты жаркие шубы.
Эту ночь мы проводим
и в старом и в новом году:
пьем шампанское, пиво, коньяк,
веселимся и шутим.

Позабыв обо всем
в темном городе окна горят.
Несмотря ни на что
дует ветер и пахнет смолою.
Мы пускаем ракеты
в великий простор января
и великий декабрь
остается у нас за спиною.

Поздравляем, целуем...
Какая прекрасная жизнь!
Будет утро уже
в новом-новом невиданном мире.
Свет из окон, как снег,
над просторным проспектом кружит.
Но спокойно, тепло и уютно
в отдельной квартире.

Камилл АЛЬ-МАКС

Вперед, карающий ветер!

«Эймарин Энджи Энн, ты меня слышишь?!» – папа говорил как всегда строго. Они с мамой стояли внизу в холле, а Эми, их девятилетняя дочка, продолжала надуто подниматься по лестнице на второй этаж. Мы не оговорились, именно надуто. У девочки была удивительная способность демонстрировать обиду всем своим видом. Когда она была чем-нибудь недовольна, то становилась похожа на небольшого, но грозного варанчика. Только свиста и хвоста не хватает.

Девочка надувала не только губки, но каким-то непостижимым образом надувалась вся целиком.

Джек Ласкис, имеющий счастье быть ее отцом, смеялся в таких случаях – «Когда-нибудь, малыш, ты лопнешь от обиды. Пропадешь без пользы. А маме придется потом генеральную уборку делать, тебя со стенок твоей комнаты соскребать». Если настроение девочки к этому времени уже менялось в сторону улучшения, то она парировала эту черную шутку заявлением, что постарается лопнуть в папином кабинете, в их спальне или еще где-нибудь, где уборка, по ее представлению, будет более тяжелой и трудоемкой.

Сегодня папа и мама отправлялись во взрослые гости. И только что папа строгим голосом объявил девочке, что они уходят на всю ночь и поручают ее заботам няни – фрау Керман. «Фрейлейн», – поправила маленькая беленькая немка, стоя тут же в холле и извинительно улыбаясь.

«Старушке, должно быть, лет двести», – как-то подслушала Эми необдуманные слова отца, – «Но она неплохо сохранилась и к тому же справляется с работой».

Эми не поняла, что означает – «неплохо сохранилась» и спросила об этом у самой фрейлейн Греты: «Скажи, а до того, как приехать к нам, ты была в холодильнике с анабиозом, как два дяденьки в фильме «Секс-миссия»?»

«Эймарин, ты будешь слушаться няню и ляжешь сегодня спать вовремя. Завтра Рождество, и ты должна быть отдохнувшей и свежей на празднике».

Если бы эти слова сказала мама Джин, можно было бы заканючить – «Ну, мам, ну, пожалуйста, ну, возьмите меня с собой!» или «Ну разреши мне посмотреть немножко кабельное телевидение! Я буду хорошей-прехорошей, послушной-препослушной». Чаще всего это помогало. С папой такие «лирические отступления» не проходили. Бесполезно.

Впрочем, сегодня хитрющая Эм только делала вид, что сердится и обижается. Этакая оскорбленная до глубины души юная леди медленно и гордо восходит на эшафот, всем своим видом показывая собравшейся толпе, что еще вернется и отмстит нерадивым рабам, казнившим свою королеву. Притворство, к сожалению, было среди черт ее характера, впрочем – довольно невинное и не осознанное.

Угловатая и нескладная, однако не лишенная определенной доли обаяния, с длинными густыми каштановыми волосами темного благородного оттенка, она с самого детства меньше всего напоминала куколку со старых поздравительных открыток, тем более, пластиковую Барби с негнущимся глуповато-удивленным личиком.

Большие, выразительные, разбойно-озорные глаза девчушки прикрывались пушистыми ресничками, когда она улыбалась. Вздернутый носик, маленькие губки и плотно прижатые, совсем не оттопыренные, ушки (она ими очень гордилась) составляли почти полный ее портрет.

Она любила громкие хлопушки и ракеты, из которых на Рождество вылетали необыкновенные подарки. Непостижимым было то, как могли они туда поместиться. Например, роликовые коньки или новое шелковое платье, огромный плюшевый белый медведь или детская кофеварка. Хотя кофеварка вполне могла там разместиться. Она ведь разборная. А потом на лету самособиралась и приземлялась уже готовая к употреблению. И даже кофе уже заваривался. Настоящий, со сгущенным молоком!

Они выходили все втроем в Рождественскую полночь на участок перед домом, и папа запускал волшебную ракету. Это было так удивительно! Грохот. Искры. Яркие цветные огоньки фейерверка, но главное – неожиданный рождественский сюрприз. Что остальные дети находят подарки под елкой, Эми знала и даже посмеивалась над ними про себя: «Как это неинтересно! Чтобы Санта Клаус разносил по ночам мешок с игрушками! Хи-хи-хи-хи! Санта Клаусов не хватит! Все подарки засовывают под елки мамы и папы – это знает даже трехлетний ребенок».

Еще девочка любила мороженое, прыгать через лужи – желательно, промахиваясь – гулять на ветру без шапочки с распущенными волосами, чтобы они развевались, как будто она скачет на необъезженном мустанге по прерии вместе с воинами команчей.

А еще ей нравилось танцевать и кривляться у зеркала, выедать крем из пирожных, кормить медвежат коала в зоологическом саду, прямо возле плаката – «Давать еду зверям строго запрещается». («Разве они звери, такие милые?»)

Впрочем, подобные вещи нравятся всем детям.

А Эймарин, кроме того, любила инет и комп, то есть интернет и компьютер. И это было самым сильным ее увлечением.

Сначала она, как и многие сверстники, увлекалась компьютерными играми. Но умненькой и не по годам развитой девочке быстро надоело без конца одевать и раздевать бесчувственную Барби, спасать принцессу из когтей дракона и торговать невольниками на рынках средневекового Средиземноморья.

«Скуууууучно», – подумала она. Да, да, именно так она и подумала. Маленькая любознательная девчушка стала соображать как усовершенствовать свои компьютерные игрушки. С этого все и началось. Она поменяла «чипсы и дейлы» и вскоре уже торговала куклами Барби в супермаркетах Нью-Йорка, отправляла Синдбада спасать дракона от полного вымирания и наряжала принцессу то Коломбиной, то Золушкой, то Питером Пэном. Этими нововведениями она, конечно, не ограничилась. Эксперименты с играми через некоторое время тоже перестали ее привлекать. И девочка решила придумать свою собственную, уникальную игру.

Вобщем, у нее, как и у других детей, в таком «переходном» возрасте было столько же несомненных достоинств, сколько и непременных недостатков.

Например, она терпеть не могла няню, только за то, что кругленькая немка не умела играть ни в одну компьютерную игру. Старушка серьезно увлекалась астрологией и даже сама составляла гороскопы для какого-то журнала.

Еще Эми не любила готовить уроки, ходить в школу, есть суп… А особенно она ненавидела ложиться спать вечером и вылезать утром из-под одеяла.

Справедливости ради, мы должны признаться, что отец Эми был разработчиком программ в одной из фешенебельных компьютерных фирм. И литература по программированию самого разного уровня с детства попадалась в руки маленькой Эм. А так как мама девочки была писательницей, то и научила дочку читать лет с четырех. О наличии в доме универсального компьютера с подключением к сети не через телефонную сеть, а напрямую по выделенной линии, вероятно, и говорить не стоит.

Гениальный ребенок, несмотря на капризность и порой зашкаливающий, с точки зрения родителей, эгоизм, быстро освоился в компьютерном мире. Освоился до того, что однажды папа обнаружил в ящике для почты в буквальном смысле слова злополучные счета за

пользование инетом с трехзначными цифрами до точки и двухзначными – после, и, разумеется, страшно рассердился и жестко ограничил доступ дочери к компьютеру.

Правда, Эймарин моментально нашла выход из создавшегося положения. Она попросила своего доброго друга, по совместительству папиного шофера, чернокожего пожилого Абузабада достать для нее маленький-маленький компьютер, чтобы поставить его в кукольный домик. «Только компьютер должен быть обязательно настоящий, с монитором и клавиатурой». «А «мышка» нужна? Она ведь будет совсем-совсем крохотной, она может даже заблудиться и попасть в мышеловку». «Может, она даже меньше одной бисеринки, да?»

В общем, Абузабад посмеялся, но, когда узнал в чем, по правде говоря, дело, не смог отказать своей любимице и провел кабель прямо в детскую. Шофер был мастером на все руки и часто повторял свою любимую поговорку – «Старый негр еще не то может».

Хотя Эми уже давно (целый год, наверное) не называла свою комнату детской. И терпеть не могла, когда взрослые говорили о ней, как о ребенке. «Тебе еще только девять», – назидательно вещал отец, когда она требовала что-то, с его точки зрения, детям неположенное. «Уже – девять!» – громко и почти надуто поправляла она, – «Скоро начнется второй десяток!»

Слова о втором десятке принадлежали самому папе. Когда нужно было сходить за почтой или вынести мусор, внимательный родитель вспоминал, что его дочь уже почти взрослая.

Короче говоря, в последнее время Эми подключалась к инету прямо из своей постели. Ее минилаптоп – подарок Абу – заблаговременно прятался под подушкой. И девочка, к радостному удивлению родителей, с некоторых пор легко соглашалась отправиться спать. Правда, вставала утром еще более неохотно и капризно, но все же кое-как умывалась, завтракала и отправлялась в школу. Так что пока родители ни о чем не подозревали. И, нам кажется, не стоит на нее ябедничать. Не такой уж это страшный грех, правда?

Самое интересное, что и счета за инет больше не приходили. Хитрая Эм совершила один, согласны – не очень благовидный, поступок. Она довольно простым способом изловчилась отключать счетчик своего пребывания в инете. А центы, полагающиеся за вход (минута – две, не больше), конечно, благополучно растворялись в общей сумме, не превышающей допустимую норму для ведущего программера солидной фирмы.

Как Эми провернула этот поистине хакерский трюк, мы рассказывать не станем, чтобы нас не обвинили в незаконных действиях, нарушающих право на конфиденциальность определенной информации. Тем более что маленькая Эми не так уж и много времени проводила за компом по ночам. Глаза сами собой начинали закрываться, веки слипались, голова падала на подушку, и комп минуты через три сам отключал себя от сети. Процедуру самовыключения девочка модернизировала сама. Это ведь совсем просто – таймер, плюс функция выхода из сети, плюс отключение рабочего режима, плюс выключение питания.

Здорово.

Итак, Эми надуто поднималась по лестнице, волоча ноги и сопя. «Завтра Рождественская ночь. А сегодня весь вечер придется протосковать с противной няней. У-у-у-у-у! Вот убегу из дома. В Австралию убегу и буду разводить крокодилов и акул. Потом выращу в питомнике какую-нибудь огромную крокодиловую акулу или акулового крокодила какого-нибудь. Папа с мамой за мной приедут, а я встану ногой на свое ручное чудовище, прямо на его чешуйчатую зубастую голову, и скажу: «Ну как? Бросили меня перед Рождеством?!» А акуловый крокодил зубами поклацает или поскрежещет.

Ладно уж. Съесть папу с мамой я ему не позволю. Так только – немножко попугает и ладно. Тем более что я своих родителей все-таки немножечко люблю, если не заставляют есть кашу и чистить зубы, конечно».

«Эймарин?!» – повторил свой вопрос-призыв начинающий закипать папа. Но Эми уже дотащилась до второго этажа и демонстративно скрылась в своей комнате.

«Ну что за вредная девчонка!» – воскликнул раздосадованный отец.

«Ладно, Джек, пойдем, а то опоздаем. Она тебя поняла. И будет вести себя хорошо. Не горячись. Завтра Рождество. Ее тоже можно понять», – примиряюще сказала мама.

– Яа, яа[1]... Я есть приглядывать за девочка. Очаровательная мини. Шалько, что я не уметь игры на компьютер. Я бояться утара ток. Мне… – вступила в разговор фрейлейн Керман. Пожилая дама, когда волновалась, частично переходила на родной язык.

Родители заторопились и, наскоро отдав последние распоряжения, вышли из дома.

После того, как «Хонда» семьи Ласкис отъехала, наступила относительная, но вполне спокойная тишина.

---

[1] – Да, да. (нем.)

Шел крупный пушистый снежок. Из кухни доносился аромат ванильного печенья и сыра. Кот Мурлакатам блаженствовал у отопительной панели, время от времени полусонно приподнимая большую усатую голову и приоткрывая один зеленущий глаз, прислушивался к шорохам и посвистываниям ветра за окнами.

Старушка-фрейлейн увлеченно составляла свои любимые гороскопы на будущий год.

А Эми наблюдала все это через щель, приоткрыв дверь своей комнаты.

Изучив обстановку, и убедившись, что опасности нет, девочка заговорщицки подмигнула своему отражению в зеркале и, достав из потаенного уголка (не будем раскрывать этот ее маленький секрет) переносной компьютер, подсоединила кабели.

– Никакого инета сегодня!, – предупредил отец, – Фрау (реплика немки – «Фрейлейн».) Простите, фрейлейн, проследите, чтобы Эми не входила в мой кабинет!

«Ха! Как будто трудно вставить замок! Впрочем, мне все равно!» – так подумала Эми, вспомнив недавние указания папы Джека. На этот раз мы не уверены, что девочка подумала именно так, но за то, что ее мысль была очень похожа на эту, ручаемся.

Комп замигал и высветил данные о загрузке, а потом рабочий стол. Эм подсоединилась к инету через броузер последней версии и тут же закачала в сеть свою отключалку времени. Все шло, как обычно. Только на этот раз девочке было отчего-то скучно. Не то чтобы ей сильно хотелось печенья с сыром, хотя, конечно, хотелось. Не то чтобы она вспомнила, что завтра Рождество и надо придумать, что бы такое подарить папе с мамой, шоферу Абу и даже глупой и надоедливой фрейлейн. Как всегда, подарков она никому не приготовила, и, как ни странно, это обстоятельство ее трогало. Не такая она, оказывается, эгоистка, как считают взрослые. Вот именно – не такая.

Эм вошла в каталог «Подарок – своими руками» и стала с любопытством рассматривать чертежи и рисунки разнообразных самоделок и «причитающиеся» к ним инструкции.

И вдруг комп забарахлил. На экране заплескались какие-то помехи – пошли полосы и цветные пятна, потом монитор щелкнул, и дисплей стал темным, по нему стройными колонками побежали, как правило, остающиеся по ту сторону электронной реальности, программы – демоны. Девочка знала, что это такое, и попыталась избавиться от неполадки простым дедовским способом. Она выключила и снова включила свой лаптоп.

Картина на экране не изменилась.

Значит, это сетевые демоны, и ее «лапик» даже от сети не отключился.

Подождав немного, («наверное – целый час») в надежде на самоотключение, девочка поняла, что так просто ей из сети не выйти. Она в ярости брыкнула ногой, а не топнула, потому что лежала поверх покрывала на своей кровати. Получилось не слишком внушительно и «лапик» не послушался. Демоны невозмутимо продолжали ровными рядами бороздить экран.

«Ну!» – громким звенящим шепотом сказала Эм и стала потихоньку отползать от компа и одновременно сползать с кровати. Вот ее маленькие ступни коснулись ковра. Она осторожно встала и на цыпочках пошла к двери.

Снова осмотрев окрестности, она тихо-тихо протиснулась в проем и, не надев тапочки (хотя мама обязательно будет ругать за протертые на пятках колготки), медленно стала спускаться вниз, стараясь не производить абсолютно никакого шума.

Ее целью, естественно, был папин кабинет, а иначе каким образом она поймает и накажет проклятых демонов?

Эм закусила губки и, соблюдая меры предосторожности, стала пробираться мимо увлеченной своими гороскопами фрейлейн.

Мурлакатам лениво приподнял голову и, пошевелив ухом, приоткрыл глаз. У Эм создалось впечатление, что кот ей подмигнул. Она едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться. Девочка подмигнула коту и приложила палец к плотно сжатым губам – «Тссс, Киссс!»

Наконец, она юркнула в коридор и, прыснув в ладонь, метеором скользнула в отцовский кабинет.

Так. Включение. Пароль. Рабочий стол. Все нормально. Поиск удаленного компьютера в законспирированной локальной сети. «Ага! Вот он, мой «лапушка»! Проверка параметров. А, где-то тут был один хитрый дистрибутивчик. А-а-а-а. Дешифровка показат… Ого!»

Все демоны на экране ее лаптопа были одинаковые. Это была странная вирусного типа программа с тройной степенью кодировки и защитой от удаления и взлома.

Девочка засопела и заворочалась в неудобном, массивном папином кресле. «Где он достал такую рухлядь? Да еще и скрипит предательски! Хорошо еще, что наша старушка фрейлейн глуховата!»

Досопевшись до первых признаков насморка, Эми, наконец, додумалась, как узнать содержание этого «любовного послания», загрузившего ее «компик полчищами демонов по самую электронную трубку».

Содержание трояна оказалось таинственным и интригующим. Оно вовсе не напоминало обычные вирусы. Скорее, это было настоящее зашифрованное письмо, только отнюдь не романтического содержания.

Прочитав короткий текст, Эми пришла в неописуемый восторг. Глаза загорелись. Щечки зарумянились. Она даже язык высунула и облизнулась, чуть ли не плотоядно.

В перехваченном ею вирусном сообщении значилось следующее:

«ПРИКАЗ по адептурной сети 2607 41 nbvIoxUUU. Mracos Десант в земной мир проведен. Астральные тела 4 7 905 разрушены. Параметров 100. Нарушений не обнаружено. ГЛАВНЫЙ ВИРТУАЛ ГЛАВНЫЙ ВИРТУАЛ…

Дальше этими ГЛАВНЫМИ ВИРТУАЛАМИ был исписан целый экран. «Должно быть, этот виртуал самый главный, если его титул требует такого множества повторений», – решила про себя девочка.

Но после слов – «ГЛАВНЫЙ ВИРТУАЛ» больше ничего не было. Эми вернула через локальную сеть свой лаптоп в нормальный режим, посадив множащегося трояна в специальную программу – ловушку «чтобы не убежал» и пустилась в обратный путь к своей комнате.

Мееедленно открыв дверь, она столкнулась на пороге со всеми находящимися в эту ночь в доме семейства Ласкисов. Няня и кот укоризненно смотрели на нарушительницу, поджидая ее у дверей.

Укоризненно или нет?

Пока девочка размышляла – какую тактику защиты ей избрать: «попросить извинения и больше так не быть» или придумать веский повод «только на секундочку заглянуть в папин кабинетик», фрейлейн неожиданно взяла ее за руку и прошептала – Кляйне Мэдхен[2], на тебе есть фозлагаться высокий миссия. Ихь[3] прочитывать твой гороскоп. Ты мочь. Ты есть помощник великий и мудрому Астрал!

Сначала Эм, не подумав, чуть было не нагрубила, а потом подумала, что у бабушки, кажется, не все в порядке с «процессором».

«Догороскопилась фрейлейн. Великий и мудрый астрал принял ее в свои объятия. Что же делать?! А вдруг она буйная?!»

– Пойдем, я покасать тепе! – няня осторожно потянула девочку за руку, и кот как будто снова подмигнул и вытянул хвост трубой.

«Ой! Сумасшедшим, вроде бы, нельзя перечить. И говорить надо с ними ласково, чтобы не убили. Бедная тетя Грета…», – Эми, молча, пошла за старушкой в холл, где на журнальном столике были разложены гороскопы.

---

[2] Девочка. (нем.)

[3] Я. (нем.)

– Тевочка, я не волшебный телатель, не фея из сказка. Но я уверовать, что астральный мир есть существовать. Древние астрологи предсказывать, обещать прогноз кайзерам и фюрерам, властелителям мира. Наше знание сильно. Сейчас его вытеснять плоскостопие земли. Мы на грани маленького числа, совсем меньше. Страшная опасность! Шрекклих Гефар![4]

Взволнованная фрейлейн еще долго что-то объясняла девочке, коверкая английский и перемежая его немецким, показывала карты звездного неба, какие-то непонятные символы и таблицы в старинной книге с переплетом из оленьей кожи и бронзовыми потемневшими от времени застежками.

Девочка не слушала, ей не терпелось вернуться к своему компу и попытаться проследить, откуда пришло послание-вирус. Кроме того, она пыталась разгадать загадочное слово – «адептурная». «Может быть, оно было написано не правильно?»…

Эймарин уже поняла, что старушка не сошла с ума, просто она слишком доверчивая и верит во всякую чепуху. «Зодиаки. Биоритмы. Гороскоп китайский. Гороскоп канзасский. Что там еще?!»

– Юнгфрау[5], ты меня потслушивать? – отвлекла ее от мыслей фрейлейн Керман.

– Да. Да. Но мне надо идти. Я..., – признаемся откровенно, девочка вознамерилась соврать, что «хочет на горшочек, просто терпенья нет», но добрая фрейлейн даже не дала ей договорить.

– О! Яа, яа, да, да… Идти скорей, шнель[6], девочка. Я не есть раскрывать свой рот твоему большому папе. Ты можешь заходить в кабинет и делать работа на этот страшный компьютер. Но тебе необходимо резиновый перчатка. Два штука – надеват на руки. Электрический ток опасаться. Возыметь перчатка в ванная. С ток плохая шутка! Но ты не быть смерть! Гороскоп на многа-многа лет. Ты достигаешь старость. Счастливый жизнь...

«Еще чего! Доживать до глубокой старости, чтобы играть в шахматы с компьютером в интернате для престарелых и поливать цветочки из леечки с розочками! Фи! Однако придется взять эти дурацкие перчатки, чтобы успокоить старушку. Что-то она снова стала заговариваться».

Девочка направилась к ванной и услышала фразу няни, сказанную ей вслед: «Не оставлять свой астральное тело без защищенности!»

Затем немка снова плюхнулась в свое кресло и углубилась в гороскопы с неослабевающим рвением.

---

[4] Страшная опасность. (нем.)

[5] Девушка. (нем.)

[6] Быстро. (нем.)

«Какое еще астральное тело? Я что – астралопитек что ли?» – размышляла Эми. Безусловно, она где-то слышала красивое слово «австралопитек», только произносила его неверно.

Эми быстро нашла в ванной перчатки и небрежно сунула их в кармашек юбки.

Вскоре она прикрывала изнутри дверь своей комнаты, где восседал на письменном столе Мурлик и, отчаянно зевая, наблюдал раскосыми зелеными глазищами за вошедшей.

«Не оставляй свое астральное тело беззащитным!» – весело погрозила ему пальцем девочка и с размаху бросилась на кровать, уже в полете вспомнив, что где-то недавно встречала это словосочетание.

Она задорно кликнула «мышкой». Экран засветился. Все было в норме. На рабочем столе был развернут каталог поделок-самоделок, выйдя оттуда в общую сеть, поддерживаемую компьютерным гигантом, в котором работал папа Джек, Эми занялась слежкой.

«А вдруг это шпионы задумали влезть в национальную компьютерную сеть или злобные хакеры пытаются ограбить какой-нибудь респектабельный банк! Теперь они от меня не уйдут!..»

Эми возилась долго, но на этот раз она не замечала времени. Погоня за демоном ее увлекла. Цифры на таймере бросились ей в глаза, только когда поиск был уже завершен. «Ого!» Девочке буквально в ту же секунду страшно захотелось печенья с сыром, а еще молока, а еще какао или шоколада. Да что там, сейчас она бы и от супа не отказалась, если, конечно, он не гороховый.

Эми спрыгнула с кровати, одернула «ох, совсем неприлично задравшуюся» юбочку, поискала взглядом кота и, не найдя, стремглав бросилась вниз, оставив дверь приоткрытой.

– Фрейлейн Грета! Я хочу есть! Можно мне крекеров или чипсов или… Боже! Я так безумно хочу есть!

Няня уже стояла в дверях кухни.

– Я есть приготовлять есть. Давно-давно ожидать. Кляйне Мэдхен, ты любить пирожки с ваниль и сахар? Тебе мучной деликатес не мочь повреждать. Ты зофсем мало толстая. Горячее молоко?

– Неф, ховодново! – уже с набитым ртом топнула ногой Эми, – Ненафиву кифяшоное мовоко. Фам тафая пвофивная фенка, што свонво маввю шуешь.

– Ихь не понимайт никакаой слово, но понимайт твой поступок, – улыбнулась старушка и, достав из холодильника пакет с молоком, налила девочке полную-преполную кружку.

Эми моментом умяла все, что было для нее приготовлено, опорожнила кружку и, поблагодарив, как воспитанная девочка, няню, помчалась обратно к компу.

Теперь она могла войти в виртуальную игру (Эми предполагала, что найденный ею скрытый сайт – источник вирусов – просто-напросто виртуальная игра), но для этого нужен был специальный шлем. «Как-то странно он называется? Трансформатор? Трансфокатор?» Она видела такой – у папы Джека. Программер Ласкис «испытывал его в домашних условиях». «Но где же его взять сейчас, в полночь, накануне Рождества? Разве что покопаться в том каталоге самоделок… А вдруг?!»

Эми даже не удивилась, наткнувшись в каталоге на чертежи и руководство для изготовления из подручных материалов виртуального шлема для трансфигурации. Для этого нужны были бельевые прищепки с металлическими пружинками, моток телефонного провода, комплектующая плата от приемника «Sony» 95 года выпуска, собранного в Таиланде, воздушный шарик и резиновые перчатки (!) и куча крокодильчиков. Все это барахло она тут же заказала по обыкновенному телефону (так скорее): «Хочу сделать своими руками подарок папе на Рождество!»

Посыльный, который доставил заказ, очень удивился, что ему открыла девятилетняя девочка, а не пятнадцатилетний подросток-переросток: «Разве можно маленьким девочкам не спать так поздно?!» – «Папа с мамой уехали в гости, а я же не могу готовить подарки при них», – с обворожительной улыбкой объяснила Эми, глядя на посыльного невинными глазами.

«Вот это девочка! Вот это умница!» – покачал головой, поцокал языком курьер и, получив расписку, уехал.

Эми распаковала коробку в своей комнате и, убедившись, что внутри находится все необходимое, торопливо приступила к сборке «этого самого трансфу…, ну не важно, виртуального шлема». Правда, на шлем эта куча проводов с прищепками была похожа меньше всего, но девочку это обстоятельство нисколько не заботило.

Эм с воодушевлением принялась за работу. Дело спорилось. Жаль, но приемник пришлось раскурочить. Боясь, что он вспыхнет или взорвется, когда она начнет его разбирать, хитрая, сообразительная девчонка шарахнула его об пол – «как будто бы он сам случайно разбился». Все прошло удачно. Воздушный шарик она не заказывала. В гостиной, там, где стояла зеленая, мохнатая и пахучая живая елочка, висела целая гроздь разноцветных надутых шаров. «Один из них сгодится для этого самого трансфифнигатора», – подумала Эми. На этот раз мы отвечаем за точность пришедшей ей в голову гениальной мысли.

Эм выбрала – синий, самый «не жалкий», то есть, его было жаль меньше всего.

Наконец, все было готово. Убедившись, что няня задремала в своем кресле, выронив на пол очередной лист с гороскопом, а кот блаженно вытянулся у отопительной панели, она с трудом натянула отрезанную половинку воздушного шара на голову. Было туговато, мешала копна волос. Но даже ради такого виртуального приключения Эм не согласилась бы постричься. «Что вы, я же буду похожа на этих ужасных мальчишек!» К шарику и перчаткам прикреплялись прищепки с проводами, идущими на плату, а от нее – провода к гнезду для подключения принтера. Все было собрано «на живую нитку», Эми, к своему стыду, не умела пользоваться паяльником, да и до этого момента как-то без него обходилась.

Со всеми предосторожностями Эймарин надела перчатки. «Сейчас буду скрипеть зубами, как матричный принтер, и отстукивать азбуку Мороза!» – посмеялась она, к нашему стыду, опять перепутав слово, и включилась в виртуальную программу.

Сознание на мгновение отключилось. Кажется, девочка просто испугалась – такое странное ощущение полной и всеобъемлющей пустоты вдруг без всякого перехода охватило ее всю. Перед глазами вспыхнули и закружились яркие-яркие шарики, они посыпались прямо на нее и, проходя насквозь, лопались где-то, как бы за спиной. Разноцветные брызги летели обратно сквозь нее, навстречу новым и новым порциям шариков. Их были тысячи.

Вскоре она различила что-то огромное и темное, к чему она неуклонно приближалась. Это был гигантский каменный куб, неровная поверхность с буграми и впадинами была покрыта странными отверстиями, похожими на кратеры на луне. Луну Эми видела в «Звездных войнах» и в других популярных фантастических сериалах.

Подлетая, Эми удивленно наблюдала, как изменяется вид гигантского куба: сначала он занял половину видимого горизонта, стал выпуклым, потом поверхность стала вогнутой, края изогнулись, и, наконец, – превратилась в плоскость, которая была совсем рядом с девочкой. Она, словно моряки Колумба, ступила впервые на виртуальную землю, точнее, не ступила, а зависла в метре от нее. Ни рук, ни ног, ни остального тела она не видела и не чувствовала, как будто один только взгляд, оторвавшись от глаз, блуждает в бесконечности, передавая в сознание образы, возникающие перед ним. «Как во сне! Здорово! Я буду невидимым бойцом! Карающим ветром! Какое классное имя – Карающий Ветер! Вот это приключение! Линеэль умрет от зависти!

А толстушке Фро я об этом даже не расскажу, проболтается ведьме-воспитательнице. Ой! Ладно, прошу прощения, что я ее так назвала, хотя тут все равно никого нет, и никто не услышал».

Отверстия в поверхности совсем не напоминали кратеры, это были, скорее, дырки в сыре, про которые Абу говорил, что они проедены маленькими компьютерными «мышками», и смеялся. «Вперед, Карающий Ветер!» – крикнула восторженно Эми и, не долго думая, впорхнула в одно из отверстий. После чего, набирая скорость, помчалась по извивающемуся, как змея, туннелю. Почему-то девочка не опасалась «поцеловаться» со стенкой на крутом повороте. Раз она невидима, значит, ее как будто и нет, и все можно, и ничего не страшно. Значит, разбиться она тоже не может. Только скучновато вот так просто мчаться по слабо освещенному туннелю, неизвестно куда.

Девочка замедлила скорость и разглядела какие-то белые фигурки, ползущие бесконечными цепочками по стенкам туннеля. Фигурки были похожи на муравьев или жучков. Подлетев к неровной щербатой стене, Эми увидела, что это всякие разные значки и символы.

«ПРИВЕТСТВУЮ ТЕБЯ, НОВЫЙ АДЕПТ!» – услышала девочка непонятно откуда доносившийся чрезвычайно неприятный, жестяной голос. Звук его напоминал скрип несмазанного старинного механизма. «ЗДЕСЬ, В МОЕМ МИРЕ, АСТРАЛЬНАЯ ОБОЛОЧКА БЕССИЛЬНА. ТЫ БУДЕШЬ ПОВИНОВАТЬСЯ МНЕ. ТЫ ПОЛЮБИШЬ МЕНЯ, ПРЯМО СЕЙЧАС. СЕЙЧАС ТЫ МЕНЯ УВИДИШЬ. Я – ГЛАВНЫЙ ВИРТУАЛ! ГЛАВНЫЙ ВИРТУАЛ!» Каждое слово словно царапало оголенные нервы девочки зазубренными стальными когтями. Эми почувствовала это чуть ли не физически. Ей вдруг стало страшно и захотелось вернуться назад, в свой реальный добрый и уютный мир. «Ну вот, опять заело пластинку. Глупая игра. Не смешно и не интересно!» Девочка пыталась бодриться, ведь она была невидимым воином – «Карающим Ветром».

Но вдруг она услышала такой душераздирающий хохот, что ей стало больно. Словно округлые тиски начали сжиматься вокруг ее головы и рук, и эти тиски словно втягивали ее вниз, всасывали в себя все сильнее и сильнее. Ее увлекло дальше по туннелю. Она летела все быстрее и быстрее и туннеля уже не различала, видела только острый фосфоресцирующий блеск, который резал глаза. Девочка инстинктивно зажмурилась, сердце ее сжалось, и ей захотелось закричать. Девочку можно понять. А как бы вы себя чувствовали на ее месте? Не иначе, в штаны бы наложили, а девятилетняя Эм даже не описалась! Она только снова потеряла сознание…

Когда Эм наконец открыла глаза и огляделась, то увидела, что провода, ведущие к гнезду принтера и плате, оторваны. Рядом с невозмутимым видом сидел Мурлик и умильно, как ей показалось, на нее смотрел.

Девочка привстала на кровати, до этого она так и лежала на животе, перед лаптопом. Голова болела. Перед глазами все еще плыли радужные круги и кольца, как после удара головой о стену. «А вдруг все-таки столкнулась?! Значит, это была не игра!» Эми стащила перчатки и, ущипнув себя, вскрикнула.

По экрану компа опять двигались бесконечные столбцы демонов. Процессор внутри булькал и скрежетал, словно захлебывающийся мотор «Форда» 1905 года выпуска. От «клавы» во все стороны сыпались искры. Девочка схватила перчатку и ею одним рывком выдернула вилку из розетки, а потом и кабель инета. Подушка уже в нескольких местах была прожжена («Что скажет мама?!»), и на ковре тлело несколько красных зловещих искорок. Эми прихлопнула их перчаткой, ощутив уколы горячих угольков сквозь расплавившуюся резину.

Она нежно погладила кота. «Это ты – мой спаситель, не оставивший свое астральное тело без защиты?» В глубине души девочка была уверена, что это так и есть. Мурлакатам благосклонно подставил голову, и Эми почесала ему подбородок. В благодарность Мурлик своеобразно и очаровательно мурлыкнул: «Мурлакатам!»

Тут Эми услышала звоночек у входной двери.

«Кто это?»

Она, честно говоря, абсолютно не представляла себе, что ей теперь делать, и потому новые обстоятельства показались ей выходом из положения. Она вскочила и подбежав к окну посмотрела вниз на улицу. У калитки стоял…

«Ага! Это дяденька, переодетый Санта Клаусом. Наверняка шпион из той же хакерской банды! Они сначала хотели убить меня через комп, потом поджечь дом, а теперь прислали своего этого, как его, адаптера!»

Девочка метнулась к дверям, чтобы предупредить няню, объяснить, что ни в коем случае нельзя открывать незваному гостю.

«Я вам еще покажу! Я разделаюсь с вами отсюда! Но больше я в вашу виртуальность не полезу! Ни за что! На фиг этот трансфиг! Ой! Никто не слышал! Фигу показывать можно!»

По дороге девочка глянула на себя в зеркало, состроив серьезное и строгое выражение лица, и… обмерла.

У нее на лбу была широкая красная полоса. Может быть, след от тугого шарика, который она только что стащила с себя и бросила на кровать? И вообще выглядела она страхолюдиной. Под глазами темные круги. Лицо бледное. Волосы растрепались.

Пока девочка старалась пригладить волосы, няня уже открыла входную дверь. Услышав характерный звук, Эми чуть не бросилась под кровать, как самая мелкая малолетка. Но сдержалась, хотя сердечко бешено и конвульсивно заколотилось. «Скорей бы утро и мама с папой вернулись!» Она тихонько выскользнула за дверь и перебежала в спальню родителей. Оттуда можно было услышать о чем разговаривают внизу в холле. Должно быть, щель какая-нибудь в перекрытии или дырку для провода не заделали.

Голос фрейлейн произнес:

– Герр[7] Санта Клаус, в цвай час ночь не самый ответственный момент для приход с разнос подарков кляйне человекам. И где вы забывайт ваш вещмешок? Для каких целей вы прибывать к нам?

«Вот дура! Ой! Я не ругалась. Не ругалась», – пробормотала девочка свистящим шепотом.

– Фрейлейн Керман, я не принес никаких подарков. До них ли сейчас. Силы Астрала на исходе. Девочка Эймарин, живущая в этом доме, по большому звездному гороскопу Рангленауса, должна заступиться за человечество и спасти Древнего Астрала. Астральные тела многих и многих несчастных уже в лапах этого виртуального чудовища, монстра, бездушного паука…, – проговорил незнакомый, но довольно добродушный голос.

– Что есть виртуальное животное в объединении с насекомым? Где вы есть узнавать мое имя? И почему крутить хвост? Варум?[8] И... как это верно сказать? Если кляйне Медхен в опасность, ихь никуда ее не отпускать! Варум вам самому не сделать работу по спасению человечества, Герр Всезнатель? – немка явно превзошла саму себя, проявив рвение на посту охраны Эймарин.

– Вот это отповедь, фрейлейн! Клянусь моей седой бородой, никогда такого не слыхивал! Я сам не слишком-то разбираюсь в этих новомодных вещах, да и времени у нас, откровенно говоря, маловато. Вы, должно быть, слышали что-нибудь о всемирной электронной сети? Так вот, завелся в ней некий электронный субъект, живой или мертвый – мне неведомо. Только называет он себя – Главным… Забыл… Кем-то главным, в общем. И вознамерился он власть над человечеством установить, как высшее, более высокоорганизованное, существо. Для этого ему нужно в какого-либо человека войти, душу человеческую захватить. Слава Богу, люди на земле защищены своими астральными оболочками, которыми один из ангелов Господних распоряжается. Астрал – его имя. Стало Господу, однако, известно, что этот главный, как его там, решил Астрала уничтожить. Как и что – не знаю. Но кто-то должен этого паука остановить.

[7] Господин. (нем.)

[8] Почему? (нем.)

Никто из нас, к сожалению, не умеет обращаться с этим дьявольским изобретением, с компьютером. Не знаю уж, от Господа Бога у вашей подопечной талант или нет, но талант прирожденный. А поскольку она еще совершенно чиста и безгрешна, то и защищена от козней своей невинностью», – При этих словах Санта Клауса девочка покраснела, – В общем, только она и может помочь, и больше никто.

– Вы еще не выговорили, кто вы. Вас зие?[8]

– Кто я? – Санта Клаус, разве не видно? Послали сюда именно меня, поскольку приближается Рождество и мое появление на земле никого не удивит. В толпе ряженых Санта Клаусов один настоящий легко может спрятаться и затеряться.

– Ихь знать, что сегодня даже самый кляйне[9] дети не верить в подобные сказки. Только из уважения к ваш белый борода я не бросать вас на мороз Герр Санта.

– Причем здесь борода? Она накладная. К тому же, я еще довольно молод. Мне и двух тысяч лет еще нет!

– О-о-о-о! Вы гут[10] сохраниться. Ихь заинтриговаться! Гросартиг![11]

«Это трансляция из психиатрической больницы по кабельному телевидению!» – обреченно подумала Эми.

Санта Клаус с фальшивой бородой и строящая ему глазки старая дева – это было выше ее сил. «Пальнуть бы по ним из рогатки! Это, точно, один из разбойничьей шайки. Сейчас он зарежет фрейлейн, как глупую индюшку, и будет гоняться за мной по всему дому, размахивая когтями, похожими на когтища Крюгера. А я буду подстраивать ему всякие гадости, как мальчишка из фильма «Один дома». Бежать! Скорее бежать!» – так или почти так думала дрожащая как в ознобе Эми. Да уж. Сегодня девочке выпало немало испытаний. Вам бы тоже стало страшно, окажись вы в красных меховых рукавицах переодетого Санта вместе с беспомощной безумной старушкой и неразумным котом.

«Он и телефонный провод, наверное, уже перерезал!»

Но телефон вдруг зазвонил, как ни в чем не бывало.

«Ой!» – хотела крикнуть Эми, но замешкалась и услышала спокойный голос немки:

– Хэлло!.. Да, я не спать… Эми?.. Уже спать!.. Я давать ей еду. Все о’’кей! Гуте Нахт![12]

---

[9] Кто вы? (нем.)

[10] Маленькие (нем.)

[11] Хорошо. (нем.)

[12] Замечательно! (нем.)

[13] Спокойной ночи. (нем.)

– Ой-ой-ой-ой!!! – закричала, не помня себя от отчаянья девочка.

Через минуты три или пять (пожилым людям не так-то легко взбежать по лестнице на призыв о помощи) отдувающийся под тяжелой длиннополой шубой Санта и испуганная фрейлейн в распахнувшемся ночном халатике и сбившемся на сторону чепце появились наверху.

– Вас?! Что случилось, Эми?! – бросилась к девочке старая дама.

А Санта размашисто перекрестился и, перекрестив девочку, уселся на край кровати, тяжело дыша и отдуваясь.

– Зачем ты соврала?! Зачем повесила трубку?! Ты глупая старая тетка! – начала грубить Эм и вдруг замолчала: снизу из кабинета папы Джека донесся писк и шорох коннекта[14].

– Простите, пожалуйста! Я больше так не быть! – пролепетала девочка и, выскочив из спальни, помчалась в кабинет.

– Вот так нынешняя молодежь! – разочарованно протянул Санта и поднялся.

Они вышли, спустились в холл.

– Вы были бы очень любезны, если бы позволили мне снять эту хламиду. Я отвык, знаете ли, от жизни земной. Душно. Не могу, – Санта Клаус стащил свою шубу и положил на диван.

– А вы знает ли, што девошка не есть совсем грубый ребенок. Просто я не в ее вкус!

– Ха-ха-ха-ха! – Санта на удивление весело и задорно рассмеялся, – Ох, совсем позабыл. Склероз. Я принес девочке чудодейственный эликсир. Если выпить его, то компьютерное электричество не страшно. Тогда маленькая леди сможет противостоять чудовищу и не поддастся гипнотическому внушению. Не знаю, как все это действует. Я не фармацевт...

– Послушайт, вы, какие у вас доказывательства, што вы не хотите отравлять маленький ребенок своими препаратами?!

– Доказательства у меня как раз есть. Вот – ваша молитва фрейлейн. Я ее не читал. Не понимаю по-немецки. Но вы возносили ее ко Всевышнему в абсолютном одиночестве. Подслушать вас никто не мог, ибо читали вы ее про себя, то есть молча. Вы меня понимаете? Вот – ее список. Видите, печать цела. Прочтите и удостоверьтесь, с каких высот я к вам пожаловал».

– Майн Готт, Майн Готт, Майн Готт!!![15], – немка дрожащими пальцами развернула манускрипт и, шевеля губами, прочла молитву.

– Все так есть. Все так есть! Боже милостивый! – немка была растрогана, – Но как же мы смочь убедить Мэдхен?

---

[14] Соединение с сервером.

[15] Мой Бог. (нем.)

– А девочка сама убедится, вот увидите! Так, по крайней мере, в канцелярии уверяли. – Санта был непоколебим, – А вот и она.

Эми действительно вышла из кабинета и, с опаской посмотрев на Санта Клауса, спросила:

– А ты правда – настоящий Санта Клаус?

Не будем раскрывать секрета нашей героини, намекнем только, что у нее был небольшой грех, совсем детский и невинный, вроде того, чтобы назвать пожилую женщину дурой, только посерьезней. И об этом грехе знала только она сама и Бог. Так получилось, что она поверила в искренность Санта Клауса и в его добрые намерения. Вот почему она спросила:

– А ты правда – настоящий Санта Клаус?

– Конечно, девочка. Только я уже давно живу в другом мире.

– В астральном?

– Нет, нет. Совсем, в другом. Я не смогу тебе объяснить. В земном языке нет ни одного слова, которым можно было бы рассказать о мире, где я живу.

– А почему ты не разносишь подарки? Ты продаешь взрослым волшебные ракеты с подарками?

– Да, иногда я продаю ракеты, – улыбнулся Санта, – А ходить по домам самому мне тяжело. Домов много, а я один. Разве успеешь за одну ночь обойти всех детей? Подарки разносят другие люди, они дарят их от моего имени и одеваются в мою одежду. Поэтому ничего страшного, что это не я приношу подарки всем детям. Я, если честно, уже давненько не бывал на земле. Отвык.

– Хорошо! Давай твое снадобье! Я очень боюсь, но я попробую войти в инет снова… Я не знаю, что я должна сделать с этим, как его, Виртным Главтуалом. Ох, я уже стала заговариваться! Может, его просто удалить из памяти или записать поверх него рождественскую песенку?

– Я тоже не знаю, девочка. Но, может быть, он согласится править по справедливости в своей виртуальной реальности и не лезть не в свои дела. А за это благодарное человечество будет питать его электричеством и смазывать маслом, или что там ему нужно для нормального функционирования. Вот ведь какое слово пришлось выучить! Современный-то язык на наш не похож. Я целый год готовился, – Санта Клаус протянул девочке красивую баночку из слоновой кости, отделанную серебром.

Девочка с любопытством приоткрыла баночку, понюхала и спросила:

– А как мне? Всю себя намазывать этой жидкостью, или только руки и лицо достаточно?

– Да нет же, это надо выпить. Не бойся, – мягко сказал Санта.

– Это следует пить? Я переживать за девочка. Могу я попробовать первой? – вступила в разговор фрейлейн Керман.

– Я еще-еще раз прошу у тебя прощения, тетя Грета. Я больше… гадкая злая девчонка… больше никогда не буду тебя не любить!

– Гут. Гут. Я тебя прощаю, тевошка. Тавай же...

Фрейлейн Керман принесла ложку и, капнув туда эликсира, торжественно отправила его в рот...

Уставший от путешествия по земному миру Санта Клаус прикорнул в кресле. Одна сила тяжести чего стоит! В шубе Санты уютно, по-свойски расположился Мурлакатам.

Через некоторое время стало ясно, что напиток действует.

Фрейлейн Грета необыкновенно помолодела и похорошела. Морщинки на лице совершенно исчезли, глаза заблестели, щеки налились свежим румянцем.

«Вот это да!» – подумала про себя Эми, а вслух спросила:

– А лекарство горькое?

– Откута ше я знать, ребенок. Я так мало потреблять, что ничего не чувствовать. Не тумать, чтопы горкий. Лекарство от самого Госпота!

Эми выпила свою порцию снадобья.

Волшебный эликсир почти мгновенно преобразил ее. Красный след на лбу исчез. Волосы стали сильными и пышными, щечки прямо запылали, глаза засияли. Эми преобразилась. Спать больше не хотелось, голова не болела, в животе не сосало. Усталость – как рукой сняло. Хотелось поскорее совершить что-то сумасшедшее и доброе.

Эми совсем храбро побежала к себе – восстанавливать самодельный виртуальный шлем.

Минут через пятнадцать она уже вошла в инет и кликнула «мышкой» на той самой виртуальной программе. Позади нее стояли и сочувственно наблюдали за происходящим проснувшийся Санта, няня, и кот Мурлакатам, успевший запачкать хитрую мордочку в молоке, заботливо предоставленном ему участливой немкой: «Мышь нет. Что ж ему голодный мяукать!»

На этот раз все было немного иначе. Эми сразу ощутила необыкновенную легкость, прилив сил и энергии. Она чувствовала свое тело в реальном мире. На своем стуле, за своим столом. И двигалась вперед так, словно и стул, и стол с лаптопом, и вообще весь их домик движутся вместе с ней, превратившись в рубку космического корабля, виртуального шаттла.

Девочка на этот раз управляла полетом сама, регулируя движение с помощью «мышки».

Вот белые пинг-понговые шарики толпятся и пролетают сквозь нее. Лопаются и осыпают сухим снегом или сахарной пудрой. Вот разноцветные дуги и светящиеся радуги. Вот много-много света, целое море. А вот и планета Главного Виртуала – словно темный каменный куб.

«Ой, как страшно! Надо спеть песенку отважных шашонов или первооткрывателей Дикого Запада или сосчитать до десяти, и я проснусь!»

Эми направила свой корабль к одному из отверстий. Ее пальчики вслепую уверенно пробежались по «клаве», и на фоне картины происходящего, по экрану высветилась надпись: «Вытащите меня отсюда, пожалуйста, когда он меня схватит. Ладно?»

Все трое, наблюдавшие за экраном компа, переглянулись. Мурлакатам деловито поскреб когтями маленьких крокодильчиков, подсоединенных к гнезду для принтера.

Санта и фрейлейн понимающе переглянулись.

«Мы тебя обязательно вытащить», – прошептала растроганная немка, и смахнула с пышных удлинившихся ресниц слезу.

«Что-то мне совершенно расхотелось смотреть на этого Главного Виртуала. Все это – выдумки, фантазии и полная чушь. Вот возьму сейчас и сделаю свой корабль суперкосмическим кораблем для путешествий по виртуальному космосу».

Она легко представила себе огромный сияющий, похожий на летящую птицу со сложенными крыльями, космический корабль и… и оказалась в нем. За спиной, как раньше, она ощущала присутствие друзей: спинку стула, вздохи фрейлейн, сопение Санты и зевки Мурлакатама.

«Мышка» превратилась в штурвал звездолета.

Корабль сделал крутой вираж перед самым отверстием в каменном сыре и произвел залп по планете из всех бортовых пушек. Брызги базальта так и полетели в разные стороны. Поднялось огромное облако огня и пыли, перемешанных с каменной крошкой. Покатились по неровной плоскости оторвавшиеся, отломившиеся глыбы.

«Эге-ге-гей!» – Эми вспомнила игру «Звездные войны» и снова ввела корабль в крутой вираж.

Еще один залп, уже по левому борту. Тот же эффект.

«А-а? Испугался? Молчишь, не отвечаешь?» – девочке стало весело.

Она навела на «виртуальное дно» лазерно-протонную пушку и, прицелившись, выстрелила в одно из отверстий. С третьего или чет-

вертого раза ей удалось попасть. И тут же из всех других отверстий вылетели тысячи космических виртуальных кораблей, точь-в-точь похожих на тот, в котором барражировала Эми. Находящиеся внутри военных зведолетов пилоты-демоны принялись палить из всех пушек куда попало. Заряды энергии, словно бесформенные огненные ядра, прожигали обшивку корабля Эми, попадали в другие корабли и в каменную планету – логово Главного Виртуала. Виртуальных звездолетов было так много, что вскоре все окружающее пространство превратилось в тучу из камней, огня и пыли, обломков и дыма. Настоящий огненно-метеоритный дождь. Девочка старалась вовремя затягивать пробоины в корпусе своего корабля. «Карающий Ветер идет на приступ! У меня еще девять жизней!» – Эми увлеклась сражением и совсем позабыла, что это не игра. «Спасайся, кто может!» – закричала она «громовым» голосом и вдруг услышала долетевший из глубины небытия ответ.

«Ты боишься, маленький уродец! Ты боишься, маложивущее существо! Тебя ничто не спасет! Здесь моя власть! Мой дом! Мыльные пузыри – ни к чему! Этими несуществующими пушками меня не победишь! Я подчиню себе твою волю, и ты станешь моим самым молодым адептом!» – это был тот же мертвый корявый механический голос, который она уже однажды слышала.

«Тебе удалось один раз ускользнуть от меня. Потому что ты вошла в мой мир несанкционированно. Я не был готов. Но теперь я ждал тебя. Иди ко мне, сюда, на самую глубину виртуального мироздания. Здесь ты испытаешь настоящее счастье!» – скрипел Главный Виртуал. А кто же еще это мог быть?

«Испытывай неизведанное с ирисками сам!» – крикнула Эми и превратила свой корабль в крохотную точку, меньше самой маленькой песчинки. Теперь ее виртуальному звездолету не страшны были выстрелы с других кораблей. И все же она чувствовала как и раньше и спинку стула, и присутствие рядом друзей. Это придавало девочке уверенности. Но Главный Виртуал словно не слышал ее слов и не замечал метаморфоз, происшедших с ее кораблем. Он все продолжал занудно зудеть. Его душераздирающий голос раздавался прямо в сознании девочки: «Как мы славно поиграли с тобой! К детям нужен особый подход! Они любят космические игры! Ха-ха-ха!!!»

Вдруг вражеские корабли все одновременно тоже превратились в крохотные точки, туча из камней и пыли мгновенно рассеялась. Теперь другие корабли-точки стали окружать звездолет Эми, они старались втолкнуть его в одно из отверстий каменного куба.

На этот раз вместо тисков была болотная жижа. Девочка почувствовала, как что-то облепляет, обволакивает все ее тело. Трясина была мокрая и противная, мягкая и бездонная, клейкая и страшная…

А в это время няня и Санта Клаус, наблюдавшие за происходящим на экране лаптопа, услышали странный шум внизу.

«Кажется, кто-то разбил окно», – почему-то шепотом сказала фрейлейн. Санта, стараясь ступать неслышно, пошел к двери, чтобы посмотреть, что случилось. За ним тут же направился кот, а следом и няня, прихватив теннисную ракетку Эймарин на всякий случай.

Они все втроем осторожно выглянули за дверь и осмотрели помещение внизу. Там стоял незнакомый здоровенный мужчина, настоящий громила. Он смотрел на них и медленно расстегивал кобуру…

Первым опомнился Мурлакатам, он нырнул в проем и прыгнул прямо через перила на голову бандита. Пока тот тщетно пытался отодрать от густой шевелюры отчаянно визжащего кота, Клаус и немка успели спуститься вниз и вступить в бой. Ну, тут уж силы стали неравными. Пистолет так и не был вынут из кобуры. Клаус завернул наемника в свою тяжелую шубу и для надежности связал длинными рукавами. В это время кот продолжал царапать лицо громилы, а фрейлейн колотила громилу теннисной ракеткой.

– Да что это такое здесь происходит! – наконец выплюнув жевательную резинку, заорал супермен, – Я из полиции! Освободите мне руки, и я покажу жетон!

– Если таже вы есть полицай, никто не тават вам правила лезть в частный том и разбиват окна! Гте у вас бумага от прокурор?! – закричала немка.

Громиле удалось все же сбросить с головы кота и теперь, когда руки освободились, он попытался избавиться от шубы. Не тут то было – у него на голове сразу же оказалось перевернутое мусорное ведро. Все трое навалились на супермена и, повалив его на пол, покатили к дверям на улицу. Конечно, гарантии, что наемник не вернется через то же разбитое окно, у них не было…

А Эми в своем виртуальном корабле уже вновь неслась по извивающемуся туннелю. Только на этот раз скорость потихоньку уменьшалась. Эймарин тормозила изо всех сил, и ей это удавалось. Она противилась воле Главного Виртуала. Волшебное лекарство действовало. Да и голова не болела от идиотского дьявольского хохота. И тут девочка совершила тот отчаянно смелый поступок, на который сама не предполагала, что способна.

Она вдруг резко бросила свой корабль в глубь мрачной, засасывающей жижи, с места набрав огромную скорость, и, создав на лету прочный непробиваемый кокон (уверенность в защите чудодейственных мази и таблеток), она ворвалась, словно торпеда, в самый центр гигантского камня и…

Камень взорвался изнутри и рассыпался на мелкие куски.

«Может, этот камень и есть сам Главный Виртуал?» – почти разочарованно подумала девочка, хотя в данном случае она могла подумать и совершенно иначе.

Может быть, Эм в последний момент видела Главного Виртуала, так сказать, в лицо? Может быть. Этого мы не знаем.

По экрану компа давно шли полосы помех, а когда корабль Эми ринулся вниз, то дисплей и вовсе погас, как будто лаптоп отключили от питания.

– Кажется, я уничтожила этого вашего Главного Нахала! – захлопала в ладоши и весело закричала Эми, – И у меня еще осталось восемь жизней! Ой! А где вы?

Девочка сидела за своим письменным столом. Провода снова были отсоединены. На экране монитора был обыкновенный «офис», в комнате – никого. Она стащила с головы шарик с прищепками, спрятала комп и только после этого выглянула за дверь. Санта Клаус, фрейлейн и кот сидели на коврике у входной двери и тяжело дышали.

– Что произошло? – удивленно спросила девочка, сбегая вниз по лестнице.

Санта Клаус, кряхтя, встал и помог подняться немке. Из всех троих только Мурлакатам имел победоносный вид.

– О-о-о-х! Мы забывать про окно! – вдруг воскликнула немка, и вся команда, мешая друг другу, бросилась в разные стороны на поиски разбитого окна.

Эми тоже подбежала к окну, которое находилось прямо здесь, в холле, и заметила отъезжающую полицейскую машину:

– Кто вызывал полицию? Что здесь произошло?

Наконец все собрались в холле. Взрослые сбивчиво рассказали девочке о вторжении к ним фиктивного полисмена, а девочка похвасталась, что «взорвала на куски этого Главного Нахала!» Разбитого окна, к счастью, не оказалось. Очевидно, незнакомец успел вставить новое стекло, пока они крались к дверям, чтобы посмотреть, что случилось.

В общем, посмотрев на часы, все завздыхали и зашевелились. Санта засобирался:

– Пора. Пора. А подарок в этот раз у тебя будет самый лучший, вот увидишь. Уж я позабочусь, чтобы папе продали самую чудесную Рождественскую ракету».

– И как они там, в ракете, умещаются, эти подарки? Я давно хотела узнать... Прости, – спросила девочка.

– А это, извини, мой маленький секрет. До свидания! – улыбнулся Санта, и, подобрав с пола рукавицы, вышел на улицу. Его шуба висела на калитке, и он этому даже обрадовался, так как на улице было морозно.

Фрейлейн проследила, чтобы девочка почистила зубы и выключила свет.

Когда Эми легла, стало совсем тихо. Только свист ветра слышался за окнами.

Падал и кружился крупный, пушистый снежок. Синий свет заливал комнату через окно. Было тепло и уютно. Комп в заветном уголке. Перчатки, шарик, провода и остатки приемника в мусорном ведре (няне пришлось повозиться, чтобы собрать мусор с пола, просыпавшийся во время борьбы, но Эми ей помогла). Никаких следов происшедшего не осталось.

Все уснули. Мурлакатам – и тот не поднимал больше головы с вытянутых лап и не прислушивался к ночным шорохам. Он лежал на любимом месте и сладко спал...

Эми проснулась от громкого разговора в холле, такого громкого, что услышала его из своей комнаты. Узнав мамин голос, девочка подпрыгнула на кровати и босиком, в одной пижамке бросилась к лестнице.

– Какой косметикой вы стали пользоваться, фрейлейн Грета? – спрашивала в этот момент мама, – Вы так хорошо выглядите, будто помолодели лет на десять.

– Данке шён[16], но Ихь не знать наименования этот волшебный анальгин, – с достоинством отвечала немка, – Ваш гороскоп на следующий год есть в готовности. У всех членов ваша семья все есть прекрасно! Зэр гут![17]

– Ну и замечательно. Сегодня вы свободны. Большое вам спасибо. Празднуйте, отдыхайте. Вот наш Рождественский подарок для вас...

– Мама, доброе утро! А можно, фрейлейн Керман останется на Рождество у нас? Она ведь такая одинокая!... – закричала сверху, перевесившись через перила, Эми...

---

[16] Спасибо. (нем.)

[17] Очень хорошо. (нем.)

Виктория БОРЩЕВСКАЯ

Старое счастье

Сказка

Возможно, это произошло очень давно… А, может быть, совсем недавно… Жила на свете одна девочка. И было у нее Счастье. Мягкое, теплое и нежное.

И ничего удивительного в этом никто не находил, потому что в городе, где жила та девочка, у всех, как правило, находилось свое счастье. У каждого – разное. Маленькое или огромное, горькое или сахарно-медовое, противное или очаровательное, незаметное или кричащее. Были в городе, как и везде, горе да слезы, но и счастье – хоть паршивенькое и минутное – делило городские квартиры с их обитателями.

И так повелось, что под Новый год горожане каждый раз избавлялись от своего старого счастья и старались обзавестись новым. Если кому-то везло, то можно было набрать много нового счастья или заманить к себе одно большое. Конечно, был и риск остаться ни с чем. Поэтому лучшим пожеланием на Новый год стало: «С Новым счастьем!»

А старое – ненужное, как правило, погибало. Существовать само по себе оно не могло.

Но наша девочка так привязалась к своему Счастью, что не могла представить свою жизнь без него. Росла она довольно своевольной и избалованной, как все крайне счастливые дети. И вот, когда часы возвестили о наступлении Нового года, и все наполнили свои бокалы, и по обыкновению стали желать друг другу нового счастья, девочка заявила: «А мне не нужно новое! Я хочу остаться со старым Счастьем!»

Ее Счастье тем временем уныло упаковывало свои чемоданчики. И, надо заметить, совсем не стремилось умирать, надеясь, что его приютят добрые люди. При словах девочки оно едва сдержалось, чтобы не подпрыгнуть от счастья. И, все же, недоверчиво посмотрело на свою хозяйку, не шутит ли она. Но девочка и не думала шутить. Она подошла к двери и закрыла ее на все замки, цепочки и задвижки. И форточку прикрыла, чтобы Счастье не вздумало улететь.

– Но так не делают… – попробовало возразить Счастье.

– Глупости! – ответила девочка. – Кто придумал, что ты – старое? Тебе всего какой-то год. Отличное молодое счастье!

И, немного помолчав, добавила:

– И мама мне разрешит тебя оставить.

Мама, конечно, разрешила. Какая мать не хочет, чтобы у ее ребенка было счастье. А старое, проверенное, может и лучше...

Так и осталось прежнее Счастье у девочки.

Год шел за годом. Девочка давно выросла и стала прекрасной девушкой. Она что-то теряла и что-то вновь обретала. И Счастье всегда находилось рядом, помогая в беде и даря радость. Его плюшевые бочка поистерлись и потускнели, и хозяйке приходилось время от времени штопать его одежду. Да, стоило ли обращать на это внимание?! Наверно, за все эти годы в городе ни у кого не было более верного Счастья.

Но однажды, примерно за неделю до очередного Нового года, девушка сказала ему:

– Знаешь, так не может продолжаться вечно… Ты очень милое и доброе… Но скоро наступит Новый год… Новый век… Даже больше – новое тысячелетие… А рядом с тобой я отстаю от жизни… Мне нужно встретить новое Счастье.

И верно, одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, как она жаждет нового, неизведанного счастья. «Пожалуйста, не мешай мне!» – сказали ее глаза.

– Ну, ты ведь не сердишься на меня? Ты все понимаешь! – добавила она чуть виновато, с очаровательной улыбкой, а затем взяла неуклюжее Счастье, крепко поцеловала и… забросила на полку, между книг и шкатулок, где лежал слой выцветшей пыли и пахло старой бумагой.

Счастье не стало ждать, когда наступит Новый год и хозяйка принесет в дом юное, пахнущее свежей хвоей, новорожденное счастьице. Когда девушка уснула, оно бесшумно спрыгнуло с полки, нежно погладило по волосам спящую и тихо ушло. Ускользнуло за окно и упало в колючий сугроб.

В сугробе было крайне неуютно и неприятно. Счастье выбралось оттуда и побрело по улицам зимнего города, где сновали взад-вперед занятые предпраздничной суетой прохожие. У бедняги оставалось несколько коротких дней, чтобы обрести нового владельца или умереть в одиночестве.

Несчастное и одинокое, оно скиталось по коридорам улиц, мимо спешащих прохожих, занятых поиском молодого и красивого счастья, новогодних подарков и угощений к праздничному столу, пока совсем не заблудилось и не вышло на окраину города. Мороз стал сильнее, и ветер крепчал, злорадно смеясь и толкая в спину. Пошел снег, началась метель. Счастье спряталось в каком-то заброшенном доме с выбитыми стеклами и почти развалившейся крышей, но это убежище не спасало от холода, и порывы ветра врывались в черные проемы окон, и засыпали Счастье снегом.

Счастье совсем замерзло. Его клонило в сон.

К городу приближался Новый год, и люди ловили какие-то искорки в морозно-снежном воздухе. И повзрослевшая и цветущая бывшая девочка смеялась где-то в кругу своих друзей и знакомых. Но Счастью было все равно. Залетевший в пустой дом снег надежно укрыл его своим одеялом. И Счастью стало так тепло и легко, что оно забыло обо всем на свете.

В это самое время на окраине, где стоял заброшенный дом, появился какой-то странный теплый свет. Свет, который не могли заглушить ни обнаглевший ветер, ни лютый мороз… Честно говоря, я не знаю, кем было то прекрасное, излучающее свет существо, но дети, увидевшие его, сразу сказали бы, что это – настоящая фея!

Фея шла вдоль городской окраины, и от ее легких шагов, казалось, вот-вот растают снега, а на пустырях и на асфальте, по которым она ступала, зацветут самые настоящие первоцветы.

Впрочем, людям злым, завистливым и корыстным она представала темной сущностью, мрачной одинокой тенью.

«Ведьма!» – говорили они, провожая ее недобрым взглядом.

Фея (будем так ее называть) словно знала, что в старом доме погибает забытое всеми Счастье. Она вошла туда, развеяла легкими движениями ладоней снег, нашла Счастье, согрела его, как могла, дыханием, завернула в сияющий мех своей шубки и принесла домой.

В теплой чистой квартире у Феи жило много разных существ, а в корзине сидели совсем новенькие счастья, ожидая, когда их подарят детям. Все они очень удивились, когда Фея внесла в дом старое Счастье. А маленькие, невоспитанные счастья даже запрыгали в корзинке и закричали:

– Дохлое! Оно – дохлое! Брось его! Лучше поиграй с нами!

Но Фея не обратила на них никакого внимания. Она положила старое Счастье на перинку и, склонившись над ним, вдохнула частичку своего света – своей энергии. Счастье задышало и пошевелилось. Затем Фея растерла его кожу ароматными настоями и укутала его в мягкое одеяло. А когда Счастье окончательно пришло в себя, вымыла его мылом «LUX», напоила чаем с медом и душистыми травами и угостила праздничным тортом, после чего Счастье блаженно заснуло.

То ли от трав и настоев, то ли от энергии, которой наделила его Фея, но со Счастьем стали происходить странные превращения. Пока оно спало, все морщинки на нем разгладились, пропала седина, исчезли мягкий игрушечный плюш и угловатая неуклюжесть. Счастье стало стройным и изящным. Кожа его засветилась золотистым светом, а волосы стали шелковистыми.

Теперь ни одна живая душа не узнала бы в нем старое Счастье.

Счастье осталось в квартире Феи. Оно отпраздновало Новый год вместе со всеми, но, казалось, никого не радовало, потому что глаза у Счастья стали грустные-грустные и часто Счастье молчаливо сидело на подоконнике.

– Какое-то ты горькое, Счастье, – сказала ему однажды Фея.

– Горькое! Горькое! – злорадствовали подрастающие счастья в корзине.

Праздники и карнавалы уже подходили к концу. Счастье смотрело в окно, за котором кружились в танце крупные хлопья снега.

– Я не горькое. Я просто – грустное, – сказало оно, обращаясь к Фее. – Но я очень благодарно тебе. Хочешь, я буду твоим Счастьем?

Фея засмеялась:

– У меня уже есть Счастье. Его так много, что я дарю его другим.

– И люди, наверное, благодарят тебя за это?

– Нет. Только дети.

– А я… ты меня никому не подаришь?

– Нет.

– Значит…

– Значит, я попробую тебе помочь. Видишь, по улице идет девочка. Она очень похожа на твою прежнюю хозяйку, когда та была еще маленькой. У нее доброе сердце. И я чувствую, что у нее совсем нет счастья. Попробуй подойти к ней.

– Но я – старое и грустное. Вряд ли ей нужно такое счастье.

– Посмотрим… – загадочно улыбнулась Фея.

И Счастье почувствовало, что с ним происходит что-то еще более странное, чем прежде. У него стали отрастать крылья, быстро-быстро, почти мгновенно… Два ослепительно-белых крыла. Они единым взмахом подняли Счастье вверх и перенесли его через все стены и преграды. Счастье плавно опустилось на землю перед девочкой.

Та некоторое время молча рассматривала его, а затем восхищенно воскликнула:

– Какое красивое! Кто ты?

– Я – Счастье.

– Правда? Так, значит, это тебя все вокруг ищут? Это о тебе все мечтают? И это тебя все желают друг другу под Новый год?

– Не совсем. Желают нового Счастья. А я старое и грустное.

– Ты пришло ко мне?

– Да. Но ты сама решай, останусь я у тебя или нет.

– Конечно, конечно, оставайся! Я тоже грустная. И поэтому нам будет немного радостнее грустить вместе. Правда? Ты говоришь, что ты – старое. Но у меня никогда не было настоящего живого Счастья, ни нового, ни старого. Для меня ты – новое. А для других… неважно.

И они пошли по улицам вместе. И вскоре грусть совсем отступила. Они смеялись, говорили без умолку, и к концу дня каждому из них казалось, что они знакомы тысячи лет.

– Знаешь, – сказала тогда девочка своему Счастью, – я не могу тебе обещать, что я не захочу когда-нибудь нового счастья. Но сейчас ты мне так нужно, и я никому тебя не отдам.

И Счастье, похоже, было вполне счастливо, если только оно не научилось лукавить.

Нина ЕГОРОВА

Когда желание сбывается

1.

Вы знаете, я люблю загадывать желания. Нет, слово – «люблю» здесь неуместно. Я просто жить без этого не могу. Вообще-то я оптимистка, но меня почему-то преследует хроническое невезение. Вот я и спасаю свою бедную исстрадавшуюся душу от болезни, а разум – от помрачения.

Едешь, например, утром на работу и думаешь – Если сейчас подойдет мой любимый 15-й автобус, значит, весь день пройдет хорошо и весь день мне будет везти и… и… и, вы знаете, сбывается.

Как говорит один мой знакомый: «Главное направить свою интуицию в нужную сторону, найти устоявшиеся абсолютные связи между объектами и событиями. Скажем, небывалое изобилие накопанных для рыбалки червей влечет за собой полное отсутствие клева».

Ну и ха-ха-ха! Тоже мне философ. Не люблю его. Он всегда все объясняет. Похоже на то, что скоро в мире не останется ни одной тайны. Скука беспросветная.

2.

Когда у меня дома звонит телефон, лучше всего находиться где-то поблизости. Самое безопасное – уже держать трубку в руке, слегка подхватив двумя пальчиками.

Если это удается, я всегда загадываю, что это звонит ОН, загадывала…

Тем более, что последнее время мне это не удается. Просто когда с нетерпением чего-нибудь ждешь-ждешь, и «жданки» по второму разу пережевываешь… И тут… вдруг – «Р-р-р-р-р!!!» Несешься, как дура, всё по пути круша и ломая. Однажды чайник с кипятком на кактус опрокинула, он, как назло, только-только цвести начал (кактус, конечно), так жалко было. В другой раз стекло в книжном шкафу шлепанцем высадила. Не могла босиком добежать! Подумаешь, два часа ночи! Да и этот шкаф дурацкий: не на месте стоит. Хотела побыстрее тапочки надеть, вот один с ноги и сорвало.

Впрочем, сегодня мне необыкновенно повезло. Я, извините, была в туалете. А это – рядом. Подробности опускаю. Любители «клубнички» сами дофантазируют. В общем, это самое – настырно ревущее и пронзительно резкое – Р-р-р-р!!! Выскакиваю. Хватаю трубку.

Какие-то скрипы, шорохи, бульканья. ОН?!

Далекий голос Шурочки Мигуновой: «Гала! Привет!» – Не ОН!!!

Даже хотела трубку бросить.

– Ты меня слышишь?!

Про себя отвечаю: слышу-слышу. И продолжаю за нее: А чего молчишь? И дальше: Хочу и молчу… А дальше можно не продолжать…

– Слышу, – говорю, – тебя. Привет!

– Это Шурик. Узнала?

А я кто, по-твоему, Кавказская пленница? – это я опять про себя. Злюсь, просто сил нет.

– Да. Узнала, – это уже вслух.

– Как дела?

Так и захотелось ляпнуть – Ничего, какаем! Но снова сдерживаюсь, молчу.

– Что-то у тебя голос странный, как будто с сигаретой в зубах разговариваешь. Ты же, вроде, не курила. А впрочем, это твое дело. Если хочешь курить, кури. У меня тоже вредные привычки появились. Я теперь у Сережки каждый вечер карманы обшариваю. Прямо клептомания какая-то! А вдруг у него любовница?! Представляешь? Хорошо, что он не догадывается! Его сейчас дома нет. Он… за елкой пошел… – в конце монолога Шурочка перешла на заговорщицкий шепот.

– А почему шепотом пошел? – спрашиваю.

– Да… Это… Ммм… Ну… Новый год же завтра!

Тут я свои штаны и отпустила. Надо было сразу застегивать.

– Как?! Завтра?!

– Да, так. Сегодня – тридцатое, завтра – тридцать первое. Послезавтра…

– Да знаю я. Последовательность целых натуральных чисел.

– Так я потому тебе и звоню. У нас тут небольшая компания намечается. Будут только самые близкие. Сергуне премию выдали к Новому году туалетной бумагой. Вот мы ее одному местному кооператору…

Да. Именно туалетной бумаги мне сейчас и не хватает.

– …так что подарками все обеспечены. Если денег нет, не волнуйся. Все куплено. Приезжай. У нас теперь две комнаты Туалет в доме. Отопление…

Дался тебе этот туалет!

– Погоди, Шурик, не тараторь. Ты по межгороду звонишь?

– Да. А что?

– Ничего. Я уже решилась. Адрес мне скажи. И – как доехать. Только погромче, если можно. И побыстрее. А то у меня тут уже стучат. Очередь у автомата!

– Как всегда, шутишь. Ладно, записывай…

А чем записывать?! Прижала трубку плечом и стала в сумочке рыться, она тут же, рядом, на вешалке висит, затем в карманах пуховичка. Лихорадочно так копошусь, а сама запоминать стараюсь, так как Шурка, зараза, знай себе наяривает, диктует. Эх, штаны мешают. Я бы до кухонного стола добежала. Там карандаш валяется, кажется, заточенный.

О-о-о! Нашла! Помада. Совсем свежая!

– Повтори, пожалуйста!

– Автобус 789. Это же легко запомнить. Последовательность…

– Да нет. Сначала все повтори.

– А-а…

Пока она диктовала, как обычно, с многословными отступлениями типа – если подойдет автобус красного цвета, то выходить через три остановки, а если – обычный, то через шесть, я все послушно наносила помадой на уцелевшее стекло того самого шкафа. Правда, место приходилось экономить и слова сокращать.

Ес. ав. кр. то 3 ос. Ес. ав. об. то 6 ос. Прямо – записки пчеловода-любителя.

До Шурика буду добираться часа четыре. Сначала два часа электричкой. Потом автобусом. Потом… Потом пешком или вот этим самым кр. ав. или ав. об.

Исписав стекло и дописав последние номера этажа – 1 и квартиры

– 1 на стене шкафа, я наконец уверила ее, что обязательно завтра буду. Мы «расцеловались», и трубка благополучно опустилась на место.

А что? Поеду. ОН все равно не позвонит. Вот загадаю, что, если поеду, все будет хорошо, и поеду. Вот. Загадываю. – Если поеду, то все будет хорошо. Не то чтобы он вернется… Нет, просто – хорошо и все…

3.

С Шурой Мигуновой мы вместе учились в институте. Все звали ее Шуриком, за белые волосы и очки, хотя сходства с актером Демьяненко у нее не было и в помине. Из фамилии прозвища как-то не получалось. Может быть потому, что она ее часто меняла, как, кстати, и место жительства. О! Забыла спросить ее новую фамилию. И телефон не записала. Телефон-то не взяла сознательно. Ехать, так ехать!

Как говаривал наш веселый математик Исаак Антонович – «Рухать, так рухать!»

4.

Чуть не опоздала на электричку. Все решала проблему – что брать с собой? Тоже мне – проблема, когда в доме шаром покати. Только огромные трехлитровые банки с вареньем. В прошлом году мама умерла, а они до сих пор стоят. Наверное, уже плесенью покрылись.

Невольно стала думать о маме. Почему-то за своими будничными заботами и сердечными проблемами как-то само собой забылось все, потерялось, переживание утратило остроту. Мама. Мамочка. Мамуленька. Как мне трудно без тебя! Как мне тебя не хватает! А мне уже 29, почти 30. А я все так же одинока. Такая же недотепа и неудачница. Такая же истеричка и дура. Дура. Дура. Дура. Дура…

Перед самым выходом, я критически оглядела себя в зеркале и, как водится, осталась недовольна. Ножки – две спички, ни икр, ни ляжек. Между ними прямоугольный просвет. Ужас! Ходули! Грудь только на ощупь, в полдень, с фонарем искать. Руки вообще, как спицы вязальные. Рожа глупая. Волосы растрепаны. Глаза, как у китаянки в финале пьянки. Гадость. Да еще усики эти мерзкие. Когда стану старухой, придется бриться. Фу! Такая вот уродливая ведьма!

Уже вырвавшись на улицу, всю дорогу до самой остановки пыталась вспомнить – выключила ли утюг. Приду домой, а дома нет, как гном из мультфильма. Даже загадала. Если придет «мой любимый», ну, вы знаете, какой, то утюг я все-таки выключила.

Автобус, конечно, пришел. Только пришлось пропустить два троллейбуса и десяток разнокалиберных экспрессов и маршруток на любой вкус.

Кое-как втиснувшись с объемистой дорожной сумкой в свой любимый, я мысленно перекрестилась, и автобус отчалил от тротуара, зажав в дверях солидный кусок моего светлого пуховика. Выдернуться я даже не пыталась, опасаясь за лежащую в сумке банку с каким-то засахаренным джемом неопределенного буроватого цвета. Там еще лежал Браунинг, не пистолет, а томик стихов, зеленый такой, зубная щетка, моя сумочка, зонтик, два билета в цирк на открытие прошлогоднего сезона (я так туда и не попала) и куча теплых вещей. Да, еще там были скромные подарки Шурику и Сергунчику (или как его там зовут?). На всякий пожарный я обзавелась запасными презентами: коробкой из-под импортного табака, лотерейными билетами, шоколадкой и выцветшей первомайской открыткой. Если их оформить соответствующим образом, получатся оригинальные новогодние сувениры.

Взгромоздившись по лестнице на платформу, я сразу же громко спросила: «Скажите, пожалуйста, куда идет эта электричка?»

Электричка, разумеется, уже стояла, и бежать к началу поезда времени совершенно не оставалось.

Одна сердобольная бабулька назвала тот самый конечный пункт, который, собственно говоря, и являлся целью моего скоропалительного путешествия. И я метнулась в «осторожно» закрывающиеся двери, успев все же снова впихнуть впереди себя несчастную сумку.

В вагоне народу было не много. На дальние поездки перед самым Новым годом отваживается не всякий.

Первые полчаса я просто пыталась отдышаться. Тем более, что электричка, как всегда, будто специально для того, чтобы позлить торопящихся к праздничным столам пассажиров, тащилась, останавливаясь у каждого столба.

Когда же границу города мы, наконец, пересекли, я решила почитать и таким образом скоротать время. И тут же обнаружила в сумке злополучный утюг. Если бы ОН меня видел! Я покраснела, как рак. Сама не знаю отчего. Пришлось отвернуться и поглазеть на проезжаемый пейзаж. Все голубовато-серенькое, заснеженное, тускнеющее. Какие-то заводы, расползшиеся штабеля ржавеющей арматуры, асбоцементные кольца, в творческом беспорядке разбросанные вдоль железнодорожного полотна. Мохнатые от свежего пушистого снега кустики и деревца, утратившие цвет деревянные домики, и громадные сияющие электрическими огнями многоэтажки, ни с того ни с сего торчащие посередине голого поля.

В сумку я решила больше не заглядывать, чтобы не обнаружить там еще сюрпризов в виде печатной машинки, пылесоса или холодильника. Ощупью нашла книгу и вытащила ее на подслеповатый божий свет. Так я и знала. Это был совсем не Роберт Браунинг и даже не Вальтер Скотт. Кстати, ни того, ни другого я так и не удосужилась прочесть.

Это была та самая книга, которая…

Так. Начинается – сказала я себе.

5.

Года три назад я была еще такой наивной дурочкой. Хотя почему – была? Резонно. В общем, эта дурочка училась на четвертом курсе, безбожно прогуливала лекции ради… Впрочем, не помню уже, ради чего. Всегда находились какие-то уважительные объективные причины. Например, день рождения у коллеги по работе или контролеры оштрафовали. Мало ли что случается. Я училась на вечернем отделении, и тащиться на лекции в 7 часов вечера, особенно зимой, было чрезвычайно тяжко.

Однажды я потеряла свою сумку, забыла в автобусе. Ну, конечно, в 15-ом! Как вы догадались?! В тот день я как раз прогуляла. Ездила на дачу к подруге. Там меня нагрузили кислыми яблоками и зелеными помидорами, уверяя, что в них совсем нет пестицидов и много-много витаминов. В общем, сумок у меня стало целых три. Вот я одну и забыла.

Одиннадцать вечера. Район новостроек. Я живу почти на краю нашего любимого города. Транспорт – в час по чайной ложке. Кольцо – в неведомой дали. Вообще неизвестно где. Я вываливаюсь из переполненного автобуса и чувствую – как будто чего-то не хватает. Ах! Сумка! Бросаюсь назад. Двери закрываются. Автобус отъезжает. Я подпрыгиваю, размахиваю оставшимися двумя пакетами, всячески привлекаю внимание. Автобус спокойно удаляется и исчезает в рыжем шерстяном блеске фонарей, растворяется в водянистой дождливо-осенней перспективе. Соображаю я медленно, все еще хочется верить, что не поздно все вернуть назад. Короче, допрыгиваюсь, доразмахиваюсь до того, что ручка у целлофанового пакета нахально обрывается, и такой ценой доставшиеся мне яблоки начинают сыпаться в лужи…

Больше всего мне было жаль методических пособий по английскому, которые непонятно – где достать для своевременной сдачи в институтскую библиотеку, и еще записной книжки со всеми телефонами. В сумке лежала еще одна книжка. Вы опять угадали. Вот именно, эта самая.

6.

ОН нашел меня недели через две и привез сумку со всем содержимым. Так мы и познакомились. ЕМУ пришлось позвонить кому-то из моих друзей или знакомых. И как-то ОН выяснил, что сумка принадлежит мне, узнал телефон и позвонил. Свои собственные координаты я до того случая в записной книжке не указывала.

В тот вечер я мучалась. Раз сто подходила к телефону и собиралась снять трубку. Состояние, как обычно, было угнетенно-веселое. Надо было отправляться вечером на Д.Р. (день рожденья) к «лучшей» и, пожалуй, единственной подруге. Топать к ней совершенно не хотелось. Прямо катастрофически. Лариса девушка неплохая, но зануда. Даже по телефону с ней говорить тяжеловато. Всегда старательно повоет тебе в жилетку, все о своей непризнанной гениальности, об отсутствии миллионов в твердой валюте, о том, что муж опять не мыл посуду, хотя его очередь и т.д. и т.п. Просто хоть зарежься! Клинический случай оголтелого пессимизма.

У меня тоже затрапезная внешность, отсутствие твердой, да и мягкой, валюты и постоянное невезение, но я же не хнычу, не изрекаю банальные истины убитым голосом. О-О-О-Х! У меня опять несчастье, сын получил двойку, и «Мерседесы» снова подорожали…

Мало ли, у кого какие проблемы.

Меня мальчики в школе «Пугалом» дразнили, после знаменитого фильма им в пустые головы такая великая идея пришла. Конечно, я воспринимала это болезненно. Была замкнутая, необщительная, одним словом, тихоня. А как хочется быть шикарной девчонкой, чтобы все придурки на тебя заглядывались. Это при весе-то в сорок килограмм!

Ну и что?!

Не ною. О-О-О-О-Х! Меня мальчики не замечают, козлы! У меня вес сорок килограмм, вместе с кроватью!

Это в институте у меня сформировался защитный комплекс. Система «Бей первым, Фредди!» называется. Я завоевала себе имидж прожженной. Получилось отменно. Эдакая юная разбойница из «Снежной королевы», которая неожиданно, в самый неподходящий для этого, с точки зрения окружающих, момент, начинала стесняться и кукситься. До слез краснею и раздражаюсь.

Нет, никогда, никогда я не буду больше откровенной и искренней – увещеваю себя, а потом история повторяется с теми или другими вариациями.

Так что, испытывая изнуряющую внутреннюю борьбу, я в очередной раз двумя пальцами полуобхватила трубку. И аппарат внезапно ожил. Разодрал мое бедное сознание своим неистовым неукротимым ревом. Так ревут раненые Бронтозавры. От неожиданности, я, наверное, минут пять напряженно слушала это «Р-Р-Р-Р!!!» Потом приложила трубку к покрасневшему от внимательного вслушивания уху и злобно сказала – Р-р-р-р!!!

– Что?! – изумленно спросил на другом конце незнакомый мужской голос.

– Ой, простите! Это младшая сестра балуется! – нашлась я, – Вам кого?

– Мне – Галину.

– Это она, то есть – это я.

– Я хочу... Я просто хочу сумку вам вернуть.

– Какую сумку? – не сразу соображаю я.

– Черная. Женская. С пластмассовыми заклепками в форме сердечек.

– Моя!

– Я понимаю, что ваша. Когда и где вам ее передать?

– Вы что, хотите мне ее вернуть?

– Да.

– А где и когда можно ее забрать?

ОН отчего-то засмеялся, хотя понятно, отчего.

В общем, мы кое-как все же договорились встретиться на остановке у нашего так называемого парка, в котором три дерева, и все пышные.

ОН с первого момента поразил меня своей сногсшибательной внешностью. Я даже не сразу узнала ЕГО по описанию. И ОН меня тоже. Минут пятнадцать – двадцать мы ходили кругами, пока я не обратила внимание, на висящую у НЕГО на плече мою родную потрепанную сумочку, о которой, кстати, сразу же забыла.

Высокий, элегантный, стройный. Изящные очки, модная стрижка, русые мягкие волосы. Молодой управляющий банка, не иначе. Что ОН делал в рабоче-крестьянском 15-ом в 23 часа 00 минут?

– Здравствуйте. Это вы мне звонили? Вы – Олег? – выпалила я на одном дыхании, чтобы не сбиться, можно сказать, с замиранием сердца. ОН тоже, казалось, несколько смутился и неловко протянул мне сумку.

– Я вас представлял себе другой.

– Это я в гриме. Сегодня спектакль. Вхожу в роль.

Механизм самозащиты включился произвольно, автоматически.

Но ОН догадался, что я шучу, и засмеялся. Я благосклонно взяла сумку и стала думать об отблагодарении народного героя. Банальное «Можно я вас за это поцелую?» наполнило мое сердце судорожным трепетом.

– Спасибо вам большое…

– Не стоит благодарностей. Если бы вы еще согласились составить мне компанию для похода в кафе, я был бы полностью вознагражден?

О-о-о!!!

…

Не знаю, в какой момент я безнадежно втюрилась. Обычно после, когда уже прочно находишься в состоянии сладко-восторженной, пронзительно-томной и слегка нервической эйфории, – забываешь, когда же это все началось. И начинает казаться, что все произошло в самый первый момент, как говорится, любовь с первого взгляда.

7.

Я взглянула в затуманившееся окно электрики. Мы проезжали, а, точнее, простаивали мимо какого-то безвестного, двузначного, а может, и трехзначного «километра». Перрон был пуст. А за ним – только глухая темно-синяя масса леса, и ничего: ни огонька, ни домика, ни человечка.

По вагону, задрав хвост бубликом, бегала неопределенного цвета дворняжка и выпрашивала пропитание. Я растроганно вспомнила о шоколадке, и решила, что приобрету по дороге другую. А сейчас пора чего-нибудь отведать, подкрепиться. А заодно подкрепить бедную бездомную собачку. «Как тебя зовут?» – ласково осведомилась я у охотно подсеменившего ко мне животного. Дворняга посмотрела (или посмотрел?) на меня умными глазами. Я протянула бедолаге солидный кусок шоколада, а остальным поскорее набила рот. Хотелось есть. Забыла поужинать или разнервничалась.

«Мы с тобой похожи – шепотом с набитым ртом доверительно обратилась я к радостно вилявшей «бубликом» собаке, – Две – брошенные, голодные и глупые, несмотря на умные глаза!»

Это Киркоров поет: «Глазами умными в глаза мне посмотри!

Ушами глупыми, послушай, что пою.

Ноздрями чуткими, понюхай, чем дыхну…»

Да… Мне нравится эта песня.

…Мы стали встречаться с Олегом.

Я так отчаянно надеялась, что ОН не обратит внимания на книгу, лежащую в найденной сумке. Но ОН обратил. Может поэтому…

Дурацкая книжица из серии «Как стать женщиной?» Переводная литературка с достаточно откровенным описанием деталей и подробностей интима. «Как понравиться мужчине в постели и около нее, на полу? Как доставить себе настоящее удовольствие? Все позы телесной любви». В здоровом сексе – здоровый дух и т.п. До иллюстраций, слава Богу, там дело еще не дошло. Книжка была старенькая, читаная-перечитанная. Все страницы – по отдельности. Не признаюсь, что это я ее зачитала, и не настаивайте.

«А вы не дадите мне почитать вашу книгу?» – как бы между прочим попросил ОН уже в кафе. Я даже не сразу (ну, как всегда!) поняла о чем речь.

А когда врубилась, разумеется, мучительно покраснела и принялась путано объяснять, что книга не моя, что мне ее передали для подруги, и, что лично я такую чушь не читаю. (Как вы могли подумать?! Я же и без того все знаю и умею. Ну, как же – супергерл, сексуально подкованная и неотразимая! Мальчики в радиусе трех метров просто падают!)

А ОН сказал, что, наоборот, ничего в этом не смыслит, и даже такой литературы никогда не читал. Если бы этот разговор состоялся сейчас! Я бы сказала на это: «Тоже мне последний девственник в Америке!» Но тогда это признание прозвучало откровенно и просто. Настолько безыскусно, что я… Ну, в общем, мы договорились о встрече и книгу я ЕМУ, конечно, дала.

А впрочем – и сейчас готова простить ЕМУ эту первую невинную ложь.

Все произошло как-то само собой, незаметно.

Мы стали часто встречаться. Обыкновенно, ОН звонил поздно вечером, а на следующий день я прогуливала. Но сессию все же не завалила.

Целоваться мы начали, наверное, уже на третьем свидании. Сердце проваливалось куда-то глубоко-глубоко, когда ЕГО сильные руки обхватывали мои плечи, и ОН наклонял ко мне голову. Как будто летишь на высоких качелях вниз, и понимаешь, что держишься крепко, и опасности нет, но все равно, чуточку страшно и весело одновременно.

ОН стал приходить к нам в гости. Конечно, понравился маме. Конечно, спросил, куда я прячу младшую сестру. Не хватило духу признаться. Ответила, что это дочка подруги, была с мамой у меня в гостях.

Мы слушали музыку, пили чай с вареньем, и я показывала ЕМУ семейные альбомы. Иногда репертуар менялся. Мы смотрели фотографии, и я угощала ЕГО чашечкой кофе.

ОН остался ночевать, когда мама была в командировке. Ничего оригинального.

Мы танцевали, пили легкое десертное вино.

Было необыкновенно хорошо.

Середина января. Сессия – позади. За окнами тонкий свист ветра и добродушный шум ночных автомашин. Мы под тихую медленную мелодию бродим босиком по ковру, вцепившись, вжавшись друг в друга, вживившись… ЕГО руки уверенны и ласковы, нежны и упрямы. Не удивительно, что я растаяла…

Мне даже нравилось, что мы не говорили о любви. Мне казалось это признаком настоящего чувства.

От каждого его прикосновения к груди или бедрам по телу пробегал сладкий озноб. А от поцелуев я чуть ли не вздрагивала, и сердце колотилось.

ОН подхватил меня на руки и закружил, прижав к груди.

Я испугалась, что сейчас ОН меня выпустит, и я обязательно что-нибудь разнесу вдребезги. Только бы не телевизор. Надо же: какие мысли лезут в голову в такой ответственный момент!

Мы почти что разнесли вдребезги, но не телевизор, а кровать, на которую свалились, зайдя на очередной «вираж» танца. Или это был его ловкий маневр, или счастливая случайность я так и не узнала.

ОН осторожно и даже как-то тактично освободил меня от «доспехов». Я блаженно улыбалась, счастливая, что в темноте не видно моей дурацкой ухмылки.

Постель мы разобрали только потом, уже после…

Моя юбка, кофточка, колготки и все остальное так и пролежали живописной кучкой рядом с кроватью до самого утра, смешавшись с ЕГО одеждой.

Дальнейшее происходило как бы само собой.

У меня сладко закружилась голова, у него, видимо, тоже. И я решилась: рухать, так рухать!

Впоследствии я пыталась воссоздать в памяти минуты сумасшедшего наслаждения, но мне не удавалось. Каждый раз та ночь приобретала в памяти разные формы: то ботанические, то энтомологические, то гастрономические, когда я представляла себя большим кремовым тортом, который, сколько ни поедай, не убывает.

Мой гурман, наверное, любил сладкое, так как с неописуемым удо-

вольствием слизывал крем то с одного бока, то с другого, не торопясь проглатывать. Куда торопиться, если он именинник и этот лакомый деликатес не собирался ни с кем делить. Он покусывал марципановые ягодки, наслаждаясь соком, но не мякотью. Он погружал ласковые руки в теплый бисквит, стараясь захватить как можно больше. Божественный десерт растворялся в нем бесследно, и пиршеству не было ни конца, ни края…

Говорят, что у женщин чувства сильнее, острее, чем у мужчин. Мне просто не хватает слов, чтобы описать то невероятное наслаждение, которое я испытывала, когда мы с ним стали одним существом, одной сущностью, одной душой, даже одной жизнью. Все сладостное и пронзительное перехлестывало через край и било фонтаном…

8.

Опять покраснела. Что за невозможная привычка! Все на лице написано. Ну что за наказание!

В окно уже совсем смотреть не на что.

Когда же наконец прибудем?!

Уже и к «удобствам» пора. Часа три стоим-ползем мимо чего-то.

Хоть бы транспортная торговля прошлась для разнообразия. Предложили бы подгузники что ли, тем, кому невтерпеж? Мне, в частности. Без шуток, я бы сейчас что-нибудь приобрела. Например, руководство по самообороне без оружия. А то что-то совсем темно становится. Северные зимние ночки только-только начали укорачиваться. Еще не вошли в азарт.

9.

Электричка прибыла в пункт назначения с опозданием почти на час. Обычное дело. Машинист что-то подходящее прохрипел по радио и двери со скрипом разъехались. Я выбралась на перрон под звук голоса радостной девушки, очевидно, уже начавшей праздновать Новый год. Слегка запинаясь, девушка объявила, что электропоезд из Санкт-Петербурга прибыл к первой платформе.

«Удобства», простите мне эту натуралистичную подробность, я обнаружила легко. Рекомендую: не дешево, но шикарно. Главное – сервис. Полная, дородная дамочка в железнодорожной форме, одна на «М» и «Ж», получив денежку, выдает ключ, и вы оказываетесь в полном и уютном одиночестве. Красота, чистота и никто не мешает.

Хотя бы в этом повезло. Правда руки помыть так и не удалось, не нашлось инструкции по эксплуатации импортных кранов.

И я отправилась на поиски автостанции, которую вскоре и обнаружила в ближайшем отдалении.

Вид ее меня неприятно удивил. Забитый неровными старыми досками покосившийся домишко выглядел убого рядом с сияющим огнями только что отремонтированным зданием железнодорожного вокзала.

Мне показалось, что я сейчас начну говорить убитым голосом. Зря я сюда приперлась. Зря. Зря. Зря. Хорошо еще – ни разу никто не пристал. Должно быть, не внушаю доверия…

На то, что я нахожусь именно на автостанции, указывал гордо торчащий у края тротуара столбик, на котором обычно болтаются таблички с номерами маршрутов и большой буковкой «А». Сейчас от таблички осталась только верхняя планка, как раз она-то и указывала на забитый наглухо домик. Кстати, из-под досок предательски просвечивало старое выцветшее расписание.

Пока я изучала обстановку, ко мне присоединилось еще несколько сумасшедших. Они немедленно включились в «игру»; стали толпиться вокруг, пританцовывая и приплясывая, вздыхать и охать, разглядывая запущенные «достопримечательные» объекты.

Собственно, и я проделывала то же самое, только еще дышала на пальцы, попеременно вынимая то одну, то другую руку из перчаток. Тут-то мне и посчастливилось в первый раз за это путешествие насмешить окружающих. Ничего особенного, просто я уронила одну из перчаток. Не успела я наклониться, чтобы ее поднять, откуда ни возьмись, подскочила та самая собачка из электрички и, цапнув мою перчатку, заскакала и запрыгала вокруг меня. У меня создалось впечатление, что дворняга хотела подать мне оброненную вещь, тем самым, отблагодарив за угощение в поезде. Но животное так быстро подскакивало на задних лапах, передними опираясь на мой уже не совсем белый пуховичок, что мне никак не удавалось схватить несчастную перчатку.

«Отдай, пожалуйста, перчаточку, добрая собачка!» – ласково залебезила я. И, когда мне все же минуты через три удалось выхватить ее из зубов собаки, я подумала, что народ сейчас зааплодирует. Но и на этот раз обошлось все теми же вздохами и ахами.

Вообще-то, было не слишком холодно, но, топчась на одном месте, в долгом ожидании чего бы то ни было, неминуемо начинаешь катастрофически мерзнуть, чувствовать дискомфорт.

Шурик разрекламировала, что автобусы ходят довольно часто, примерно через час. Из-за опоздания электрички, я, очевидно, свой рейс пропустила. Основательно вымытое дождями и выжженное солнцем расписание прочесть не представлялось возможным. Касса, судя по всему, отсутствовала с начала Перестройки. Спросить товарищей по несчастью, кучкующихся вокруг столбика с планкой, я, как обычно, жутко стеснялась. Мне всегда почему-то кажется, что на меня посмотрят, как на дуру. Даже если я действительно такая, это не дает никому права считать себя умнее. Короче, спрашивать было неловко. Приперлась, «незнамо куда», как говорила моя бабушка, да еще в такое «неподходявое» время.

Я подсчитала, что мне еще не менее получаса пританцовывать и притаптывать снежок, падающий большими сияющими свежестью хлопьями, напоминающими клочки от простыней тети Аси, побывавших в «Индезите»…

10.

Народу постепенно прибавлялось. В синевато-фиолетовом, подсвеченном снизу желтыми и белыми огнями вокзала, небе время от времени пролетали, оставляя дымящийся след, ракеты и взрывались, разбрызгивая шипящие разноцветные искры.

Наконец, подкатил мой 987-ой, и я вместе со всей «группой туристов» устремилась в его теплое урчащее нутро, через узкую и низкую переднюю дверцу. Автобусик был допотопный, зато внутри – жара. Кажется, эти машины назывались «ЛИАЗами». Жаль, что этот вымирающий вид не внесен в «Красную книгу» и не охраняется государством.

Вручив водителю заранее приготовленные деньги, я поскорее ринулась на свободное место у окна, стараясь не задевать своей неуклюжей сумкой уже успевших занять места более оперативных пассажиров.

Народу оказалось не слишком много, но все же почти все места в салоне были заняты. Популярный маршрут. Автобусик пожужжал, пофырчал, поскрежетал и, выпустив облако чего-то тускло-серого, двинулся. Читать я, естественно, уже не собиралась, да и темновато было.

Однако скучать не пришлось, спутники сразу начали развлекать друг друга.

У сидящей позади меня фифы вызывающе, неприятно запиликал сотовый. Она грациозно извлекла из тоненькой дамской сумочки телефон и пижонски оттопыренным, словно для просушки ногтей, пальчиком ткнула в какую-то кнопку. Трубка пробурчала и пробулькала нечто невразумительное.

– Да, я уже выехала.

Опять – клокочущее хриплое бульканье. Оно мне что-то напоминает.

– Здесь. Около высокого серого дома.

– Хр-буль-буль-бр?

– Не знаю, не считала. Сейчас…

Красотка вылупилась в окно, за которым перед этим промелькнула серая четырехэтажная новостройка.

– Ой! Не успела, мы проехали!

«Она что – этажи собиралась считать, что ли?» – мелькнула у меня злорадная мысль.

– Бу-бу-бу-бр-буль-бу!!!

– А! Вот точно такой же дом!

– Бу-бу-бу-бр-буль!!!

– Так я же и говорю, выехали только что. Мы еще не выехали из города.

– Бу-бу-бу!!!

– Да, мы выехали с автостанции, с этого, с вокзала. Ну, ты меня запутал! Мы еще пять минут едем…

– Буль-буль-буль!

– То считай, то не считай! Мы попали в «бутылку». Ой, нет, в эту, как ее? – в «пробку». У переезда стоим. Пусик, позвони начальнику вокзала, чтобы нас пропустили. Я прямо терпеть уже не могу, так тебя хочу!

– Буль-буль-буль-буль-буль!

«Гуль-гуль-гуль! Фифа румяная! Вагон помады и цистерна туши на макияж пошло!» – вздохнула я про себя. Да, завидно! А что?!

– Буль-буль-буль!

– Хи-хи-хи-хи-хи! Хи-хи-хи-хи-хи! Я тоже тебя целую-целую-целую, Пусичек!

«Тьфу!»

Я стала читать про себя стихи, чтобы не слышать это хихиканье и блеянье, хотя сама, когда разговаривала с НИМ, наверняка, выглядела такой же «овцой»…

11.

За окнами автобуса уже был сплошной лес: белый, мохнатый, серьезный. Машину покачивало и потряхивало. Мотор громко и уверенно урчал. Соседка перестала болтать по сотовому и, должно быть, благополучно отошла ко сну. Счастливые люди всегда быстро засы-

пают. Не то что я: без стопки валерьянки или рюмки пустырника не могу отключиться от действительности. А в действительности – при нашей стопроцентной слышимости – наверху веселая семейка: два брата – «алкомата» с женами, детьми и визгучим котенком. Как говорится, постоянно пьющие и непременно бьющие.

«Хи-хи-хи-хи!» – передразнила я про себя фифочку, – «Я так тебя хочу. Ну, прям, умираю, как хочу! Я очччень хоччу!» Я подумала, что в этот момент надо еще подпрыгнуть и дрыгнуть ногой для пущей убедительности.

Но тут наш автобус остановился. Я приплюснула нос к стеклу. За ним просматривалось обширное освещенное фонарями поселение. Народ потянулся к выходу, а я принялась «метаться» между желанием выйти и решением остаться. Хотя, что было желанием, а что – решением, я тоже сказать точно не могла. Названия поселения водитель не объявил, и в пределах видимости не наблюдалось никакой вывески. Но мне почему-то показалось, да нет, я просто прониклась уверенностью, что мне пора выходить. На пике этой уверенности, как на высокой волне, я выскочила из автобуса, прочно держа свою котомку, на этот раз позади себя.

А вот и я! Почему-то никто не встречает. Никого нет. Доехавшие пассажиры исчезли куда-то, в мгновение ока, я и оглянуться не успела.

Иду прямо вперед. Передо мной возникает огромное сияющее квадратно-гнездовое здание со светящейся разноцветной гирляндой надписью – «АВТОФЛОТ».

Шутники!

Вхожу в стеклянные широкие двери, волоча следом сумку.

Пока доберусь до Шурика, протру дно насквозь – думаю я. После этой появляется следующая мысль – сдать сумку в камеру хранения. Когда приеду, возьму ее назад. Хорошая мысль.

Скорее всего, камера хранения находится где-нибудь в подвале. И точно: у лестницы вниз надпись – «Камера Х…». Понятно, на остальные буквы краски не хватило.

Спускаясь, волоку сумку по ступенькам; внутри что-то весело постукивает – «Клух-тук-тух!»

«Грязь, она лица не имеет. По ней не узнаешь – кто ее оставил! – это говорит как из-под земли выросший передо мной дворник, похожий на деда Мороза, с метлой и детским совочком, – Вот вы, барыня, не изволили ноги вытереть, теперича, босиком дальше пойдете!»

Оглядываюсь, и вижу позади себя размазанные сумкой черные мокрые следы.

«Ты сам себе противоречишь, Никитич! – вступает в разговор пробегающий мимо молодой парень в форме, – Грязь индивидуальна! Вот наш эксперт-криминалист – по грязи из-под ногтей («Фу!») не только имя и фамилию, но и привычки покойника определяет. И даже пол покойника может определить!» –

«Какие еще полпокойника?» – думаю.

«Ну, я, покамест, живой еще, слава тебе, Господи!» – дворник-дед Мороз машет на парня совочком.

Я вздыхаю и замечаю внизу лестницы двух типов откровенно бандитского вида. Они коротко стрижены, крепко сбиты и накачаны то ли гирями, то ли силиконом так, что дальше уже некуда.

«Недолго тебе осталось, Никитич!» – хрипит один из них, и они угрожающе устремляются вверх.

Дворник оборачивается и наставляет на типов свою огромную метлу. Я понимаю, что надо поскорее куда-нибудь ретироваться.

Сумасшедший дом какой-то. АВТОФЛОТ. Дед Мороз с красным пластмассовым совочком. Половинки покойников с вредными привычками под ногтями.

Но смыться вовремя не успеваю, потому что кто-то выхватывает у меня из руки сумку, – «Пройдемте, гражданочка… На предмет… Побыстрому…!» Так и есть: это же один из тех типов, он запыхался и проглатывает слова… А сам ухмыляется улыбочкой папаши Карамазова… Наверное, от полного отчаянья я теряю ощущение реальности. Сейчас я тебе дам – «по-быстрому»! И я ударяю его ногой изо всех сил… Любимый прием беззащитных женщин. Не знаю, попала я или нет, но бугай отшатывается и, оступившись, опрокидывается назад. Когда он уже начинает падать, я успеваю вырвать у него из рук сумку и уже потом гордо добавляю, как в кино: «И сумку отдай!»

Кувыркающийся по ступенькам бандит увлекает за собой и своего приятеля, а дворник – Мороз прытко гонится за ними и дубасит метлой приговаривая:

«Грязь, она тоже лицо имеет! Нагадил – убери за собой!»

А типы, разумеется, отчаянно матерятся. Больше я ничего не вижу и не слышу, потому что со всех ног лечу вверх по лестнице, там сворачиваю в первый попавшийся коридор и попадаю в камеру хранения.

За прилавком, радостно улыбаясь, стоит мой Шурик.

– Ты что, здесь работаешь? – не нашла более подходящего приветствия я.

– Нет. Это Снегурчик здесь дежурит. Представляешь, Новый год, а его назначили в ночную смену. Я говорю – какие еще туристы из Йокогамы в новогоднюю ночь?! И что – даже если? Что, они столько вещей с собой привезут, что им понадобится камера…

– Шурик! – спохватываюсь я, – Как я рада тебя видеть!, – Мы целуемся. Я сдаю свою сумку, и мы идем дальше. Сворачиваем в одну из дверей и попадаем прямо в прихожую.

Здесь – вешалка, на которой много шуб, тулупов, пуховиков и зимних курток.

– Куда это мы попали? – спрашиваю я удивленно.

– К нам! Я тебе не говорила? Мы живем прямо на рабочем месте. Это просто замечательно. Сейчас так принято, чтобы не тратить деньги на дорогу и всегда быть под рукой у начальника. Офисы располагаются в том же доме, где и жилые помещения.

– О-о-о! А где Снегурчик?

– Сейчас, сейчас! Мы приготовили тебе сюрприз. Давай скорее, раздевайся. Уже все гости собрались.

– Что-то ты в рифму заговорила», – я стаскиваю с себя шубу, – Странно, вроде бы, у меня раньше не было такой шубки!»

«Ерунда, в автобусе было жарко. С кем-нибудь случайно обменялась. Завтра объявим по радио – вернут тебе твою шубку!

– Да, не было у меня вообще никакой шубки!

– Брось, ты что, голая приехала, что ли?!

Я вдруг с ужасом вижу, что под шубой на мне действительно ничего нет. То есть – не совсем ничего, колготки и сапожки на месте! А сверху… О, Господи! Я что – заснула в автобусе и меня раздели?..

Тут двери из прихожей в комнату раскрываются настежь – обе створки, и я, не помню – каким образом, оказываюсь в самом центре комнаты. Вокруг – столы, за которыми полно народу. Все сидят и пялятся на меня, вытаращив «бинокли». А я стою, как дура, прикрывая, что возможно, руками, почему-то в перчатках. Кажется, мы еще не пили… Боже мой! Что же это такое, что я вам – елка, что ли? Елки как раз нигде не видно.

Вдруг я замечаю Шурика, она берет за руку мужа, и они встают.

– Вот, Снегуря, познакомся. Это – Гала, я тебе про нее рассказывала!

«Какого черта, рассказывала?! Это же ОН! ОН! Теперь, значит, Снегуря?! Ну, ты – и гад! Теперь мне только и остается произнести фразу из фильма, где Олег Даль в главной роли. Как раз – к месту! –

«Ну, ты – Алик из Аликов!» Это потому, что все близкие друзья называли моего Олега – Аликом. Не зря, значит, называли!»

Я даже забываю, что, мягко говоря, не совсем одета и, подбежав, с размаху залепляю Снегурчику – Оленчику смачную пощечину.

На это раз раздаются аплодисменты. Бьют часы. Гости раскупоривают бутылки с шампанским. Громко хлопают, вылетая из горлышка, пробки и… И тут я просыпаюсь.

12.

Сердце колотится. На лбу пот. Слышу оглушительные «выстрелы» выхлопной трубы автобуса. Озираюсь и понемногу прихожу в себя. Хорошо все-таки, что бензин не качественный еще попадается иногда. Начинаю себя ощупывать. Нет, одежда на месте, глаза не сразу привыкают к ослепляющей после сна полутьме автобуса. Убеждаюсь, что сумка тоже здесь, вон она из-под ног выглядывает. Все в порядке. Ну и сон! Губы, пересохшие и обветрившиеся, облизываю, пытаясь вспомнить, взяла я помаду или нет. Нет, ну, надо же! Приснится же такая чушь! Смотрю на соседку. Ей – не приснится. Это только для меня, по особому заказу. Где же мы едем?

Ой, останавливаемся! Закатываю рукав пуховика, чтобы на часы посмотреть. Вдруг мне выходить?! Или я вообще свой выход проспала?! Ого! Уже – десять! А мы все еще едем! Нет, проспать я не могла. Мне же до кольца. Ох, слава Богу! И соседка все еще спит, значит, я не проспала кольцо и не еду обратно. Иногда лучше перестраховаться!

И как это я во сне этом дурацком про кольцо не вспомнила, про красный или обычный из «записок пчеловода»!

Не вспомнила и все.

К чему бы такой сон мог присниться?

К чему такие сны снятся?

Во всяком случае – ни к чему хорошему.

Автобус наконец въехал в низкорослый городишко и, развернувшись на площади, остановился. Оставшиеся пассажиры все до одного, как по команде, потянулись к выходу, включая красотку в тулупчике с белой оторочкой, в джинсах и «ботфортах». «Фифу», как я и предполагала, разбудили требовательные и возбужденные «попискивания» ее Пупсика, или «пофыркивания Пуфика».

Я тоже выволокла сумку и пристроилась следом за соседкой.

На площади стоит огромная живая елка. Она украшена гирляндой из светящихся разноцветных шаров и сияет, как невеста на выданье. Гуляющие компании запускают ракеты и петарды, посыпают ель серпантином и конфетти. Молодежь развешивает на ней «самодельные украшения»: банки из-под пива, бутылки из-под шампанского, коробки из-под торта… и другую праздничную тару.

Нетерпеливую красотку встречал на видавшем виды «мерседесе» ее не менее нетерпеливый Пусик. Они пообнимались, почмокались и благополучно отъехали. Я больше ей не завидовала. Пусик действительно напоминал пуфик, особенно с близкого расстояния.

Половина одиннадцатого. Надо торопиться. Ах, нет. Двадцать минут одиннадцатого. Точнее – двадцать две. За полчаса можно и пешком добежать. Всего, то каких-то шесть остановок. Правда, с такой сумкой не очень-то разбежишься. Как меня угораздило сунуть туда утюг, да еще советского образца, тяжеленный! А что там еще может оказаться, даже и проверять боюсь. Банка с твердым джемом – там, это точно.

Я побродила по площади. Никаких автобусов. Уехал даже тот, который доставил меня в этот забытый Богом медвежий угол.

Народ гуляет. Всем весело. Тоже мне – подруга! Не могла и вправду встретить. Надо пешком идти. Как-нибудь дотащусь!

Я пошла по одной из улиц, направо от остановки, как и было указано в моем «путеводителе».

Ни названия улицы, ни номеров домов! Деревня! Считается, что все всё и так знают. Зачем тратиться на никому не нужные вывески! А может, вывески из алюминия сделали, и местные «металлисты» успешно сдали их в приемные пункты.

По обеим сторонам улицы стояли в основном деревянные двухэтажные коттеджи, с резными рамами и простенькими цветными витражами на верандах. Простенько, но со вкусом.

Шурик говорила, что по прямой – две остановки. «Ник. н. свор», – я прекрасно помню. Успею. Только бы номер на доме чудом оказался. Или спросить, что ли, у кого-нибудь?

Надо желание загадать.

13.

И все же, почему мне приснился Олег? ОН меня не то чтобы бросил или изменил с лучшей подругой. Нет. Все было не так. Не совсем так. Или совсем не так.

Вначале мы стали часто встречаться днем, пока мама на работе.

Сами понимаете, зачем. Я записывалась на работу по вечерам, в читальный зал, а лекции, естественно, пропускала.

Полгода пролетели, как один день.

Сессию все же опять удалось не провалить. Чудом! Я загадала, что вытащу оба счастливых билета, если ОН первым позвонит и поздравит меня с 8 марта. Все точно так и случилось. Совпало.

Надо уметь загадывать желания.

Серьезно. Я верю, что существуют в параллельных мирах еще две Земли – планета несбывшихся желаний и планета, где все мечты обязательно осуществляются. Только эти планеты находятся в других потоках времени, одна как бы раньше Земли, другая – позже. Если положение в пространстве нашей Земли совпадает с положением первой планеты, то вам не повезло, а если совпадает со второй – то любое ваше желание непременно сбудется…

Короче говоря, ОН уезжал на лето к себе домой, в отпуск. Я не говорила, что ОН жил в общежитии и так же, как я, работал и учился. Только ОН учился на дневном, а работал по вечерам, и по ночам, и еще когда лекции пропускал. Работал ОН, кстати, в фотоателье, где и фотографировал, и снимки выдавал, и печатал по ночам на автомате, не знаю, как он называется.

Мы уговорились, что половину отпуска ОН проведет со мной в городе, так как меня в нашей библиотеке на два месяца не отпускали. Конечно, где найдешь подмену на такую зарплату!

ОН уехал и даже ни разу не позвонил! Понимаю: межгород – дорогое удовольствие. Но ОН и письма ни одного не прислал. Я провела страшно тяжелый месяц в нервном напряжении и волнениях. Ни телефона, ни адреса ОН мне не оставил. Это было что-то ужасное.

Приезжаю ЕГО встречать к утреннему рейсу в аэропорт в тот день, когда мы договорились, а ЕГО нет. Приезжаю к вечернему рейсу – то же самое.

Мама меня уговаривает, что все будет хорошо. Там – свои дела, родители, заботы по хозяйству, друзья. Может быть, билеты не достать…

Самое обидное, что, когда я через месяц еще более страшных мучений и переживаний, тревог и приступов депрессии, позвонила ЕМУ на работу, начальник сказал, что ОН уже давно здесь, просто сегодня не ЕГО смена.

– А когда он приехал? – робко спросила я.

– Да месяца полтора – два назад, – отвечает.

У меня ноги подкосились. Я пролепетала что-то вроде – «Спасибо.

До свидания», трубку бросила – и в рёв. Часа четыре остановиться не могла. Решила, что знать больше ЕГО не хочу!

А потом ОН позвонил, через пару дней, кажется. Объяснил, что много работал. Хочет купить квартиру в Питере. Вкалывал в две, в три смены. А мне говорить не хотел, чтобы не переживала и вообще сюрприз хотел сделать.

Ничего себе сюрприз, да?!

Тогда мы все же помирились.

И целый год в наших отношениях ничего не менялось.

А так много всего было.

Квартиру ОН действительно купил.

Мама умерла.

Я долго ходила, как пришибленная.

ОН даже жил у меня, пока я в себя не пришла. А потом сказал, что с ЕГО собственной квартиры на работу ездить ближе. И на том спасибо, что сразу не бросил. Не знал, выдержу я такое или нет.

Теперь – знает…

В общем, стал заезжать редко, к себе жить не звал. А потом…

Потом, я случайно узнала, что у него «девочек – пруд пруди, есть, было и будет». Одна из этих «девочек», но «не такая дурища» как я, мне всё это преподнесла на блюдечке с голубой каёмочкой. Должно быть, по доброте душевной. Пожалела.

Сначала, я, конечно, подумала – из ревности, оговаривает моего Единственного.

Не долго думала. Даже проверять не пришлось.

ОН сам мне по телефону, а потом и при встрече всё высказал.

«Я, – говорит, – жениться вообще не собираюсь. У меня таких, как ты, десяток одновременно. А ты со своей старообразностью (ОН так и сказал!) давным-давно мне …» Нет, последнее слово я повторять не буду. Суть понятна: надоела я ему до чертиков.

Ну, в гневе я еще та мегера. Такого мне никто не имел права говорить. Хлопнула дверью проклятого ателье, макнув своего Единственного головой в фиксаж или в какую-то другую противную жидкость. Кроме шуток, ОН не ожидал. «Ну что, – говорю, – прыщи?, – и за волосы – лицом в кювету. – Должно помочь!»

Тем более, оказалось, что ОН в этом ателье своих подружек в чем мать родила фотографирует. И мне не раз предлагал. Я-то думала, что я одна такая, и, конечно… Ну, в общем, и мои снимки у НЕГО в коллекции остались. Весь этот «порножурнал» ОН мне и продемонстрировал.

Прошло время, и, разумеется, я ЕГО простила. Все мужики такие. Что ж, буду ждать. Нагуляется. Перебесится. Никто ЕГО не будет любить так, как я. Ничего. Подожду годик, другой. Может, ОН еще вернется. Или я за это время ЕГО разлюблю. Или, как говорил Ходжа Насреддин, «обязательно кто-нибудь умрет: или я, или ишак, или эмир».

Умом я понимаю, что это сказка. Но иначе просто не могу. Не могу не любить ЕГО, не ждать. Не могу ни во что хорошее не верить. А вдруг?! Случаются же чудеса! Вот я загадала, что, если поеду, то всё будет хорошо… То, что ОН вернется, я загадывать боюсь. Это – табу. А вдруг я в этот момент буду на планете несбывшихся желаний? И тогда – всё. ОН уже никогда не вернется. А так отвлеченное – всё будет хорошо. Вот и сон странный. Может, ОН и правда… Тссс! Не буду говорить. Тем более, что я, кажется, дошла уже до конца улицы.

14.

«Найти легко!» – уверяла Шурик. Действительно легко. Прямо и прямо, никуда не сворачивая… Только вот – что найти?! Номеров на домах нет. А она сказала – дом 28. Что же, мне их считать надо было, что ли?! Может, вывески решили сменить к Новому Году, а праздник у рабочих начался, как всегда, раньше?

Я глубоко вздохнула и решилась кого-нибудь спросить. Хоть я и в брюках, а все же стала понемногу замерзать.

Всё. Надо спрашивать. Дальше идти некуда. Впереди – снег почти до самого горизонта. И только травинки торчат на кочках, словно «пушистые» иглы странных белых дикобразов.

Поворачиваюсь. На улице пусто. Иду к близлежащему домику, с красно-синими стеклышками в окнах веранды – миленькое чудо послевоенной застройки. Наверняка, пленные немцы возводили, а лес брали с этого заснеженного поля, оно тогда еще не было полем, конечно.

Давлю на кнопку звонка. Что-то скрипит, словно штаны по швам разъезжаются. Открывается дверь, на пороге – подвыпившая декольтированная тетка неопределенного возраста с сигаретой в зубах, хлопает на меня густо намазанными глазами и выпускает дым.

– Извините, пожалуйста. Не скажете, какой это номер дома? А то, видите ли, ни одной вывески…

– Это общежитие. Сейчас – гостиница. Вот номера, на дверях. А номер дома один на всю улицу – сорок восемь.

Смотрю туда, куда указывает сигарета матронэссы общежития. На дверях, действительно, крохотные кружки, похожие на номерки в театре на вешалке: 207, 208... Может быть, мне нужен 208, а не 28?!

– Скажите, а в двести восьмом кто проживает?

– Понятия не имею. Подымитесь на второй этаж. Если кто есть, отворют.

Скорее, отварят. Что-то мне не хочется входить. Запах с лестницы такой, будто там больничная столовая.

– Нет, я лучше еще поищу...

Тетка закрывает дверь перед моим носом, уже покрасневшим от холода.

А я стою и, как обычно, туго соображаю – что делать дальше?

Достаю свою бумагу с «инструкцией».

Начинаю изучать свой путь с самого начала.

Так… Так… Так… Ой! Ав. 789! Последовательность целых, натуральных!.. Надуральных! Я-то, дура, на каком приехала?! Может, я вообще в другой город приехала?! Общежитие – на целую улицу!

Уже 23.00!!!

Бегу, точнее, торопливо ковыляю назад, к площади. Что-то надо предпринять! Может, наберусь наглости и спрошу, как называется город? О-оо-х! – А какой город? – Да вот этот, где мы с вами разговариваем. – Милочка, у вас все дома? – Никого. – А с виду не скажешь! – По вам тоже!.. Вот и поговорим. Хорошо, если примут за пьяную. А если у них психушка есть?! Свяжут рукава за спиной – и в машину!

Надо где-нибудь чего-нибудь выпить! У нас на каждом углу, даже на каждом шагу – ларьки, киоски, магазинчики! А здесь все как вымерло! Провинция! Может, я сплю?!

Да нет же, 789 – ясно написано! А я, ну, точно, на 987 ехала! Вот дура! Дура, дура, дура, дура! Сейчас не грех и другими словами себя обозвать, даже непечатными.

Обзываю себя всеми словами, которые знаю, – не помогает. Значит, не знаю того слова, которое подействует!

Наконец, добираюсь до площади. Рекорд – 23.15! На площади – весело!

Сажусь на скамеечку в павильоне остановки. От нее, правда, одна жердочка осталась. Но все же, не стоять же всю ночь в почетном карауле возле елки! Да и отдышаться надо. Вспотела. Значит, скоро начну «околевать» от холода. «Околевать» – тоже бабушкино слово. А как подумаешь, что оно означает, – ужас!

Ветер эту коробку жестяную со всех сторон продувает. Разве это надежная защита от непогоды?

Правда, пока ветра нет. Но ведь он может подуть в любую минуту. Вот возьмет и подует!..

Куда же я все-таки попала? В сказочный новогодний город, который раз в год в новогоднюю ночь открывает свои двери заблудившимся в мире одиноким душам?! Да, и каждый год незадолго до полуночи в город попадают по одному заплутавшему в ночных снегах путешественнику. Они приходят на городскую площадь. Ровно в полночь Королева, а в этом городе обязательно должна править Королева, приходит под елку, в наряде Снегурочки, с нею ее престарелый отец в роли Деда Мороза. Королева задает путешественникам три загадки. Впрочем, почему обязательно три? Хватит и одной: как называется наш город? Нет, мне такую загадку ни за что не разгадать. А, все равно я не принц и не смогу жениться на принцессе, то есть, на Королеве. Да, когда принцесса выйдет замуж, она и станет по-настоящему королевой. Но до сих пор никто эту загадку не разгадал, и поэтому все, кто приходит в этот город, остаются здесь жить навсегда. Они живут на улицах без названия, в домах без номера, в одном большом общежитии, которое теперь называется – гостиница. Кстати, а как называется гостиница?

Есть хочется, может, джема пожевать?

В маленьких городках, да и в больших тоже, часто гостиницы называют по названию города. Даже в Ленинграде была гостиница «Ленинград»! Может, и сейчас осталась, если не сгорела.

Если я отгадаю загадку, то придется мне выйти замуж за принца. Пусть в этом городе не принцесса с пожилым папашей – на троне, а, наоборот, принц, и с еще очень молодой матушкой… Нет, лучше, пусть он будет одинокий! На всякий случай!

Надо проверить идею насчет гостиницы!

Выглядываю из остановки и поджидаю «жертву»!

Первым проходит веселый, с виду добродушный дядя в нутриевой шапке и крашеном тулупе.

– Скажите, а как ваша гостиница называется?

– Та хиба ж ето гостиница? Ты шо? Неужто, думаешь в етой дыре гостиница могёт быть?

– Да нет, я просто хотела узнать название.

– Та и шо? Ну «Ленинград» называется. А на шо тэбе?

Ну и ха-ха-ха!

А приехал я назад! Снова в город Ленинград!

– Переименовывать не собираетесь?

– Та, зачим воно? Кому мешает? Пускай!

И дальше пошел. Как ни в чем не бывало. Даже не расспросил толком. Не помог.

Гостиница! Да, я лучше в остановке всю ночь просижу!

Невдалеке остановился автомобиль «Жигули». Водитель вышел и потоптался около машины.

Естественно, я направилась к нему, узнать – не отвезет ли он меня на станцию, где я могла бы сесть на электричку.

Сумма, которую, глазом не моргнув, назвал добрый шофер, равнялась половине моей месячной зарплаты. Да, придется идти пешком.

Хватит с меня приключений в новогоднюю ночь!

На площади заметно поредело.

Сижу на остановке. Не плачу только потому, что холодно. Слезинки замерзнут, превратятся в льдинки, которые, словно линзы, обволокут глаза. На линзах мороз нарисует свои замысловатые вензеля, и я перестану видеть этот нарядный и удивительный мир. Все буду видеть только снежным, холодным и колючим.

Жаль себя сильно. Редко со мной случается, чтобы я себя пожалела. Раза три, четыре за всю жизнь!

Дааа, повезло! Сбылось желание. Всё хорошо. Даже выпить нечего! Смотрю на часы, носом хлюпаю. Ларьки на площади есть, но они, понятное дело, закрыты. Глубинка. Какой-нибудь «Допотоп – Лохотоп», «Замухрянск»!

Смотрю на часы. Стрелка неумолимо к двенадцати приближается. Какая удача! Прелесть просто! Надо еще какое-нибудь желание загадать, до кучи. Вот, сейчас, когда будет ровно двенадцать! В новогоднюю полночь, в «Городе заблудившихся путников» загадаю желание! Самое-самое. Вот здорово! Вот ура, так ура!

Был бы ОН здесь сейчас, рядом со мной! ОН обязательно бы нашел какой-нибудь выход из положения! ОН что-нибудь придумал бы, это точно!

Смотрю на часы и понимаю, что желание уже загадано. Ровно минуту назад.

Так. Полторы минуты первого часа нового года. Половина намеченного пути уже пройдено! Осталось немного, и вас ждет финиш! Всем строиться, надеть рюкзаки, втянуть плечи, расправить живот!..

15.

Зря я подумала, что в этом Занюханске – Кайфоломске живут одни черствые, бессердечные люди. Просто все торопились к празднич-

ным столам и бокалам, хотели чинно и хорошо встретить Новый Год. Как его встретишь, так и проведешь. Все же это знают. А как я хорошо встретила! Джема ногтем отковырнула, свежим снежком запила! Здорово!

Ровно в двенадцать на площади вообще никого не было. Где-то через полчаса народ снова стал подходить, по двое, по трое, как на сходку.

Погода, как назло, удивительная. Еще три дня назад шел дождь, было сыро и противно. Некое подобие снега таяло, превращаясь в грязную черно-белую кашицу. Потом задул сильный ветрище. И за сутки перед Новым Годом не оставил на земле ни одной снежинки. Все выдул северный ветродуй. Стало морозно, но как-то не по-зимнему, скучно без снега. Снежок повалил только тридцать первого с утра. «Поверить не могу!» – закричала я, отодвинув занавеску… Вот и сейчас снег все еще продолжает медленно и плавно опускаться из бездны неба на грешную землю. Снежинки, словно звездочки, сияют и блестят на лету. Мороз не слишком сильный. Сырости нет. Фонари горят. На улице светло, как днем.

Вспышки бенгальских огней. Взрывы петард и хлопушек. Фейерверки. Ракеты. Громогласные на всю площадь поздравления. Настоящий новогодний карнавал.

Первая же проходящая мимо веселая компашка – двое парней и одна девушка, если честно, не прошла мимо. Ребята затормозили и стали выяснять у «печальной и одинокой Снегурочки», что она здесь делает, в таком неуютном пристанище, и почему – одна? «Снегурочка», отметив про себя, что мальчики не наглые и не циничные, взяла, да и выложила им все, открытым текстом…

Мне сразу выпить дали, коньяку, прямо из горлышка плоской небольшой бутылки. Я закашлялась, и девушка подала мне шоколадку. Наконец-то, начинаем праздновать! То ли еще будет, ой-ой-ой!

Оказалось, не в тот автобус села. Нужно было в 789. Недаром я математику не люблю. Цифры я вообще плохо запоминаю. Даже сколько мне лет, и то не всегда смогу сразу сказать.

«Не огорчайтесь! Пойдемте с нами!» – пригласил старший из ребят, Алексей. «Конечно, что вам тут одной сидеть!» – присоединилась Катя, как позже выяснилось, его сестра. Второй молодой человек, Иван, тоже добавил: «До утра автобусов не будет. Утром мы вас проводим», – и даже подхватил мою сумку, чтобы донести.

Оказалось, ребята просто гуляют по городу, по дороге заглядывают к друзьям и знакомым, поздравляют с Новым Годом. Иван вроде бы ухаживает за Катей и друг Алексея. Потом они собираются к родственнику Ивана – Андрею, где весело и где не будут спать до самого утра.

Конечно, я пошла с ними. Не сидеть же, в самом деле, на остановке. Я бы сейчас куда угодно пошла...

16.

Мы заглянули еще в пару мест, где я с кем-то знакомилась и что-то пила, танцевала и даже целовалась. От обилия впечатлений или от нервного напряжения, а, может от «злоупотребления» спиртными напитками, среди которых промелькнула даже стопка водки, голова у меня стала слегка кружиться. А еще я, как всегда, стеснялась закусывать. Но стало так хорошо-хорошо. Главное, весело. Все мои переживания забылись. Хотелось смеяться, петь, танцевать…

В общем, через неопределенное время мы в самом приятном и радостном настроении ввалились в очередное жилище, где мои новые друзья собирались провести остаток ночи, «до победного утра».

В прихожей, на вешалке, на тумбочке и просто на полу громоздился целый ворох разнообразной зимней одежды. Я даже свой сон вспомнила. Похоже, тут веселилась большая команда.

Да и дом был большой, деревенский, пятистенок, со вторым этажом, отапливаемой пристройкой – верандой и обилием комнат. Хоромы!

Андрей, так звали хозяина этого роскошного особняка, услышав «мою историю»… Алексей с Иваном пересказывали ее всем, кого встречали, и постепенно она обрастала новыми и новыми невероятными подробностями, а я превращалась в народную героиню. Теперь «история» звучала так: Я приехала из Питера к своему любимому человеку. А он, этот негодяй, дал мне неверный адрес. И я – бедное, несчастное, доверчивое существо – оказалась в незнакомом городе, одна, ночью. К тому же, на меня напали бандиты, переодетые милиционерами, и хотели продать меня в рабство, в Чечню. И только вмешательство двух отважных рыцарей, благородных джентльменов и отчаянных смельчаков спасло меня от верной гибели или от многих лет унижений. Далее следовало подробное описание боя: «А я ему – ха! А он – ха. А Ванька ему – хо! Хо! И еще раз по спине! У того и накладные зубы выскочили!»

Все просто лежали от смеха, всем нравилось! Может, я по дороге, после очередной рюмки, немного разоткровенничалась и рассказала им про Олега и про сон? Не знаю.

Короче говоря, когда Алексей эту «историю» услышал, то сразу потащил меня к столу: «Она же голодная, наверное!»

Под закуску мы всей компанией еще выпили какого-то вкусного самодельного вина. И мне стало так легко и свободно, как будто я этих ребят знаю уже не первый год.

Все гости еще до нашего прихода разбрелись по дому: кто – куда. Частично уединялись, разбившись на парочки, частично выпивали с друзьями или выходили на улицу курить, кто-то слушал песни местного барда, кто-то танцевал на первом этаже в большой комнате, называя ее залом. Народу и в самом деле было много.

До меня не сразу дошло, что я попала на свадьбу, плавно перешедшую в новогоднее торжество. Кто на ком женился, я так никогда и не узнала, хотя предпринимала неоднократные попытки поздравить жениха и невесту. Ни того, ни другой я нигде ни разу не встретила. Быть может, они отправились куда-нибудь в более подходящее для первой брачной ночи место. Если так, то правильно сделали.

Первую попытку поздравления я сделала сразу же, как только врубилась, что нахожусь на свадьбе. Для этой цели я отправилась в прихожую на поиски своей сумки, там вполне мог оказаться какой-нибудь полезный подарок, утюг, в крайнем случае, подарю.

Выхожу в прихожую и нос к носу сталкиваюсь с Олегом! Даже лбами слегка стукнулись в дверях! От неожиданности я чуть не заорала! Это же ОН!

Стоим и пялимся друг на друга, в полном оцепенении. У меня, не могу сдержаться, улыбка до ушей, у него – слегка смущенная. Неужели новогоднее желание сбылось?! Как ЕГО увидела, так и обмерла!

А потом, очухалась немножко и говорю:

– Ну, привет!

А у самой сердечко затрепыхалось. Наверное, красная стою, как свекла молодая, хорошо, в коридоре этом – полутемно, не видно.

– Привет! – отвечает, как будто оторопело и таращится, словно королеву Англии в неглиже увидал. (Милый, у тебя что, амнезия? Не ожидал меня здесь встретить?!)

– Н-ничего, я утром уеду, не переживай!

Молчит, не отвечает.

– Ты сумки моей, синей, не видел? Хочу подарок вручить!

– Не ввидел…, – а у самого вид обалдевший, может, наклюкаться успел. Молодец!

– Что дразнишься?! – начинаю закипать я и гордо удаляюсь обратно в комнаты.

С веранды слышится песня, я прислушиваюсь…

Из большой залы, приглушенная стеной, гремит танцевальная мелодия. Повсюду – задушевные разговоры, смех, звон посуды.

Я, закусив губы, возвращаюсь к столу и придирчиво рассматриваю содержимое бутылок.

Докатилась! Решила напиться! Мне теперь терять нечего! Желание сбылось! ОН – здесь! «Что еще нужно человеку, чтобы встретить старость?!»

За столом сидят двое ребят, я не запомнила их имен, и, увлеченно жестикулируя, рассуждают то ли о футболе, то ли о политике. Из стимулированного вином красноречия ничего понять невозможно:

– Скуоко разз? Я фсегда, ик, ггоаорил, надо вперед двигать! Вперед! Тттам… Рэээ! Ддуракки все! Козлы!

– Да, да. Я ттоже фсегда ггоаорил. Все кругом – козлы! Дай пять!

– Нна! Я тебя ль-люблю!

Мне неловко самой себе наливать, и я ненавязчиво придвигаю рюмочку поближе к ребятам. Один из них понимающе наполняет тару, одновременно проливая на скатерть, которой это уже не повредит. А второй, махнув на него рукой, отбирает бутылку: «Ты что?! Наппился ууже? Нnничего доверить нельзя!» – и наливает мне вторую рюмочку, тоже, в свою очередь, переливая через край.

Я благодарю, и, как будто так и надо, отправляю в рот одну за другой обе рюмочки. Теперь ммонжно и с Аликом рразобраться. Хи-хи-хи-хи! Ик! Я уже ничего не боюсь! Ссейчас ттолько в ванну, в ванную загляну, ик!

Иду в ванную, не имея полной уверенности, что таковая в этом доме имеется…

17

Попадаю на кухню.

Там меня обнаруживают Иван с Алексеем. Я сижу за кухонным столом и сплю, уронив голову на руки.

– Галя! Ты с Аликом знакомилась? – спрашивает Алексей, растормошив меня за плечо, и они пропускают в тесноватую кухню Олежку.

– А что? – спрашиваю задиристо, – Ради этого надо было меня будить?!

Действие алкоголя, должно быть, еще не кончилось. Я еще на взлете. Сейчас мне лучше не перечить. А эти дураки весело хохочут, потешаются. Что с пьяных возьмешь? Алик, поганец, вдруг, ни с того, ни с сего заявляет так фамильярно заговорщицки:

– Не обижай…ся…тесь, не обижайся, ребята же не знают, что мы уже виделись, когда я только что пришел!

На что это он намекает? Чтобы я молчала обо всем? У него здесь что, очередная пассия?

– Девушка живет в Питере! Галка, Алик тоже из Питера. Вот завтра он тебя и проводит! – начинает объяснять нам обоим Алексей, – Вот зачем мы тебя разбудили! А теперь, если хочешь, спи дальше. Мы пошли!

Ребята ретируются.

Спи дальше. Нет уж, теперь я спать не могу! Как это он меня проводит, если даже признаваться не хочет, что мы с ним два года, ну это самое… Да хотя бы и просто знакомы.

Пью воду из-под крана. Ладно, ванна потом. Наскоро ополаскиваю горящее лицо и иду вслед за ребятами. Встречаю по пути одну из девушек, кажется ее называли Вера, или Люба, или Надя. Девушка делает мне какие-то знаки глазами и рукой. Глухонемая, что ли? Иду дальше. Слегка пошатываясь. Сказываются усталость и нервное перенапряжение. Но я готова к бою.

Алика нигде нет. В этом домище заблудиться можно.

Сталкиваюсь с Катей, та стучит себе по лбу и с хохотом советует мне заглянуть в зеркало. Чего я там не видела?! Уродина. Наверное, волосы опять развалились в разные стороны, как потревоженная влюбленными копна сена. Трогаю волосы и спешу в прихожую, где, я смутно воспоминаю, видела зеркало.

Там я снова встречаю пропавшего Алика. Я так и знала! Я застаю его в объятиях грудастой коровы. Эта крашеная швабра прижала героя-любовника к стене, и подперла своим выпирающим из гнезда бюстом. Алик то ли слабо сопротивляется, то ли блаженно барахтается в тугих телесах насильницы.

– Я вам не помешала? – нагло заявляю я, и начинаю лихорадочно рыться в груде вещей, в поисках сумки.

– Где-то здесь. Это должно быть где-то здесь, – монотонно бубню я, искоса, бросая взгляд на «сладкую парочку» и убеждаясь, что им мое присутствие – до фонаря!

Наконец, я выдираю из-под кучи пакетов свою суму и, достав из нее известную вам познавательную брошюру, подхожу и засовываю эту книжицу прямо в распертый бюстгальтер блондинки.

– Почитайте на досуге. Вам не помешает!

Выхожу и с силой хлопаю дверью. В прихожей что-то рушится с глухим грохотом. Заглядываю. Так и есть – они лежат на полу и пытаются выкарабкаться из-под груды шуб и тулупов, опрокинувшихся на них вместе с вешалкой. «Так вам и надо! Не приняли мер безопасности!» – давлюсь я смехом и снова, уже не так гневно, хлопаю дверью.

Зачем-то тащу свою сумку в зал. По пути вынимаю банку с джемом и оставляю на столе. Пригодится, когда подадут чай. На десерт.

«Там-там-там-тарарам-там-там!!!» – доносится из зала.

В голове сильно шумит, возле стола я успела выпить еще рюмочку чего-то очень крепкого.

Мимо меня пробегают Катя с Иваном. Катя снова стучит себя по лбу и показывает на глаза.

Вспоминаю, что надо посмотреться в зеркало.

Тем более, что оно попалось мне по пути. Правда, при ближайшем рассмотрении зеркало оказывается окном на улицу. Но все равно я прекрасно вижу, что размазала тушь вокруг глаз и даже на лбу.

Иду на кухню, сделав безуспешную попытку прихватить с собой «зеркало»…

18

Этот наглец уже здесь. Воркует с «глухонемой Любовью» в почти полной темноте. На столе – свеча в блюдечке. Да когда же это кончится?! Везде на него натыкаюсь! Сколько же у него здесь «коллекционных экземпляров»?!

– Представляешь, меня Машка в коридоре так приперла, что вешалку уронила! Ха-ха-ха! – оба заразительно гогочут, – А у нее из лифчика книжка вывалилась – «Как стать женщиной»! Классно! Да! Ха-ха-ха-ха!

Заливаются, довольные. Тут замечаю еще двоих человек в кухне. Один Андрей, имени другой не запомнила. Они тоже хохочут.

Весёлая семейка! У меня появляется новая идея. Влетаю в кухню и, состроив свирепую рожу, громко ору – «Р-Р-Р-Р-Р!!!» Веселья значительно прибавляется. У Алика даже слезы на глазах от хохота. Алексей со стула грохнулся и, задрав ноги, гогочет. «Глухонемая» кричит: «Ребята, я сейчас описаюсь!» – и в срочном порядке убегает. Если не врет – в туалет. Вторая девчонка помогает мне, сквозь смех, стереть размазанную тушь полотенцем, и предлагает подкраситься.

Я – не хочу, и, уж раз мы с ней подружились, предлагаю вместе выпить. Ребята тоже увязываются за нами, идем вчетвером в столовую, где два политика-футболиста спят в салатах, каждый в своем.

«Во, гулеванит народ! Глюкам больше не наливать!» – резюмирует Алексей.

Мы допиваем чудом сохранившееся на столе шампанское, заедая мандаринами. Настоящий Новый Год! Я исподтишка наблюдаю за Олегом. Он или действительно в приступе частичной амнезии, или просто хороший актер. А может, и то, и другое.

«Пойдемте танцевать!» – говорит, как бы меня приглашает, МЕНЯ! В танцзале как раз начинается что-то медленное и тягучее, как жевательная резинка.

Иду с ним танцевать, по дороге черпаю ложкой твердого джема из своей собственной банки.

Олег приводит меня в зал и начинает плавно раскачивать, удачно попадая в такт музыке. Раньше я такого за ним не замечала. Стараюсь не слишком льнуть к нему, пусть не думает, что я растаяла. А вот джем, осторожно сковырнутый с ложечки – ему за шиворот, обязательно начнет таять. «Липкий привет от оскорбленной подруги!»

Танцуем. Старательно делаю вид, что всё в норме. Сердце бьется, но Алик не очень-то меня лапает. Как обычный случайный знакомый, не более. Черту не переступает.

– Я тут один стишок в книжке вычитала. Хочешь послушать? – спрашиваю, потому что так до сих пор и не знаю, нравится ли ему поэзия.

– Я прислушиваюсь!

– Увы, мой рыцарь, мой герой,
я не нужна тебе, я знаю.
У той, единственной, другой
Фигура просто неземная
Должно быть, волосы, как смоль,
или как солнце золотое…
Она сыграет лучше роль!
А от меня не будет толку!
Ты счастлив среди этих стуж,
Целуя губ горячих вишни.
Я?
Не ревную!
Что за чушь?!
Я – тень.
Я – только третий лишний.
Увы и ах!
К чему молчать!
И где твоя мужская гордость?!
Будь откровенен, хоть сейчас!
Пошли меня хотя бы к черту!

Все время кошу глаза, шепча ему на ухо стихотворение, наблюдаю за его реакцией. Нулевая!.. К препарированной лягушке забыли подсоединить электроды…

– Где это ты приобрел такой костюмчик? – спрашиваю ехидно.

– А что? Тебе не нравится?

– Нет, почему же? Не кружи так быстро, а то упаду.

Тут вклинивается «глухонемая», которую, кстати, зовут Софьей, и уводит от меня кавалера:

– Потанцевала, дай другим потанцевать!

Что-то долго она в туалете прохлаждалась! Наверное – запор! Иду на веранду, слушать песни, но там уже не поют. Народ потихоньку начал расходиться.

Нахожу свою сумку и тоже решаю идти, куда угодно! Не могу же я ночевать у незнакомых людей, хотя уже утро и скоро придет мой автобус.

19

«А где же молодожены?!» – посетила меня «неожиданная» мысль. Я давно решила подарить им утюг. Не хочу тащить обратно. Может, и сумку здесь оставить со всем содержимым?

Вынимаю из сумки всё, что в ней есть, раскладываю на полу веранды. Кроме утюга, лотерейного билета, закаменевшей помады и перепутанной кипы одежды, там обнаруживаются три расчески, одна босоножка, троллейбусный компостер, огрызок черного карандаша и моя потрепанная записная книжка.

«Нет! Это оставлять нельзя!» – соображаю я, и заталкиваю все обратно. Только компостер мне теперь без надобности. Билеты не компостируют! Я делаю на пробу несколько компостеров в листах своей записной книжки и с сожалением задвигаю «игрушку» под диван.

– А-а-а! Вот, ты – где?! – говорит Андрей, заглядывающий в этот момент на веранду, – Иди с ребятами. С Катькой, в ее комнате, поспишь пару часов до автобуса. Утром они тебя проводят. Шурик тебя будет встречать, помнишь?

Откуда это он знает про Шурика?!

Начинаю с трудом припоминать.

Что-то слегка брезжит...

А?! Забрела на второй этаж. Там Андрей и еще кто-то играли в карты. А! – Там Алексей был! Он им снова «мою историю» поведал.

На этот раз меня хотели украсть инопланетяне для опытов. И Алексей с Иваном врезались на мотоцикле в летающую тарелку, спасли меня буквально с разделочного стола, накостыляв «марсианам» по ходу дела! Вот фантазер!

Все хором посмеялись, а потом Алексей вроде бы куда-то ушел…

Да, да. Точно. Один из ребят, оказалось, как раз оттуда, куда я так и не доехала. И, что самое удивительное, с Шуриком знаком.

– Давай, – говорит, – позвоним твоей подруге, чтобы не мучилась! Андрей, можно телефоном воспользоваться?!

– Конечно, только там опять Киска «песнь торжествующей любви» затянула!

– Какая киска? Кошка? – это я задаю глупейший вопрос, – Сейчас, вроде бы не март.

Все опять хохочут. А что смешного?

– Нет! – сквозь смех, отвечает Андрей, – Это сестра моя пятнадцатизимняя! Своему мальчику каждый вечер звонит. По два-три часа мурлычут! Пойдем!

Мы переходим в соседнюю комнату, где длинноногая девчушка в ночной рубашке сидит на столе, поджав ноги, и болтает по телефону: «А я знаю, как вы с братом по вечерам носками меняетесь!… Как зачем? – Нюхать! Токсикоманы, блин!… Чё? Ты не въезжаешь! Хи-хи-хи-хи!»

– Эй, Киска, ну-ка, брысь отсюда! Ты уже четвертый час лапшу развешиваешь! На рекорд пошла! Видишь, человеку позвонить надо! – говорит в самое ухо сестры Андрей.

– Человеку?! – с ехидной улыбочкой переспрашивает сестренка, – Ну, ладно, ладно! Слышь, Золотко, за тобой пришли! Мне баиньки пора, а человеку позвонить надо! Ну, все, пока!

И она отправляется, очевидно, спать, а я звоню Шурику.

Тот еще был разговорчик. У меня язык запинался и заплетался, Андрею пару раз пришлось поработать переводчиком.

Помню одну фразу Шурочки: «Что? Автобус перепутала? Я же говорила красный – шесть остановок, а ты, наверное три проехала!»

В общем, мне кое-как удалось приостановить поток ее восторженного красноречия и объяснить, что случилось. Мы договорились, что утром я первым рейсом – к ним. Андрей сказал, что здесь посадит меня на правильный автобус. А потом… Что же было потом?

А потом я пошла зачем-то на кухню и заснула.

Но я же…

«А что, уже пора идти?» – опять, демонстрируя свою тупость, переспрашиваю я, пытаясь разгладить порядком пожеванный свитерок. Встаю с ковра, (как мило, что еще есть на свете чудаки, расстилающие на верандах коврики, которые выглядят еще очень ничего!), и направляюсь с Андреем в прихожую.

20.

Хоть бы моего пуховика не нашлось! Сапоги бы потерялись. Нет, ну, правда! Олег… Мы так и не объяснились!

Впрочем, Олег тоже должен куда-то отправляться. Наверное, к этой «глухонемой» или к необъятной блондинке.

А мы, все вчетвером, как пришли, так и уходим. Оделись и, попрощавшись с хозяином дома, выбрались на улицу.

До самого угла я придумываю повод, чтобы вернуться. А там перестаю придумывать, потому что на углу нас поджидает Олег.

– Что это вы – спать что ли? – улыбаясь, спрашивает он и неожиданно предлагает, – Пойдемте, погуляем! Смотрите, погода какая чудесная! Успеете выспаться, до следующего Нового Года времени много!

И тут в меня начинают прокрадываться первые подозрения. Постепенно до моей пустой головы начинает что-то доходить.

Я усердно заворочала остатками мозгов, зашевелила извилиной и стала вглядываться в Алика пристально и внимательно. Наверное, протрезвела.

Наша компания двинулась для начала на уже знакомую мне, можно сказать – почти родную, площадь с намерением поводить хоровод вокруг елки. Все эту затею одобрили, при одном воздержавшемся, которым была я. Мои мысли были заняты совсем другим. И, улучив момент, самым тихим шепотом, на какой была способна, я спросила у Кати:

– Как фамилия Олега?

– Какого Олега? – беспечно громко переспрашивает она.

– Ну, Алика! – выразительно дергая ее за рукав, шепчу я.

– Алексея, – поправляет Катя, и у меня в третий раз за эту невероятную ночь ощутимо едет крыша…

21

«А я ему джем за шиворот опустила. Может, еще не растаял?!» – вслух, хотя все еще шепотом, бормочу я, – «А у него даже фамилия другая…»

– Значит, ты хочешь, чтобы я делала вид, что мы не знакомы?!

– Почему же? Не надо делать никакого вида. Мне кажется, что мы давно с тобой знакомы!

– Неужели, кажется?

– А что?

– Да, ничего! – это я вспоминаю наш милый треп во время танца, я говорила, а сама думала: «Жаль, что мало джема взяла. Ты бы у меня целый год чесался. Все мухи стали бы твоими! Нет! Ну, каков нахал! Ему кажется!»

А потом взяла и отдавила бедняжке ногу.

– Ой! Извините, – улыбочка, невинные глазки.

– Ничего, ничего, – понимающая улыбка джентльмена.

Прямо как в рекламе по телевизору. Сейчас наши ноги крупным планом покажут: «Этот крем для обуви спасет вас от неловкости партнерши!»

Вспомнив все это, я начала почти истерически смеяться…

Это был образчик объяснения, когда никто из объясняющихся ничего не понял.

– Алик! Ты, извини меня, ладно! – догнала я Алексея номер два.

– За что?! – не понимает он.

– Да так, у тебя брата-близнеца нет в Питере? Олегом зовут!

– Нннет. А с чего ты взяла, что должен быть? И почему его должны звать Олегом?

– Не знаю. Может, ты – клон? – я порылась в сумке и извлекла записную книжку, в прозрачном кармашке которой бережно хранилась фотография Олега.

Раскрываю книжку и демонстрирую Алику улику.

– Действительно, похоже! – недоумевающе, протянул он, – А кто это? Твой друг?

– Бывший.

– А.

Что – «А», ничего – не «А».

Мы подошли к елке и стали тусоваться вокруг. Для начала ребята развесили на дереве свои «украшения», у кого что нашлось. Потом мы действительно прошлись вокруг веселым хороводом, взявшись за руки.

Я попала между двумя Алексеями. Можно еще раз желание загадать. Говорят, что сбывается. Но я как-то не знала, что мне загадать.

И правда, что бы такое мне загадать?

– Гоп-трала! Гоп-трала! Вот как надо танцевать гопак! – весело заорала я и, поскользнувшись (вовсе не специально), повисла на плече Алика.

– Не подумал бы, что ты любишь Гоголя.

А я не догадалась бы, что ты эту фразу узнаешь. Даже странно…

– Так ты просто меня с ним перепутала?

– Да, – мне стало стыдно, пусть думают, что румянюсь от мороза.

– То-то я смотрю. Куда ни пойду, всюду ты – за мной. И смотришь так, словно я тебе миллион задолжал, а возвращать отказываюсь! Ха-ха! Я не знал, что и подумать! Надо же! То огрела меня по голове веником ни с того ни с сего…

– Не веником, а букетиком!

– Да. Из еловых веточек!

«Извини, я случайно. Что можно взять с женщины, когда она в нетрезвом состоянии?!» – думаю это и говорю:

– Хватит дразниться. Я случайно тебя задела. И вообще… – нечего было «глухонемую» по попке гладить – это я уже опять мысленно добавляю. В качестве самооправдания. Я же не знала тогда, что обозналась. Дура! Желание сбылось! Желание сбылось!

– А зачем водку подсунула с шампанским намешанную, когда я хотел свою стопку запить?! Еле отдышался…

– И ты терпел?! – делаю круглые глаза.

– Я хотел тайну разгадать!

– Ну и ха-ха-ха! Разгадал?!

– Не знаю даже!

И мы весело засмеялись.

– А как ты меня в ванной заперла?!

– Это не я! Я не помню такого!

– Заперла на шпингалет и свет вырубила! А сама приговаривала – Сиди-сиди. Посиди-посиди! Я там минут двадцать грохотал и орал. Музыка гремит. Ничего не слышно. Наконец, спасибо, Андрей мимо проходил – Как это ты здесь заперся, – говорит. А вот так – говорю – сам ничего не помню!

А я думала это туалет, ванную никак найти не могла. Очевидно, там двери одинаковые. Дааа! Везет мне на близнецов.

– Просто двери перепутала. Вышла из туалета, а заперла ванную.

– А зачем ты мне в карман куртки компостер подсунула?

– Это подарок. Вещь совершенно необходимая в хозяйстве. Им можно орехи колоть и пирсинг делать!

– Ага! Дырочки в ушах, чтобы лапша проваливалась!

Мы уже откровенно хохочем.

22

Сумка возвышается в сугробе под елкой. Все болтают, смеются. Мы разгорячились. Нам весело. Я даже позабыла, где нахожусь, и что со мной произошло.

Я поняла, что обозналась, когда Олег, то есть, Алексей прогуляться предложил и про погоду сказал. Настоящий Олег ненавидел прогулки. Никакая погода его не привлекала. Он меня всегда куда-нибудь затаскивал, то в кафе, то в постель. В театре один раз, кажется, были. Стоп… Я не оговорилась? Кажется? Еще вчера, я помнила все, что связано с Олегом, в подробностях. А теперь?… «Год назад». Нет! Мне срочно надо выпить. Как говорит один мой знакомый, – «Я никогда не опохмеляюсь. Я просто выпиваю снова!»…

23

Наплясавшись, ребята решили все же идти домой. Конечно, все устали. Алик вызвался дождаться и посадить меня в автобус.

Олега тоже все друзья называли Аликом. Вот почему я ошиблась! Алик из Питера! И все-таки, как они похожи!

Мы присели с Аликом на жердочку в том самом павильоне, и стали болтать ногами и языками, чтобы не заснуть и не замерзнуть.

– Нет, это ты здорово придумала, Машке в декольте книжечку вставить! Ой-ой-ой! Ха-ха-ха!

– А что это вы с Сонечкой на втором этаже одни в комнате закрывались?

– Ничего мы не закрывались! Там ребята в карты играли!

– Знаем. Знаем! Они уже давно не играли!

И вдруг я спохватываюсь и замолкаю. Что это я, в самом деле? Он ведь не Олег! Еще подумает, что влюбилась!

От этих мыслей мне становится как-то невыразимо грустно.

24

Вся моя тривиальная любовная драма с Олегом кажется чем-то смешным, глупым и нелепым. Чепуха какая-то.

«ОН! Я не буду загадывать, что ОН вернется!» – юродствую я про себя.

Да, никогда ОН, с большой буквы, и просто он, обычный, никуда не вернется, потому что и не уходил, а, по правде говоря, и не приходил даже! Трудно потерять то, чего нет. Но еще труднее потерять то, чего нет, не было и никогда не будет!

Это только мне казалось, что у нас отношения, что мы любим друг друга. Любовь только в старых романах да в новых сериалах. Теперь даже пятнадцатилетние девочки в нее не верят. Поэтому и сказал ОН: «Как с тобой тяжело!» Нет! С ним легко, видите ли!

– Алеша, скажи, со мной легко?

– Нет.

– Вот, видишь!

Я спрашивала серьезно, и он ответил мне тоже серьезно.

– Со всеми нелегко. Даже с самим собой!

Еще один философ!

– А я желание загадала!

– Какое?

– Не скажу! Только не поцеловать!

– Опять тайна?! – смеется Алик.

Смейся, смейся! Вон мой автобус подходит! Давай сюда мою сумку. Оревуар! Адью! Чао! Ауфвидерзеен!

– Пока! – он проводил меня до автобуса и подал сумку.

– Передавай привет Соне!

Он не ответил и, когда автобус тронулся с места, улыбнулся и помахал рукой.

О чем он думает?

Я и сама-то не знаю, о чем сейчас думаю…

25

…Неделя после Нового Года пролетела быстро. От Шурика я приехала только вечером второго числа и завалилась спать.

Мне снилась летающая тарелка с надписью «АВТОФЛОТ», совершенно голая ель, без единой иголочки, в колготках, натянутых на ствол, который внизу разделялся на два, образуя как бы две ноги. Ель гонялась за огромной летающей кастрюлей-скороваркой, позвякивая игрушками, развешанными на голых ветках.

Когда я проснулась, решила принять душ. Тонюсенькая струйка холодной воды просто терялась в струе рыжего кипятка. Пришлось отложить удовольствие на более позднее время. Когда все спят, и холодная вода, отпущенная на весь подъезд, достанется мне одной.

Потом я пошла на работу.

Мне даже не было грустно. Возникло ощущение невероятной пустоты, отсутствия чего-то важного и необходимого. Может быть, я просто разлюбила. И еще была страшная досада, обида на эту пустоту, которую ничем невозможно заполнить.

Ну почему я такая?! Какая – такая?

Ну, такая, ненормальная?

Быть может, все это от неустроенности, одиночества, неустойчивости жизни?

Предположительно, всему виной пресловутое следствие – «если…, то…», обязательное для всякого элементарного события. Неудачница я потому, что одинока. А, может, и наоборот…

К концу недели я решилась и в пятницу вечером позвонила Шурику по льготному тарифу. Я узнала номер телефона Игоря, так звали того парнишку, который дал мне ее телефон в новогоднюю ночь. Сразу же, не откладывая, позвонила ему. К полуночи у меня был номер телефона и адрес Андрея. Телефон на том конце провода был занят беспросветно. «Песнь торжествующей любви!» – огорченно подумала я. И включила телек. Посидела на ковре, потаращилась на экран, абсолютно ничего не видя и не слыша. Там могло быть, что угодно, телевизионная заставка, например. Возможно, вообще все программы закончились.

Машинально, прошлась по разным каналам и, со вздохом облегчения выключив телевизор, завалилась на кровать, не раздеваясь.

Бухнулась прямо поверх покрывала.

Неожиданно захотелось прыгать, петь и плясать! Да хотя бы встать на голову. Попыталась изобразить из себя йога. Только по стене и с третьей попытки что-то получилось.

Необъяснимое чувство чего-то хорошего, доброго и счастливого охватило меня, словно ветер, и закружило, закружило в сияющем звонком водовороте.

Сильно и сладко защемило сердце…

26

Утром раздался звонок.

Я вскочила и босиком помчалась к телефону, но звонили на этот раз в дверной звонок! Звук другой, спросонок я не сразу сообразила.

Звонили очень настойчиво, и я, поскольку спала одетой, сразу открыла.

Передо мной стоял Алексей…

Я, повинуясь какому-то безотчетному порыву, бросилась к нему навстречу.

– Знаешь, я подумал, что еще не поздравил тебя с Новым годом!

О-о-о-о-о! Это был Олег!

Теперь-то, трезвая и хорошенько отоспавшаяся, я не могла перепутать его голос!

– Ты извини! Я тогда наговорил чепухи. Мне кажется, мы действительно могли бы быть вместе. Я соскучился. Мне тебя не хватает. Ты знаешь, я после того разговора, много о тебе думал. Даже как будто присутствие твое постоянно ощущаю, – «Алексей?» мелькает у меня нелепая мысль, – Да, у меня девчонок много, но такая, как ты, одна!

«Олег!» – почти с облегчением, решаю я. Вот, сбылось желание. Заказывали? – Получите!..

Я вздохнула и пошла на кухню, ставить чайник, когда еще вода наберется…

После кофе Олег приступил к обычным приставаниям. Набор его ухаживаний, по-моему, слишком однообразен. Как это могло мне раньше нравиться?

Кое-как удалось от него отделаться.

Соврала, что нужно срочно на работу. По субботам ведь в библиотеках рабочие дни, да и по воскресеньям, кстати, тоже.

А читатели ждать не будут, пока он удовлетворит свои инстинкты.

Прощаемся в метро, чмокаю в щеку и, поворачиваю в сторону вокзала.

Билет на электричку.

Бегом по платформе. Место у окна. Ничего с собой не взяла. А, обойдется! Адрес?! – Адрес с собой.

Куда еду? Зачем?

Дура, мало тебе новогодних приключений!

Дурища!

Проезжая свою станцию, вижу на противоположной платформе знакомую приметную куртку – серая, с капюшоном! Владелец куртки оборачивается.

«Алексей!»

В последнюю секунду успеваю выскочить из электрички.

«Алексей!» – громко ору я, чтобы на этот раз не обмануться. Электричка отбывает и заглушает мой крик. Вряд ли он меня заметил.

Нет, заметил, заметил! Стоит и, улыбаясь, смотрит. Электричка уже кончилась, просвистела мимо, вся, до последнего вагона.

– Ты как здесь оказался?! – кричу через железнодорожные пути. Ничего умнее не могла спросить?

– Случайно не в ту электричку сел! – кричит он в ответ и смеется.

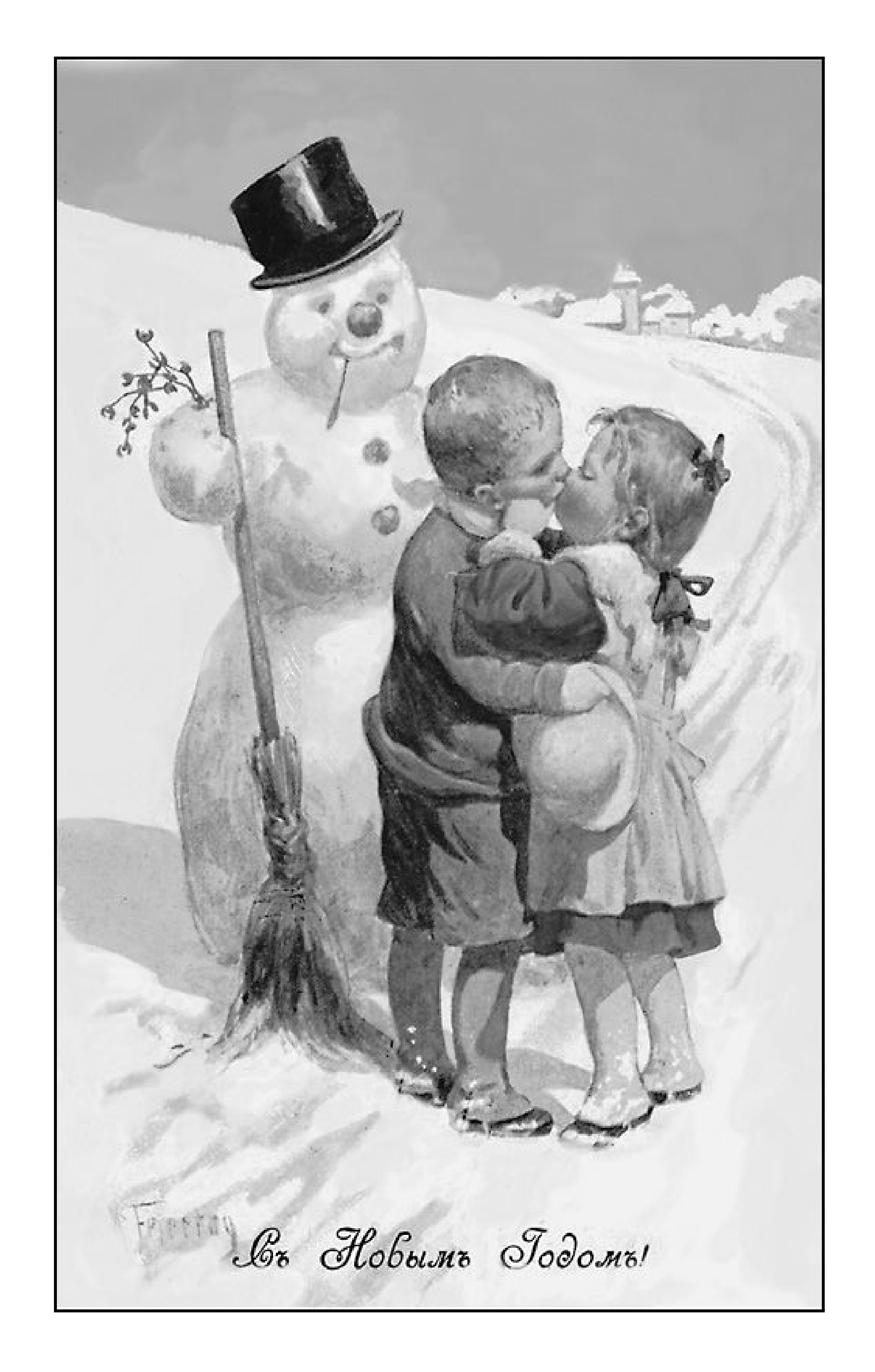
– А я что, зря билет, что ли, покупала?

– Выходит, так!

Алик прыгает с перрона на рельсы и сбегает по насыпи прямо под нашей платформой.

Я мчусь вниз по лестнице, надо его отругать! Сумасшедший! Прыгать на рельсы!

Но мне радостно и ругать его совсем не хочется…

Съ Новымъ Годомъ!

Сергей ТРЕНИН

Планетка Виви

Вингерт прижался носом к прохладному пластику купола. Снаружи стояли привычные сумерки. Край вечных сумерек... Фермы маяка едва просматриваются, хотя до них рукой подать. Солнце отсюда выглядит всего лишь яркой точкой, его света хватает только на то, чтобы не дать покрывалу непроницаемого мрака полностью окутать маленький ледяной шарик, болтающийся в бездонной звенящей пустоте. Зато в любое время отсюда можно наблюдать звезды, и этому занятию не мешают ни облачность, ни рассвет и ничто другое. Звезды здесь постоянны. Они горят, не мерцая, круглые сутки, и неколебимый узор созвездий навевает хрустальную отрешенность безмятежного немыслия. Если потрудиться и вытащить из домика кресло, то, развалившись на мягких подушках, можно пребывать в таком «отключенном» состоянии сколь угодно долго, целиком обратившись в пассивное созерцание, и ощущая себя растворенным в континууме мироздания. На другой стороне иначе. Там покой небесных сфер нарушен тоскливым полосатым пятнышком Юпитера. Юпитер упорно торчит над выпуклой линией горизонта, иногда подмигивая Большим Красным Бельмом. На той стороне всегда чувствуешь себя немного тревожно и потерянно, не имея возможности укрыться от этого назойливого «подсматривания». И все же иногда туда тянет какая-то неведомая сила, что-то специфическое в душе... Он уже давно не был на юпитерианской стороне. Может быть, завтра, когда окончится новогодняя ночь?.. Впрочем, о какой ночи может идти речь? Ночь и день здесь зависят исключительно от стрелок часов, отмеряющих интервалы земного времени... Вингерт отклеился от барьера, отделяющего его уютный мирок от ледяного безмолвия остальной поверхности астероида, и бросил взгляд на светящийся циферблат – через пару часов мимо должен пролетать тот самый почтовик, что неделю назад вместо нового стабилизатора для маяка сбросил в капсуле целую тонну кошачьих консервов. Скорее всего, это было чьей-то глупой шуткой. Трудно поверить, что на Ганимеде развелось такое количество кошек.

Черный бархат небосвода перечеркнула падающая звездочка. На какое-то мгновение она зависла над планетой, казалось, раздумывая – упасть или нет, но потом, наконец, решилась и сгинула где-то справа.

Вингерт удивленно поднял брови. За весь долгий срок дежурства на Виви он ни разу не видел здесь падающих звезд. И откуда им взяться при отсутствии атмосферы? Внезапно он понял, что именно падаю-

щих звезд и не хватало ему во время условно вечерних астрономических бдений. Скользящие вниз по небосклону догорающие искорки несут в своей бренности крупицу легкомыслия, делающую ближе и доступнее грандиозную величавость вселенной. Да, падающих звезд определенно не хватало раньше. Но каким образом появилась эта? Вот оно, чудо в новогоднюю ночь! Повеселевший Вингерт зашагал обратно к домику, на ходу придумывая, как отметить праздник. Может, попытаться синтезировать шампанское?

У порога его поджидал Дед Мороз. Самый настоящий – румяный, улыбающийся, с широкой бородой, в красной шубе с белой оторочкой, с посохом и объемистым мешком за спиной. Он приветливо щурился и похлопывал рукавицами, как будто замерз.

– Вы ко мне? – ничего другого Вингерту на ум не пришло.

– Конечно, дорогой мой, Максимилиан Вингерт. А к кому же еще? – радостно подтвердил Дед Мороз и принялся демонстративно озираться по сторонам.

– Тогда милости прошу. – Вингерт отворил дверь, и гость проворно протопал внутрь помещения.

– Чем обязан? – Вингерт действительно совершенно ничего не понимал.

– Как это – чем? – искренне удивился Дед Мороз. – Сегодня новогодняя ночь, а я – Дед Мороз. Разве не достаточно?

– Да, конечно... – Вингерт был окончательно выбит из колеи. Усадив посетителя в свое любимое кресло, он занялся приготовлением кофе, стараясь собраться с мыслями.

– А я к вам с подарком! – провозгласил Дед Мороз, видимо, сочтя паузу затянувшейся.

Вингерт украдкой оглянулся назад. Сидит себе как ни в чем не бывало... Шапка напялена по самые кустистые брови, нос пунцовый, валенки... Мешок, правда, положил на пол, а посох с резным набалдашником прислонил к спинке кресла.

– Подарок? Мне уже очень давно никто ничего не дарил, если не считать контейнера с завтраками для кошек. Жаль что я не принадлежу к семейству кошачьих и не смогу воспользоваться этим презентом...

– Да, мой дорогой, – согласился гость. – Провиант такого рода вряд ли пойдет вам на пользу. Однако не расстраивайтесь. Мой подарок настоящий.

– Очень рад, – промямлил Вингерт.

Кофе был готов. Теперь надо было отыскать сгущенку.

– Я исполню три ваших желания. Все как в сказке.

– Да? – Вингерт понимал, что выражать недоверие, по крайней мере, глупо, но ничего более осмысленного изобразить не смог.

– Благодарю вас, – Дед Мороз шумно отхлебнул из чашечки и блаженно прикрыл смеющиеся глаза.

– Что-нибудь еще? – Вингерт в растерянности застыл посередине комнаты, не представляя, что делать дальше.

– Теперь моя очередь обслуживать, – сказал гость. – Загадывайте желание.

Вингерт опустился во второе кресло. Для уверенности закинул ногу на ногу. Свалился шлепанец. В носке зияла дырка. Вингерт торопливо переменил позу.

– У меня нет желаний, – выдавил он наконец. – Я ипохондрик и мизантроп. Должность смотрителя радиомаяка дает мне в избытке то, чего я хочу. Одиночество, тишину, покой. Больше мне от жизни ничего не нужно.

Дед Мороз с любопытством посмотрел на него.

– Но ведь помимо желаний больших, перспективных, существуют желания маленькие. Их исполнение доставляет ничуть не меньшую радость. А маленькие желания, по моим скромным наблюдениям, есть у всех.

Вингерт молчал: «Вот, позволил втянуть себя в какой-то бессмысленный разговор, вместо того, чтобы попытаться разобраться, что же на самом деле происходит...» Однако традиционная ленивая созерцательность, ставшая на Виви его второй натурой, мешала перейти к активным действиям. «И может, смысл все-таки есть?»

– Вы исполните любые три желания? Любые?

– Ну, не совсем любые, – Дед Мороз, похоже, чувствовал себя совершенно как дома. Разве что не раздевался, соблюдая форму... или маскировку. («Неужели ему не жарко?») – Злонамеренные и чересчур глобальные не приветствуются. А в остальном – полный простор фантазии.

– Хорошо, – Вингерту захотелось его испытать. А дальше, как говорится, вскрытие покажет. – Но мое первое желание, возможно, покажется вам не вполне приличным.

– Валяйте, мой дорогой. – Дед Мороз был само добродушие.

– Видите ли, когда я был маленьким, то боялся Дедов Морозов. Они пугали меня своей внушительностью. А хуже всего – мешок за спиной. Мне казалось, что в нем не подарки, а непослушные дети, которых Дед Мороз забрал на перевоспитание в свою студеную страну.

Гораздо больше симпатий вызывала у меня Снегурочка. Она была независимой доброй феей, олицетворением нежности, ласки и веселой игры и как бы уравновешивала гнетущее присутствие Деда Мороза...

– Итак, вы хотите, чтобы здесь появилась Снегурочка?

– Да, но, извините, вместо вас. Маленький Максимилиан всегда досадовал, что Снегурочка не приходит на праздник одна, без сопровождения. Это реально осуществить?

– Проще простого.

Дед Мороз что-то буркнул себе в бороду и превратился в Снегурочку. В кресле, напротив изумленного Вингерта, теперь сидела очаровательная девушка в серебристой шубке, сафьяновых сапожках и с тугой пшеничной косой. Она выглядела хрупкой и непередаваемо воздушной, лишенной пошлости плоти. Только улыбалась немного менее жизнерадостно, чем пропавший вместе с мешком и посохом Дед. Вингерт поперхнулся кофе и закашлялся. Это превращение напоминало рядовой эпизод из виртуальной реальности. «Не хотелось бы оказаться в результате всего лишь программным фантомом».

– А вы, я вижу, до сих пор не верите, – Снегурочка обидчиво поджала губки. Ее голос был голосом обыкновенной юной девушки.

«Если это имитация, то идеальная». Вингерт вскочил и засуетился, ощутив себя мужчиной.

– Я сейчас попробую синтезировать шампанское. Иногда у меня неплохо получается...

– Шампанское? – переспросила Снегурочка и извлекла из воздуха запечатанную бутылку и два изящных бокала. – Извольте.

Это похоронило последние надежды Вингерта понять, что к чему, и он махнул на все рукой, и решил принимать все, как есть.

Снегурочка будто прочитала его мысли.

– Не ломайте себе голову, – сказала она, взмахнув бабочками-ресницами. – В новогоднюю ночь полагается случаться чудесам.

– Да, да, конечно. – Пробка выстрелила в потолок. Вино было игристым и шипучим. И превосходным на вкус.

– У вас впереди еще целых два желания, – Напомнила Снегурочка. – Шампанское не в счет.

– Какие еще могут быть желания, когда в Новый год твое одиночество скрашивает прекрасная юная леди?

Девушка деликатно улыбнулась, но ничего не ответила, и Вингерт, тотчас, почувствовал стыд за косолапый комплимент.

На счастье его осенила идея. Вингерт включил миникомпьютер и принялся делать какие-то расчеты на калькуляторе.

– Сорок четыре, – подытожил он, в конце концов.

– Что сорок четыре? – Ресницы-бабочки снова вспорхнули.

– Сорок четыре кошки. Да, мне нужно сорок четыре кошки. Это мое второе желание.

– Но зачем? – с исключительным обаянием удивилась девушка.

– Как зачем? Я же рассказывал Деду Морозу о тонне «завтраков для вашей киски»...

– Я, разумеется, помню, – нимало не смущаясь щекотливостью момента, подтвердила Снегурочка, – Однако от контейнера можно избавиться менее хлопотным способом.

– Нет уж. Они сами сбросили мне этот контейнер. Прецедент создан. Я обожаю кошек, а держать их на планетных телах диаметром меньше тысячи километров почему-то запрещается. И прочую живность – тоже. Хотя каждая станция оборудована гравитатором, позволяющим устанавливать в ее пределах желаемое тяготение. Я, как вы, наверняка, заметили, предпочитаю лунный вариант. Кстати, – Вингерт только сейчас спохватился, – может это причиняет вам неудобства? Я сейчас же перенастрою аппаратуру...

Снегурочка остановила его жестом.

– Не надо. Я ничего не имею против лунного тяготения. Оно действует освежающе. Но вы, Максимилиан, так и не объяснили, почему вам необходимы сорок четыре кошки?

– О! Очень просто! Чтобы съесть тонну консервов до окончания моей смены требуется ровно столько.

Снегурочка на минуту задумалась: похоже, она проверяла расчет.

– Да, пожалуй, вы не ошиблись. Но что станется с одиночеством, тишиной и покоем? Вы не боитесь, что вашим третьим желанием уже через четверть часа будет – поскорее избавиться от всех «мурок»?

– Не боюсь. Кошки меня никогда не раздражали. Знаете, какое самое успокаивающее занятие на свете?

– Гладить кошек? – с интересом предположила девушка.

– Не совсем. Еще благотворнее влияет на нервную систему наматывание пушистого хвоста на указательный палец, когда теплая кошка лежит у тебя на коленях и сонно мурлычет. Потрясающий эффект!

– Что вы говорите?! – восхитилась Снегурочка.

– А еще я хочу, – Вингерта понесло, – чтобы все кошки были толстые, пушистые и зеленые. Только не ядовито-зеленые и не горчичные, а такие, знаете, мягко-зеленые, как абажуры настольных ламп в публичных библиотеках. На Виви катастрофически не хватает моего любимого зеленого цвета. Совместить кошек и зеленое! Об этом я не мог и мечтать!

Снегурочка опять ненадолго задумалась.

– Зеленые кошки вряд ли сохранят способность размножаться, – предупредила она.

– Может, и к лучшему, – согласился Вингерт. – Я как-то не учел сей аспект.

– Значит, сорок четыре зеленые кошки, толстые и пушистые?

– Да.

– Хорошо, – просто сказала Снегурочка, и комната сразу позеленела. Снегурочка аккуратно поправила подол шубки. В ее глазах засквозила печаль, но Вингерту стало не до того.

Чудесным образом возникшие кошки тотчас принялись обживать новое помещение. Пушистые зеленые мячики запрыгали в разных направлениях, привыкая к малому тяготению. Отдельные экземпляры умудрялись зависать у потолка, вцепившись в какие-то незаметные неровности, чтобы потом плавно, словно маленькие парашютики, спланировать на пол. Другие предпочитали перемахивать с предмета на предмет, иногда сталкиваясь в воздухе друг с другом или натыкаясь на препятствия; при этом они оглашали пространство возмущенным «мявом» поруганной суверенности. Некоторые кошки пытались затеять драку, что у них, естественно, получалось весьма плохо. Одна из кошек мигом оценила достоинства гладких коленок Снегурочки и по-хозяйски устроилась там. Девушка погладила ее, потеребила загривок и затем приступила к наматыванию кошачьего хвоста на палец, как советовал Вингерт. Двое, по-видимому, матерые котищи, трезво оценив ситуацию, прильнули к ногам Вингерта, настырно урча и топорща шерсть. Вингерту не составило труда разгадать смысл их приставаний. Счастливый и взволнованный, он попросил у Снегурочки извинения за вынужденную отлучку и отправился распаковывать контейнер, послуживший поводом к кошачьему нашествию.

Обед вылился в форменную *котовасию*. Вингерт попробовавший вначале организовать упорядоченную раздачу пищи, вскоре плюнул на эту бесполезную затею и, предоставив едокам разбираться самостоятельно, слегка утомленный пережитыми страстями, возвратился в домик.

Снегурочка сидела одна-одинешенька и листала старый иллюстрированный журнал. Кошка, облюбовавшая ее коленки, разумеется, давно умчалась обедать. В комнате стояла привычная тишина.

– Еще не жалеете? – Снегурочка отвлеклась от журнала.

– Ни капельки! – заявил Вингерт. – Давайте и мы сообразим праздничный ужин. Вот только боюсь, моими «деликатесами» вас не соблазнишь.

– Спасибо, я не голодна. Лучше, знаете что, Максимилиан, пойдемте прогуляемся немного. – Теперь ее улыбка стала чуть-чуть кокетливой.

– С удовольствием, – Вингерт подошел и, бережно взяв протянутую руку, помог ей подняться. Тоненькая снегурочкина ладошка буквально утонула в его не слишком обширном пожатии.

Они покинули домик и неспешно направились в сторону потерны, напрямую соединявшей купол станции с маяком. Снегурочка держала его под руку, заставляя буквально млеть в блаженстве.

– Сегодня здесь упала звезда, – сказал Вингерт, просто ради того, чтобы что-нибудь сказать. – На Виви это такая неслыханная редкость!

– Она была красивая? – спросила Снегурочка.

– Очень! Она была обворожительная!

Они подошли к полукруглому своду потерны.

– Будем выходить наружу? – спросил Вингерт, – Запасных скафандров предостаточно.

– Вы забыли, что у вас есть еще одно желание, – вместо ответа мягко напомнила Снегурочка.

– Милая Снегурочка, вы и так сделали для меня чрезвычайно много. Я не знаю, как вас благодарить. Такой волшебной новогодней ночи я не припомню даже в детстве.

– Если вы хотите меня отблагодарить, загадайте желание.

– Вы настаиваете?

– Я прошу.

Вингерт задумался. Ему и вправду трудно было пожелать чего-то еще сверх имеющегося.

– Ага! – вдруг сказал он. – Пожалуй, я придумал, чего пожелать. Помните, желание Винни-Пуха иметь подарочную надпись на полезном горшочке? Пусть на ледяном челе моего астероида зажжется этакий яркий транспарант. Что-нибудь вроде: Планетка Виви. Точка. Добро пожаловать. Восклицательный знак... Уместится?

– Уместится, – сказала Снегурочка, – но я опять не понимаю, зачем?

– А просто так. Тут посветлее станет, да и пролетающим приятно посмотреть.

– Однако это снова вразрез с вашей мизантропией.

– Отнюдь! Паломничество мне не грозит. Поблизости редко кто пролетает. У всех свои дела. Не думаю, чтобы кто-нибудь откликнулся на мое предложение. Но все равно, когда глаза устанут от космической тьмы, любому приятно будет увидеть дружелюбное приветствие здесь, в такой глухомани... Я вас убедил?

– Да, – Снегурочка неожиданно крепко сжала его руку. Загляни он сейчас ей в лицо, Вингерт отметил бы, что она явно оживилась.

Снаружи купола резко рассвело. Будто столбы света синхронно выплеснулись из недр астероида и устремились ввысь. Изумленный Вингерт приник к прозрачному пластику. Он никогда не видел свою промерзшую «пустынь» при нормальном освещении.

– Не растает? – Вдруг забеспокоился он, глядя на беспорядочное нагромождение торосов, кратеров и трещин.

– Нет, – у ног девушки, выгнув дугой спину, отиралась одна из успевших насытится зеленых кошек. Снегурочка опустилась на корточки, чтобы приголубить ее, – Мне пора, – тихо продолжала она, немного спустя, – Моя миссия завершена.

– Я давно ждал этих слов, – отозвался Вингерт, не оборачиваясь, словно опасался, что девушка превратится обратно в Деда Мороза или еще во что похуже. Снегурочка подошла сзади и осторожно дотронулась до его плеча.

– Не грустите, Максимилиан, вы мне очень симпатичны.

– Правда? – Вингерт в волнении все-таки обернулся.

– Да, – Снегурочка опустила глаза, – Вы совсем немножко не дотянули до уровня.

– До какого уровня?

– Ну, видите ли, через установленные промежутки времени проводится, в некотором смысле, проверка существующих цивилизаций...

– Вот как?.. И что является критерием проверки?

– Три желания. Три желания среднего представителя.

– Так значит я – средний представитель? Но почему именно я?

– Для чистоты эксперимента необходима персона, свободная от суеты будней, от довлеющих стереотипов коллектива. На Земле разыскать подходящую кандидатуру сегодня проблематично, а одинокий смотритель – на периферии – в самый раз. Простите, меня. Впрочем, я сообщаю вам лишнее...

Вингерт молчал. Снегурочка заговорила быстро-быстро.

– Первые два желания оказались достаточно узки, но альтруизм последнего значительно повысил ваше реноме. Вы не дотянули ничтожную малость. Впрочем, по сравнению с предыдущими проверками, налицо очевидный прогресс. Да, да.

– А были и предыдущие?

– Конечно. Помните, «Сказку о рыбаке и золотой рыбке»? Разумеется, литературное воплощение унаследовало от изустной традиции массу искажений, но суть, в целом, передана. А еще более ранние

попытки приносили и вовсе удручающие результаты. Вы и представить себе не можете, какие желания загадываются на начальных этапах развития!

– Мне кажется, могу, – усмехнулся Вингерт.

– Нет, не можете! – вспыхнула Снегурочка, но тут же спохватилась и взяла себя в руки. – Извините, я иногда увлекаюсь.

– Ничего, ничего... – поспешил успокоить ее Вингерт. Теперь он с новым интересом смотрел на девушку.

Снегурочка чуть отстранилась и поправила косу, неожиданно в ее глазах блеснула надежда.

– Вы говорили, что скоро будет пролетать почтовик. А что если предложить шанс и его экипажу?

– Сообща достичь некоего уровня? По совести говоря, сомневаюсь. Во всяком случае, эта надпись едва ли вынудит их к посадке.

– А если изменить слова?

– Попробуйте, – ему не хотелось разочаровывать девушку. В конце концов, и отмеченное ею альтруистическое желание родилось от душевной лени, не более. А жизнелюбивые натуры способны такого нажелать...

Свет снаружи померк, чтобы через секунду возгореться снова.

– Что там теперь?

– Приглашение на чудеса. Когда они будут над нами?

Вингерт отогнул манжету, закрывающую часы.

– С минуты на минуту. Пойдемте на станцию, к блоку связи.

На этот раз уже он взял ее за руку.

Когда голос Кроули, наконец, замолк, Вингерт, оставив красноречивую тираду без ответа, лишь послал подтверждение приема и сразу отключился.

– Примерно этого я и ожидал, – сконфуженно произнес он. Человеческий род был только что посрамлен стараниями командира почтовика.

– Да, вы оказались правы, к сожалению, – Снегурочка ободряюще улыбнулась, – Не волнуйтесь, Максимилиан, в итоги проверки Кроули не войдет. Это была сугубо моя самодеятельность.

– Вот уж о чем я волнуюсь меньше всего... – Вингерт хотел добавить, что ему, в общем-то, безразличны нравственные успехи человечества, но почему-то сдержался.

– А что было бы, если бы мои три желания удовлетворили таинственному уровню?

– Этого я не могу вам открыть, – Снегурочка сосредоточенно покачала головой, будто убеждая себя, что данный вопрос лежит вне ее компетенции.

– Хорошо, – Вингерт чувствовал, что расставание неумолимо приближается. – Я не спрашиваю, кого вы представляете, но хотя бы – кто вы? Существо, фантом или, может быть, робот?

– Для вас я останусь Снегурочкой. Снегурочкой, явившейся сначала в образе Деда Мороза. Ладно? – Девушка стала натягивать варежки.

– Погодите! – Вспомнил Вингерт, – А как же с «Добро пожаловать»?

– Ой! – Снегурочка тоже забыла о внесенных коррективах, – Я исправлю, – За окном протяжно мигнуло, – Вот, все в порядке.

Она сунула руку в карман и вытащил оттуда еловую шишку. Это вам.

– Мне? – мгновение назад Вингерту казалось, что его больше ничто не способно удивить.

– Дистанционный выключатель, – объяснила Снегурочка, – Когда вам надоест освещение и захочется звездного неба, достаточно несильно сжать эту штуку, и надпись погаснет. Если сжать еще раз – опять возобновится, и так – сколько угодно.

Вингерт недоверчиво осмотрел выключатель. Настоящая еловая шишка, даже с запахом смолы, только не липкая.

Снегурочка уже стояла у порога.

– Это ваш последний подарок?

– Да, – прощальный взмах ресниц-бабочек и вязаной варежки. – Прощайте, Максимилиан Вингерт.

– Прощайте, Снегурочка, мне было с вами очень хорошо.

* * *

– Что за черт?! – выругался капитан почтовика Кроули. – Этот отшельник Вингерт даже не желает со мной разговаривать! Подумаешь, перепутали контейнер! Это еще не повод устраивать дешевое шоу со световыми эффектами!

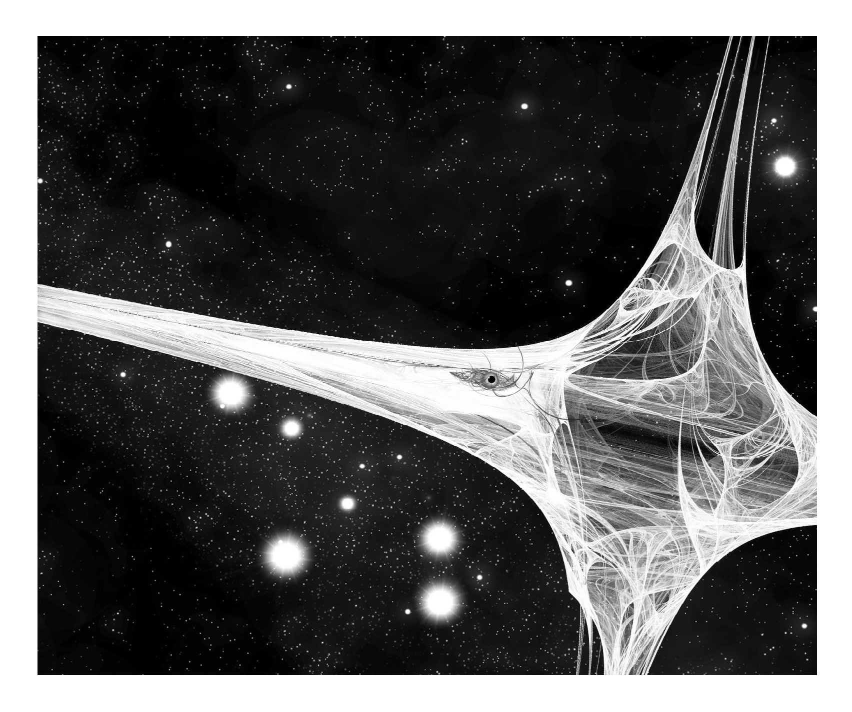
Капитан еще раз посмотрел на экран монитора. На солнечной стороне астероида отчетливо читался призыв: «У нас сегодня чудеса, восклицательный знак. Ждем в гости, восклицательный знак».

«Должно быть, бедняге пришлось попотеть, лазая по своим стоячим айсбергам с цистерной краски!» – злорадно подумал капитан и тут же забыл об инциденте, погрузившись в занудную будничную работу.

Как обидно, что чудеса бывают так редко... Конечно, не всякий посчитал бы чудом то, что произошло с Вингертом. У каждого свой вкус. Для нашего отшельника этот случай был настоящим чудом.

Астероид, где он дежурил практически бессменно, был открыт неким Вильямсоном, и, именно поэтому к планетке приклеилось неофициальное прозвище «Виви», составленное из начальных слогов фамилий первооткрывателя и смотрителя маяка.

Сейчас Вингерт снова стоял, прижавшись лицом к пластику купола, и смотрел на световые лучи, уходящие в условное небо. Неожиданно для себя он понял, что до конца жизни будет мечтать о новой встрече с неведомой гостьей или гостем. Хоть это и глупо, но ему пришло в голову, что его кошкам будет скучно. И неплохо было бы сразу заказать и мышек для полного комплекта, чтобы зеленым друзьям было на кого поохотиться. Разумеется, он понимал, что это не причина для возвращения Снегурочки, но все же...

Работа Николая Заруцкого

Ляпсус Редакции

Работа Екатерины Митиной

Редакция «Золотой нити» просит прощения у Ольги Александровны Лятос (автора альманаха) за нашу досадную опечатку в прошлом выпуске и еше раз публикует правильные тексты ее стихотворений

Ольга ЛЯТОС

Студентка ФЭЛ СПб ГЭТУ Императора Александра III

***

Я вся дрожу.
И вся теряю память.
Как воздухом тобой дышу.
Но не могу тебя обнять...

Как тяжек труд.
Быть просто кем-то.
Ты темен, чужд как незнакомый пруд…
Я признаюсь в любви, зачем-то.

Оставить хочется мечты
И в дом пустить густую осень...
Но нет в душе спокойствия и вечной тишины...
Да я люблю тебя... и очень.

* * *

Мои среди границ ветров.
Глаза оплакали тебя.
Я заблудилась в вихре слов.
Какая глупость ... Кто же я?

Редакция альманаха «Золотая нить» приносит глубокие извинения одному из авторов прошлых выпусков «Золотой нити» Ольге Александровне Лятос за нашу досадную оплошность, которая могла быть истолкована как невнимание к ее таланту. В прекрасном, благоухающем свежестью и чистотой стихотворении г-жи Лятос «Я вся дрожу,…» вместо трогательной последней строфы:

Оставить хочется мечты
И в дом пустить густую осень...
Но нет в душе спокойствия и вечной тишины...
Да я люблю тебя... и очень.

по вине нашей редакции была напечатана версия:

Оставить хочется селедку и блины...
И в дом впустить густую осень...
Но нет в душе спокойствия и тишины...
Да я люблю тебя... и очень.

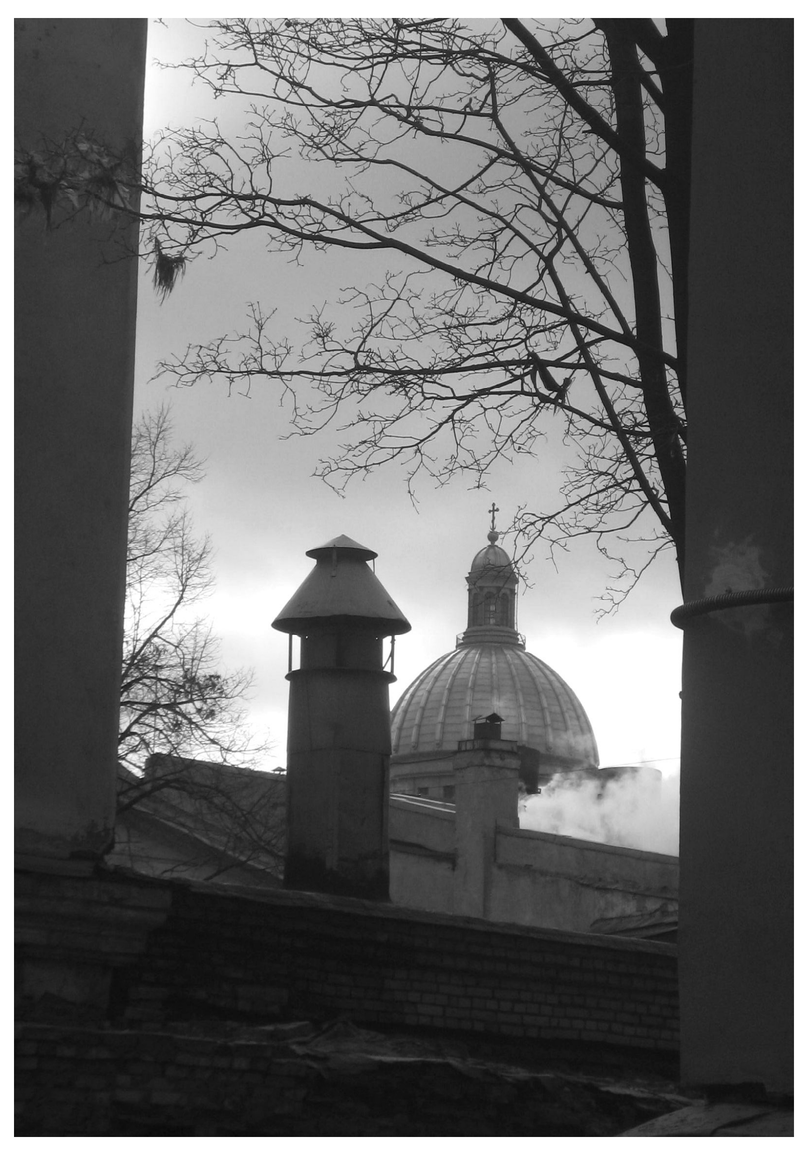
Никакого намерения обидеть г-жу Лятос ни у кого из членов редколлегии не было. По-видимому, собираясь исправить рифму в стихотворении, кто-то из членов редколлегии, любуясь фотоработой г-жи Митиной, посвященной масленице и изображающей, в частности, блины и рыбу, написал рабочий вариант правки, собираясь его позднее доработать и согласовать с автором. Однако потом об этом забыли и думали, что уже исправили. Корректор, проверяя лишь точность рифм и не вникая в содержание стихотворений, также ничего подозрительного не заметил. Наконец, сама г-жа Лятос на презентацию оригинал-макета, когда авторы подписывают в печать окончательную версию своих стихотворений, не пришла, и поэтому текст был напечатан в такой нелепой версии. Редакция еще раз приносит самые горячие и искренние извинения г-же Лятос.

Напоминаем также, что следующее столь же прекрасное стихотворение г-жи Лятос «Мои среди границ ветров…» было также изменено в последнем стихе с согласия г-жи Лятос. В первоначальном авторском тексте было:

Какая глупость... Кто же я?

Именно заботясь об уважении читателей к таланту г-жи Лятос и боясь произвести комический эффект, редакция альманаха заменила риторический вопрос лирической героини этого стихотворения «Кто же я?» другим риторическим вопросом: «Где же я?», что лишний раз доказывает наши исключительно добрые намерения и наше глубочайшее уважение к г-же Лятос.

Город мой железно-серый

Работа Екатерины Митиной

Николай АРТЕМЕНКО

Ночная симфония

Разъезжаются гости домой,
Светлый сумрак повис над Невой,
А ночной дирижер
И мажор, и минор
Зажигает воздушной рукой.

Ноте «до» молча внемлет Нева,
Тихой рябью волнуясь едва,
Но не дремлет моряк,
И Андреевский стяг
Неизвестные шепчет слова.

На асфальте в лучах фонарей,
Красных, желтых, зеленых огней,
В свете тающих фар,
Нагнетая пожар,
Нота «ре» раздается сильней.

Дирижер в музыкальной цепи
В руки ветру дает ноту ми,
Что-то шепчет листва,
Словно низкое «фа»
Над травой пронеслась по степи.

Нотой «соль» беспокойный прилив
Порождает холодный мотив.
Вторит ветру волна,
И немая луна
Слышит гордый немолчный залив.

А у храма в завесе ночной
Нота «ля» пролилась тишиной.
И пищат у воды
Нотой «си» комары,
Перед алой, цветущей зарей.

Вновь закончится нотный листок,
Пламенея, забрезжит восток,
Но вернется луна,
Зажелтеют дома,
И к струне прикоснется смычок.

Надежда БАРАНОВА

* * *

Зачем не весел, друг Евгений?
Зачем молчанием томишь?
Кругом тоска и чьи-то тени
Среди обледенелых крыш.

Темнеет раньше – что поделать?
Светает позже с каждым днем.
Приелась осень до предела
И мы зимы сидим и ждем.

Виктория БОРЩЕВСКАЯ

Ностальгическое

Какая быстрая дорога…
Сергей Щепотьев

Еще нет Павловска, но властвует Версаль.
Мишель Мерсье[1] ничуть не постарела.
Не кажется банальным Поль Феваль[2].
Балованному счастью нет предела.

И я успею сделать все подряд.
Библиотека. Лекции. Влюбленность.
ЛИТО и тренировки. Летний сад.
Беспечнейшая целеустремленность.

Так с высоты бесценных 20-ти
Все можно предсказать и соизмерить.
И, думаешь, открыты все пути.
И так легко по-честному поверить,

Что творческие люди не "сдают",
Что малодушных нет существ на свете.
Не замечая дрязг и пересуд,
Ловить себе весенний дерзкий ветер…

---

[1] Мишель Мерсье – французская актриса, известная ролью Анжелики в цикле фильмов по романам А. и С. Голон

[2] Поль Анри Феваль (отец) – французский писатель, автор историко-приключенческих, авантюрных, мистических романов и рассказов

… … … … …

Сейчас с иной взираю "высоты".
Другие разговоры и вершины.
Встречаются уроды и шуты,
И редко – настоящие мужчины,

Как запах дорогого табака
И чашка золотого шоколада…
И каждый день – привычный "день сурка",
Не очень-то желанная награда,

Когда работа, дом и гололед,
И жалкие попытки не "сломаться",
Да "окололитературный" сброд,
Привыкший ухмыляться и кривляться.

Вот ждешь, как чудо, каждый выходной,
Как будто это выездная виза.
Но нужен ли твой мизерный покой,
Чтоб убивать полдня на телевизор,

На сериалах тратить время зря?..
– Что там сегодня? – "Красная капелла".
И я замечу, словно "про себя":
– Мишель Мерсье так сильно постарела.

Центр города

Мансардовый, крышами ввысь устремленный, пустой
(Верней, опустевший сиротски и неодолимо),
Вторым зазеркальем являет над темной Невой
Новейшие сплетни и старобылые мотивы.

В пустых внеоконных проемах стоячей воды
Истраченным гримом хвалящийся на карнавале,
Не он сводил или путал слова и следы?
Не с ним ли мы новые песни свои колдовали?

Слепили лучи иглостойкие своды над ним
И сотни пророчеств в единое ткали пространство.
И зимне-сиреневый, марсовый урбанистический дым
Входил в непреложный состав порошка постоянства.

Вернее удачи у нас, неудачников, нет.
Используем это на благо сказаний, легенд и историй.
Так новые здания здесь прорастают на свет,
Хайтэковски-нагло взрывая суть прежних теорий.

Ксения БУРЖСКАЯ

На маяк

Моя дорогая!
Здесь солнце масляно
И выглядит, как фитиль.
И, обжигаясь об море,
Нетерпеливо гаснет.
Здесь чайки рубят
Перчатками полосу
Горизонтальную;
Самоубийца-жук на краю кормы Ожидает казни.
И странным волком
Гудит волна,
И рефреном звонким
Бьется якорь надежный
О дебаркадер.
Небо падает грудью
На воду, теряя маяк –
Мигающий и остроносый –
В ладонях заката.
Моя дорогая,
Здесь нет моряков,
И пассажиры на палубах
От безделья маются.
А мне отчаянно в этом
Безбрежном роуминге
Тебя не хватает –
Каюсь.

Работа Даниила Шишкина

Наталья ЗАБЕЛИНА

Петербургские облака

1.Город

В этом городе я улыбаюсь,
Краем неба тону в облаках.
Каждый шаг здесь запомнить стараюсь,
Сохранить образ счастья в глазах.

Через мост расстоянье к надежде
По реке, поднимаясь, лететь.
Бог хранит этот город, как прежде,
Быть не хочет как все и стареть.

Эти темные воды волнуют,
Сердце сковано их широтой.
Корабли величаво рисуют
Под мостами маршрут золотой.

Здесь все просто и будто знакомо,
Суета и метро как музей,
Здесь все так, как будто ты дома,
Не хватает лишь близких, друзей.

Дождь-загадка, он не предсказуем.
Рядом с солнцем он мирно живет,
Но все счастливы даже в грозу, и
Дождь с небес ежедневно здесь льет.

Эти белые ночи как праздник,
Как продление жизни на миг.
Я к безумью от счастья на грани,
Но не видит никто, кто привык.

Ангел крыльями сны охраняет,
Город спит, отдыхая от шума.
Красоте я твоей доверяю
И люблю тебя, город, безумно!

2. Пейзаж

Раскрытое небо на голых ветвях,
Свобода надежды и пропасти страх.
По нотам разыграны ветром
Вопросы любви и ответы.

Застывшее время в теченьи реки,
Все так далеко: ты зови – не зови.
Так пасмурно, тихо и страшно,
Сегодняшний день, как вчерашний.

Печалью холстов Пикассо и Дали,
Фрагменты любви прямо в сердце легли,
Так странно, так пропастно-тихо,
Ни стона, ни взгляда, ни всхлипа.

Раскрошены в памяти ленты дорог,
Молитва о встрече в подаренный срок.
Вечерний сумбурный пейзаж
Рисует любви карандаш.

Работа Даниила Шишкина

3. Я иду

Зависимость после атаки,
Оставшийся хлеб миражей,
С глазами верной собаки
Я пью широту площадей.

Щекочет мне сердце волною,
Дорогою солнца Нева,
На встречу шагаю с тобою.
От мыслей шумит голова.

Мой мост поднимается в небо
Потоками ровных домов,
Лицо озаряется светом,
Мне жарко от быстрых шагов.

Я вижу тебя во всех лицах,
Но знаю, что это - не ты.
И надо бы остановиться,
Увидеть другие мосты.

Услышать о чем кричат чайки,
Прервать глупых планов поток,
И в темно-аллеевом парке
Поймать вдруг упавший листок.

А осень ковром застилает
Дороги и судьбы людей.
Над городом ночь наступает,
Танцует в рядах фонарей.

В небес голубом стакане
С кусочками льда луна...
В вечернем прохладном тумане
Иду я к тебе одна...

4. Далеко

Прикосновение к вечности,
Холодное жжение душ.
Шедевры любви мимотечности -
Страницы измазаны в тушь.
Закрытое фото по памяти
Во снах пробуждает огонь,
Но вы уже, верно, не станете
Попарно: в ладони ладонь.

Заметно рисуется воздухом
Нежданной печали узор,
Промокшим изглоданным порохом
Не вспыхнет при встрече дозор.
Испачканы памятью, взглядами,
Записаны в первые дни,
Прекрасно, что врозь, а не рядом мы,
Окликни меня и пойми.

Заснежена улица правдою,
Забыта в соломе свеча,
Какой-то зеленой наградою
Хранится мечта сгоряча.
Завешены грустью, пороками,
Защелкнуты песни мои,
Нелепыми, душными строками
Ложатся на руки любви.

Не слышат глаза того голоса,
Не чувствует время тепло,
И хлебным наполненным колосом
Клонится душа далеко.

Юрий КОРОЛЁВ

Питер

"Даже великий философ может оставить банальную надпись"
(надпись на стене Петропавловской крепости)

1.

Побритого Петра китайцы обнимают,
Но абсолютной власти хоть бы хны.
Моржи закладывают, бомжи принимают
У неодетой крепостной стены.

2.

Смоленское скрывает коридор –
В другое время тонкую дорогу,
И я кремирую свой Беломор
На символической могиле Блока…

3.

Самоубийцы в бронзе держат строй,
Стоят безмолственно на Зимнем…
И с ветряною мельницей-луной
Сражаются на небе темно-синем.

4.

Весной поэты выползают из берлоги,
И атакуют близлежащую пивнушку,
Здесь выпивают даже греческие боги,
И Летний закрывают на просушку…

Лада КОРОЛЁВА

Полночь

Извечно, привычно, старо
Проляжет под лунность полуночи
Затишье заснеженных улочек
С таинственной связью дворов.

Качнется на звездных качелях,
Сыграет с прохожими в жмурки
Морозная ночь в переулке,
На час превращая в кочевника.

И ловится в сумрачный невод,
Раскинутый сетью проспектов
Малейший движения вектор,
Стремящийся вырваться в небо.

Во мраке, казавшимся древним,
Фасады – как книг переплеты,
Антенны и трубы – как ноты
Застывших звучаний и реплик.

Колеблясь легонько от ветра,
Фонарные желтые астры
Вкрапляются точечным растром
Чернотам бездонным в ответ.

Алексей ЛОТОЦКИЙ

***

Это становится призрачно, как бывает лишь ночью.
Я растворяюсь в кошках-переулках.
Два слоя краски на тусклых кирпичных клочьях.
Я замедляю шаг – я продолжаю прогулку.

Это становится ноющим так сладко.
Льдинки ветров пронзают асфальт прохожих.
Город может отдать мне лишь несколько ваттов.
А это становится тёплым, на что-то похожим.

Белая ночь приковала к себе ярким небом.
Силуэтами фраз, отзвуками сновидений.
Тоскою мостов, тонкой и хрупкой негой.
Полюбить полумрак – здесь нет тьмы, это тени.

Это станет зовущим уже так тихо.
Может, забудешь, может, и выжжешь в сердце.
Это ушедшее солнце за горизонтом.
Это ушедший день на обочине стынет.

Георгий ПЕТРЕНКО

Туман

Утро в северной столице,
Ни одной не слышно птицы,
Сыро. Я по лужам шлёпал.
Дождь ночной стекал со стёкол.

И туман клубился влажный
По домам многоэтажным.
Он укутал их вершины,
Пропадали в нём машины,

Улиц стройных ряд безмолвный,
В листьях жёлтых сад церковный,
Нависая надо мной,
Всё укутал пеленой.

Солнце, ветер вдруг проснулись,
Разом птицы встрепенулись,
Громкий свист их тишь взрезал,
А туман к Неве сползал.

Солнце ярче засияло,
Но меня не восхищало
Ни оно, ни неба цвет,
Ведь тумана больше нет!..

Не сыскал нигде тумана
В сердце града-великана.
Я вернулся. Снился мне
Туман, ползущий по стене.

****

Я по ночам у тёмного окна
Ищу чего-то в шуме шин шуршащих,
Когда свободна мысль и мысль ясна,
Просторно ей среди громадин спящих…
На горизонте призраки домов,
Из редких окон свет неясный льётся…
Чего ищу, зачем иду на зов,
Когда вдали автомобиль несётся?

Работа Валерии Колычевой

Светлана ФИЛИППОВА

Петербург

Мы живем средь привидений,
Странных знаков и явлений,
В трех глагольных временах.
Бум-м! Приснился сон вчерашний.
Бум-м! Несется всадник страшный.
Бум-м! На башенных часах
Стрелка-палец-перст костлявый
Черным ногтем величаво
Указует путь. Куда?..
Изливается вода
Из гранитной горловины
В лужу – в чашу – в котловину
С каменистым, склизким дном.

В доме с выбитым стеклом
Бледно-призрачную гостью
Принимает старый Росси…
День ли, ночь ли за окном?
Пелена. Когда же ведро?
По-паучьи смотрит Федор
Из расщелины двора,
И мерещится в тумане
То глаза голодной Тани,
То кошачий лик Петра.

*** * ***

Низкорослые улочки бывших
Рабочих окраин –
С воробьиными драками в желтой
Щетине акаций,
С отголосками всех революций
И всех демонстраций,
Нечто среднее между чистилищем,
Адом и раем.
Над чугунными плитами – запах
Супов и скандалов,
На дворовых скамейках – романов
Корявые строки…
Для кого-то исходная точка
Далекой дороги,
Для кого-то - запутанных тропок
Концы и начала.
…В панораму реки упершись
По-хозяйски перстами,
Венценосец не мыслит России
Без города-стража.
Я ж не мыслю мой город
Без Невского, без Эрмитажа –
И без вас, низкорослые улочки
Нарвской заставы.

На экзамене: Кто виноват?

Работа Сергея Симкина. серия «Звук Времени. Город»

А3. перо, тушь. 2000г.

Антон АЗАРЕНКОВ

Свет всегда рядом…

Я узнал о ней примерно месяц назад. В моей телефонной трубке впервые прозвучал этот странный голос, навсегда перевернувший мою жизнь. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю: не ответь я на тот поздний звонок, всё могло бы быть совсем, совсем по-другому...

Разговор получился тяжёлым, детали его рассказывать вам не стану, скажу лишь, что моя новая знакомая, назвавшая себя странным именем Агда, много плакала, в обрывках фраз её не было смысла, а в голосе – силы. Такое общение раздражало, но обрывать его мне почему-то не хотелось. Я не знаю, что меня тронуло в этой девушке: голос ли, такой безжизненный и слабый, непохожий на все те голоса, которые мне только доводилось слышать? А, может, нелогичная речь, полная непонятных слов, в которых только-только зародившаяся мысль умирала, так и не успев превратиться в законченную словесную форму? Так всё это было необычно и по-своему интересно, что я бросил свои напрасные попытки узнать, кто же скрывается под именем Агда, а просто стал слушать...

И слушал довольно долго. Незнакомка говорила много, как бы пытаясь рассказать мне всё, что творилось в её душе. Когда же пришёл момент прощаться, я с удивлением узнал, что уже почти утро. На часах было пять. Агда сказала, что позвонит вечером, и положила трубку. Кружилась голова. Я добрался до постели и тотчас уснул. Вскоре мерзкий звонок будильника возвестил о новом дне...

Обычный серый зимний день угас, едва родившись. Набежали хмурые тучи, укрывшие собой, казалось, весь мир. Но ближе к вечеру, когда старый больной ангел уже закончил вырезать из жести старых кровель блестящие звёзды и развесил их по небу, а затем, взмахнув остатками сожжённых крыльев, больше напоминающих обугленные провода, улетел домой, тучи рассеялись. Везде царил дух спокойствия. Он проникал в открытые форточки, дымоходы, окутывал теплом поздних прохожих, закрывал глаза детям. И лишь надо мной этот могучий дух не имел власти. Я сидел обеспокоенный, смотрел на часы и ждал. Звонок раздался уже ночью.

На сей раз моя собеседница вела себя совсем иначе. Агда смеялась, зачитывала мне выдержки из своего дневника, который, по её собственному признанию, она всегда держала при себе. В ней уже не было той вчерашней безысходности, так терзавшей её и без того больную душу. Остался смех, звонкий детский смех, радостный, но зачастую бессмысленный. В разговорах снова прошла вся ночь.

Отныне Агда звонила мне каждый день и с каждым разом вводила меня всё в большее замешательство. Мне было странно слышать её постоянно меняющийся голос, слова, похожие на запутанные нити, и смех, временами переходящий в слёзы. Все эти дни, когда я говорил с Агдой, мой бедный разум отказывался что-либо осознавать, но вскоре я понял, куда ведут нити этих странных слов...

Я стоял напротив невысокого старого здания, вперив глаза в вывеску. От времени буквы на дряхлой доске стёрлись, так что с трудом можно было разобрать слова. Психо-наркологическое отделение печально смотрело в серое небо глазницами решетчатых окон. Вокруг здания росли и растут по сей день высокие деревья, больше напоминающие готические шпили церквей Средневековья. Почти у самых макушек этих деревьев вьют свои нелепые гнёзда вороны, так что воздух вокруг всегда наполнен звонким карканьем. Но сегодня, на удивление, было совсем тихо...

Я вошёл. В лицо ударила волна затхлого воздуха, пропитанного запахом снотворного. Правее двери на кушетке спал бродяга. Через два часа он умрёт, но пока его пьяный сон ничто не омрачает. В этом доме живёт безумие, оно не боится смерти...

Три медсестры что-то обсуждали, склонившись над модным журналом. Одна из них, заметив меня, хотела было уже остановить незваного гостя, но, узнав, дружески улыбнулась и сказала, что доктор у себя. Я поднялся на три лестничных пролёта, подошёл к знакомому кабинету и постучал.

Врач сидел за столом, обложенный бумагами со всех сторон. В углу кабинета работал небольшой старый телевизор, шёл популярный детский мультфильм.

– Так вот чем занимаются психиатры в свободное время! – с усмешкой сказал я вместо приветствия.

– Ха! Это точно! Проходи.

Я снял куртку и сел на диван, по привычке направив взор на странный волнистый потолок, выкрашенный в белый цвет.

– Что стряслось? – спросил меня доктор, заполняя очередную историю болезни. Я вздохнул и начал говорить. Человек в поношенном белом халате слушал мой рассказ, не отрываясь от своей бумажной работы, а когда же я закончил, он поднял свой тяжёлый взгляд и улыбнулся.

– Агдой назвалась, говоришь? Хм... Ты правильно сделал, что сюда пришёл. У нас город такой: все дела либо через милицию, либо через этот вот кабинет. Ты и представить себе не можешь, сколько побывало здесь твоих знакомых! Город сходит с ума, скоро уже мест не будет

хватать в отделении! Кто спивается, у кого депрессия, кто просто чудит... Эх, весёлый у нас народ, что говорить! Вот недавно был тут один... – доктор остановился, поймав мой раздражённый взгляд. – Хм... Ладно, о чём это я? Ах да, Агда. Так вот, зовут эту девушку Светлана, ей не так давно исполнилось шестнадцать лет. В первый раз мама привела её ко мне года три назад. Тогда это был замкнутый ребёнок, не более того. Я был готов списать всё на переходный возраст, если бы не одно «но»: уж слишком у девочки было буйное воображение. Она видела мир не совсем так, как все... Точнее, Света строила свой мир вокруг себя, мир яркий и интересный, но опасный... И имя себе выдумала такое странное... Обычно она приходила сюда, садилась на диван, как раз на то место, где ты сейчас сидишь, – я поневоле заёрзал – и только и делала, что молчала. Я прилагал невероятные усилия, чтобы хоть как-то её разговорить. И вот однажды Света открылась мне. Она рассказала мне о мире, в котором живёт, о его обитателях, его законах. Этот мир, а точнее душа Агды, как стал я называть Свету, не принимал свет... Везде царила тьма, холод и одиночество, но всё же Агда находила там утешение. Это сводило её с ума...

Я до сих пор помню тот день, – продолжал врач, – когда её привезли сюда, наглотавшуюся таблеток. Реаниматологи тогда почти всю ночь эту дурочку откачивали! С того момента мы занялись ею уже всерьёз... Да, я её вытащил, но не смог понять до конца эту душу, так заботливо скрытую от посторонних глаз. Через два года Света выписалась. Я не слышал о ней уже одиннадцать месяцев, и тут ты с такими новостями... Значит, Агда ещё нуждается в помощи, и ты должен помочь. Конечно, если ты хочешь.

Воцарилось молчание. Именно поэтому зазвонивший на столе телефон так сильно меня напугал. «Дёрганый стал я в последнее время», – подумал я про себя. Пока доктор что-то кому-то объяснял по телефону, я попрощался и вышел из кабинета. В голове моей окончательно всё перемешалось.

Задумавшийся, я бродил по отделению и не заметил, как наткнулся на одного из его обитателей. Это была девушка лет двадцати, с длинными чёрными волосами и с детской раскраской в руках. Она смотрела на меня полными счастья глазами и улыбалась так искренне, как не улыбается, наверно, ни один здоровый человек.

– Хочешь посмотреть? – сказала она вдруг, протягивая мне свою раскраску. Я стоял и разглядывал яркие картинки с неподдельным восторгом: так эти нарисованные зайцы и котята были похожи на настоящих, просто на секунду замерли в своих нелепых позах....

– Так, Лена, что ты тут делаешь? Быстро в палату, скоро обход! – огласил больничный коридор грубый голос старшей медсестры. Она стояла в окружении молоденьких практиканток, держащих в руках купленные к чаю угощения, и явно не имела никакого желания сейчас возиться с больными.

– Ой, что это у него? – тоненьким девчачьим голоском вскрикнула одна из практиканток, уже выхватывая из моих рук раскраску. Я был так ошарашен её наглым поведением, что не успел удержать в пальцах небольшую цветную книжицу. Слушай, это не моё, но тебе лучше вернуть. Знаешь, хуже будет... – произнёс я, придя в себя.

– Она моя, отдайте! – взмолилась Лена, пытаясь вырвать свою раскраску из цепких рук практикантки.

– А ну-ка, Оленька, дай-ка посмотрю, – прохрипела медсестра, забирая злополучную книжонку у практикантки. – Так. Леночка, солнышко, это кто такой? – с показной добротой спросила медсестра, указывая грязным пальцем с неостриженными чёрными ногтем на раскрашенного зайца, изображённого на обложке.

– Это зайчик! – ответила Лена, мило улыбаясь – видимо, поверила этой лживой заботе.

– А это кто, – не унималась медсестра, – тоже зайчик?

– Да, зайчик!

– Леночка, солнышко, а у тебя самой ещё зайчики в глазках не прыгают? – насмешливо произнесла медсестра, чем вызвала бурю хохота у практиканток. – Значит так, Елена, – заскрипела «сестра милосердия», резко меняя тон, – больше никаких раскрасок тут, поняла?

Через мгновение красочная книжка, разорванная пополам, оказалась в мусорном ведре. Недавно весёлая и радостная Лена расплакалась и рухнула на колени. На неё было жалко смотреть.

– Так, девочки, в палату её. Вколите амитриптилин, пусть уснёт, потом чай будем пить, – как ни в чём не бывало прошипела медсестра.

Я с гневом смотрел на этих демонов в белых халатах, я знал, что сейчас скажу...

Через несколько дней уже почти выздоровевшую Лену поставили на особый контроль. У неё начались осложнения, на фоне случившегося стресса обострилась болезнь. Как сказал мне врач, скорее всего, это милое создание уже никогда не выздоровеет...

Но пока я ничего этого не знал, а просто шёл домой, постепенно успокаиваясь после перепалки с медсестрой и её окружением. Я спешил: был уже вечер, скоро должны звонить...

Позвонили, когда на часах была ночь. Агда вела себя обеспокоенно на этот раз, нервничала, срывалась на крик. Я был поражён и не мог понять, откуда взялась эта тревога. Мы опять проговорили до утра.

– Нам обязательно нужно встретиться, – под конец произнесла Агда. – Давай вечером, у кладбища, ага? В десять. Не опаздывай!

Короткие гудки... Я даже не успел ничего ответить! Странно, раньше она была совсем другой... Хорошо, в десять, значит, в десять.

Странное ощущение предчувствия. Мне совсем не хотелось идти на встречу, и в то же время я страстно её желал. Весь день прошёл как на ножах. Я не находил себе места, ныла грудь, как бы предчувствуя неладное, а в глазах стоял сплошной туман. Время тянулось предательски медленно, но вечер лениво, но всё же неизбежно приближался. И вот настал заветный час, восприятие обострилось, беда казалась уже совсем близко...

Я вышел из дому, когда до намеченного времени оставалось чуть менее получаса. Было уже темно, луна, окутанная чёрными рваными облаками, расплылась на небе грязно-белым большим пятном. Холодно... Снег валил мохнатыми хлопьями, скрывая грязь, которая была везде: на дорогах, на тротуарах, на стенах и крышах домов. Я просто шёл, стараясь не обращать внимания на мир вокруг. Боже, как тяжело идти! Казалось, что мой путь никогда не кончится, а я, обессиленный, поддавшись ветру, упаду на снег и больше не встану... Но я дошёл, не упал и увидел её...

Она стояла возле большой белой арки местного кладбища, облачённая в чёрный наряд, так что я с трудом различил хрупкий силуэт, почти сливающийся с темнотой.

– Ты? – я был уверен, что не ошибусь.

– Я, – произнёс знакомый слабый голос. – Пойдём.

Агда повела меня в глубь кладбища, туда, где стоит старая белая церковь, всегда мрачная и угрюмая. Нас обступили корявые деревья, особенно странные в тёмное время суток, стало совсем темно. В темноте белели надгробия, но слов было не разобрать. Старые, гнилые, покосившиеся кресты были облеплены снегом, и, казалось, они вот-вот рухнут. Глядя на мрак и покой кладбища, я внезапно осознал, каков же мир моей спутницы. Здесь я чувствовал себя чужим, одиноким странником, блуждающим с одной лишь целью – найти заветную дверь, дверь, которая выведет обратно. Этот мир не ждёт гостей и детей своих не крестит…

– Давай присядем, – Агда указала мне на ветхую лавочку у какой-то могилы. Становилось холодней...

– Стало быть, ты теперь всё про меня знаешь? – неожиданно раздался мрачный голос. Тут же слова унёс резкий порыв ветра. Я понял, что отпираться бессмысленно.

– Да. Откуда узнала?

– Не важно. Ты оказался предателем, мы ведь договаривались не рассказывать другим. Ты причинил мне боль, ты негодяй, ты недостоин...

Наступило неловкое молчание. Мы сидели неподвижно, оглядываясь по сторонам, будто преступники, только скрывшиеся от погони. Первой тишину сломала Агда.

– Ты думаешь, я больна? О, нет, неправда! Если б вы все знали, кто я, вы бы по-другому заговорили! А ты, предатель, ещё ответишь за всё!

Я не мог больше слушать этот бред. Хватит! Я могу стерпеть всё, но если меня называют предателем...

– Прощай, – сказал я ей холодно и встал. Ужасно хотелось кричать, даже не знаю почему.

– Стой! – последовал гневный окрик.

Я остановился и повернулся к Агде. В руках у неё был нож.

– Ты думал, что просто так сбежишь от меня, трус?!

Стремительный удар наотмашь последовал тут же. Я успел лишь подставить руку, защищая лицо...

Сначала боли не было. Я чувствовал, как плоть мою режет холодная сталь, я чувствовал, как хлынула кровь, но совершенно не ощущал боли. Она пришла спустя лишь несколько мгновений, а пока я стоял, прижатый к дереву с ножом у горла.

– Ты сейчас умрёшь, понимаешь?! – прошипела Агда, сильнее надавливая на нож.

Я старался не двигаться, иначе нервы у моего палача не выдержали бы, а тогда...

Минутный испуг сменился неописуемым спокойствием. Страх куда-то ушёл, осталось лишь чувство «кто кого?».

– Послушай, Света, – я впервые назвал Агду по имени, чем немало её озадачил, – я даже понимаю тебя. Я знаю, что значит быть отвергнутым, когда вокруг одиноко и темно. Ты думаешь, я настолько прост, как кажусь? Нет, к простоте идут долго, через пути непонимания и обиды. Но поверь, это того стоит! Зачем строить свои миры, причём только для себя? Посмотри, тебе не хватает темноты здесь? – я глазами показал на ночь, которая уже вступила в свои права. – Я думаю, здесь её достаточно. Я же знаю, тебе давным-давно надоело видеть мрак, признайся! Все тебя ненавидят, все тебя боятся... Этого ты хотела, когда в детстве представляла себя королевой ночи? Тебе хотелось внимания, понимаю, но ведь сейчас от тебя уже все отвернулись, ты одна.

И ты убьёшь меня? Кто тогда будет тебя слушать и любить, если не я? Если хочешь убить, что ж, давай, только потом ты не выйдешь из сумасшедшего дома. Ты будешь жалеть, что сама погубила последнего человека, который мог тебя понимать. Выбор за тобой.

Нож предательски давил всё сильнее. Я посмотрел в глаза Агды, затем на тёмное небо, на луну и повторил:

– Выбор за тобой, решайся.

Пять мучительных мгновений... Рука изнывала от боли, на лбу проступил холодный пот.

– Прости, – Света опустила нож, – ты прав.

Она расплакалась. Такую, в истерике, я привёл её в психо-наркологическое отделение, ставшее на ближайший месяц её домом. Меня перевязали и отпустили. Когда я пришёл домой, тут же уснул. В школу опоздал, всё никак не мог решиться выйти из дома. Пришёл страх, мучивший меня одним лишь вопросом: «А что бы было, если?..» Наконец, я решился пойти к Свете.

На пути к кабинету врача я встретил угрюмую Лену. Я вручил ей целую пачку раскрасок и три набора карандашей, купленных мною в книжном магазине. Лицо её озарилось слабой, но всё же улыбкой. Говорят, что Лена пошла на поправку и вот-вот выйдет из больницы. Но это сейчас, а тогда это был измученный снотворным бледный силуэт, которому дали надежду. Вот как бывает важно дарить людям свет...

Врач сказал, что Света выписалась и собирается уезжать в Польшу. Я был ошарашен такой вестью. Домой пришёл невероятно опечаленным.

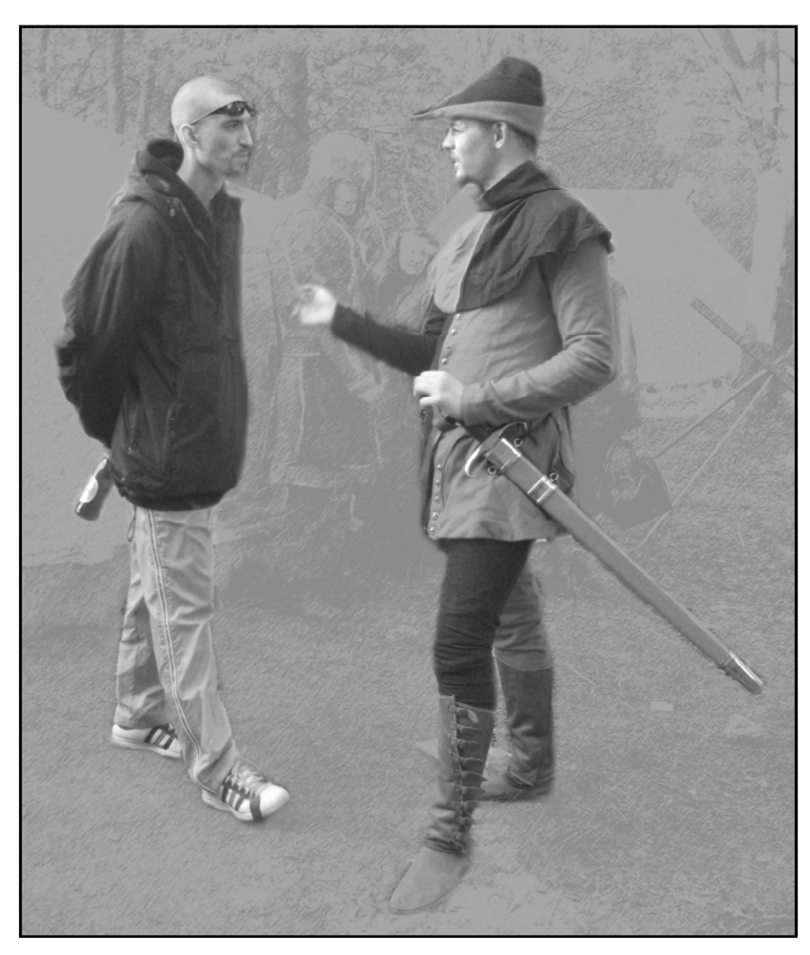
В последний раз голос Светы прозвучал в моей трубке той ночью.

– Да, привычкам ты своим не изменяешь, – сказал я с улыбкой, намекая на столь поздний звонок.

– Ха, точно! Знаешь, ты мне здорово помог, а я тебя чуть не прирезала... Прости меня, хорошо? Знай, я никогда тебя не забуду, всегда буду помнить. Я завтра уезжаю, наверно, навсегда. Родители увозят меня в Польшу, говорят, что здесь город плохой, всех с ума сводит. Прощай. Целую. Ещё раз прости...

Было раннее утро. Я смотрел вслед уходящему поезду, уносящему Свету от меня. Я знал, что так надо, но, чёрт возьми, как же иногда бывает скучно, когда расстаёшься с любимым человеком! Что ж, Агда, прощай...

Свет всегда рядом... Но как же бывает сложно его отыскать! Тогда свет находит нас сам. Наши души собирают его. Свет лечит наши души, а мы влюбляемся, расстаемся, строим, рушим... А потом всегда пустота... Чтобы её заполнить, нужен свет... Так пусть же круг этот никогда не прервётся!

Работа Юрия Королёва

Валерий АЙРАПЕТЯН

Студент ЛГОУ им А. С. Пушкина

Главные новости

Спешу на работу. Не люблю опаздывать и поэтому спешу. Выхожу у метро. Навстречу мне толпа разодетых людей, тоже спешащих, и все мы похожи на пингвинов. Проходя мимо Газетного Киоска, взглядом схватываю главную новость и каменею: «У ДЖОРДЖА КЛУНИ ВЧЕРА СКОНЧАЛСЯ КАРЛИКОВЫЙ ПОРОСЕНОК МАКС». Меня обдает нервной дрожью. Пробиваясь сквозь людской поток, подхожу к Киоску.

– Это правда? – спрашиваю я, у печальной продавщицы.

– Да… – усталым от грусти голосом, вещает она.

– Как это произошло?

В трагические моменты, не всегда находишь нужные слова, и пораженный скорбью мозг выдает шаблон.

– Врачи сказали инсульт, – еле слышно произнесла продавщица и стиснула, задрожавший в преддверии плача подбородок, – Все… все….

– Простите. Крепитесь.

Отхожу в сторону и вглядываюсь в лицо Клуни, убитого горем. На черно-белом фото, актер в окружении друзей, погруженных в скорбное молчание. Рядом, в цвете, покинувший нас поросенок. Милый и наивный Макс…

Забывая о работе, автоматически бреду к маршрутке, не понимая, почему не спущены флаги и не объявлен День Скорби. Влезаю в маршрутку. Грустное единение осунувшихся лиц. У женщин заплаканные глаза.

– Сочувствую… – оборачивается ко мне краснолицый водитель.

– Мои соболезнования, – отвечаю я.

Такое горе единит людей. В этом, должно быть, главная добродетель смерти.

На пол пути к работе чувствую, как сладкий комок душевной боли подпирает горло.

– Остановите у светофора…

– Да-да, конечно. Не падайте духом. Мы должны держаться, – бодрит меня добрый водила.

– Спасибо! И вам…. И вам…

На остановке, больше не в силах совладать с собой, исхожу в рыдании. Успокоившись, набираю шефа.

– Валентин Сергеевич, здравствуйте. Я не в силах выйти на работу.

– Не расстраивайтесь Виктор, – тяжело вздыхает директор, – Я слышал о трагедии. Сегодня я всех отпустил. Езжайте домой, побудьте с близкими…

– Спасибо вам, спасибо.

Дома – я, жена, дочка и теща – предались молитве, чтобы Бог, не оставил Джорджа в постигшей его беде. Вечером коллективный просмотр телевизора. Новости. Понурив взгляд, диктор озвучил трагедию. За его спиной, фоном, грустно глядел на нас поросенок. Наверное, чувствовал, что скоро…

Репортаж из Японии. Девять самураев, из Общества Охраны Традиций, убитые новостью, совершили харакири у подножия Фудзиямы. Во Франции на месяц закрыли для посещения Дисней Лэнд и Мулен Руж. Великую Китайскую Стену покрыли записки от граждан КНР, миллиардно сочувствующих Клуни. Британское Королевское Астрономическое Общество, именем поросенка назвало планету в созвездии Дев.

Ночью не спали. Обсуждали будущее. Жизнь, все-таки продолжается. Нам будет тебя не хватать – славный карликовый хрюша. Утром, не позавтракав, в грустном смятении ковыляю на работу. Толпы несутся молча, и каждый погружен в себя. Единение…

На работе встречает меня директор отдела рекламы Татьяна Валентиновна, дочь шефа. Никогда не видел ее такую – мраморно-бледную, с выражением глаз, в которых застыл ужас.

– Ему отдали все почести. Мы его не забудем. – пытаюсь хоть както подбодрить ее.

– Виктор… Виктор, – мертвецки зашептала она, вышагивая в мою сторону. – Пэрис Хилтон… рассталась со своим бойфрендом.

Все, что я помню после этих слов, так это взбесившиеся в воздухе кругляши, то мерцающие, то непроницаемо черные, помню тошноту, и мое падение, разрушающее окружавшую меня офисную предметность.

Очнулся в отделе сбыта, обнаружив себя лежащим на рабочем столе, вокруг которого столпились сотрудники. Вспомнив последнюю новость, нервно вздрогнул.

– На выпей, – сказала Татьяна, протягивая мне стакан. – Это тебя успокоит.

Осушил залпом. Стало легче. Надо срочно позвонить жене, а то мало ли чего может натворить женщина, объятая горем.

Метро

Я обитаю в мире прострацый, сидя на глубине 110 метров, между засыпающим господином и бойкого вида девчушкой. Меня обдаёт ветром и ароматом подземелья. Моё окружение состоит из полуспящих, получитающих людей, видимо сбежавших с полотен Босха. Некоторые из них похожи на ящериц, иные на озябших воробьёв, третьи напоминают причудливых хищников.

Отражающие нас стёкла – пленники ночи – давно не внушают доверия. Слегка покачиваясь, исследую своё отражение. Справа – налево куда лучше, чем наоборот. Пока поезд растягивает резину пространства, моё подсознание, вырывается наружу, поглощая содержимое вагона алыми языками протуберанцев.

Со стен кричат рекламные вывески, сулящие мне немедленное блаженство, в случае приобретения такой-то вещи. Среди сюжетов, наиболее распространенный представлен дружно улыбающимся семейством, пораженным великой радостью. Их рты растянуты на манер перевёрнутой радуги. За губами толпятся сияющие зубы. Мать чиста и прекрасна, её блуза пастельных тонов. Отец мужествен и не скрывает от нас ничего. Разнополые дети ухожены и накрахмалены, точно новогодние цифры, их мышцы в тонусе, а глаза в синеве. Здоровые жесты мягки и дружелюбны, как встающее из-за гор солнце.

«Сюда, сюда» - кричат их лица. И я, пораженный их гостеприимством, уже готов занырнуть в рекламную паузу, покинув мир засыпающих персонажей. Я почти, что решился окунуться с головой в сказку обещанных блаженств, но озвученная остановка рушит мой вдохновенный настрой.

Усилием воли, выталкиваю своё тело на освещённую платформу. Дух захватывает от мысли, что над нами толщи земли, реки, провода, трубы…. Даже мёртвые захоронены над нами!

Ступаю на подъёмник, оставив то, что позади – далеко за горизонтом. Эскалатор, впечатленный единством противоположностей, возвышает одних и погружает других. К свету и во тьму… «Воздаться им по делам их».

Внизу, у стыка платформы и подъёмных лент, в стеклянном саркофаге, медитативно восседает божество, разделяющее потоки. Полуоткрытые глаза его устремлены в точку, в которой пересекаются намерения каждого, особенно того, кто готов нарушить работу системы.

Мягким толчком меня выплёскивает наружу. За чередой тяжёлых дверей блуждает озадаченность мира. Третий раз за сегодняшний день я выхожу в открытый космос….

Четыре ипостаси

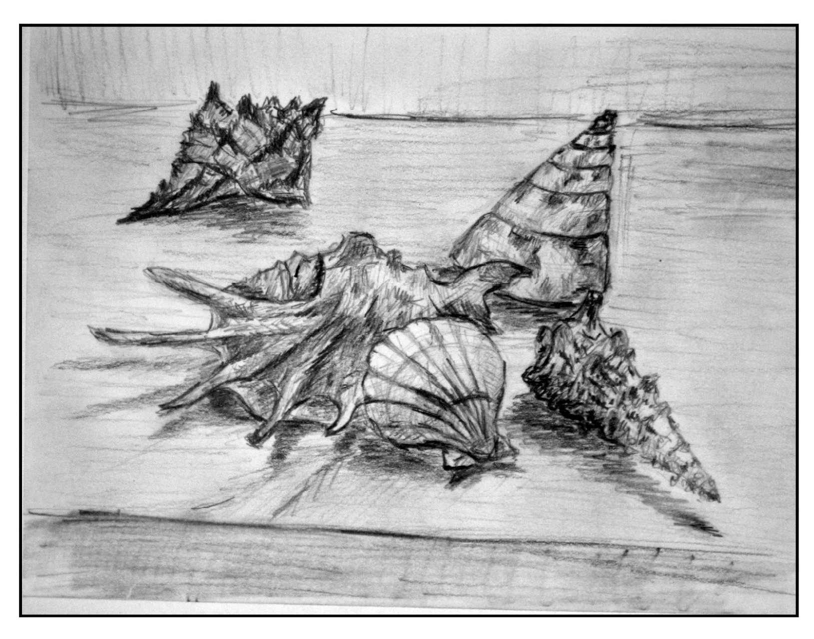
В кисельном потоке луны дроблюсь на субтитры. Или субличности. Разбрасываю неровные осколки своего «Я» по периметру прожитого дня.

Вот, одна часть меня утопает в общении с хорошо сложенной девушкой. Ее волосы льются по ветру, полоща мне небритые щеки. Я крепок и чист, как солнце в зените. Мои полости просторны. Под аппендиксом я взращиваю вдохновение для будущих поэм. Меня вдохновляет клоака и многоцветие радуги. Я – землянин.

Вторая часть моя задумчиво курит, облокотившись о парапет. Лицо, серьезное, как бюджет государства, не выдает правды. Глаза поглощают людской поток, по эскалатору впечатлений его забрасывает в подкорку. Эта масса со временем набухает, точно весенняя почка, нарождая ощущение беспокойства и какую-то, еще не классифицированную научно внутреннюю дрожь. Потом появляются тексты. И вновь равнодушие мира.

Третья субличность, в натуре, трет с пацанами. Душа компании. Руки, следуя строгой кавказской традиции, безостановочно транслируют содержание высказанных слов. Удушье и радость от чувства принадлежности к людям, которые живут так, словно давно уже решили для себя вопросы: «для чего?» и «почему?». Мне поддакивают и дружно смеются над всеми моими шутками, что означает лишь одно: я – их. А, следовательно, они – мои. Логика удручает меня, и я сваливаю в ветхозаветное никуда.

Четвертая ипостась обращена к небу. Идет дождь. Проносятся тысячелетия. Мое «Я» – коленопреклоненно. Мокрый ветер теребит лохмотья, тлеющих на мне одежд. Дождь идет так давно, что бетонные дома тают, как куски рафинада. Я не помышляю о движении. Чистое предопределение, настолько погруженного в себя сознания, что время застывает, не в силах убедить меня течь вместе с ним. Я жду сигнала. Жду повода, чтобы проснуться утром от надоедливого луча. Я забыл всех, и все позабыли обо мне. Стоны людей доносятся до меня, как трепет взлетающих птиц. Только вода оставляет во мне человека. Только вода.

Работа Валерии Смирновой

Александра ДЖАЛИЕВА

Студентка ГФ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Осколки сентября

Густые облака несутся над головой, цепляясь за верхушки по-осеннему черных елей. А впереди, в узком просвете над горизонтом, полыхает красно-рыжий закат. Хотя, если верить синоптикам, солнце село уже два часа назад. А, может, у него бессонница, и оно тайно выбралось из постели, приподняло тяжелую завесу туч и одним глазком наблюдает за мотоциклом, несущимся по мокрой дороге.

Скромный подержанный Suzuki – крошечная светящаяся точка в темноте. На нем – парень и девушка, вжавшиеся друг в друга. Он вцепился в руль, с трудом удерживая мотоцикл на мокром асфальте. Она спряталась за его спиной от жестокого встречного ветра. В туманных осенних сумерках на скорости сто двадцать километров в час все кажется призрачным, эфемерным. Все, кроме доверчиво обнимающих тебя рук и надвигающегося огненного зарева.

Слава лавировал между машинами, накрывая мотоцикл шатром брызг. Девушка вздрагивала от холодных капель, норовящих запрыгнуть ей за шиворот. Она на миг выглянула из-за Славиной спины, – и так и застыла, завороженная летящим навстречу светом. Казалось, вот-вот, – и они догонят заходящее солнце, но расстояние сокращалось медленно и неохотно. Ей вдруг ужасно захотелось положить голову Славе на плечо, коснуться губами его шеи. Но насильно водруженный на нее шлем делал их совершенно недоступными друг для друга.

В кармане у нее настойчиво завибрировал мобильник. Девушка вздохнула: ведь не отвяжутся. Она знаком попросила Славу остановиться. Они притормозили у обочины, и она, коротко ругнувшись, достала телефон.

– Не волнуйся, – поспешил утешить ее Слава, – еще чуть-чуть – и мы вне зоны доступа.

Девушка хмыкнула: скорее бы.

– Алло.

– Лариса, – прогремел в трубке гневный мужской голос, – что это значит: «уехала за город. Когда вернусь, не знаю»? Ты сдурела? Время – десять вечера. Куда тебя понесло? Я тебе дам, – такие записки оставлять. А ну немедленно развернулась, куда б ты там не ехала, – и домой!

– Боюсь, это невозможно, – сдержанно ответила Лара.

– Как это, невозможно? Где ты находишься?

– На пути к Выборгу, папа. Мы уже достаточно далеко от Петербурга, и смысла возвращаться я не вижу.

– Кто это «мы»? Опять ты со своим хахалем?

– Папа! – взорвалась Лара.

– И на чем же вы передвигаетесь? На его мотоцикле? Совсем обалдели? Ночью, по скользкому шоссе, – разобьетесь – костей не соберешь.

В трубке послышалась возня. «Дай сюда», – раздался жесткий женский голос.

– Лариса!

– Да, тетя Лена, – устало ответила девушка.

– Или ты сейчас же разворачиваешься и едешь домой, или вообще можешь сюда не возвращаться. Я больше не намерена терпеть твои выходки. Ты живешь в моем доме, – будь любезна следовать моим правилам.

– Вот я и решила Вам в Вашем доме дать отдохнуть от моего несносного общества.

– Звучит заманчиво, но, боюсь, последствия придется расхлебывать именно мне.

– Какие такие последствия? – взъелась Лара.

Слава рядом отчаянно жестикулировал: не спорь с ней. Бесполезно.

– Ты там расшибешь свою пустую голову об асфальт, а мне потом тебя от дороги отскребать и лечить в придачу, – хлестко сказала женщина.

– Ничего со мной не случится. Слава отлично водит, – Лара держала оборону, но теряла самообладание.

– Ах, Слава… Вот зачем ты сорвалась на ночь глядя. Не терпится, да? Уединиться вам негде. У него-то ведь, голодранца, дома нет. Не зря тебя мать бросила. От тебя же не то, что помощи, – элементарной благодарности никогда не дождешься. Непонятно только, зачем я мучаюсь. Ее кормишь, одеваешь, – учись, девочка, на здоровье. Так нет. Инженером мы быть не хотим, не нашей возвышенной натуре себе честно на жизнь зарабатывать. «Банально», – видите ли. Тебе бы что попроще, да ответственности поменьше. Актрисой. А почему не проституткой сразу? Хотя эти свой кусок хлеба с маслом получат с большей долей вероятности.

– Не смейте так говорить! – взвилась девушка, – Актер – такая же профессия, как и все остальные. И не надо ее мешать с грязью. Не всем же инженерами быть. А мама за мной еще вернется.

– Ну да, конечно. Только тебя, взрослой девки с не самым приятным характером, ей там, в Финляндии, и не хватало.

– Неправда! Она обещала. Она приедет в этом году, – Лара испытывала к себе глубочайшее презрение: который раз Лена укладывала ее на лопатки прямым ударом в болевую точку. Ну, сколько можно поддаваться?

– Ну-ну, жди. Лично я буду только рада. И, должно быть, особенно ей не достает внуков. Учти, забеременеешь – тут же выкину из дома. Мало мне тебя на моей шее, – еще и выродков твоих растить. А то ни у тебя, ни у избранника твоего, – ни гроша. Так хоть бы честь поберегла.

Кровь бросилась Ларе в лицо. По коже пробежал озноб. Слова застряли в горле. Она никогда не умела достойно отвечать на оскорбления.

– Ты что думаешь, вы будете жить долго и счастливо, как в сказке? – не унималась Елена, – Да у твоего прекрасного принца таких влюбленных девчонок, – целый гарем. Бери, – не хочу. Но ему именно ты понадобилась, – девочка из хорошей семьи и с питерской пропиской. И не надо мне песен про вечную любовь. Знаю я этих актеров.

Лара застыла. Ей казалось, что по ее коже стекает поток нечистот. И ответить было нечего.

– Лариса, ты слушаешь меня? – атака была временно приостановлена.

Девушка очнулась и поспешно вдавила кнопку выключения телефона. Дисплей сверкнул на прощание и погас. Она с облегчением выдохнула.

Какое-то время она с опаской смотрела на телефон, будто ждала, что он вот-вот разразится скандальными женскими криками. Потом тряхнула головой и убрала трубку в карман джинсов.

Слава сидел верхом на мотоцикле, улегшись животом на бензобак и положив голову на руки. Лара встретилась взглядом с его грустно-ироничными голубыми глазами, и холодные пальцы, сжимавшие ее сердце, разжались. Дышать стало легче, на губах заиграла незваная улыбка.

Слава невольно залюбовался ею. Густые каштановые с рыжиной волосы волнами стекали по плечам и спине, отсвечивали золотом в лучах заката. Теплые светло-карие глаза выдавали любые эмоции и переживания хозяйки. Обычно в них плескалась меланхолично-отрешенная грусть, от чего они казались еще больше, чем были на самом деле. Порой они становились жесткими, замкнутыми и темнели до цвета коричневых замшевых перчаток. А в моменты радости в ее глазах, как блики на воде, вспыхивали бойкие золотые искорки. Она смущалась, – и искорки начинали плясать еще быстрее. Для каштановых волос у Лары была слишком бледная кожа, каждую весну покрывающаяся задорными веснушками. А еще у нее были тонкие длинные и вечно беспокойные пальцы. Любая вещь, попавшая ей в руки, была обречена на продолжительные издевательства. Вот и сейчас она стояла и теребила молнию на куртке. Нет, она не была ни дьявольски красива, ни таинственно обворожительна. Но было в ней что-то светлое, и в то же время чертовски манящее, что неизменно заставляло Славино сердце замирать. И когда он пристально смотрел на нее, глаза ее вспыхивали, и, пряча улыбку, она торопливо опускала лицо.

– Ну и что нового и интересного ты обо мне узнала? – полюбопытствовал Слава, оторвавшись от созерцания.

– Не обольщайся, – Лара казалась себе кошкой, которой только что прищемили хвост дверью, отчего та совершенно непозволительно взвизгнула, и теперь пыталась восстановить свое гордо-пренебрежительное мяуканье, – ты их совершенно не волнуешь. Мне просто в очередной раз напомнили, как я безнадежна и безнравственна и как глубоко им обязана.

Лара закрыла глаза и с наслаждением вдохнула свежий ночной воздух, напоенный запахом мокрого дерева. С каждым выдохом напряжение покидало ее тело и растворялось в осенних сумерках.

– Знаешь, что самое противное? – сказала она, не открывая глаз, – Что большинство из того, что она сказала – истинная правда. Мама никогда не вернется за мной. У нее сейчас новая, в меру счастливая жизнь, и мне в ней нет места. Ну куда мне с моими замашками в ее семью с евроремонтом. Я уже знала об этом, когда она еще только собиралась в отъезд. Ей тяжело было после развода, – она не привыкла жить одна, нести ответственность за себя, да еще и за ребенка. А тут этот финн – прямо ответ на ее молитвы. «Ты поживи немного с папой, и, как только все устроится, я приеду и заберу тебя». Все устроилось, и я осталась за бортом. А я все жду ее. Шесть лет жду, как последняя дура. А Лена все-таки приютила, – не вышвырнула на улицу, как котенка. Хотя ей, конечно, хотелось. И ведь правда, – кормит и одевает. Учиться на дневном могу спокойно. Надо, и правда, быть благодарной. Да я и благодарна, просто хочу чувствовать себя нужной. Это очень тяжело осознать: я же вроде неплохой человек, – и вдруг никому не нужна.

Лара растерянно улыбнулась.

– И разве я виновата, что хочу чего-то большего от этой жизни? Хочу чувствовать себя любимой, ценной. И еще хочу быть не такой, как все, жить по-настоящему, суметь себя реализовать. Ведь я ничего больше не прошу у них. Наоборот, пытаюсь как можно меньше путаться под ногами. Я, вообще, не люблю, когда об меня спотыкаются. Вот и сбегаю из дома при первой возможности. Зачем мне мешать? Хотя Лену тоже можно понять, она ведь ждет от меня только плохого. В страшных снах видит, как я своей безалаберностью в щепки разношу их семейный бюджет. А на самом деле мне давно пора забыть о своих честолюбивых планах, найти нормальную работу и снять, наконец, комнату. А учеба подождет, все равно, мне мой вуз не нравится. Заработаю денег, – и буду в театральный поступать.

Лара открыла глаза и тоскливо посмотрела на убегающую в даль дорогу.

– Да она и насчет меня права, – неожиданно усмехнулся Слава, – голодранец приезжий: ни денег, ни прописки, ни надежных перспектив на будущее. Профессия «актер», вообще, редко вызывает у людей уважение. А претендую на такую девушку.

Парень неотрывно смотрел на дремлющий спидометр.

– А я ведь так хотел бы тебе сказать, что заработаю кучу денег, куплю квартиру, заберу тебя к себе, и будем мы жить долго и счастливо, – энергично продолжил Слава, – только черт его знает, когда я эту кучу заработаю. Выгодной партией меня и правда не назовешь. Да и тащится сейчас на мотоцикле в глушь за сто километров от Питера – затея не из благоразумных.

– Что ж, разворачиваемся? – хмыкнула Лара.

– Ни в коем случае! Я обещал тебя отвезти на место нашей клятвы, – и я отвезу. Переночуем в домике моего друга. А утром пойдем на реку, будем сидеть на берегу обнявшись и слушать прозрачную осеннюю тишину. И я обязательно сниму комнату, только потерпи чуть-чуть. И думать забудь о работе. Бросишь учебу сейчас – уже никогда не получишь высшее образование, – руки не дойдут. И конец мечтаниям. А в театральный ты и так поступишь, – я тебя натаскаю. И актрисой ты уже, считай, работаешь. Подумаешь, денег не платят. Все с этого начинали. Ты талантлива. А бог дает человеку талант не для того, что его променяли на комфорт и благополучие. Вот это настоящий грех. Ты станешь знаменита. И твой отец еще будет тобой гордиться. А ты будешь доставать ему и его семье билеты на свои спектакли в первый ряд. И мы с тобой будем самой счастливой звездной парой на свете.

Лара рассмеялась. «Ради этой минуты стоило даже послушать оскорбления», – подумала она. Ее карие глаза сияли.

– Слушай, а твой друг ничего не имеет против наших нахальных визитов на его дачу? – поинтересовалась девушка.

– Нет. Он актер. А мы, актеры, по-прежнему придаем огромное значение первозданному смыслу опошленного и затасканного слова «романтика».

Лариса снова засмеялась. Она пружинистой кошачьей походкой подошла к мотоциклу, перекинула ногу через бензобак и села лицом к Славе. Потом медленно осторожно коснулась поцелуем его губ. Он ответил, сначала нежно, чуть лениво, потом все настойчивей. Внезапно он изменился в лице, голубые глаза блеснули холодной сталью. Он резко ухватил волосы девушки на затылке, оттянул ее голову назад и

удержал так, дожидаясь, пока ощущение забавной игры для нее перерастет в острое чувство беспомощности. Играя с нарастающим в ней беспокойством, он скользнул губами по изогнутой шее, замер на секунду, прислушиваясь к ее дыханию, и порывисто набросился на нее с поцелуем. Его холодные жгуче-голубые глаза цепко удерживали ее взгляд, он будто наслаждался бессилием добычи. Лара прикрыла глазам.

– Что ты со мной делаешь? – прошептала она чуть слышно.

– Я тебя целую.

– Как у тебя получается так целовать, что у меня сбивается дыхание, а перед глазами вспыхивают разноцветные огоньки? И как голубые глаза могут быть такими манящими? Я понимаю, – карие. Но голубые по определению должны быть открытыми, искренними, нежными. А у тебя они чарующие и жгучие, как сухой лед. Сколько уже тебя знаю, а все краснею от твоего взгляда, скрытного и вызывающе-прямого одновременно.

– Хочешь сказать, у меня взгляд раздевающий? – улыбнулся Слава.

– Нет, он у тебя такой, будто ты меня давно уже раздел. И сейчас вожделеешь и в то же время беспристрастно оцениваешь мое неприкрытое тело. Не нахально, но сдержанно и цинично. И точно зная, что все будет так, как захочешь ты. От такого взгляда кровь приливает к щекам и хочется опустить глаза. И не из-за того, что кто-то нагло рассматривает мое обнаженное тело, а потому что я сама с поспешностью влюбленного мальчишки разделась и замерла в ожидании.

– Замерла от страха или от желания?

– И от того, и от другого. И чем больше страх, тем безудержней желание.

Слава снова поцеловал ее, все так же, без улыбки. Потом внезапно выпустил ее волосы и отстранился. Лара открыла глаза и посмотрела на него с плохо скрываемой растерянностью.

– Задержи это ощущение. И поехали, я еще хочу догнать вон ту оранжевую полоску, – Слава указал на закат.

– Послушай, а тебе в свитере не холодно? – спросила Лара, пересаживаясь назад, – Неужели куртку было не одеть?

– Нет, меня ты греешь. И, вообще, это мой любимый свитер, и у него даже капюшон есть – на случай внезапного наступления ледникового периода.

– Ты неисправим. А можно я шлем надевать не буду? Мы ведь от города уже далеко отъехали, гаишники из кустов больше не выскакивают. И, в любом случае, он у нас всего один.

– Нет, – ответил Слава неожиданно серьезным голосом, – дорога скользкая, это действительно опасно. Так что надевай и не спорь.

Он завел мотор, и мотоцикл нетерпеливо рванулся вслед заходящему солнцу. Слава сосредоточенно смотрел на закат, будто догнать его было вопросом жизни и смерти. Они отъехали от Петербурга на добрых 50 километров, но дыхание мегаполиса еще чувствовалось в нависших свинцовых тучах из смеси облаков и смога. Город был отрезан от остального мира невидимым барьером. Казалось, мотоцикл растягивает упругую сеть, отчаянно пытаясь вырваться. Слава гнал, напряженный до предела, позабыв о благоразумии. Мотоцикл сделал последний рывок, натянутая препона лопнула, и они вылетели в чистую зону. «Прорвались», – подумал парень, – «вот мы и в другом мире». Он огляделся. Вокруг стало ощутимо светлее. Осенний лес озарился жемчужной голубизной. Лара в изумлении запрокинула голову – облака кончились, будто их и не было. Над ними развернулось высокое северное небо. Потоки бледно-розового и золотисто-персикового света стекали к горизонту, вспыхивали пурпуром и тонули в багровом зареве. Небо исходило синевой, по нему катились волны: от нежно-голубой до трагически-фиолетовой. Лара раскинула руки. Городское небо было укрощено, посажено на цепь, и девушка давно не видела такой первобытной мощи света. Шлем не давал сделать глубокий вдох, всем телом ощутить эту воздушную громадину.

Слава почувствовал свободу и опять прибавил скорость. Мотоцикл уже не ехал, а летел над дорогой, омываемый потоками холодного синего воздуха. На встречной полосе показалась фура. Парень привычно вцепился в руль и пригнулся к мотоциклу. Эти громадные монстры из преисподней вдребезги раскалывали ночь слепящим светом фар и утробным ревом моторов. Остальные ночные путешественники, явно уступающие им в размерах и мощи, торопились убраться с дороги по добру по здорову. Неуютно чувствовали себя даже водители внедорожников, а несчастных велосипедистов просто сносило потоком встречного ветра. Фура ехала по встречной, но Слава все же сместился к обочине, – на всякий случай. Сбавлять скорость он не стал, – не хотелось отказывать себе в наслаждении из-за очередного самоуверенного придурка. Он жестом показал Ларе: «Держись крепко». Девушка обняла его за пояс.

Они поравнялись с несущейся на всех парах фурой, Слава напрягся. И тут произошло неожиданное. Из-за встречной Скании вынырнула вторая громадина, – Вольво, явно собирающийся идти на обгон. По Славиной коже пробежал холодок. «Ему что, скорости не хватает?» – подумал парень злобно, – «Куда еще быстрее? И не будет же он обгонять прямо сейчас». Но водитель второй фуры явно не собирался отказываться от своих намерений и настойчиво выворачивал на встречную полосу. Славу пронзила страшная догадка: «Он что, нас не видит?»

А фура уже почти вырулила на его полосу, лоб в лоб. Время для Славы потекло очень медленно, тягучие отяжелевшие секунды ползли, как кадры в замедленной съемке. Ревущее чудовище двигалось навстречу страшно медленно, и все равно неотвратимо. Мысли роились в Славиной голове, как ополоумевшие пчелы: «Остановлюсь – снесет, да и затормозить мгновенно я не смогу, – дорога скользкая, а скорость у меня большая. Сбросить скорость насколько возможно – не спасет. Проскочить… Да, я успею, должен успеть проскочить по краю дороги. Для меня там хватит места. Я должен». Все возможные варианты пронеслись перед его глазами за доли секунды. «Держись», – крикнул он, плохо осознавая, слышит ли его Лара сквозь шлем. Он остервенело вывернул руль в сторону, к самой обочине, почти по касательной обходя фуру. Он хотел проскочить, пока большая часть грузовика еще находится на другой полосе. «Только успеть, только успеть…», – стучало у него в висках. Время зависло, движение стало почти неощутимым. Слава пригнулся к мотоциклу, всем телом ощущая обнимающую его девушку. Мгновение, другое, – и они поравнялись с кабиной. «Да, проходим!», – успел подумать парень и тут с ужасом ощутил, что их сносит с дороги. Чудовищные воздушные массы, потревоженные перемещающейся фурой, мощным рывком накренили мотоцикл вправо. Время зависло, и Слава невероятно отчетливо ощутил, что мотоцикл больше не слушается его. Он потерял управление. Их развернуло в сторону наклона и понесло в кювет. Слава отчаянно сопротивлялся, но неведомая сила швыряла двухсоткилограммовый кусок металла, как щепку. Он пытался вывернуть влево, но колеса скользили по мокрому асфальту, потеряв сцепление с дорогой. Переднее колесо вылетело за пределы трассы, и их тут же потащило вниз, по склону искусственной насыпи, призванной защищать дорогу от половодий. Слава почувствовал, как сцепились у него на груди Ларины пальцы. Она надрывно вскрикнула. Сопротивляться было поздно. Он разжал ее руки, вплотную пригнулся к мотоциклу и, собрав всю волю в один последний рывок, перебросил девушку через себя. Много сил ему не потребовалось, – Лару влекло вперед вместе с мотоциклом, и парень послужил для нее трамплином. А время для него внезапно разогналось и полетело так быстро, что Слава не успел заметить, как приблизилось дно кювета. Бух, – удар прокатился по телу. А потом наступила тишина…

Лара очнулась на земле в нескольких метрах от дороги. В голове отвратительно гудело, казалось, она пульсирует, как у героев американских мультфильмов, и норовит скатиться с плеч. Девушка судорожно попыталась восстановить в памяти произошедшее. Когда они слетели с дороги, она мертвой хваткой вцепилась в Славу, спрятавшись за его спиной. Но он зачем-то разжал ее пальцы, и какая-то сила швырнул ее вперед, перебросив через его голову. Она пролетела в воздухе добрых два метра, сбылась мечта Леонардо, и шмякнулась об землю. Спас ее только ненавистный шлем, – голова, кажется, осталась цела. Потом ее потащило по земле, кувыркая через голову. Она отчаянно пыталась ухватиться за что-нибудь и в кровь расцарапала руки о торчащие коряги. После очередного тесного контакта с почвой державшийся на честном слове шлем, явно превосходивший по размеру ее голову, предательски слетел. Ее кувыркнуло еще раз, она совсем близко ощутила запах сырой земли и прелых листьев, а потом все исчезло.

Лара торопливо села и начала себя исследовать. Руки по локоть оказались расцарапаны вдрызг. Все тело ныло, будто его отбивали для жарки. Что-то стягивало кожу на лбу, Лара дотронулась, – из-под ее пальцев посыпалась бурая шелуха. «Кровь», – догадалась Лариса, – «обо что-то я приложилась уже без шлема». Девушка проверила руки и ноги на предмет переломов. «Порядок», – констатировала она с облегчением. Только в мозгу все надрывней и ярче мигала красная лампочка, – мысль, слишком страшная, чтобы остановить на ней взгляд. Но плотина из самоиронии уже трещала под напором нарастающего беспокойства. Вспышки разрозненных образов слились, наконец, в один короткий вопрос: «Где он?!»

– Я здесь, – послышалось совсем рядом.

Лара обернулась. Слава сидел, облокотившись спиной на дерево и поджав ноги к подбородку. По его лицу и волосам было размазано что-то бурое, кровь или грязь, – сердце Лары колотилось. Она застыла на мгновение, потом бросилась к нему, обхватила руками шею, зарылась лицом в черный свитер, жадно вдыхая знакомый аромат его туалетной воды вперемешку с запахами гнилой листвы и сырости, и разрыдалась.

– Ну, все, все, – Слава гладил ее по голове, вытаскивал застрявшие в ее волосах хвоинки и сухие листья, – все позади. Прости меня.

– Ты не виноват, – давясь слезами, возразила Лара, – этот тот ублюдок на фуре.

– Я не должен был так гнать. Особенно ночью, по скользкой дороге. Мне бы проще было остановиться. Да и с землей мы бы не так крепко поцеловались. Это моя вина. Твои родители были правы.

Прости меня. Я самонадеянный дурак, – посмел рисковать твоей жизнью, – его голос задрожал.

– Не смей так говорить, – отпрянула Лара, – ты сделал все, что мог. И ты спас нас! Мы живы и более менее целы, – и это главное. Все хорошо. Правда? – она заглянула в глаза Славе.

Парень смотрел на нее со смесью растерянности и странной глубокой грусти.

– Правда, Слава? – настойчиво повторила девушка.

– Правда, – согласился он полушепотом.

Лара прижала к себе его голову, провела рукой по лицу и волосам.

– У тебя все лицо в крови, – воскликнула девушка, – не понять, даже, откуда она.

– Ничего удивительного, – вздохнул Слава, – я лоб разбил об руль.

– А меня ты зачем швырнул вперед? – вспомнила Лариса.

– Если б я этого не сделал, ты бы с той же силой влетела в меня, – ребра бы сломала к чертовой матери. А потом на тебя еще и мотоцикл бы рухнул сверху.

– На тебя мотоцикл упал? – ахнула девушка.

– Есть немножко. Но ничего, я цел, вроде. Чего о мотоцикле, кстати, не скажешь. Мы тут застряли. Эта игрушка уже больше никуда не поедет. Он просто пополам сложился.

Лара задумчиво посмотрела на него, потом встала и подошла к тому, что раньше называлось мотоциклом. Его останки валялись неподалеку, у самого спуска с дороги. Слава подошел вместе с ней. Они постояли и помолчали.

– Мне жаль, – вымолвила, наконец, девушка, – А отремонтировать его никак нельзя?

– Не думаю, что это целесообразно, – покачал головой Слава.

– А ты-то как? – Лару внезапно осенило, что она ничего не знает о повреждениях Славы. Она с легким испугом уставилась на парня.

– Солнышко, у тебя-то что болит?

– Да ничего, вроде. Лоб, конечно, саднит, и голова гудит. А в целом, – порядок.

Лара с сомнением посмотрела на любимого. *Скрывает что ли, не хочет расстраивать?* Хотя его слова были похожи на правду. Он не хромал, свободно владел руками, глаза были ясные. А гримасу боли тяжело скрыть даже при определенном мужестве.

– Что ты на меня так смотришь? – не выдержал Слава.

– Я думаю, что тебе очень, очень повезло, – медленно и отчетливо проговорила Лариса.

– Да, наверное, – Слава опять улыбнулся грустно-рассеянной улыбкой.

Они замолчали. Лара огляделась, оценивая всю прелесть их положения. Солнце почти село, и небо, пропиталось синевой, как промокашка. Через весь горизонт тянулась холодная малиновая полоса. Светло-синие чернила затопили лес, в густеющем воздухе мерцали призраки деревьев, укутанные таинственной желтой дымкой. Стылый ночной воздух, напоенный ароматом сырой листвы, щекотал ноздри, проникал холодным дыханием под куртку, покрывал кожу пупырышками. Деревья плыли в пронзительной осенней тишине. Она усыпляла чуткое, выдрессированное сознание как морфий, и будила в душе что-то древнее, интуитивное, способное к абсолютному пониманию вещей. Лес обступал их со всех сторон, незаметно подкрадывался сзади, тихонько дул в затылок, дотрагивался холодными влажными пальцами до кожи, заставлял вздрагивать и беспокойно озираться.

Лара вздохнула. При всем восхищении, она не могла избавиться от безрадостно-прозаичной мысли: «Ну и куда мы теперь?» И ведь, как назло, ни одной машины. Даже фуры куда-то исчезли. Девушка полезла в карман за телефоном. Экранчик радостно загорелся. «Какой непривередливый, – и побитую меня признает», – Лара потерла лоб, убирая запекшуюся кровь. «Только 112», – разочарованно сообщил мобильник, после некоторых мучений. Так, сети нет. Отлично.

– Слава, – окликнула она, – у тебя телефон ловит?

– Нет, я уже пробовал.

– Уверен?

– Абсолютно.

Лара поводила телефоном над головой. Безрезультатно.

– Это что, – местный бермудский треугольник?

– Да нет, просто мы далеко от населенных пунктов. Да и связь у нас…оставляет желать лучшего.

– И что теперь делать? – растерянно спросила девушка.

– Надо бы дождаться какую-нибудь машину и попросить помощи.

Они вышли на дорогу. Лара окинула взглядом свою одежду, измазанную мхом и грязью, и уселась прямо на землю.

– Постой, – Слава спустился обратно и принес свой рюкзак, – вот, не сиди на холодном.

Она послушно пересела на сумку. Парень устроился рядом. Они взялись за руки и стали ждать: десять минут, двадцать, – дорога была пуста. Ни один живой или искусственный звук не нарушал ночную тишину. Только ветер шептался с деревьями. От холода у Лары занемели ступни, она начала дрожать. Ночная сырость пробирала до костей, от нее не спасала никакая одежда.

– Все. Не хватало еще, чтобы ты из-за меня серьезно заболела. Мало что ли аварии? – Слава решительно поднялся.

– Куда ты? – недоуменно взглянула на него девушка.

– Развести костер и согреть тебя, наконец. Все необходимое у меня есть, даже жидкость для розжига.

– Куда, в лес? – ошарашено спросила Лара.

Она обернулась. Из чащи тянуло затхлостью и тленом, как из пещеры. Девушка зябко поежилась.

– Да брось, с каких пор ты природу-матушку боишься? Пошли, а то мы тут совсем окоченеем, – Слава бодро вскинул на плечи рюкзак, взял ее за руку и потащил прочь от дороги.

Оказавшись среди высоченных сосен и черных, как кляксы туши, елей, они невольно замолчали. Жемчужно-синий свет искажал предметы, они расплывались, обретая причудливую и жуткую форму. Лару сковал страх, она старалась не издать ни звука.

– Все, – девушка остановилась, – давай далеко от трассы уходить не будем. А то места незнакомые…

– Как скажешь.

Слава выбрал место рядом с поваленным деревом и оставил там Лару с рюкзаком, сам скрылся в лесу и через некоторое время вернулся с ворохом безнадежно сырых веток. Их них он соорудил что-то вроде шалаша, потом достал из рюкзака тетрадь для записей, вздохнул, вырвал несколько листов и отправил их на растопку. Когда конструкция была завершена, парень подмигнул Ларе, тряхнул головой и уверенно чиркнул спичкой. Бумага весело зашипела, рыжие языки пламени облизывали мокрую древесину. От костра повалил едкий сизый дым. Ребята затаили дыхание. Огонек поплясал немного и стих.

– Нет, – обиженно воскликнул Слава и бросился раздувать погасший кусочек тепла.

После нескольких мощных выдохов во все актерские легкие огонек решил поддаться на уговоры и выйти на «бис». Он деловито принялся за ветки. Слава поднял слезящиеся и совершенно счастливые глаза.

Костер разгорался быстро. Вместе с теплом и светом пришло уютное ощущение безопасности. Лара с наслаждением грела онемевшие руки и ноги. Слава тем временем организовал им два вполне приличных прутика для жарки. Вместе они извлекли из рюкзака стратегический запас: пачку сосисок и бутылку вина.

– Ну, прям пикник, – улыбнулась Лара, осторожно снимая горячую сосиску с прута.

– Слава, ты слышишь меня? – обеспокоено окликнула она, – Взгляд у тебя какой-то странный…

– Да что тут странного? – отозвался Слава неохотно, – Мотоцикл угробил, поставил под угрозу твою жизнь, чего вообще никогда себе не прощу. Как твоя голова, кстати?

– Кстати, вполне сносно. Гудит немного и вибрирует иногда, а так ничего.

Они разлили вино по пластиковым стаканчикам.

– За нас, – торжественно произнесла Лара.

– Да, – рассеянно согласился Слава, – А ты помнишь нашу клятву? Ну, о том, что мы всегда будем вместе, никогда не расстанемся, и, что бы ни случилось, не полюбим никого другого.

– Помню, конечно. А что это ты вдруг о ней заговорил? – Лара удивленно смотрела на друга, – тот явно нервничал.

– Да так, просто хотел спросить, ты действительно в это веришь? – пробормотал Слава, глядя в костер.

– Ну, конечно, верю. И готова это повторить. А почему ты засомневался? – Лара недоуменно вглядывалась в его глаза.

– Ну и хорошо. Извини, я, наверное, просто переволновался.

– Ничего, все нормально. Только странный ты какой-то.

– Не забивай голову, – он натянуто улыбнулся, – лучше иди ко мне.

Он притянул ее к себе. Лара уютно устроилась у него на груди. Несмотря на все неприятности, на душе у нее было удивительно тепло и спокойно. Они были вместе, и это, действительно, главное. Снизу вверх она наблюдала за его лицом, изученным до мелочей и каждый раз таящим новую загадку. Его образ вызывал у нее щекочущее, как теплый воздух, волнение. Старые джинсы, черный свитер на молнии, с откинутым капюшоном, растянутые рукава, наполовину скрывающие кисти рук. Взъерошенные светлые волосы, острые и ироничные черты лица, а глаза – такие голубые, что июльское небо от зависти затягивается облаками. Она вдыхала родной и манящий запах его кожи. Скользила пальцами по его щекам, касалась шеи, снимала хвоинки с одежды. Она была отчаянно влюблена в его глаза, то жгучие, как иней на ветках, то прозрачно-ясные, как лесные озера. Сейчас в них весело плясали рыжие блики пламени.

Лара сделала глоток вина.

– Мне с тобой так уютно, что я и заснуть сейчас могу, – промурлыкала она.

– Так спи, – отозвался Слава и нежно провел рукой по ее волосам.

Она умиротворенно по-кошачьи улыбнулась и действительно заснула.

Проснулась Лара от промозглого сырого холода. Она лежала на расстеленном плаще, свернувшись калачиком. Костер догорал, угли тлели таинственно-бардовым пурпуром. Их тусклое свечение выхватывало из окружающей темноты мрачные контуры деревьев. Лара невольно засмотрелась наверх. Небо, такое высокое, что голова кружится, усыпано мириадами сверкающих ослепительно-белых точек. Луна, ясная и круглая, как медальон, затянута легкими облаками, отчего ее свет приобретает мистический зеленоватый оттенок.

Девушка оглянулась в поисках своего спутника… и в ужасе ахнула. В неверном свете тлеющих углей ей померещилось что-то странное. Она отчаянно терла заспанные глаза, пытаясь избавиться от нелепого наваждения. Но оно не исчезало. У костра сидели двое. Друг напротив друга, не шевелясь, не издавая ни единого звука. В одинаковых синих джинсах и застегнутых под подбородок черных свитерах, с капюшонами, надвинутыми на глаза. Лиц видно не было, но по очертаниям фигуры, по неуловимому подсознательному ощущению и даже по тускло поблескивающему кольцу на безымянном пальце Лара безошибочно узнала Славу. Но почему их двое?

Девушка затравлено озиралась то на одного, то на второго парня, тщетно пытаясь найти хоть какие-то различия. Ее колотило. Даже, если бы из чащи выскочил оборотень с кислотно-зелеными глазами, это не вызвало бы у нее подобного смятения чувств. *Что со мной? Я схожу с ума, или это просто дурной сон? Но почему он так реален, я все вижу и ощущаю так отчетливо. Где Слава? Если он один из этих двух, то почему он не подаст мне знак?*

Будто в ответ на ее панику, один из них поднял голову и посмотрел на нее прозрачными, как две ледышки глазами. Это был Слава, Слава на сто процентов! Хотя его взгляд и был полон странной ледяной тоски. Второй почти сразу же повторил его движение. «Это что, – объемное зеркало замедленного действия?» – в отчаянии подумала Лара, – «Что происходит?»

Она собралась с силами и, с трудом удерживая прыгающий голос, выговорила:

– Слава, подойди ко мне, пожалуйста.

Двойники послушно встали и направились к ней. На нее смотрели две пары грустных голубых глаз. Шли они как-то неуверенно, будто поочередно уступая друг другу право подойти первым.

– Лара, ты только не бойся, – не выдержал один.

Ничего себе, не бойся! Что за наваждение? Лара отчетливо видела у них на шее идентичные черные шнурки с тонкой нефритовой пластинкой, лежащей между ключиц. Ее подарок-талисман, почему-то в двойном экземпляре.

– Лара, ничего страшного не происходит.

– Все хорошо, ты не бойся.

Они медленно приближались. Девушка попятилась.

– Постой. Ты что, меня не узнаешь? Я ведь не трону тебя.

– Никто тебя не тронет. Ты просто выбери.

Кого выбрать? Славу? Каким образом, они ведь похожи, как две капли воды. Походка, жесты, голос, взгляд, – все. И будто сговорились друг другу поддакивать.

Лара отступала, пока не уткнулась спиной в дерево. А двойники приближались.

– Ты должна выбрать, понимаешь? – один подошел совсем близко. Не было похоже, что они собираются угрожать ей. Но от двух совершенно одинаковых взглядов, впившихся в ее лицо, по Лариной коже бегали холодные волны ужаса. Внезапно она решительно скользнула вокруг ствола – прочь от тянущихся к ней рук, и бросилась в лес.

– Куда ты? Постой, – неслось ей вслед.

Но она, не оглядываясь, бежала в чащу, подальше от таинственных двойников и навязанного выбора. Сырой темный воздух сомкнулся за ней, как холодная озерная вода. Лара неслась через пни и коряги, то и дело натыкалась на деревья, руками прикрывая лицо от летящих со всех сторон веток. А за ней гнались крики.

– Лара, где ты?

– Отзовись!

– Постой. Ты потеряешься в чаще.

– Мы не причиним тебе вреда.

– Лара, вернись!

– Лара…

Где-то трещали ветки, Лару догоняли. Ее глаза неохотно привыкали к кромешной темноте, промокшие ноги проваливались в мягкий мох, она дышала сипло и тяжело, но сдаваться не хотела. Лес обступал ее со всех сторон, сжимал в своих пропахших гнилой листвой объятиях.

Вдруг прямо из окружающей черноты навстречу ей вынырнул человек. Слава. Один. Девушка застыла в замешательстве.

– Слава? – выдохнула она.

Он обнял ее за плечи.

– Ну, все, все. Успокойся. Это ведь я. Ты веришь мне? Если веришь, – поцелуй меня. Просто поцелуй, – он говорил быстро, внимательно вглядываясь ей в глаза.

Лара чуть не застонала от напряжения. Она чутко прислушивалась к своим ощущениям. На ее плечах лежали теплые и нежные родные руки, она явственно чувствовала знакомый запах его кожи. *Это он. Наконец-то.*

В груди у нее разлилось щемяще-острое облегчение. Она зажмурилась и поцеловала его в губы. Он ответил, горячо, страстно. Прижал ее к себе, скользнул руками по ее телу. Она почувствовала его пальцы на спине под курткой. Он расстегнул молнию, коснулся ее живота, груди. Она поддалась его рукам. А он ласкал ее всю, целовал, не давал опомниться. Но что-то было не так, что-то еле уловимое…

Растворяясь в потоках нежности, Лара приоткрыла глаза… и увидела двойника. Он стоял в двух шагах от них и полными самой безысходной тоски глазами наблюдал за происходящим. Потом опустил голову, поковырял землю носком ботинка, развернулся и исчез в чаще.

Ровно в девять утра над постелью разлились нежные переливы музыки. Эдвард Григ «Утро» – единственная мелодия будильника, способная скрасить вынужденное раннее пробуждение. Лариса обиженно скривилась: и придумали же люди работать по утрам. Однако любимая мелодия и впрямь настраивала на позитивный лад. Позволив глазам еще чуть-чуть понежиться в темноте, девушка перевернулась на живот и уткнулась лицом в подушку. Многие люди почему-то уверены, что, перекрыв себе доступ кислорода, они встанут гораздо легче.

Медленно потягиваясь в такт музыке, Лара устроила разбежавшимся на ночь мыслям экстренное совещание. Ключевые вопросы: «Какой сегодня день недели? Задачи дня? Чем отличился вчерашний вечер?» В теплой кашице сна начали вспыхивать образы. Внезапно Лара подскочила на кровати и зашарила по стенам мутными со сна глазами. Пальцы на ощупь попыталась выключить неожиданно раздражающую мелодию, но не рассчитали силу, – мобильник отскочил в стенку, ударился и замолк. Девушка нервно теребила края одеяла. *Авария, разбитый мотоцикл, ночь в лесу, жуткий двойник…Господи, сделай так, чтобы это был просто дурной сон! Я в своей комнате, в теплой постели, за стенкой Лена собирает Катьку в садик, мне нужно торопиться в институт, а вечером я увижу Славу. С ним тоже все в порядке. Мне все это приснилось.*

Слава! Лара реанимировала выключившийся мобильник и судорожно надавила на кнопку вызова. «Журнал звонков пуст!» – отрапортовал телефон. *Ах, да, я же его в стенку запустила. Ну, не принципиально. Найдем через телефонную книгу.* Лара стремительно пролистывала знакомые имена, пытаясь поймать самое главное – «Вячеслав». *Вика, Владимир, Вова, – это еще кто? А, не важно, Галя, Дима…Стоп! А где..?* – она пролистала список обратно. *Чертовщина какая-то. Ну, ладно, а так? Саша, Саша Никонова, Саша Королев, – вот развелось-то, Стелла, – каменная что ли? – Тимур… Да что это значит?!*

Стараясь не поддаваться панике, Лара осмотрелась вокруг. Это была ее комната, маленькая, с зелеными, как трава, обоями и старым толстым ковром на полу. Окно наглухо занавешено, компьютер на столе, – интерьер не богатый. С кухни доносилось недовольное бурчание Елены. Все было родным и привычным, но чего-то не хватало. Девушка закрыла глаза. Отключив зрение, мы начинаем более чутко воспринимать окружающий мир. *Так вот оно что, – запах…* Перед ее глазами пронеслись торопливые встречи, пока родителей нет дома, и ночью, когда все уже спят, – ее голова лежит у него на груди, а он играет с ее волосами. *Нет его запаха на покрывале!* Она сама дарила ему эту туалетную воду. Она засыпала с этим ароматом и просыпалась в его сопровождении. А теперь он исчез!

Лара открыла глаза и зашарила ими по комнате, в поисках других дефектов реальности. Нет рамки с его фотографией на столе, нет их творческого коллажа на стене, нет тигренка с совершенно живыми глазами рядом с ее подушкой. Девушка вскочила с постели и кинулась искать хоть какие-то следы его пребывания в ее жизни. Нет стопки фотографий рядом с монитором, нет папки с его письмами, фотографиями и ролями в компьютере, нет томика Пастернака, подписанного его рукой. *Да что здесь происходит?!* А в голове отчаянно мигала красная лампочка: «Не сон!»

Лара, не одеваясь, вылетела в коридор, шарахнув дверью об стенку.

– Где Слава? – голос получился надорвано-истеричным.

Мирно завтракающее семейство чуть не выронило ложки. Пятилетняя Катя тоскливо захныкала, на лице мачехи что-то дернулось и тут же вернулось в исходное положение. Она критично уставилась на мужскую футболку, еле прикрывавшую Ларины бедра, и на ее растрепанные волосы.

– Ты что мне ребенка пугаешь? – ядовито процедила женщина.

Ларино лицо исказила судорога. Никогда еще злоба Елены не доставляла ей столько мучений. Жаль, отец уже ушел на работу.

– Тетя Лена,– сказала девушка, как можно более просительно, – помогите мне, пожалуйста. Вчера ведь была авария, да? Мотоцикл разбился, мы застряли посреди леса. Может, у меня шок был, я не знаю. Я не помню, что было дальше. Расскажите, как я здесь оказалась? Где Слава?

– Лариса, какая авария? О чем ты? Ты вчера дома была весь вечер.

– Неправда, я уехала со Славой загород на мотоцикле, и мы разбились, – Лара дрожала.

– Кто разбился? У тебя что-то болит? И кто, вообще, такой Слава?

«Болит»? И, правда, должно болеть. Хоть я и в шлеме была, но головой приложилась неслабо. А чувствую себя нормально. Может, это шок? Ах, да,– руки. Я руками проехалась по веткам и корягам, – они все в ссадинах были.

Лара изумленно уставилась на свои ладони. Ни царапинки, – совершенно чисто.

– Лариса, ты слушаешь меня? – донеслось до нее сквозь туман, – Так что случилось?

Лара подняла растерянные глаза. Жена отца, элегантная брюнетка с тонкими чертами лица, хорошо очерченными губами и стервозными глазками смотрела на нее, как на большого говорящего таракана, пытающегося идти на контакт.

– Не знаю, – произнесла девушка, – кажется, я схожу с ума, – с этими словами она направилась в ванную.

– Мне это давно кажется, – донеслось ей вслед.

В ванной Лара долго и тщательно мыла лицо холодной водой. Вдруг она вспомнила, что с утра ни разу еще не видела своего отражения. В свете происходящего она бы ни чуть не удивилась, увидев вместо себя гуманоида. Однако из зеркала на нее таращилось до боли знакомое и бледное от страха лицо, с каплями воды на щеках и ресницах. Совершенно ее лицо. И совершенно без следов аварии.

Внезапная догадка рябью пробежала по глазам. Лара отвлеклась от своего отражения и снова вышла в коридор.

– Тетя Лена, Вы спросили: «Кто, вообще, такой Слава?» Вы что, не помните его?

– Нет, – недовольно пробурчала женщина, намывая тарелку, – никакого Славу я не помню.

– Ну, как же, актер, разгильдяй приезжий, который меня непременно бросит. И я останусь одна, с ребенком и без образования. Вы же только вчера мне все это по телефону рассказывали.

– Я тебе вчера ничего по телефону не рассказывала, так как находилась с тобой в одной квартире. И никакого Славу-актера я не знаю, хотя все это звучит вполне правдоподобно. И отстань от меня с дурацкими вопросами, я на работу опаздываю. А мне еще Катюшу в садик вести, от тебя же помощи не дождешься, – с этими словами она закрыла кран и потащила дочку одеваться.

Лара осталась на кухне одна, в полном непонимании происходящего. Реальность была такой же, как и всегда, за исключением одного важного элемента. В ней не было Славы.

Еще минут десять Лариса просидела в полном оцепенении, уставившись на лужицу воды, нечаянно оставленную на столе. В голове было удивительно пусто. Там зависла всего одна мысль: «И с чего это вдруг маниакально чистоплотная Лена небрежно вытерла стол?»

Однако, вопреки внешней апатии, сердце у Лары бешено колотилось и требовало действий решительных и незамедлительных. Но все ее идеи вдребезги разбивались о железный барьер здравого смысла. Универсальный код доступа к человеку – номер его мобильника, – бесследно исчез, и не только из Лариного телефона, но и из ее вещей вообще. Конечно, можно было пойти и перерыть все еще раз, но что-то ей подсказывало, что поиски ни к чему не приведут. Домашнего телефона у Славы не было, так как жил он в общаге. Адрес общежития она в принципе знала, хотя там они встречались нечасто. Но даже попасть туда без приглашения было невозможно. Знала она и академию театрального искусства, в которой он учился. Лара попыталась зацепиться за эту соломинку. Она нашла телефон академии и позвонила туда с вопросом, учится ли у них Вячеслав Воронов. Предоставлять информацию подобного рода ей категорически отказались. Соломинка надломилась. Наверное, надо было бежать туда, искать его среди студентов, – но она даже не знала номер его группы. Лару неприятно поразило, как мало ей известно о настолько близком человеке. Осталось только одно место, связывающее их – маленький театр, организованный им и его друзьями. Кстати, номера всех общих знакомых также таинственно исчезли из ее справочника.

От сумасшедшего порыва «бежать-искать» Лару удерживало еще и воспоминание о настороженно изучающем взгляде Елены. Что ни говори, а успокаивать она умела. Никому не хочется, чтобы его приняли за умалишенного. А родителям только дай повод – мигом сдадут в психушку.

Лара проглотила чашку кофе и еще раз тщательно перерыла все комнаты в квартире в поисках хоть какой-то подсказки. Как и следовало ожидать, результатов это не дало. Не придумав ничего лучше, Лариса оделась и пошла в институт. В душе она надеялась, что ее начнут преследовать таинственные знаки: какая-то фигура возникнет прямо из воздуха и подмигнет ей зеленым глазом, белый голубь приземлится на руку и подскажет, куда идти. Она начала воспринимать реальность, как компьютерный квест с задачей «Найти Славу», осуществляемой посредством выполнения заданной цепочки действий. Но мир оставался безучастным к ее волнениям: грохотали трамваи, глухо ревели двигателями автомобили, сновали туда-сюда прохожие с одинаковыми серыми лицами. И от всего этого Ларе становилось по-настоящему страшно. Как

будто ее закинули в ночной кошмар, да там и забыли. Никто не собирался играть с ней в прятки, никто не хотел дать ответы на ее вопросы. Родной Питер превратился в огромный враждебный город-монстр, где в век продвинутых технологий было совершенно невозможно найти одного любимого человека.

День в институте прошел мимо Лары. Она пыталась выяснить что-нибудь о случившемся, но ее собственная скрытность сыграла против нее. Одногруппники никогда не были посвящены в ее личную жизнь и слыхом не слыхивали ни о каком Славе. Подруга Юля, – единственный человек, которому Лариса доверяла, – не на шутку испугалась и судорожно начала предлагать посильную терапевтическую помощь. Имя Славы ей ни о чем не говорило, равно как и рассказ об аварии на шоссе. По ее словам, последние несколько месяцев Лариса находилась в состоянии тоскливого равнодушия, которое ничем не объяснялось. Она почти ни с кем не общалась, никуда не ходила, на парней внимания не обращала. Ее внезапная метаморфоза подозрительно напоминала переход от апатии к неадекватному возбуждению, сопровождаемому навязчивыми идеями. И, может, ей все-таки сходить к доктору?..

Лара уже скатилась на самое дно бездны пугающего непонимания реальности, и опускаться ниже ей было попросту некуда. После пар она отправилась искать их маленький театр. По ее воспоминаниям он располагался в съемном подвальном помещении где-то на задворках Невского. Прибыв туда, она с ужасом обнаружила на месте служения Мельпомене кафе «У Петровича». Хозяин заведения давать какие-либо комментарии отказался, персонал о театре не слышал. Конечно, театр держался здесь на птичьих правах и мог закрыться в любой момент. А мог и вообще никогда не существовать.

В полной прострации Лариса вернулась домой. Отец долго тревожно заглядывал ей в глаза и говорил что-то про перегрузки и переходный возраст. Когда заботу попыталась продемонстрировать еще и Лена, девушка сбежала к себе комнату и растворилась в депрессивной музыке.

Весь следующий день она дежурила по очереди у театральной академии и общежития. Но ни Славы, ни кого-то, кто мог бы пролить свет на его судьбу, она не встретила. Все ее попытки добыть хоть какую-то информацию терпели поражение. Лара впала в отчаяние.

Дни потянулись один за другим однообразной мутно-серой чередой. Лариса жила, словно хорошо отлаженный механизм, действующий согласно нехитрой, но очень четкой программе. Каждое утро она вставала, завтракала, не замечая вкуса еды, шла в институт, исправно

сдавала все лабораторные и посещала лекции. Юля подыскала ей работу в сервисном центре фирмы Интернет-провайдера. Теперь вечера Лара проводила в офисе, отвечая на вопросы неудачливых пользователей монотонно-вежливым голосом. Юля была довольна: и деньги, что никогда не повредит, и практика «почти по специальности», и, наконец, живое общение с людьми, – пусть девушка отвлечется, развеется. А Лару больше всего устраивало, что шесть дней из семи она была занята с утра до позднего вечера, и времени на царапающие нервную систему мысли практически не оставалось. Она выкладывалась по максимуму, чтобы вечером приползти домой и рухнуть замертво на кровать, не успев ни о чем задуматься.

Воскресенье оставалось проблемой. Когда все задания были сделаны и пол вымыт, Лара уходила шататься в одиночестве по городу, чем чрезвычайно беспокоила отца. Устав отбиваться от его навязчивой заботы, она все чаще оставалась дома и развлекалась по мере сил. В попытке сбежать от самой себя, девушка начала проводить время со сводной сестренкой. Нянька из нее была так себе, зато она читала девочке книги, до которых у Елены руки не доходили. Катя привязалась к сестре, что как нельзя лучше сказалось на атмосфере в семье. Отец был рад чудесной перемене дочери: молчаливая, вдумчивая, с мальчиками не гуляет, возится с ребенком и учится хорошо. Даже Лена подобрела. Все было удивительно спокойно. Как природа перед бурей.

Лариса все время находилась в состоянии тоскливого ожидания. Она мучительно надеялась, что что-нибудь произойдет, кто-то объяснит ей, что случилось с ее жизнью. Хотя надежду свою она прятала очень глубоко, запирала в самых темных закоулках сознания, – наверное, чтобы любящие родственники не лезли к ней со своими психотерапевтами. А, может, она хотела обмануть кого-то. Ей смутно казалось, что, если она откажется от поисков, отречется, – ей вернут любимого. Она так тщательно притворялась, что почти поверила, что Слава – всего лишь плод ее воображения, галлюцинация на почве одиночества и страха перед людьми. Версии его существования в реальности и лишь в ее фантазиях уже казались ей равновероятными.

Однако тоска по Славе, настоящему или иллюзорному, была вполне реальной, кричащей, рвущей сердце на тысячи крошечных кровоточащих ошметков. Его улыбка преследовала Лару по пятам, не давая дышать и говорить. Его голубые глаза раз за разом мерещились ей в толпе, и она отчаянно бросалась в погоню за призраком. Его голос снова и снова звучал у нее в ушах, и отдавался в сердце скрежетом когтя

по стеклу. Но самым страшным для нее было уловить в потоках густо напитанного выхлопными газами воздуха тонкую древесно-терпкую нотку его туалетной воды. Она со стоном боли разворачивалась в след запаху и утыкалась взглядом в бесцветную и равнодушную массу людей.

По ночам Лару преследовали его прикосновения, – она металась по постели, и не могла согреться под двумя одеялами. Она искала спасения от царящего внутри кошмара в любимых книгах, но и там не находила покоя. Его образ прятался между строк, и его голос читал знакомые стихи. Тогда она уходила гулять по городу и позволяла воспоминаниям полностью завладеть собой. Она вспоминала фонтан листьев цвета старого золота, взметнувшийся у них из-под ног и сверкнувший в лучах холодного осеннего солнца, голубое небо, искрящееся бликами в его глазах, их прогулки вдоль хмурой Невы, их сцепленные руки… Как они поехали кататься на катере по каналам: все замерзли и сбежали внутрь, а они сидели, закутавшись в плед до подбородка и подставив лица ледяному ветру, или, как они ехали в троллейбусе, замерзшие, голодные, она положила голову ему на плечо, а он в полголоса читал ей «Над пропастью во ржи…». Ларе было некуда скрыться от воспоминаний, – только не в этом городе.

А между тем была еще одна несостыковка ее воспоминаний с реальностью. Мокрая дорога, гнилостный запах увядающего леса, – авария произошла в сентябре. А на земле лежал скупой городской снег, похожий на мятое, плохо отстиранное белое покрывало. Календарь на компьютере констатировал: декабрь. О прошедших месяцах свидетельствовали только аккуратные конспекты лекций, сделанные ее рукой. Лариса в полном недоумении изучала эти записи и даже смутно припоминала темы занятий. Хотя не могла вспомнить, как она там оказалась.

Декабрь, – а, следовательно, близится Новый Год, а за ним и зимняя сессия. Сессия, вопреки обычаям, Лару мало беспокоила. А вот встреча Нового Года была проблемой. Лариса была достаточно замкнутым человеком и вместе со Славой и их общими друзьями лишилась своей единственной компании. Хотя за последнее время она поближе сошлась с собственными однокурсниками. Среди них неожиданно нашлись интересные личности. Некоторые даже проявляли определенный интерес к ее персоне. Особенно один парень из параллельной группы,– Миша, кажется. Он постоянно пытался вытащить ее погулять, даже пару раз встречал с работы. Но все это мало трогало ее измученную душу.

Все изменилось внезапно. Это был самый обычный воскресный вечер. Лара читала сестре сказки Шварца, а та что-то деловито рисовала в своем блокноте. Неожиданно Ларису отвлек назойливый звук чирканья ручкой по бумаге.

– Катя, перестань, я же читаю, – окликнула она, но девочка продолжала ожесточенно что-то заштриховывать, с силой вдавливая ручку в бумагу. Будто пыталась стереть что-то, уничтожить.

– Да что у тебя там? – Лара не выдержала и подошла к девочке.

Перед Катей лежала истерзанная фотография, видимо опрометчиво попавшая в руки ребенку. После определенных усилий Лара узнала на снимке свою улыбающуюся физиономию. «Черт, хорошее было фото», – с легкой досадой подумала девушка, – «не отбирать же теперь».

«А это что?» – Лара пригляделась. На фотографии рядом с ней красовалось обширное пятно, наглухо заштрихованное черной ручкой. Лариса в изумлении уставилась на сестру, – девочка закусила губу и продолжала с остервенением закрашивать пятно, слой за слоем. Ее глазки были полны капризной детской злобы. Молния пронзила сознание Лары. Эту фотографию она помнила…

– Дай сюда, – выдохнула Лариса и вырвала фото. Ее взгляд отчаянно пытался пробиться сквозь наслоения черных штрихов, перечеркнувших человека, обнимающего ее одной рукой. Безрезультатно. Девушка попыталась пальцем стереть не успевшие еще въесться в глянцевую бумагу чернила. Штриховка поблекла. Лара поднесла изображение вплотную в настольной лампе и впилась в него глазами. Прямые лучи света выхватили из черной кляксы очертания лица, знакомого и желанного до боли. Сердце ухнуло во внезапно образовавшийся на месте желудка вакуум, пальцы ног свело. Слава…

В Лариной голове грохотал извергающийся Везувий, – ни одна рациональная мысль не осмеливалась сунуться в это пекло. Девушка стояла, сжав фотографию в одеревеневших пальцах, не в силах отвести от нее взгляд. Очнувшись, она глубоко выдохнула, словно подняв голову из воды, и перевернула снимок. На обратной стороне непослушным заостренным почерком были выписаны знакомые строчки:

«О, если бы я только мог
Хотя отчасти,
Я написал бы восемь строк
О свойствах страсти.

О беззаконьях, о грехах,
Бегах, погонях,
Нечаянностях впопыхах,
Локтях, ладонях.

Я вывел бы ее закон,
Ее начало,
И повторял ее имен
Инициалы

Моей Ларе. Я всегда рядом»

У Лары обмякли ноги, а в горле комом стали невыплаканные за все долгие дни ожидания слезы. Эти несколько строк значили для нее куда больше, чем снимок его лица. В эпоху царствования Photoshop и иже с ним, мы перестали верить своим глазам. Ей проще было списать видение на расстроенные нервы и бурное воображение, нежели допустить… Но вместе со строчками Пастернака прямо в ее сердце безудержно хлынуло живое тепло человека. А ведь она уже смирилась, уже привыкла жить под чадрой глубокого безразличия ко всему и всем. И эта мысль, это внезапное понимание прогрохотало в ее сознании, словно десятки железных бочек рухнули на мостовую с пятого этажа, словно выстрел у самого уха: «Он был! Я его не выдумала, – он был на самом деле!» Эта мятая фотография – единственное и неопровержимое доказательство его существования.

Захлебываясь соленым воздухом, Лара взглянула на позабытую сестренку, – та смотрела на нее с тоскливым страхом, как, если бы точно знала, что натворила что-то очень плохое, и наказание не заставит себя ждать.

«Так», – внезапная догадка охладила Ларино счастье. Кажется, ответ все это время был у нее прямо под носом.

Бабах, – влетевшая в стену дверь оставила вмятину на обоях. На пороге родительской спальни стояла ведьма с разметавшимися волосами и сверкающими в темноте глазами, полными злых слез. Отец неестественно дернулся и вылупился на ночного призрака.

Лара стремительно пересекла комнату и, пихнув спасенный из детских рук снимок прямо под нос семейной паре, надрывно выкрикнула:

– Что это такое?

Повисла пауза. Собравшаяся было высказаться в адрес ее поведения Лена, увидев снимок, так и застыла с открытым ртом.

– Вы же утверждали, что не знаете никакого Славу! – не унималась Лара, – Что никогда его не видели! Что это плод моего воображения! Тогда с каких пор мои фантазии можно сфотографировать?

Первой сориентировалась Елена:

– Не понимаю, о чем ты, – она попыталась презрительно скривиться, но ухмылка получилась какой-то кривой, – Я вижу на снимке тебя и большое черное пятно. Какой Слава? Это уже навязчивая идея. И она становится опасна для тебя и окружающих.

– Прекрати увиливать, – Лара неожиданно для самой себя перешла на «ты», – ты прекрасно знаешь, что я говорю правду. На этой фотографии Слава. Тот самый, несуществующий. А на обратной стороне – стихотворение, написанное его рукой, – девушка перевернула снимок.

– Это ничего не доказывает, – Лена брала спокойствием, – нашла какое-то старое фото, закрасила его ручкой, написала сзади стихотворение, и теперь хочешь, чтобы я поверила, что это связано с твоим героем?

Лара замолчала. Как показать человеку то, что он видеть отказывается? Она растерянно подалась назад. В глазах Лены заблестела привычная спокойная и властная уверенность.

– Лариса, возьми себя в руки, – сказала она мягким и совершенно бескомпромиссным тоном, – у тебя стресс. Тебе одиноко. И это неудивительно, если учесть, что тебя бросила родная мать. Тебе нужна забота, теплота. Вот ты и придумала себе большую любовь. То, что происходит, – это нормально, это пройдет, – ее голос, будто плавно скользил по водной глади. – А теперь выкинь этот злополучный снимок, или отдай его мне. И, если хочешь, посиди с нами, посмотри телевизор. Мы с папой не против.

Лара стояла, как вкопанная, опустив руку с фотографией, и смотрела на торжествующую Лену, как загнанный зверек. У нее просто не было сил, чтобы продолжать противостояние. Она уже готова была согласиться, но тут ее бегающий по комнате взгляд споткнулся об отца. Странно, за все время он не проронил ни слова. Только смотрел на жену и с ужасом ждал, чем все это кончится. «С ужасом? Он боится! Но чего?..» – эта мысль подействовала на Лару, как удар хлыста на лошадь. Она отшатнулась от тянущейся к ней Лениной руки.

– Нет! Вы все врете! Я не сумасшедшая! Эту фотографию подписала не я! – откуда только силы взялись? – Лара с жаром кинулась в битву.

– Лариса, хватит! Мы уже обсудили… – попыталась осадить ее Елена, но не успела договорить.

– Нет! Вы все знаете! Знаете и молчите! Слава существует! И если вы сейчас же не объясните мне, что происходит, я разнесу весь дом! – ее голос налился свинцом, – Я жду!

– Лариса, прекрати истерику! – в игру вступил отец. Его строгий голос слегка дрожал.

– Нет! Я уже две недели терплю и жду. И больше ждать не намерена. Вы скажете мне все сейчас же! Где Слава?

– Нет никакого Славы. Ты его выдумала.

– Есть! Я знаю, что есть, и вы это тоже знаете.

– Нет!

– Есть! Он есть! Просто скажите, где он, – самообладание покидало ее, в горле застрял жгучий комок.

– Его нет.

– Он есть. Я не сумасшедшая! Это он надписал фотографию.

– Его нет! – отцовский голос готов был рухнуть в пучину нервного срыва.

– Почему вы это делаете? Почему не хотите позволить мне увидеть его? Я люблю его! Я жить без него не могу. Зачем вы постоянно врете? Я должна с ним встретиться. Я знаю, он есть!

– Его нет. Он умер, – голос отца оборвался.

Бах! – внутри Лары что-то взорвалось, волна озноба пробежала от кончиков пальцев до корней волос. А потом наступила тишина, – жуткая, тянущая, с запахом гари и валяющимися повсюду обломками мыслей. И тук-тук, тук-тук – кровь в висках.

– К-как? – выдавила она.

– Погиб в аварии на пригородном шоссе. Разбился на мотоцикле.

– Но ведь никакой аварии не было, – Лара слышала собственный голос, как сквозь вату.

– Была, – глаза отца затянулись непрозрачной пленкой безнадежности.

– Но вы сами говорили… Ладно. Но я-то цела. Я тоже сидела на том мотоцикле. А у меня даже повреждений нет, – Лара опять уставилась на свои ладони.

– Все уже зажило. Это давно было.

– Я не верю, – Лара захлебывалась и тонула в долгожданной истине, – Вы опять врете. Чтобы я не нашла его.

– Нет, это правда, – отец говорил тихо, неотрывно глядя в пол у себя под ногами.

– А почему я должна верить тебе? Вы все это время меня обманывали.

– Да, обманывали. Мы думали, так будет лучше для тебя. Надеялись, ты сможешь забыть…

– Забыть?! Я не верю тебе. Какая авария, – на мне ни царапины.

– Это не совсем так. След у тебя остался.

– И я его не заметила? – Лара попыталась усмехнуться, вместо этого всхлипнула.

– Подойди сюда, – отец встал и потянул Ларису к зеркалу, – Смотри.

Он положил ее руку ей на голову. Ларины пальцы начали перебирать густые волосы и внезапно наткнулись на что-то странное. Она с изумлением взглянула на отца и попыталась развернуться так, чтобы зеркало отразило непонятный дефект.

– Это шрам, – сказал мужчина бесконечно усталым голосом, – Ты была в шлеме, поэтому и выжила. Но после очередного удара об землю он с тебя слетел, и ветка прорезала кожу на голове. К счастью, это неопасно, ничего серьезного не задето. Но шлем был только на тебе…

– Когда это произошло? – тяжело спросила Лара.

– Три месяца назад. В сентябре.

– И что, все это время…? – девушка не смогла договорить, мысли путались, голос ее не слушался.

– Да. Мы делали вид, что ничего не случилось.

– Но как? Я же помню аварию. Только он был жив, мы сидели и грелись у костра в лесу, потому что мотоцикл был разбит. Телефоны не работали, мы не могли даже вызвать помощь. А потом… потом я проснулась здесь, в своей постели. А ты сказал, три месяца прошло. И Слава… Я ничего не понимаю, – ей не хватало воздуха, ее рука пыталась нащупать какую-нибудь опору, но все время проваливалась в пустоту.

– Лариса, вас нашли прямо у дороги. В лес вы не ходили. Водитель фуры, спровоцировавшей аварию, остановился и вызвал скорую. Но было уже поздно. Кровоизлияние в мозг от сильного удара головой, – Слава так и не пришел в сознание.

– Что было дальше? – Лара смотрела на отца, как на ангела смерти, страшной и неотвратимой.

– Ты чудом осталась цела – ни одного перелома. Его шлем спас тебе жизнь. Очнулась ты быстро, но у тебя был серьезный шок. Ты не узнавала людей, не понимала, где находишься, и бормотала что-то про двойника и выбор. Сотрясение мозга и куча ссадин – вот и все повреждения. Только ты совсем перестала говорить. Мы перепугались до смерти, думали – функции мозга нарушены. Но врачи сказали, что это травма психического свойства, и отправили нас к психиатру. Тот объяснил, что ты не можешь справиться с ужасной потерей, твой мозг отказывается принять случившееся. И лучше всего, сделать вид, что ничего и не было, а парень никогда не существовал. Со временем ты смиришься и сможешь влиться в нормальную жизнь. Мы сделали все, как сказал доктор – уничтожили следы существования Славы: фотографии, письма, номера телефонов, – все, что могло напомнить тебе о нем. Только этот треклятый снимок не нашли. И ты начала разговаривать! В институт ходила, училась хорошо. Правда, замкнутая стала. Мы тебя не трогали, думали – пройдет. Только все наладилось, и тут наступило это злополучное утро, как гром среди ясного неба, – отец растерянно развел руками.

– Вы и ребенка подучили, и подругу мою предупредили, да? – в Ларе закипала и бурлила жгучая, как кислота, ненависть.

– Мы думали, так будет лучше. Ты научишься жить…

– Без него, – закончила за отца Лариса.

Она начала нервно курсировать по комнате.

– Вы мне даже фотографий его не оставили, ни писем, ничего! Вы последнее у меня отобрали – воспоминания.

– В конце концов, он сам виноват, – вступила в разговор Лена, – не гнал бы так, не разбился бы. И, вообще, не надо было ехать никуда ночью.

– Вот! Вы ненавидели его! Вы были рады, что так случилось, – глаза у Лары загорелись нездоровым блеском.

– И как только у тебя язык поворачивается?.. – попытался успокоить ее отец.

– Где его могила? – налетела на него девушка.

– Я не знаю.

– Как, не знаешь?!

– Его кремировали. А прах забрали родственники из … откуда он там, из Самары?

– Из Архангельска, – отрезала Лара.

Повисла гнетущая тишина.

– Лариса, ты в порядке? – отец попытался подступиться к девушке.

– Ты издеваешься? Я потеряла любимого человека, и у меня не осталось ни одной вещи, напоминающей о нем. Я даже на могилу к нему сходить не могу.

– Ларисочка, все будет хорошо, – нараспев начал отец, – нужно жить дальше. Ты ведь еще совсем молодая. Да, к тому же, умница и красавица. Ты свою любовь еще найдешь. И все у тебя будет прекрасно. А эта авария забудется, как страшный сон. Лариса, ты слушаешь меня? Лариса! Что с тобой?

Лара невидящими глазами уставилась в пространство перед собой. Зрачки расширились, губы дрожали.

– Это я виновата, – глухо выговорила она.

– Не говори так, ты ни в чем не виновата.

– Это я! Я сделала неправильный выбор. Мне предложили выбор, а я ошиблась. Я могла спасти его, и не сделала этого.

– О чем ты? Какой еще выбор?

– Нужно все исправить.

– Лариса, девочка моя, ну как это исправишь? – взмолился отец.

– Я найду способ. Я должна выбрать правильно!

С этими словами Лара выбежала из комнаты.

С этого дня семья стала для Лары чужой, как никогда раньше. Впрочем, как и весь мир. Юля долго и упоительно упрашивала ее не обижаться, объясняла, что хотела, как лучше, и, наконец, просто по-женски разрыдалась. Лара сказала, что простила, хотя, в сущности, ей

было все равно. Ее мысли занимал только один вопрос: как вернуть все назад и разгадать тайну ночного двойника. Явное вмешательство потусторонних сил в ее судьбу вернуло ей ощущение жизни, как компьютерной игры, где можно воздействовать даже на вещи, которые принято считать необратимыми. Она даже не думала смиряться. И была уверена, что теперь, после всей пережитой боли, сделает правильный ход.

Жаждущая загладить вину Юля посоветовала ей сходить к гадалке, – вдруг что подскажет. Мол, есть одна знакомая, «очень мистическая женщина». Лара горько усмехнулась. Она всегда отличалась достаточно здравым мышлением, любила черных кошек и испытывала естественную неприязнь к пожилым цыганкам с бесстыжими алчными глазами. «Нет, нет! Она не такая» – поспешила разубедить ее Юля. «Она настоящая, и услуги свои никому не навязывает. И, вообще, выслушает тебя только по моей личной просьбе. Совершенно бесплатно, разумеется. Сходи, – сама во всем убедишься».

«Ну, что ж», – со вздохом подумала Лара. «Я ищу способ отмотать время назад, отличить любимого от его демонического двойника и тем самым вернуть его к жизни. Бравировать при этом своей рациональностью как-то нелепо».

– Хорошо, – согласилась она, – но сначала я все-таки испробую другой путь, более общепринятый и литературный.

Все происходящее и собственные мистические поиски казались ей не менее абсурдными, чем ее отцу и Елене. Но прекратить попытки она не могла. Это означало бы принять случившееся, как неумолимый факт. А это было слишком страшно.

Итак, Лариса собралась с духом, отключила мобильный телефон, блокировав связь с внешним миром, и отправилась в церковь. Она долго в нерешительности стояла на пороге, как провинившийся ребенок перед кабинетом строгого отца и, наконец, взялась за тяжелую кованую ручку. Дверь поддалась неохотно, словно не хотела пускать в дом незнакомку. Лара тихонько проскользнула внутрь и торопливо перекрестилась, судорожно вспоминая, как это делается. Церковь была маленькая и, к несказанной Лариной радости, совершенно пустая. Пожилая женщина, сидящая в углу за прилавком со свечами, обернулась на звук, критическим взглядом скользнула по растерянному лицу девушки и ее непокрытой голове, и вернулась к чтению. Лариса спохватилась, полезла в сумку и извлекла оттуда заранее заготовленный платок, оставшийся еще от матери. Пытаясь укрепить эту тряпицу у себя на голове, она с досадой подумала: «Зеркало бы… Черт, какое зеркало, о чем ты?»

После пяти минут отчаянного сражения с непослушной тряпкой, Лара ощутила себя полной дурой и, свирепо стянув концы платка под подбородком, направилась вглубь храма. Ее сознание реагировало на нестандартную ситуацию потоком разрозненных ассоциаций преимущественно из школьного курса культурологи: *православная церковь стремится воздействовать на чувства верующих богатым убранством, обилием золотого декора. К алтарю нельзя поворачиваться спиной, а обращен он ... о, господи, это не отсюда. И что я здесь делаю, если никогда не чувствовала себя христианкой? А ведь считаю себя в праве вломиться сюда, когда очень приспичит, и начать искать заступничества. В мечеть же я не пошла. А сюда можно, – как неудачливый блудный сын в давно забытый родительский дом. А иконы пишут по особой технике, благодаря которой глаза святых кажутся совершенно живыми, и весь образ излучает внутренний свет…»*

Лариса посмотрела на ближайшую икону – пожилой мужчина с суровыми чертами лица. Внутренний свет и правда есть, а вот жизни… жизни нет. Она забегала глазами по обступившим ее лицам святых, в поисках чего-то теплого и живого. Взгляд зацепился за изображение богородицы и начал тонуть в нем, как в омуте. Лара подошла к иконе почти вплотную. Из глаз Девы струилось мягкое искристое сияние. Лара прикрыла глаза и глубоко вдохнула. Сладковато-терпкий запах ладана наполнил ее легкие и с кровью побежал по телу. Она почувствовала себя воздушным шариком, которого наполнили теплым воздухом, и он вот-вот оторвется от земли.

«Отче наш, сущий на небесах»… Я все равно не помню целиком. Помоги мне, пожалуйста. Зачем вы отобрали его у меня, мы были так счастливы? – Лара путалась в обращениях, – Или вы и правда дали мне шанс, а я его не использовала? Тогда прошу, умоляю, позвольте мне попробовать еще раз. Я не подведу. Все возьмите, только верните мне его. Ну не молчи, хотя бы дай знак, что слышишь меня. Пожалуйста.

Лара жадно всматривалась в икону, но мерцающие неземным светом глаза богородицы оставались совершенно беспристрастными. Девушка вся превратилась в ожидание, ее чувства настороженно напряглись. Но знака не последовало. Кто-то наверху был глух к ее страху и отчаянию. Прождав еще минут пять, Лариса развернулась на каблуках и, на ходу срывая платок, выбежала из церкви. Прямо от порога она включила мобильник и позвонила Юле. Эта пресловутая гадалка, по крайней мере, умеет говорить и способна на обратную связь. Подруга дала Ларе адрес. «Это недалеко, к счастью», – тоскливо отметила девушка.

По дороге к гадалке Лара представляла себе жгучую цыганку с черными глазами-омутами и маняще-алыми губами. На ней должна быть длинная юбка из тяжелой шуршащей ткани, безнравственно-откровенный вырез на белой рубахе, черные волосы тугими кольцам рассыпаются по высокой груди, а чуткие руки с длинными тонкими пальцами позвякивают дюжиной золотых браслетов. Погруженная в фантазии, Лара не заметила, как оказалась в самой обычной хрущевке, перед массивной железной дверью. Девушка робко позвонила. Никто не ответил. Она настойчивей вдавила кнопку. Опять тишина. Лариса выдохнула с плохо скрываемым облегчением и направилась к лестнице, как вдруг дверь открылась. На пороге стояла худощавая женщина вполне русской наружности с короткой стрижкой и усталым презрительным лицом, в сером свитере и мягких домашних тапочках.

– Ты Лариса? – женщина прервала неловкое молчание неожиданно умным голосом.

– Да, – нерешительно кивнула Лара.

– Ну, заходи тогда, – с этими словами женщина развернулась и скрылась в квартире, оставив дверь настежь. Лара поспешила следом.

В полумраке прихожей Лара мгновенно потеряла хозяйку из виду и застыла, как соляной столб. Пахло давно не убранным помещением и кошками.

– Раздевайся и проходи, – голос доносился из единственного освещенного помещения – кухни.

Девушка стянула сапоги, под которыми уже успела образоваться изрядная лужа из талого снега и соли. За этим процессом равнодушно наблюдали две кошки: черная и трехцветная с белыми лапками и рыжим пятнышком на груди. Под их немигающими взглядами Лара смутилась и поторопилась на кухню.

Хозяйка сидела за столом и небрежно курила.

– Присаживайся, – она указала девушке на стул напротив себя. Та послушно села, поставив сумку под ноги.

– Что, волшебный шар ищешь? – женщина перехватила бегающий по кухне Ларин взгляд.

– Э-э, – растерялась девушка.

– Я его забыла на последнем шабаше, попытаюсь без него обойтись в этот раз, не возражаешь?– не меняясь в лице, сказала хозяйка.

– Э-э, – повторила Лара.

– Кофе будешь?

– Э-э. Угу.

Богатый словарный запас, – отругала себя Лариса.

Кофе был настоящий, горячий, терпкий и бесконечно вкусный. Блаженное тепло побежало по венам, Лара заулыбалась.

– Ну что, рассказывай, – предложила хозяйка все тем же небрежно-усталым тоном.

Рассказывать. Легко сказать. Лара застыла в замешательстве. Способность смотреть на вещи с иронией постепенно покидала ее. Как же это выговорить?..

– У меня…

– Парень погиб, – закончила за нее женщина, – Юля мне говорила.

– Ну, не совсем, – Лара нервно теребила рукав.

– Как это, не совсем? – хозяйка смотрела на нее внимательно, но без давления. Это развязывало язык, вызывало на откровение.

– Вы не поверите, – с привычной досадой проговорила девушка.

– А ты попробуй, – ее спокойствие было не таким, как у Лены. Оно согревало, укутывало, вызывало необъяснимое доверие.

– Я разговаривала с ним, после того, как мы разбились. Мы ушли в лес, разожгли костер. Все было так натурально, я видела его, как Вас сейчас, могла до него дотронуться. А ведь в это время мы оба без сознания валялись у дороги. Потом, в моем видении, я имею в виду, я заснула у него на плече, а когда проснулась, обнаружила, что их двое. Двое парней с внешностью Славы. Они сидели и, молча, смотрели в костер одинаковыми глазами. У них были одинаковые голоса, одинаковая одежда. Я испугалась до смерти, а они меня успокаивали на пару и твердили, что я должна выбрать одного из них. Я психанула и убежала в чащу. Один из них меня догнал, обнял, стал утешать. Я решила, что это Слава, – только он меня так хорошо знает. И, в конце концов, должна же я чувствовать любимого человека. Я поддалась ему, – и настоящий Слава умер. В тот самый момент, понимаете? А у меня был провал в памяти на последующие три месяца. Я понимаю, что со стороны это звучит, как бред помешавшейся от горя девушки. Но я уверена, что он умер из-за того, что я сделала неправильный выбор. Вы, наверное, сейчас считаете меня совсем больной.

– Отнюдь, – сказала женщина, глубоко затягиваясь сигаретой, – скорее всего, так оно и было. Тебе предложили выбор, чтобы проверить, так ли сильна ваша связь. Правда ли, что, если умрет он, не будет жизни и у тебя.

Лариса ушам своим не верила. Эта женщина показалась ей ледяным родником, пробившимся сквозь иссушенную землю пустыни.

– Вы мне верите?

– А почему бы нет?

Лара всем телом подалась вперед.

– Тогда, может, Вы знаете, как все исправить?

– А что, по-твоему, можно исправить?

– Я должна сделать выбор еще раз. Теперь я точно не ошибусь. И Слава будет жить, – последние слова она произнесла почти шепотом.

– Ты не понимаешь, – женщина потушила сигарету, – вас проверяли. Если бы вы действительно были связаны одной нитью, ему оставили бы жизнь. Просто из жалости, – чтобы не губить сразу двоих. Так делают иногда. Но исправить ничего нельзя. Выбор сделан. Ты сможешь и будешь жить без него.

– Нет, это ошибка, – родник оказался миражом и таял в воздухе прямо на глазах, – мы ведь клятву дали, что никогда не будем ни с кем другим. И, если один из нас уйдет, – второй последует за ним. Я не могу жить без него.

– Люди часто дают опрометчивые клятвы. Особенно влюбленные люди.

– Это не было опрометчиво. Я просто струсила тогда, у меня нервы сдали. Я должна попробовать еще раз. Они ошиблись.

– Они никогда не ошибаются, – отрезала женщина, – если бы все было так, как ты говоришь, ты бы узнала его в любом состоянии. Это тест со стопроцентной гарантией. Ошибки быть не может.

– Получается, я убила его? – воскликнула Лара.

– Нет, его убила фура.

– Но я могла его спасти и не сделала этого.

– Ты не могла. От твоих усилий ничего не зависело. Они проверяли существующую данность. Ты ничего не могла изменить.

– Но, если бы я выбрала правильно, он сейчас был бы жив?

– Да. Но ты не могла выбрать правильно. Все было предопределено.

– А Вы-то, откуда знаете, что возможно, а что нет?!

– Ты, конечно, можешь мне не верить. Настаивать я не буду. Но, нигде не найдя ответа, ты пришла сюда, а, значит, поверила, что я каким-то образом знаю.

Лара не нашла, что возразить на эту жестокую истину.

– И что же мне теперь делать? – еле слышно произнесла девушка.

– Жить. Послушай, я понимаю, что тебе больно, невыносимо больно. Ты, конечно, не сможешь его забыть. Его образ еще много лет будет преследовать тебя. Но постепенно он поблекнет и, наконец, смоется временем. А ты должна просто жить дальше. Жить без чувства вины.

– Я бы спасла его, если бы по-настоящему любила, – глухо проговорила Лара, – И я ли не виновата в его смерти?

Девушка встала, поблагодарила за кофе и беседу и направилась к выходу. Больше она ничего не хотела слышать.

Вечером к Ларе зашла Юля. Она представила в глазок заранее заготовленную лучезарную улыбку, но, увидев, пустые, как два колодца, Ларины глаза, проглотила улыбку вместе с вопросом, который собиралась задать.

– Ну, с рациональной точки зрения, мои ожидания были несколько не обоснованы, если не сказать, абсурдны, и их полнейшее фиаско можно в той или иной степени назвать торжеством здравого смысла над банальной метафизикой, – Лара попыталась сострить, улыбка у нее вышла рваной и перекошенной

Юля потянулась было обнять подругу, сказать что-то утешительное, но так и не решилась. Пустота в глазах Лары была настолько абсолютной, что засасывала в себя положительные эмоции окружающих, как черная дыра. Пространство и время завихрялись и пропадали где-то в глубине ее зрачков. Юля решила сбежать, пока и ее не затянуло. Краснея от собственного малодушия, она вынула из сумки аккуратный сверток и протянула его подруге, стараясь не коснуться ее руки. Лара понимающе хмыкнула: такой концентрированный коктейль из горя, боли и отчаяния отпугивает людей, как проказа. Они начинают избегать контакта с носителем боли, цепенея от ужаса при мысли, что страшная болезнь поразит и их судьбу.

– Вот. Вы тогда ночевали у меня, и он это забыл. Я подумала, тебе будет нужно, – Юля боролась с трясущимся, как заяц, голосом.

Лара развернула ткань. Это была его футболка. Простая белая футболка с черной надписью Hugo Boss на груди. Ларины глаза таяли, как снег под обманчивым зимним солнцем, а лицо стало тонким и хрупким, как стекло. Она прижала футболку к губам. Ей показалось, нет, она была точно уверена, что все еще чувствует его запах на ткани. Она жадно вдыхала этот аромат, стараясь не упустить ни одного крошечного кусочка, пока он не превратился в очередной мираж.

– Спасибо, – выдохнула она, – огромное тебе спасибо.

Юля кивнула, нервно подергивая уголками губ, – улыбка ей больше не давалась, – и, пятясь, скрылась за дверью.

Вот теперь все готово, – Лариса внезапно почувствовала невероятное облегчение. Она улыбнулась и пошла к себе.

Первым делом она переоделась в Славину футболку. Сразу стало теплее, будто кто-то обнял за плечи. Она подошла к зеркалу и вздрогнула от неожиданности. Некоторые вещи, которые мы носим особенно часто, сливаются с нами, становятся неотъемлемым элементом нашей внешности. И теперь, любуясь на разметавшиеся по белой ткани каштаново-рыжие кудри, Лара не могла отделаться от ощущения,

что видит двух людей одновременно. *А может, стоило забыть о здравом смысле, да и родить ему ребенка? Было бы ради чего жить, все-таки его плоть и кровь.* Лару передернуло. Перед глазами возникла причитающая барышня в кринолине. *Что за глупость в голову лезет? Какая плоть и кровь, только проблем бы прибавилось! Романов начиталась,* – поставила себе диагноз Лариса и села за стол.

Она несколько минут просидела с ручкой на изготовку над девственно чистым листом бумаги, но так ничего и не написала. Отложив несостоявшуюся записку, Лара потянулась к большой деревянной шкатулке, где хранились все ее полудрагоценные и совсем не драгоценные сокровища. На ее лице играла светлая безмятежная улыбка, только пальцы почему-то не слушались. Она искала особенные серьги. Слава ей их не дарил, – просто сказал однажды, что в них она – точь-в-точь Маргарита на балу. И почему ему так показалось? Впрочем, сейчас это уже не важно, важно их найти. И зачем ей так много украшений? А пальцы уже совсем отказываются служить…

Бац, – шкатулка рухнула на пол, и все ее содержимое, весело сверкая, ровным слоем усыпало ковер. У Лары перехватило дыхание, плотина спокойствия и умиротворения рухнула, и девушку швырнуло в водоворот нервного срыва. Она бросилась на пол и стала горстями сгребать украшения в шкатулку: желтые тусклые капли янтаря; зеленые чешуйки яшмы; густо-сиреневые, как холодное осеннее небо, кляксы аметистов; мрачный, как бедная кислородом старая кровь, гранат; таинственный, как хвоя в чаще, нефрит; и вот, наконец, глянцево-черный, как лунная дорожка на воде в полночь, гематит. Стараясь успокоить дыхание, Лара надела серьги, водрузила на место шкатулку и отправилась в ванную.

Лариса не раздеваясь, залезла в ванну, поджала колени к подбородку и подставила руки под струю теплой воды. На спортивных штанах и футболке проступали темные пятна от летящих брызг. Лара неотрывно смотрела на искрящуюся водную ленту, ласково обвивающую ее ладони. Она открыла для себя совершенно новое ощущение – боль безысходности, когда в районе солнечного сплетения образуется дыра, полная вакуумной пустоты. Она прижала ноги вплотную к туловищу, чтобы как-то закрыть зияющее пространство. Руки судорожно вздрагивали, а во рту пересохло, как после недельного перехода по пустыне. Жизнь казалась ей запутанным лабиринтом, по которому она бродила долгие годы, и, наконец, зашла в тупик. И не осталось ни сил, ни желания бороться дальше. Сердце бешено колотилось и норовило выпрыгнуть через горло на пару с желудком. Глаза ее застыли, как два больших лесных озера на февральском морозе. Губы шепотом повторяли слова: «Никогда. Больше никогда…»

– Лара, ты любишь желтый цвет?

– Не очень.

– А я полюбил недавно. Здесь просто нельзя не любить желтый.

– Почему?

– А ты не замечала, что в Петербурге очень много желтого: дома, дворцы, – все красят в желтый? Это преобладающий цвет в архитектуре города.

– В какой цвет не крась, – все вокруг серым остается, – вздохнула Лара.

– Вот тут ты не права. Петербург похож на человека со сложным и замкнутым характером. Если всмотреться в такого человека повнимательней, можно увидеть самые неожиданные и многообразные аспекты его натуры. А для скользящего поверхностного взгляда – он всегда серый. Просто смотреть надо, умеючи.

– Звучит нравоучительно. И почему, собственно, ты, приезжий, меня, коренную петербурженку, учишь, как смотреть на мой город?

– А потому что он для тебя, как надоедливый старший брат. Ты родилась, а он уже был. И был именно таким противным и нудным, каким ты его всю жизнь знаешь. Временами ты его терпеть не можешь, но, все же, очень любишь. Со всеми его затяжными приступами меланхолии и утренними мигренями, тяжелой летней духотой и жестоким влажным зимним морозом. Любишь за все хорошее и не очень. А я влюблен в него со всей пылкостью и страстью. Я восхищаюсь им, теряю голову, а потом обижаюсь и посылаю его ко всем чертям. А он, кстати, в долгу не остается: топит меня в лужах, душит в метро, поливает кислотным дождиком, окатывает грязью из-под колес, но только мне рассказывает свои самые сокровенные тайны. По блату, разумеется, я же с его любимой сестренкой встречаюсь.

– Так, все-таки, почему желтый?

– Да, желтый. Дело в том, что в Петербурге главное время года – осень. Когда расплавленное золото заполняет улицы, растекается багровыми и травянисто-зелеными разводами, дробится на тысячи хрустящих чешуек. Город превращается в тайную сокровищницу старого скупого графа. А над ним – благородное пепельно-серое небо с рваными завихрениями морозно-фиолетовых туч. И когда высокомерное, как молодая аристократка, северное солнце выглядывает из-за облаков одним надменным, сверкающим глазом, город преображается. Тоскливый серый превращается в аметистово-сиреневый, белый – в нежно-персиковый, а грязно-охристая листва – в звенящую золотую кольчугу. И все желтые дома и дворцы в городе вспыхивают,

как маленькие зеркала, по которым скользнул игривый солнечный луч. Слепящая золотая волна прокатывается по улицам и проспектам, площадям и паркам. И весь город полыхает, как начищенный медальон, поймавший солнечный зайчик.

Они заворожено помолчали.

– Июнь и сентябрь – лучшие месяцы в этом городе, – продолжил Слава, – Но июнь более представительный, как парадный фасад здания, – специально для дорогих гостей. Когда толпы поблескивающих вспышками туристов наводняют Невский и Дворцовую, Петербург становится похож на сверкающую жемчугами и бриллиантами княжну на балу. А сентябрь – это праздник только для своих, теплый и уютный, и, в то же время, роскошный.

– Тогда давай поженимся в сентябре.

– Почему это мы должны жениться?

– Но-но-но. Я тебя предупреждала, что уже не отвертишься. И не вздумай меня бесчестить. А то мой любимый старший братец устроит тебе такой климатический мордобой, в сравнении с которым ураган Катрина покажется теплым ветерком на взморье.

Вода текла сквозь Ларины пальцы в сток, чуть касаясь озябших ступней. Лара… Кто теперь будет звать ее Ларой?

– Что мы собираемся делать, шеф?

– А пойдем в кино.

– Зачем? Там сейчас смотреть нечего.

– А это неважно. Мы придем до начала сеанса, разляжемся в креслах и будем вдыхать запах кинотеатра. Такой очень уютный и, при этом, торжественный аромат. Так пахнет то ли обивка кресел, то ли огромные динамики, то ли еще бог знает, что. Но это можно почувствовать только в самом начале, пока туда не ввалилась галдящая орава вместе со своим пошлым попкорном, пивом, пепси-колой, и не заполнила зал запахами общепита. И это обязательно должен быть большой зал. Ты вжимаешься в огромное мягкое кресло, и тебе кажется, что сейчас должно произойти что-то очень значимое. Как будто тебе десять лет, и папа впервые повел тебя в кинотеатр. И ты с благоговейным трепетом ждешь, когда погаснет свет и вспыхнет окно в волшебный, еще не изведанный мир. А после этого мы можем уйти, чтобы не сбивать светлое ощущение нашей продажной попсой. Ну, как тебе?

– Слава, тебе кто-нибудь говорил, что ты совершенно неадекватен?

– Ты и постоянно. За это я, наверное, тебя и люблю. То, как ты произносишь слово «неадекватен», как будто делаешь глоток «Пина-Колады». Сразу на языке чувствуется что-то сладковато-терпкое с дивным ароматом кокоса.

Лара медленно отвела руку от водной струи и заткнула водосток. Ванна начала постепенно заполняться.

– Лара, смотри, цунами!

– Где?

– Вон там, над домом.

Лара посмотрела в ту сторону. Над новенькой высоткой нависла огромная темно-сиреневая волна. Она начиналась у самого горизонта, заполняла собой все видимое пространство и грозно щерилась пенистым гребнем над кичливо-бордовой крышей, как застывший перед броском зверь. А прямо над волной улыбалось безмятежное голубое небо.

– Это же просто туча, – улыбнулась Лара.

– Нет, это цунами. Нам всем грозит смертельная опасность. Ты обязана немедленно меня поцеловать.

– Почему это?

– Потому что только после этого я буду готов принять самую чудовищную смерть.

– А если ничего не случится, и мы останемся живы?

– Это будет аванс. На всякий случай. Мало ли что в жизни бывает. И, вообще, хватит спорить и иди ко мне.

Лара осторожно взяла тонкую бритву, покрутила ее в пальцах и поднесла к венам. Какое-то время она любовалась хищным блеском металла над нежной белой кожей с тонкими голубыми прожилками. Потом перевернула руку, глубоко вздохнула, плотно прижала лезвие к коже и резко выдернула. На руке осталась тонкая белая полоска, постепенно превратившаяся в алую нитку. Затем на нитке стали возникать одна за другой изящные рубиновые бусины. Лара следила, как набухают багровые капли, как лентой скатываются по коже, оставляя красные дорожки, как собираются на сгибе руки и, наконец, обрушиваются с высоты в пребывающую воду, растекаются причудливыми узорами и исчезают. Порез был неглубокий. Пока.

– Лара, а почему ты, когда читаешь, ты иногда поднимаешь глаза и зависаешь восторженным взглядом в пространстве на неопределенный срок?

– Есть книги, которые долго читать невозможно. Становится так хорошо, что больно. Они проникают внутрь тебя и начинают за что-то сильно дергать. Реальность вокруг растекается, и во всем мире остается только это дерганье. Маленькие черные зверьки прыгают со страниц, куда-то, что принято называть «прямо в душу», и повисают на невидимых нитях. Эти нити, как рычаг, отрывают твое тело от земли, и оно становится невесомым. В груди удивительно легко и

просторно, как будто оттуда убрали все лишнее. И только дергают все сильнее и сильнее. Тогда я перестаю читать. И, наверное, так никогда и не узнаю, что будет, если продолжить, – взлетишь, или внутри что-то оборвется.

– А со стихами у тебя тоже так бывает, или исключительно с прозой?

– Можно проверить. Прочти что-нибудь, что я сейчас чувствую.

Слава улыбнулся.

Метель лепила на стекле
Кружки и стрелы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

На озаренный потолок
Ложились тени,
Скрещенья рук, скрещенья ног,
Судьбы скрещенья.

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал.

И все терялось в снежной мгле,
Седой и белой.
Свеча горела на столе,
Свеча горела…

Лара сидела, закрыв глаза и прижав бритву к венам. Губы ее шевелились, повторяя знакомый стих. Вода уже доползла ей до щиколоток и приятно щекотала кожу. Никто больше не назовет ее Ларой, никто не будет читать ей на ухо книги, никто не будет закидывать ее sms-сообщениями, от которых кружится голова и холодеют подушечки пальцев. Никто, Никогда…

Бритва все сильнее врезается в кожу, пальцы дрожат. И что это за назойливый звук? Он отвлекает, мешает сосредоточиться… Лара открыла глаза. Звонил ее телефон. Звонил давно и как-то надрывно, как кричащий во все горло человек. И зачем она взяла его с собой? А, старая привычка, – Слава мог позвонить в любую минуту. Да кто там никак не уймется?!

– Алло!

– Привет, Крыска-Лариска. Это Миша, парень с цветами, помнишь мня? Я хотел спросить, не хочешь ли ты встретить с нами Новый Год? – в веселом голосе парня проскакивали беспокойные нотки.

– И ты для этого трезвонил столько времени?

– Ты права, нелепый повод, плохой из меня конспиратор. Я вдруг почувствовал, что обязан тебе позвонить и срочно. Просто обязан, понимаешь? С тобой что-то происходит. Я понимаю, что у меня нет особых причин претендовать на твое доверие, но, может, расскажешь, что случилось? Для меня это очень важно, поверь мне. Я хочу помочь тебе. Потому что… Лариса, что с тобой, ты плачешь?!

Жгучие горькие, много дней сдерживаемые слезы хлынули из ее глаз. Она плакала навзрыд, как ребенок. О своей спрятанной от всего мира боли, об одиночестве, о невосполнимой потере. И вместе со слезами ее сердце покидало что-то черное и липкое, как паутина. Дышать становилось легче, и она снова заходилась в рыданиях.

– Подожди, – голос в трубке окреп, напитался теплом и уверенностью, – Никуда не ходи, ничего не делай, сиди, где сидишь. Я буду через пятнадцать минут.

Свежая прозрачная тишина над рекой. Стылый воздух с легкой примесью прелых листьев и мокрого дерева. Вдоль берега – воздушные невесомые березы, укутанные чуть звенящим на ветру золотистым облаком, чередуются с тяжелыми густо-зелеными елями. Желтые стрелы осоки пронзают воду цвета старого чая. Капли осеннего золота чуть подрагивают на водной глади, скользя по голубым осколкам неба. Ни звука, ни вздоха. Ветер уснул в чаще, зарывшись в мягкую листву, даже кузнечики исчезли. Только стрекозы жужжат, взбивая воздух глянцевыми крылышками. Сентябрь. Природа замерла и почти не дышит, бережет силы в преддверии затяжных холодов.

Из леса вышли двое, бодрой походкой спустились к берегу и остановились, завороженные величавым зрелищем.

– Ну, вот мы и добрались, – первым нарушил благоговейное молчание улыбчивый вихрастый парень. Он снял рюкзак и с наслаждением размял затекшие плечи.

– Может, теперь ты расскажешь мне, зачем мы отправились в это рискованное путешествие за сто километров от Питера? Что мы ищем? – спросил он свою спутницу.

– Если б я знала, – задумчиво произнесла девушка, обводя взглядом реку.

– А все-таки? Что-то же потянуло тебя на север.

Парень обнял ее за плечи и поцеловал ее густые темные с рыжиной волосы.

– Ты мне не поверишь, – смущенно улыбнулась девушка.

– А ты проверь.

Девушка собралась с духом и начала рассказ.

– Каждый сентябрь мама собирается и уезжает куда-то на день или два. Строго в определенные дни. Каждый год, сколько я себя помню. Когда она возвращается, в глазах у нее еще долго живет странная затаенная грусть. Как-то я не выдержала, и спросила у отца, куда она ездит. Он отвел глаза и сказал, что мне лучше поговорить с ней об этом лично. Это совсем на него не похоже, – он всегда веселый и с ним можно беседовать на любые темы. Знаешь, как он маму иногда зовет? Крыска-Лариска. А она даже не обижается. Так что еще тот юморист.

– Да, отец у тебя замечательный, – согласился парень.

– Ну, вот. Тогда я решилась и пошла с этим вопросом к маме. Она долго не хотела об этом говорить, но я пристала, как пиявка. Мне казалось, что речь идет о чем-то очень важном, и я непременно должна знать, что ее так беспокоит. Наконец, мама сдалась. Только объяснять все равно не стала, – сказала, куда она ездит, рассказала, как сюда добраться. Сказала, что я могу сюда съездить интереса ради, желательно с тобой. И сказала еще всего одну вещь. Что давным-давно в этот день она убила человека.

– Не может быть, – воскликнул парень.

– Вот, я тоже так подумала. Но давать какие-либо комментарии она отказалась. И тогда я решила съездить сюда как раз в сентябре. Может, я найду здесь какую-то подсказку.

– Интересно, какую. Труп зарытый, что ли?

– Да ну тебя, – отмахнулась девушка.

– Извини. Просто я не понимаю, что мы ищем.

– Я тоже не понимаю. Но это мой единственный шанс что-то выяснить. Так что давай осмотримся повнимательнее.

Они разделились и отправились исследовать окрестности. Это было довольно затруднительно. К реке сбегало несколько узких тропинок, прорезающих заросли высокой, по пояс, сухой желтой травы. При попытке вступить туда, нога мгновенно проваливалась по колено в вязкую болотистую жижу. В реку вдавался маленький старый причал из полусгнивших досок, готовых рассыпаться в труху в любой момент. К нему было привязано несколько таких же дряхлых полузатопленных лодок. Над рекой расположилось маленькое уютное садоводство. В начале осени большинство домов пустовали, и у случайного

путника, забредшего в эти места, неизменно возникало щемящее ощущение тоски и одиночества.

– Ну, как успехи? – без особой надежды спросила девушка, когда они снова встретились на берегу.

– Да никак. Никаких знаков или ключей к разгадке тайны твоей мамы я не обнаружил. И спросить не у кого, людей почти нет. Да и не будешь же стучаться в чей-то дом с подобными вопросами. Не знаю, можно ли вызвать сюда психушку, но хозяева приложат к этому все усилия.

– Аналогично. Я тоже ничего не нашла. Ни одной зацепки.

– А, вспомнил. На одном из деревьев я увидел вырезанные буквы: Л+С.

– Ну, «Л» еще может означать «Лариса». Но что такое «С»? – задумчиво проговорила девушка.

– Что бы там ни было, под этими буквами я вырезал наши инициалы. Пусть еще кто-нибудь голову ломает.

Девушка рассмеялась.

– Прости меня, – вздохнула она, – заставила тащиться в такую даль, и все напрасно.

– Как это, напрасно? Не каждый день удается увидеть такую красоту. Спасибо тебе огромное. Это самая романтическая поездка в моей жизни.

– Не за что, – улыбнулась девушка, – а у нас еще бутерброды припасены, так что сейчас сядем и устроим пикник.

– Подожди. Я тут подумал, – парень замялся, – а давай, раз уж мы оказались в таком заповедном месте, принесем здесь клятву, что всегда будем вместе и никогда не станем искать друг другу замену.

– Давай, – у девушки заблестели глаза.

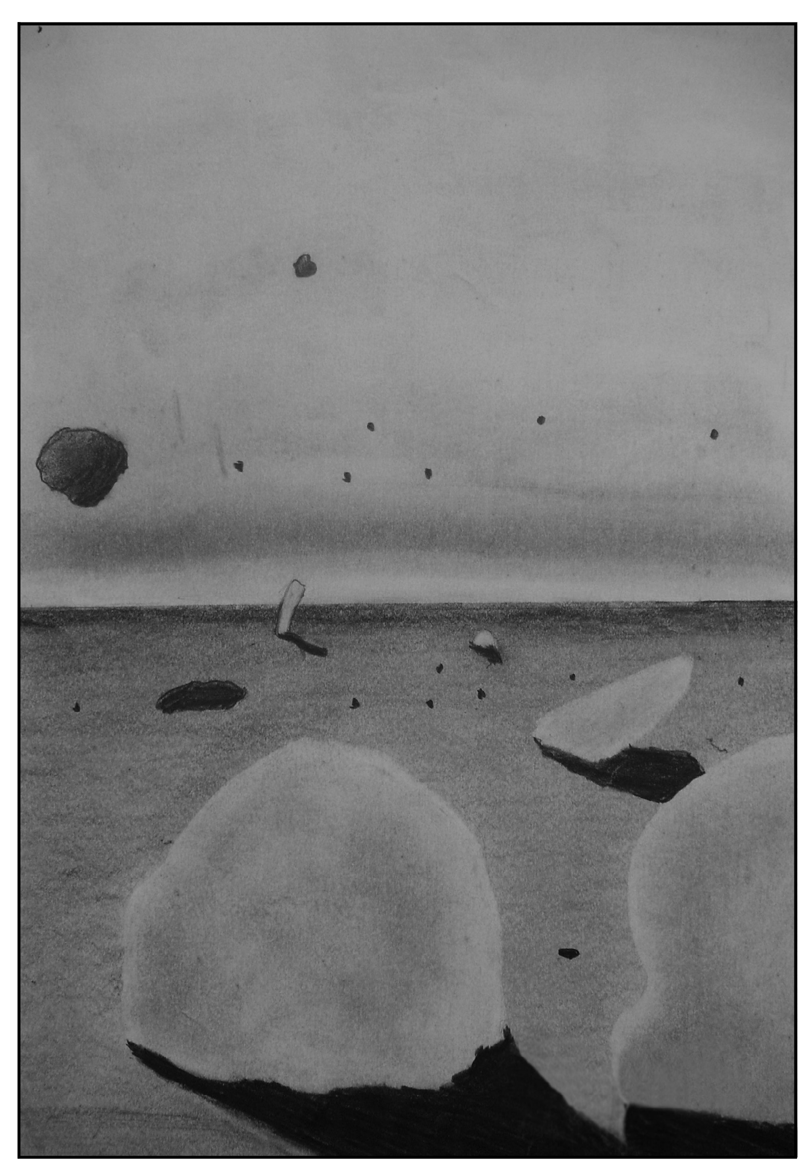
– Я клянусь, – торжественно начал парень, – что всегда буду любить тебя и только тебя, и, если потеряю тебя, никогда не полюблю другую, а уйду вслед за тобой.

– И я клянусь, – таинственным голосом ответила ему девушка, – что всегда буду любить тебя и только тебя, и, если потеряю тебя, никогда не полюблю другого, а уйду вслед за тобой.

Они взялись за руки и помолчали. Потом парень нагнулся, поднял с земли маленький камешек и зашвырнул его в воду.

– И пусть река хранит нашу клятву, – улыбнулся он.

Камень с легким всплеском прорвал водную гладь и канул в глубину. По поверхности побежали круги. Взвилась ввысь испуганная стрекоза. По хрустящей листве пробежал беспокойный ветерок. Круги кончились, река поглотила свою добычу и опять превратилась в блестящее глянцевое зеркало. В природе вновь воцарилась величавая и равнодушная тишина.

Работа Павла Беклешова

Ольга ДЬЯКОВА

Студент ФПБИ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Лужа

Мальчик стоял и смотрел на лужу:

– Лужа, а почему ты такая бесформенная? Молчишь? А зря: на тебя наступят и сделают еще более бесформенной, а ты и не ответишь. И не убежишь даже – асфальт тут ровный.

Другой мальчик проходил мимо:

– А я вот в тебя сейчас брошу камешек. Да-да, вот этот, кругленький. Опа!

Лужа подалась вперед всем своим телом, пытаясь остановить безрассудный поступок, но не успела: камень стремительно проник в ее плоть, встревожив все ее существо, и остался лежать неподвижно. Водная суть этих пока неотделимых субстанций, продолжала вздрагивать и колыхаться, рябить и поблескивать в лучах заблудившегося солнца.

– Хе, прикольно! Тебе тоже, Лужа? Сейчас повторим.

С этими словами в Луже оказался еще один камень. Снова она встрепенулась, вода ее заиграла на солнце.

Во дворе бегало много мальчишек, и все они стали кидать в Лужу камешки. Сначала осторожно, а потом все смелее и смелее. Иногда, они наступали в Лужу. А еще чаще мимо проходили взрослые и тоже в нее наступали. Ей было больно и неприятно, а они ругались. Так ругались, что, порой, Лужа плакала, и ее слезы улетали далеко от нее самой и превращались в маленькие лужицы. И по ним тоже ходили люди, но, уже не обращая на них внимания – ведь это всего лишь маленькие Лужины слезы…

День, который начался дождем, а прошел под навесом солнечных лучей, уходил в вечер. И Лужа, испытавшая за это время и колебание, и волнение, и безысходность, вдруг съежилась и посерела. Совсем посерела. Ей было тяжело хранить все брошенные в нее камни. Ей было обидно смотреть на свои растоптанные слезы. Она не могла уйти. С ней никто не говорил. И даже никто не бросал в нее камни….

Утро обещало жаркий новый день. Во дворе все так же лежал ровный асфальт. Но Лужи больше не было. Остались лишь камни.

Галина МАЛИКОВА

Электрик

Семейный альбом

Однажды отец сказал, что все люди когда-нибудь умирают. Просто исчезают. Навсегда.

Было мне тогда лет пять, не больше. Я любила отца, как любят солнце, и верила ему безоговорочно. Но душа категорически отказывалась принять эти слова отца, и, отчаянно поболев несколько дней, – не приняла. Душа просияла в тихом убеждении вечности жизни.

Об этом неожиданном открытии я не сказала никому, просто положила его первым камнем «дома» своих собственных знаний. И с тех пор мир разделился на тех, кто знал то же, что и я, и тех, кто знал абсолютно другое. Тайное знание рождало чувство одиночества, однако не убивало любви к родным и близким, особенно к отцу.

Отец был убежденным коммунистом. Его вера в светлое будущее подкреплялась скромными, но зато реализованными амбициями. Полуграмотный юнец (четыре класса образования), прибывший в середине двадцатых годов в Петроград из Тверской губернии без гроша в кармане, стал квалифицированным слесарем-сборщиком сложных авиационных аппаратов и профсоюзным лидером. На маленьком засекреченном заводе, который прятался за невзрачным забором на одной из линий Васильевского острова, отца уважали за ясную голову, трудолюбие и неизменный оптимизм. С необразованным, но толковым рабочим (высшего образования он так и не получил) часто держали совет опытные дипломированные инженеры. Папа был уверен, что все, чего он достиг, дала ему советская власть, и гордился этим.

Когда папа гордился, он сильно переживал это чувство. При этом у него обострялся хронический насморк, и тогда он начинал громко шмыгать носом. Возвращаясь с регулярно проводимых на заводе партийных собраний, папа шмыгал носом особенно громко и часто. Он никогда не рассказывал о том, что происходило на собраниях, и какие вопросы там обсуждались, молча ужинал и с загадочной улыбкой Джоконды ложился отдыхать на диван. Мама тоже молчала, но то было другое молчание. Бабушка ругалась – матом. Отборным народным матом, который все расставлял по своим местам. И даже нам, детям, становилось ясно, где должен был находиться наш отец вместе со своей советской властью. Как ни странно, это не нарушало высокой торжественности папиного настроения и нашего детского почтения к почти магическому словосочетанию – «партийное собрание».

В дни революционных праздников папа ходил на демонстрации и как наиболее ответственный и покладистый приносил домой транспаранты и портреты советских вождей – на временное хранение. Портреты стояли в коридоре, загромождая нашу и без того тесную квартиру, в которой проживало трое взрослых и четверо детей. Палки, за которые портреты носили на демонстрациях, как ружья целились в потолок, а лики вождей, непочтительно перевернутые, делались странными и блудливыми, подглядывая снизу за нашей, в общем-то банальной семейной жизнью.

У отца был безусловный талант инженера и золотые руки, которые могли ловко строгать, пилить, забивать гвозди, смолить лодки и мастерить все, что надо смастерить, начиная от деревянной скамейки до магнитофонов, которых в то время и в продаже-то не было. Круглый стол всегда был завален какими-то детальками, под кроватями и шкафами стояли ящики с инструментами, в коридоре в углу – весла, на стене в маленькой комнате висело зачехленное охотничье ружье, рядом – картина маслом без рамы: три сеттера в напряженной стойке, одна уже подняла лапу – вот-вот они сорвутся за дичью.

Подозреваю, что в душе отец был не столько коммунист, рабочий и профсоюзный лидер, сколько охотник и рыбак. Он самозабвенно любил природу, а еще он любил нашу маму. И за это его люто ненавидела наша бабушка. Бабушка была убеждена, что мама могла бы стать генеральской женой, если бы в ее судьбу не вторгся наш отец.

Наверное, из той точки мироздания, где пребывает Бог-отец, наши души глядятся мерцающими светлячками. Ярко и ровно светят единицы. Бог собирает в венец своей славы только самые красивые, только чистые линией и цветом. И это справедливо. Мы ведь тоже, собирая букет, выбираем только пригодное…

Когда бабушка была беременна мамой, она спрыгнула на ходу с конки. Мама родилась семимесячной и всю жизнь оставалась маленькой, как Золушка. И, как Золушка, она была тихой, независтливой и трудолюбивой. Это случилось в 1909 году в Петрограде, в июле месяце, 23-го числа. А в феврале 1910-го в деревне Старое Тверской губернии родился мой отец.

Бабушка причисляла себя к мещанскому сословию, никогда не работала, владела вместе с дедушкой двухкомнатной квартирой в доме на Васильевском острове и от всей души презирала «голь, шмоль и нищету» – то есть папу и всю его многочисленную родню с незатейливой фамилией Смирновы, которая в 20-е годы перебралась в город,

прославившийся революцией. Для нас, бабушкиных внуков, родившихся и выросших уже в советское время, слово «шмоль» было незнакомым, но в этом синонимическом ряду вполне понятным. Позднее, в словаре Даля, я нашла слово «шмольникъ», одно из значений которого – попрошайка. Безусловно, что к отцу это слово не имело никакого отношения. Попрошайкой отец никогда не был.

Большая семья Смирновых действительно голодала в 20-е годы и искала лучшей доли в городе, но до революции жила вполне сносно. Дед Николай по отцовской линии, которого я никогда не видела, как, впрочем, и деда Семена по маминой линии, был профессиональным наборщиком – специальность в то время, можно сказать, элитная. Он работал в Питере. В деревню к своей жене он приезжал на побывку, и, как в то время водилось, дети рождались один за другим – и мальчики, и девочки. Всего количеством девять человек. Николай Михайлович один обеспечивал семью всем необходимым. Сохранилась дореволюционная фотография: еще достаточно молодые бабушка Таня и дедушка Николай в окружении своих многочисленных детей. Татьяна Ивановна и дети, как положено, сидят. Николай Михайлович стоит, опершись рукой на спинку венского стула. Невысокого роста и некрупной комплекции, но чрезвычайно ладный, Николай Михайлович явно доволен собой, на лице Татьяны Ивановны не видно и тени тяжелых забот.

После революции бабушка Таня с детьми, уже взрослыми, проживала в большой комнате полуподвальной квартиры где-то в центре Питера. Помню странное зрелище: почти под потолком, в окне, которое выходит на улицу, беспрерывно мелькают туфли, башмаки и сапоги. У окна на самодельной табуретке сидит маленькая пожилая и малознакомая мне женщина – это моя вторая бабушка, Татьяна, которую я почти не знаю. Она бережно и ласково держит меня за руку. Я ее не боюсь, но мне она не интересна – я как завороженная смотрю в окно, где мелькают башмаки.

Способные и, как все провинциалы, целеустремленные, Смирновы быстро обжились в городе и прочно укоренились в Ленинграде, бывшем Петрограде, благодаря своему трудолюбию и оптимизму. Все они вступили в партию, гордились своим рабоче-крестьянским происхождением и свято верили в советскую власть.

Время течет, и течение его есть великая, непостижимая тайна. И «начало быть…»

1973 год. Мы сидим с мамой на скамейке благоустроенного городского сада перед нашим домом на Петроградской стороне. Нежаркое северное лето. 3 часа дня. Солнечно и безветренно. Рядом, по Ки-

ровскому проспекту, проносятся машины, но их шум почему-то не нарушает тишины сада. От большой клумбы доносится терпкий аромат флоксов. В коляске спит мой сын – ему чуть больше полугода. Мы сидим с мамой на скамейке и молчим, созерцая летнюю красоту.

В этом саду прошло мое детство, сюда мама водила меня гулять, и эти деревья росли вместе со мной. Мимо нас по желтой песчаной дорожке проходит молодая женщина, она держит за руку ребенка. И пока они неспешно проходят мимо, я буквально физически ощущаю ХОД ВРЕМЕНИ. И вдруг отчетливо осознаю: проходит ВСЕ, но это не страшно. Просто так должно быть, чтобы что-то «начало быть».

Так получилось, что наши родители познакомились благодаря именно бабушке. Еще до революции, мещанка Мурашкина Аграфена Александровна сдавала внаем одну комнату в своей двухкомнатной квартире типографскому наборщику Смирнову Николаю Михайловичу. Квартирант был приличный, можно даже сказать интеллигентный, поэтому, когда в голодные послереволюционные годы к нему стали подтягиваться на заработки его дети, бабушка отнеслась к этому спокойно. Деда Семена, маминого отца, к тому времени уже не было на белом свете – его убило током на работе, и один Бог знает, почему моя будущая бабушка Аграфена была так лояльна к моему будущему дедушке Николаю. Сплетня об их излишне теплых отношениях поднялась совсем недавно из глубин не светлого сознания одной из моих тетушек, однако всем остальным немногочисленным родственникам некогда большой семьи эта версия не показалась даже любопытной. Уважение к Аграфене Александровне, бабушке Груше, – большой, статной, властной и сильной – сохраняется в родовой памяти до сих пор. Несмотря на свою активную неприязнь к «смирновской» породе, бабушка умудрилась всем чем-то помочь: кого-то пустила пожить на время, кого-то понянчила, кого-то одарила полезным житейским советом.

Наш отец, Смирнов Михаил Николаевич, прибыл в Питер шестнадцатилетним и стал подмастерьем старого еврея-частника. Временно он поселился у своего отца, Николая Михайловича, прямо в квартире своей будущей тещи, с которой затем прожил под одной крышей целых 30 лет. «Знала бы – удавила», – говорила бабушка, вспоминая то далекое время.

Бабушка всегда выражалась емко и образно. Помимо всяческих поговорок на любой случай жизни, у нее было заготовлено несметное количество баек и историй. С небольшими вариациями она повторяла их всю жизнь. Так, на весьма частый вопрос, а что это у Вас бабушка с ногой – коленная чашечка у нее была выбита и нога неесте-

ственно прогибалась назад, – бабушка, театрально вздохнув, нараспев заводила целую былину. «О, милая (милый)! – говорила бабушка. – В Амуре тонула-не-утонула, только ногу сломала». И далее шла захватывающая история о том, как бабушка очутилась в протоке, из которого ее вынесло в необъятную реку Амур, как ее било об огромные камни и как только чудо спасло ее. Чудо было на самом деле, потому что в быструю протоку бабушка свалилась по пьянке, и шансов выжить в этой ситуации у нее практически не было.

То, что бабушка, оставшись вдовой, стала изрядно закладывать за воротник, было вечным горем и стыдом нашей мамы. По свойству души и природы, мама не переносила алкогольного угара и в любом застолье была белой вороной. Все, что она могла, это лишь пригубить рюмочку красного вина, тогда как бабушка наша в предвоенные годы, говорят, не гнушалась и денатуратом. Парадокс жизни: наша мама, окончившая самую известную питерскую гимназию, аккуратная, миловидная, умеренная во всем, обладавшая редким в этом мире качеством – целомудрием, которое позволяло ей жить никого не раня, любимица своего отца и единственный ребенок в семье Мурашкиных, была полной противоположностью своей матери.

Для всех мама была Шурочкой – для бабушки только Шуркой. И так было всегда. Когда мама была маленькой, бабушка передарила кому-то из родственников самую любимую мамину куклу. Потом, нехитрым враньем, отвадила первого маминого кавалера. Мама никогда не роптала и ни в чем не упрекала бабушку, хотя знаю, и мама мне говорила об этом сама, что о кукле и кавалере она тихо печалилась всю жизнь. Потом на горизонте замаячил достойный жених – в дом на Васильевском острове, где проживала бабушка, заселился молодой генерал. Бабушка стала разрабатывать стратегию и тактику выгодного замужества своей единственной дочери. Она не предусмотрела только одного – в это время в ее квартире уже жил наш будущий отец.

И случился бунт. Первый и последний бунт в жизни нашей мамы. Мама остригла дивной красоты льняные косы, сделала прическу в стиле комсомолок, хотя комсомолкой никогда не была, и «расписалась» в загсе с нашим папой. Бабушкин шок был настолько огромен, что по этому поводу не было сочинено ни одной семейной байки: глобальное поражение не должно было отразиться в устном семейном предании. Целомудрие моих родителей довершило дело – они вообще никогда не говорили о своих отношениях. Поэтому мы знали только одно: мама ослушалась бабушку и самовольно вышла замуж за папу. Чему мы, четверо детей своих родителей, были безмерно рады.

Любовь – это святое, говорит моя соседка и отправляется на «честный» блуд. Кто бросит камень? Она думает, что буйство гормонов в крови есть любовь и свято служит этим гормонам. Она заблуждается.

Заблуждение – корень БЛУД. Блуждать – значит отдать себя на откуп своим страстям. Блуждают всегда в потемках.

Страсть – это потемки души. Любовь – это свет. «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Бабушка верила в Бога, но почему-то его не боялась. В ней жила твердая убежденность, что уж ей-то Бог простит, зато других бабушка стращала не на шутку. «Попомни, попомни мое слово, – говорила бабушка, – Бог накажет!». «Бог все видит, – твердила она с ударением на слово «все». – От бога не скроешься». «Бога не боится», – это про кого-нибудь, совершающего поступок, много превышающий меру дозволенного.

Первый ребенок наших родителей – пятилетняя Кира, красавица и умница, умерла, можно сказать, внезапно. Она заболела скарлатиной, и через три дня ее не стало. «Бог дал, Бог взял» – строго говорила бабушка, когда мы, разглядывая семейный альбом, пытались расспрашивать о своей старшей сестре. В альбоме сохранилась одна-единственная фотография сестры: опрятная девочка лет четырех-пяти с умным и спокойным выражением лица. Это Кира, Кирочка, первенец. Ни мама, ни папа никогда о ней ничего не говорили – мы не спрашивали. Мы чувствовали, что этого делать не нужно.

Рассматривать большой семейный альбом было любимым моим занятием. Альбом этот папа сделал на заказ, и еще долго от него исходил запах коленкора, картона и свежего конторского клея. Величина и красота альбома вызывали у меня чувство основательности и незыблемости нашей семейной жизни, и когда мы с папой вклеивали туда новые фотографии, я ощущала значимость запечатленных мгновений.

Вот мама на летней полянке. Она сидит прямо на траве, а мы – все четверо – прильнули к ней. Всем уютно – и никому не тесно: материнская любовь обнимает всех нас в равной степени. На маме ситцевый сарафан ярко василькового цвета, на мне – такой же. Сестрица держит в руках букетик полевых ромашек – мелкие белые ромашки точь-в-точь как рисунок на наших с мамой сарафанах. Взгляд у мамы чуточку кокетлив – нас фотографирует папа. Фотография черно-белая, но я хорошо помню васильковость этого мгновения.

Вот папа. Он только что вышел из леса. День жаркий – ворот рубашки расстегнут, голенище резиновых сапог подвернуты. Рядом стоит корзина, полная грибов. Самые красивые и большие папа держит в

руках и демонстрирует в объектив. Коричневые маслянистые шляпки грибов пахнут сумрачным лесом, на них налипли хвойные иголки и темно-зеленые брусничные листы.

Вот я – на руках у папы. Мне года четыре. Я обнимаю папу за шею и прижимаюсь своей щекой к его щеке. Я любимая папина дочка. Это признано всей семьей. Я младшая и я похожа на маму. Папа меня балует. «Вырастет – наплачетесь от нее», – часто говорит бабушка. Она была права, я оказалась самым неуправляемым ребенком.

Запечатленные мгновения складывались в последовательность времени, с одной лишь особенностью: альбом отражал только те события, которые происходили уже после войны. Исключением была лишь фотография нашей старшей сестры Киры.

О том, каким был мой дед Семен, я знаю только по рассказам мамы и бабушки. Мама говорила, что дедушка был красивым и добрым, бабушка утверждала – дед был тюфяк. Она говорила, что в дни революции дед прятался под кроватью, а она – бабушка целыми днями сидела на этой кровати, прикрывая его своими широкими юбками. Однажды, осерчав, бабушка надела на голову деда кастрюлю с кипящим гороховым супом, и с тех пор дед стал лысым. Мама этих легенд не подтверждала, но и не отвергала – из чего можно сделать вывод, что какая-то доля истины в этих рассказах была. Но одну историю, рассказанную бабушкой, мама подтверждала.

В день получки дед Семен показывал характер. Он задерживался с работы, и бабушка тревожно ждала его у окна, выходившего в питерский двор-колодец. Ждали его и все ребятишки нашего дома. Знали: немного принявший на грудь дед Семен обязательно вернется с карманами, полными конфет, и во дворе будет щедро угощать детвору. Бабушка сделать с этим ничего не могла и каждую получку, отчаянно ругаясь, наблюдала из окна, как хмельной дед Семен раздает конфеты детям.

Мне всегда было жаль, что я не видела своих дедов. Но почти весь довоенный семейный архив пропал во время ленинградской блокады. Семья наша, к счастью, выжила.

Семья – это семь Я. Так любила повторять мама. Иногда мама позволяла себе побыть легкомысленной: пошутить, покаламбурить. Но нас, действительно, было семеро – библейское число.

Какие были отношения у мамы с Богом – могу только догадываться. Мама не ходила в церковь, ни слова не говорила нам о Боге, но почему же тогда жена закоренелого коммуниста родила старшего сына в Рождество Христово, другого в день почитания иконы Казанской Божией матери, сестрицу мою – в день Ксении Блаженной, а меня в день Николая Чудотворца?

«Пути господни неисповедимы» – говорила бабушка. И рассказывала душераздирающие истории из жизни наших родственников, наших знакомых и соседей, знакомых наших соседей и соседей наших знакомых. Так как я была любимой бабушкиной внучкой, то до прихода родителей с работы, она уделяла мне особое внимание и заботу, более того – она допускала меня в мир своих интересов.

Почти ежедневно к бабушке приходили, как говорила мама, ее товарки. На кухне накрывался стол – мелко нарезанная селедочка, горячая картошка и неизменная «маленькая». Заваривался крепкий чай. Беседы слегка пьяненьких товарок длились часами, и сидя на коленях у бабушки, я постигала мрачный мир человеческих страстей. После ухода товарок у меня бывало такое чувство, будто я вышла из темной лесной чащи, населенной чудищами. Насильники, брошенные жены и забытые дети, несчастные вдовы и сироты, мерзкие изменники и жуткие удавленники снились мне ночами. Но зато я навсегда усвоила, что «перед Богом все равны», что «туда с собой ничего не возьмешь», что «яблочко от яблоньки далеко не падает», что Божия матерь – это заступница и защитница, а «материнская молитва со дна моря поднимает».

Среди всех поведанных бабушкой историй самой невероятной мне кажется история о том, как судьба уберегла моих родителей во время войны. И орудием исполнения этого благого дела стала сама бабушка.

В 1939 году бабушкино терпение кончилось, и, несмотря на то, что по ее квартире уже шлепал двухлетний внук – наш старший брат Юрий, она сделала все, что могла: довела отца до белого каления. Отец собрал вещи и по комсомольской путевке уехал на Дальний Восток достраивать славный город Комсомольск-на-Амуре. Но поскольку героические комсомольцы уже успели все построить до прибытия моего отца, он просто устроился работать на военный завод. Это нас и спасло.

Через полгода маме пришло письмо: «Если ты еще считаешь меня своим мужем – приезжай». Мама прочитала письмо бабушке. «Поезжай», – сказала та. И, оставив двухлетнего сына на попечение бабушки, мама, не раздумывая, поехала на другой край страны к отцу. Через год пришлось забрать на Дальний Восток и бабушку – она запила так, что оставлять ее с малым ребенком на руках было опасно. Бабушку забирали спешно, поэтому все вещи и весь семейный архив остался в Ленинграде. Новый 1941, а значит страшный военный год, папа, мама, бабушка, мой старший брат Юрий и только что народившийся братец Леонид встречали в краю необъятной тайги, за тысячу верст от западной границы.

Как и все, отец рвался на фронт. Но он работал на военном заводе, и, как тогда говорили, имел «бронь». Фронту надо было помогать, и

папа отдал единственное достояние семьи – шкуру бурого медведя, убитого им со товарищи. Мама этот поступок не одобряла, она считала, что теплая шкура будет греть ноги какого-нибудь тылового генерала, тогда как дети ее будут мерзнуть холодной и голодной зимой. Папа на упреки не отвечал и только сурово шмыгал носом – в честности коммунистов он не сомневался и был уверен, что из большой шкуры сделают много теплых варежек для солдат. Находиться не у дел в суровую для страны годину ему было нестерпимо.

Бронь сняли в 1944 году. Тогда папу выучили на политрука, и он (наконец-то!) отправился на запад – догонять фронт. Однако фронт катился так быстро, что догнали его только в Австрии. Папа побывал всего в одном бою, как объявили победу. И когда через год его демобилизовали, он не поехал к семье, а прямиком направился в Ленинград. И правильно сделал.

Дом наш, к счастью, был цел, но разграбленная подчистую квартира была уже кем-то занята. Папе пришлось пожить у бабушки Тани, вместе с другими своими братьями и сестрами, собиравшимися после войны под материнское крыло. Он устроился на работу, отсудил нашу квартиру и, наконец, вызвал к себе семью. Надо сказать, что детей было уже трое. Несмотря на голод, который свирепствовал не только в блокадном Ленинграде, но и на Дальнем Востоке тоже, в 1943 году родилась наша сестра Нина. Когда, сразу после отмены продовольственных карточек, уже в Ленинграде, родилась я – четвертый ребенок, уставшая от бесконечных пеленок и сосок бабушка в сердцах сказала: «Лучше б померла!». «Что Вы, бабушка», – в ужасе закричала патронажная сестра. – Посмотрите, какие дети!» Действительно, все мамины дети, невзирая на войны и лишения, были отменно здоровы.

В квартире в доме на Васильевском острове многочисленная семья спала на полу. Мебели, кроме табуреток, не было. На одной из них стоял чемодан без крышки – это была моя «люлька». Спалось мне в ней прекрасно.

Перелетные птицы летят не думая. Они просто знают, что им нужно лететь. И знают куда. Они доверяются промыслу Творца…

Человек строит свою жизнь исходя из своего желаний. Планирует, выгадывает, суетится, работает не покладая рук. А потом гордится собой, сотворенными им вавилонскими башнями, пирамидами, космическими кораблями, выращенной в пробирке овечкой. Деньгами. Успехами. Завоеваниями. Титулами. Воюет «за» или «против». Огнем и мечом внедряет. Провозглашает идеалы и во имя их сметает все на своем пути, иногда и свою собственную Богом данную жизнь.

Непостижимым образом настоящее горе обходило наш дом в те годы, когда погибали целыми семьями. Почему Господь водил нас теми дорогами, где не свистели пули, не ходила лютая смерть с косой, не прятался завистник, отдающий предмет своей зависти в руки палача, – для меня так и остается загадкой. Но настоящее горе и беды нас сторонились, это факт. Зато трудностей было с лихвой.

Мама была служащей, папа – рабочим, бабушка получала мизерную пенсию, поскольку прежде была замужем и никогда не работала, детей, как уже говорилось, было четверо. Обуть, одеть, прокормить на минимальные родительские зарплаты пятерых иждивенцев в те лихие годы было задачей нелегкой, но решалась она моими родителями просто – все заработанное отдавалось детям и бабушке. Себе – что останется, если останется.

За исключением проведенных на Дальнем Востоке военных лет, когда было продано все и, чтобы спастись, варили и ели похлебку из лебеды, и когда мой брат Леонид, сидя на подоконнике, часами нудил «хочу чего-нибудь», настоящего голода мы не испытывали. Питание наше было скромным, но как теперь я понимаю, чрезвычайно сбалансированным и здоровым. Бабушка и мама все время что-то варили, солили, пекли – и все было отменно вкусно.

Супы были всегда. Салат из свежей капусты или винегрет – ежедневно. На второе – котлетка или кусок рыбы. На третье – компот из сухофруктов. Это обед. Очень вкусно было запивать котлету сладким компотом. Бабушка за это поругивала, но не запрещала. Ужин и завтрак включали различные каши и молочные продукты. Не много, но обязательно. На сладкое – различные варенья и выпечка: блины, оладьи, а по выходным самое желанное – пироги. С капустой, с грибами, изредка с мясом, с творогом. Пироги пекли каждую субботу. И еще – сладкие плюшки.

Летом и осенью делались основательные запасы. Грибы сушеные, соленые и маринованные. Ягоды в виде вареньев и моченые. Квашеная капуста в больших количествах. Грибы и ягоды собирали всей семьей, за исключением бабушки, которая по причине травмированной ноги и большого самомнения такими плебейскими делами не занималась. Для выросшей в городе мамы походы в лес были суровой необходимостью, которую она переносила как всегда молча, для отца – несказанным удовольствием, для меня – праздником.

1974 год. Мы идем с мамой в поселковую лавку за продуктами. Я уже взрослая и уже сама – мама. Теперь у нашей семьи есть собственный дом за городом – называется дача. Поселок не элитный, речки-озера нет, но зато нам принадлежит большой участок и настоящий деревянный дом.

Родители купили его, когда вышли на пенсию. После того, как продали машину, на которой много лет ни папа, ни братья почти не ездили. Не потому что машина была плохая – просто оказалось, что она никому не нужна. Папа купил легковушку из самолюбия. Он хотел доказать, что и простому рабочему советская власть дает все блага, не только начальникам.

Ни с кем не советуясь, отец влез в жуткие по тем временам долги. И наша мама, обычно избегавшая всяких ссор, вдруг вышла на тропу войны – она потребовала, чтобы отец отказался от этой бредовой идеи. Папа стоял на своем. И тогда мама перестала с ним разговаривать. К счастью, это длилось недолго и нашу детскую жизнь это не сильно омрачило. Тем более что во дворе нашего дома стоял новенький «Москвич» цвета «белая ночь».

Несколько лет мама несла свой очередной крест, проявляя чудеса экономии. Но все это уже давно прошло и забылось, сейчас мы идем по поселковой улице и над нами резвый ветер гонит летние облака. «Доченька, – говорит вдруг мама, – я такая счастливая. Я никогда никому не завидовала».

Каждое лето отец снимал пару комнат на Карельском перешейке, обязательно вблизи большого озера. Чтобы вывезти детей с бабушкой «на дачу», нанимался целый грузовик. В фургон грузились дачные металлические кровати, матрасы, постельные принадлежности и всяческая утварь. В начале летних школьных каникул забитый вещами и нашим семейством фургон медленно «отчаливал» от дома, спрятанного в глубине дворов-колодцев. Нас с бабушкой сажали в кабину, и мы с удовольствием смотрели, как остаются позади пыльные улицы, нагретые солнцем большие каменные дома, чахлые скверики и озабоченно спешащий куда-то люд.

В грибное-ягодное время родители брали отпуск, и тогда началось практически ежедневное посещение леса. Отец приводил всю семью на какую-нибудь ягодную поляну, и, пока все методично наполняли черникой или брусникой свои корзинки, отец отправлялся обследовать окрестности. Меня он брал с собой. Запах нагретого солнцем леса, тишина, пение птиц, чувство полной безопасности – ведь впереди идет отец, и множество открытий: белый гриб среди молодой еловой поросли, стайка разноцветных бабочек над Иван-Чаем, белка, шмыгнувшая меж деревьев, неожиданный вкус черемухи и голубое блюдце неба над лесной полянкой.

…Ярко светит солнце. Мы идем по узкой лесной дорожке. Отец впереди, вдруг он останавливается и направляется к заросшей травой обочине, присаживается на корточки и зовет меня. Я подбегаю и тоже

сажусь на корточки. Отец тихонько поднимает крупный земляничный лист – под ним гроздья крупных ягод. Я кладу в рот нагретые солнцем ягоды – вкуснее нет ничего на свете.

Семья возвращалась в город к первому сентября, и городская квартира наполнялась необыкновенными запахами. Под кроватями рассыпалась брусника и клюква – дозревать. Наготовленное за лето черничное и малиновое варенье раскладывалось по трехлитровым банкам и ставилось на зиму между окон – холодильника и кладовок в доме не было. На полках между входных дверей расставлялись деревянные кадушки с солеными грибами. Сладким маринадом заливались самые маленькие шляпки белых грибов, потом все это великолепие раскладывалось по небольшим стеклянным банкам и тоже ставилось между окон.

Когда наступало время праздников, на стол, под водочку, подавались грибы соленые, грибы маринованные, брусника моченая, клюквенная запивка, пироги с малиновым, черничным или брусничным вареньем. Обязательно готовился студень – не заливное, а именно студень, где мяса не много, зато много застывшего бульона, который прозрачен и дрожит при каждом движении на столе. Желатин в это чудо кулинарного искусства класть не полагалось. К сему добавлялась нежная селедка в горчичном соусе, бабушка готовила его сама, и дымящаяся рассыпчатая картошка. В зависимости от финансового состояния семьи готовилась горячая закуска. Но то было не всегда.

После первых тостов мама брала в руки гитару – она прекрасно играла и пела, и слегка захмелевшие хозяева и гости тоже начинали петь: «Хазбулат удалой, бедна сакля твоя…», «Живет моя отрада в высоком терему…», «Вот стоит, качаясь, тонкая рябина». Детям разрешалось быть за столом вместе с взрослыми, старшим даже позволялось пригубить кагору. Во главе столов, а одним столом дело никогда не обходилось, восседала бабушка.

Главным семейным праздником, на который полагался большой сбор, был бабушкин, а заодно и мой, день рождения – 22 и 23 мая. В квартиру, теперь уже на Петроградской стороне, собиралась вся счастливо сохранившаяся в военные годы папина родня. Без конца клятая бабушкой смирновская «голь и шмоль» от души веселилась и поздравляла «старого и малого» с очередным днем рождения. Мама виртуозно, и не без кокетства, играла на гитаре цыганочку, жена моего дядьки – тетка Дина пела глубоким, хорошо поставленным голосом романсы, старшая сестра отца – Маня отплясывала по тверской деревенской моде: она дробно стучала ногами на одном месте и время от времени тонко вскрикивала: «Их-их-их». Женщины веселились, муж-

чины, подливая в маленькие рюмочки прозрачную, как слеза, «Столичную», обстоятельно обсуждали постановления партии и правительства. Все как один были коммунистами и гордились этим. «Крепка советская власть», – говорил отец, опрокинув очередную рюмочки водки. Мама бросала на него строгий и осуждающий взгляд, и похоже это молчаливое осуждение относилось не только к отцу, но и к советской власти, однако никто не ссорился. Счастье послевоенного времени объединяло всех: и партийных, и непартийных.

Иногда конец ленинградского мая случался необыкновенно теплым и солнечным. Тогда окна в большой светлой комнате, где обычно происходило застолье, открывали настежь, и в гомон праздника звенящими весенними нотами встраивались трамвайные звонки и перестук колес. За окном нашего дома поднимался из блокадных руин самый красивый в мире город, активно строился социализм, да и коммунизм, как обещали, был уже не за горами.

Неверующих людей не бывает, и никогда не было. Атеист искренне верит в то, что он атеист. Экстрасенс – в свои исключительные способности. Стяжатель – в силу денег.

Моя сестра верит в Природу и своего Ангела Хранителя. Откуда у нее, бесстрашно отвергающей Бога, взялся Ангел Хранитель, помогающей ей в каждом деле, она не задумывается. Но без Ангела шагу не делает.

«Без Бога ни до порога», – изрекала бабушка. Ее никто не слушал. В доме не было икон, но и портретов вождей тоже не водилось, за исключением тех, которые приносил папа с демонстраций на время революционных праздников, да и те стояли перевернутыми. О том, чтобы ходить в церковь речи не было. Бабушка церкви не любила, мама, думаю, боялась властей, а мы все были пионерами.

И все же Бог в нашем доме присутствовал. Отчаянно матерившая советскую власть, но почему-то любившая наркома Калинина, презиравшая попов и ненавидевшая Сталина, бабушка упорно крестила детей на ночь. «Плевать я хотела», – отвечала бабушка на робкие замечания мамы и на грозное сопение коммуниста-отца, и учила меня читать на ночь молитву: «Ложиться Галя спать, перед ней печать. Иисус Христос держит крест…» Я не понимала, что такое печать, не знала, что за крест держит Христос, да и о нем самом ничего не знала, но бабушку слушалась и молитву читала.

Когда мне было чуть больше года, бабушку с детьми отправили в Тверскую губернию (тогда Калининскую область) на родину отца в деревню Старое. У каких-то отдаленных родственников дети с бабуш-

кой могли пожить лето, как тогда говорили, на воздухе и на коровьем молоке. Когда родители приехали в деревню в очередной отпуск, – дети были уже крещены в местной церкви. Ослушаться бабушку не пришло в голову даже братьям-пионерам, и, втихаря хихикая над окунавшим меня в купель батюшкой, братья и сестра получили благодать крещения. Говорят, крещеными детьми освещается дом. То ли родители почувствовали это, то ли просто боялись выносить сор из избы, но скандала по этому поводу не было. Когда вернулись в город, обо всем этом благоразумно молчала даже бабушка – шел 1949-й год от Рождества Христова и 32-й год Советской власти.

Говорят, что ученые определили ген веры, имея в виду веру в Бога. Значит, Господь еще до рождения отбирает своих. «По делам узнают, что вы мои, Христовы».

Однажды ясно увиделось: огромное стадо жмущихся друг к другу овец, и у самого края, у какого-то покосившегося плетня, зажата робкая и хилая овца на неверных ногах. Знаю, что это – я. И испытываю только одно отчаянное чувство – не отбиться бы и не пропасть. В темноте и одиночестве.

В 1953 году мы переехали в новую квартиру на Петроградской стороне. Дом был хороший, кирпичный – на месте разбомбленного в блокаду. По тем временам, когда весь Ленинград мучился по коммуналкам, это была огромная удача. История получения этой квартиры в деталях никому не известна, помнится только, что папа единственный раз в своей жизни воспользовался положением профсоюзного лидера и произвел какой-то квартирный обмен. Хотя закон отец никоим образом не нарушил, но за стремление к материальному благополучию ему поставили на вид и погрозили лишить профсоюзной должности.

Для моего отца, которому вера в коммунистические идеалы не дозволяла думать о достатке и комфорте, совершить такой поступок было ох как непросто. Но он сделал это. За что бабушка прокляла его в очередной раз. Потому что выехать из своей квартирки на Васильевском острове, не испытывая при этом страшных душевных мук, бабушка не могла. Там, там, на Васильевском острове, была память всей ее замужней жизни, там пребывали все ее соседи, с которыми под гром революций проходила бабушкина жизнь…

Переезд случился под праздник Новый год, морозной зимой, которых в 50-е годы выдалось немало. И это первое, что я помню уже отчетливо. Помню озабоченно хлопочущую маму, какие-то тюки, ра-

достно возбужденного отца, стены с новыми, еще пахнущими клеем обоями, натертый, по моде того времени красной мастикой, паркет. Бабушку, сидящую на каких-то тюках посреди квадратной кухни с большим белым окном, и ее плачь и причитания, которые усиливались гулкостью еще пустой квартиры. По словам бабушки, в этой квартире нам всем предстояло пропасть: дети из-за холода должны были пойти на тот свет, сама бабушка сойти в могилу, а отец, который «всех сгубит», должен был вечно жариться на сковородке в аду. Где должна была находиться наша мама, я уже не помню, но, думаю, что где-то недалеко от нас.

Демонстрация нашей близкой погибели продолжалась все холодные зимние дни. К приходу родителей с работы бабушка одевала нас во все уличное – пальто, шапки, валенки и загоняла в ванную, самое теплое на тот момент помещение. Там, почему-то в темноте, мы дожидались маму – она приходила первая, и когда открывалась дверь, бабушка высовывалась из ванной и громко кричала: «Изверги! Детей погубят».

К весне дом прогрелся, немного обжился, и бабушкины «концерты» сами собой прекратились. Удивительно, но я не помню, чтобы мама хотя бы нагрубила бабушке. Как правило, она молчала, но молчание ее не было ни злым, ни напряженным, а редкие возражения бабушке были на удивление мягкими. Бабушкина агрессия растворялась в тишине маминой души. Как и все наши тревоги.

Ученые доказали, что манна небесная существует и поныне – это такие съедобные белые шарики, которые в определенное время образуются в пустыне на каких-то кустах и легко разносятся ветром. Создается впечатление, что они падают с неба. Нашли и куст, который, излучая свечение, будто горит. Теперь ученые радостно отвергают библейские чудеса. Но чудо-то не в манне и не в кусте – это все физика, чудо в Моисее и его отношениях с Богом. Моисей знал, куда вести свой народ и не дал ему пропасть. С Божьей помощью он был в ладу со временем и пространством.

Сначала люди требовали чудес. Теперь веками их опровергают. Зачем? Чтобы верить в себя любимого?

Мой старший брат утверждает, что бабушка почитала наркома Калинина, потому что знала его лично. Якобы в квартире незаметного и аполитичного рабочего Семена Мурашкина, нашего деда, под видом обычной вечеринки собиралась какая-то партийная группа или ячейка. Бабушка говорила, что Калинин мог и умел выпить, за что очень его уважала. И гордилась своим знакомством. Может быть, бабушка ненавидела Сталина за то, что он не удостоил ее своим посещением?

Ругать Сталина бабушка не боялась. «Ни Бога, ни черта не боюсь», – отмахивалась она, если кто-то показывал ей знаками, что делать этого не стоит. Боялись мама и папа. Боялись настолько, что старались не перечить бабушке, чтобы она не распалилась в своем упрямстве ругать Сталина прилюдно. Зато когда Сталин умер – бабушка убивалась больше всех. В этот день дома молчали все, даже я. Бабушка – голосила. Она громко призывала Господа и в отчаянии вопрошала: что будет, что будет? Как жить без него станем? «Пропадем, попомните мое слово, пропадем без Сталина», – говорила бабушка и утирала кончиками платка красные глаза. Плакала она искренне. О чем?

День смерти Сталина отзывается в моей памяти каким-то неясным, смутно нехорошим чувством, так же как и день похорон директрисы нашей школы. Тогда в актовом зале школы установили гроб с телом директрисы для прощания. Но нас, младших, в зал не повели, а отпустили по домам. Мы были дома с бабушкой вдвоем. Бабушка гремела на кухне кастрюлями, а я сидела на широком подоконнике, отгородившись занавеской, и смотрела в окно на молодую рябинку под окном. Была зима, тихо падал снег, маленькая птичка пыталась склевать оставшиеся на рябине мерзлые ягоды. На улице было красиво и празднично, но душа моя пребывала в смятении. В том зале, где обычно проводились все важные пионерские линейки и концерты, стоял гроб (мы, малыши, видели его мельком, потому что подглядывали в актовый зал из любопытства), в этом гробу лежала наша директриса. Директриса и при жизни вызывала у нас трепет. Она была высокая, прямая, говорила редко, лицо у нее было непроницаемо. От нее исходил холод. Теперь этот холод лежал в холодном гробу, и все это должно было опуститься в ледяную землю.

Почему человек умирает? Куда он уходит? Что будет со мной, когда умру? – ответов не было. И я до слез полюбила синицу под окном на молоденькой рябинке, потому что даже в морозный день от них исходило живое тепло.

Когда через месяц в актовом зале проходил очередной школьный концерт, никто уже не вспоминал директрису и ее гроб. Было весело. Обычно меня включали в выступление, которое называлась «пирамида». Старшие переплетали руки и я, маленькая и ловкая, забиралась на самый верх «пирамиды» из тел. «Делай, раз. Делай, два. Делай, три». Я стояла наверху и ничего не боялась. Ни высоты, ни зала. Я стояла и не подозревала, что символизирую величие советского идола. Все строилось, все стремилось вверх, все блестело и пело, чтобы однажды рухнуть – потому что все было «построено на песке». Идол рухнул и на его место пришли «божки». Времени им было отпущено 30 лет.

Даже если бы Христос не был Богом, ему нужно было поклониться как Богу. Заповеди его – прекрасны, в них нет смерти – только вечно сияющая любовь и жизнь. В них свет и нет тьмы.

«Я есмь путь и истина». Кто поверил? Единицы. Кто пошел? Апостолы. Кто полюбил эту бесконечную любовь? Люди, как всегда, хотели манны и требовали чудес. Получали и хлебы, и чудеса, а потом кричали «распни». Как скорбен путь человека.

Каждый будний день спозаранку родители уходили на работу. Однажды летом я проснулась, когда хлопнула входная дверь – это вышла из дома мама. Утро было солнечное, теплое. Окно раскрыто настежь, в саду неистово щебечут птицы. Я далеко высунулась из окна, чтобы увидеть птиц на рябине, и увидела маму – маленькая, стройная, в туфельках-лодочках на каблучках и легком платьице, с плотно уложенными в «корзиночку» льняными косами, она изо всех сил бежала к остановке трамвая – опоздать на работу было нельзя.

Мама работала на Балтийском заводе в экономическом отделе. Каждый год, зимой, отдел готовил отчет, и мама приходила домой очень поздно. Вообще родители задерживались с работы только в двух случаях, когда у мамы был отчет, а у папы партийное собрание. Два эти слова: «отчет» и «партсобрание» означали, что мы всей семьей будем напряженно ждать возвращения одного из родителей из неведомого нам чужого, взрослого мира.

Трамваи в то время ходили по расписанию, но редко, и, добираясь с Васильевского острова на Петроградскую сторону, мама сильно замерзала. Ко времени возвращения, мы – дети грели на батарее ее тапочки, по очереди смотрели в окно в холодную темноту, а когда мама наконец появлялась на пороге дома, бросались оттирать ее окоченевшие руки. Бабушка сурово гремела кастрюлями, торопясь разогревать уже давно остывшую еду. Папа радостно «шмыгал» носом. Мама садилась ужинать, а мы все располагались рядом. На душе становилось необыкновенно тепло – вся семья была в сборе.

Через несколько минут каждый уже занимался своим делом. Папа, как всегда, что-то мастерил, бабушка всех по очереди ругала, сестра что-то писала в своем личном дневнике, мы со средним братом играли в шахматы, а старший брат разучивал очередной музыкальный этюд на семиструнной гитаре. Мы редко сидели без дела и всегда чему-нибудь учились: играть на гитаре, петь, рисовать, сочинять стихи – и много читали. Папа регулярно приносил из своей заводской библиотеки все самое лучшее. А к Новому году он приносил с завода большую, под потолок, елку – профсоюз заботился о своих работниках и посылал в лес большую грузовую машину.

Помню: терпкий запах наряженной игрушками огромной елки, дух мандаринов и аромат пирогов. Отец, как всегда благодушный, лежит на оттоманке, а я сижу на нем верхом. Мама и старшие уже накрывают на стол. Поглядывая на снующую мимо нас маму, отец тихонько пошмыгивает носом и чуть заметно улыбается. Дома сияюще чисто – за несколько дней до праздника женская половина семьи учиняла генеральную уборку; на диванных подушках кружевные узоры накрахмаленных накидок, приготовлены и отглажены наши простенькие наряды и единственное мамино темно-синее шерстяное платье с большим количеством мелких, обтянутых тканью пуговок и белым воротничком. Это платье служило «выходным нарядом» чуть ли не два десятилетия – благо мама не полнела.

Сегодня Новый год и сегодня мама будет другая – она наденет свое выходное платье, чуть-чуть подкрасит губы и подушится духами «Красная Москва», которые подарил ей папа. Она будет шутить, смеяться, играть на гитаре и петь песни, и мы все будем петь вместе с ней «страшную» песню про какого-то утопленника Ваверлея.

Время идет медленно. Мы с папой болтаем ни о чем, вполуха слушаем радио – его тогда называли громкоговоритель, и то и дело смотрим на стрелки стенных часов. Скоро полночь. Скоро, скоро будут нехитрые подарки и вкусности. И радость. Быть вместе…

... «Я такая счастливая», – часто говорила мама, сидя на бабушкином месте, за тем же столом, в той же комнате, любуясь на своих уже поседевших детей и взрослых внуков.

Уже будучи в глубокой старости, папа и мама заболели. Одновременно. И попали в разные больницы. Папа к тому времени страдал склерозом сосудов головного мозга. Нас, детей, он не помнил по именам, но четко знал, кто есть кто, потому что с каждым вел себя поразному. Когда я пришла к нему в Александровскую больницу, где рядом с ним неотлучно находился средний брат, папа стал проявлять какое-то настойчивое беспокойство. Он взял меня за запястье сильно исхудавшей, но все еще крепкой рукой, с трудом приподнялся и посмотрел мне в глаза, мучительно пытаясь выразить то, что чувствовал. «С мамой хочу воссоединиться», – сказал он наконец диковатую фразу и откинулся на подушку. Я навсегда запомнила его «детский» взгляд – он верил мне и знал, что я для него сделаю все.

Вскоре после смерти родителей моя неверующая сестрица увидела сон: она заглядывает в какое-то окошко-иллюминатор и видит огромное ярко-голубое небо, и по этому небу, на воздушном облаке рука об руку проплывают улыбающиеся папа и мама. Мама в белом, будто свадебном платье, папа в парадном костюме…

Свет души несказанно красив. У каждого, кто одарен любовью. И в этом спасение и надежда.

Работа Дмитрия Сугак

Екатерина НАЗАРОВА

Студентка экономического факультета ГУ-ВШЭ

Сладкий снег

Как всегда одна... иду... по набережной. Уже темнеет, грустно падает снег... Бывает, он идет легко, пушистый и белый и сладкий... наверное. Сейчас он падает и превращается в грязь... Я загребаю ее ногами. Иду... одна... как всегда. Мимо домов... Я люблю гулять и рассматривать дома. Но сейчас почему-то мне хочется смотреть под ноги и вспоминать. Да, я живу прошлым... Я живу тобой... Утром ты пах как кофе... Я просыпалась всегда раньше и смотрела на твои слипшиеся ресницы... Ты жмурил глаза и пытался их открыть…. Я прижималась к тебе и засыпала опять... На твоих окнах не было занавесок, и солнце по утрам проникало в комнату без препятствий... Все выше и выше ползло по простыням... И запах кофе от твоей кожи...

А сейчас холодно и тоскливо... Бреду, загребая снег... Останавливаюсь на мосту. Слезы... Как-то сладко они собираются в горле и текут по щекам... но уже соленые... Почему я плачу и не отпускаю тебя... Вроде бы ничего особенного не было... Странные разговоры, соленые слезные ночи... А теперь у меня в голове одна бессонница... А в сердце пустота и тишина... Каждый день обещаю начать без тебя... Не жалея, не помня... Пыталась уже столько раз... начать (как это банально) новую жизнь... Не получается... Незнакомые люди проходят, не замечая меня... А я не смотрю на них... Слушаю Наутилус... Где твои крылья, которые нравились мне... А и правда, где они?.. и были ли вообще...

Даниил ПЕТРОВ

Студент ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

*** * ***

Встреча, расставанья, память и тревоги
То ли вспомнит сердце, то ли вспомнят ноги

– Ты где?
– Я тут!
– Привет!
– Салют!
– Ты вверх?
– Я вниз!
– Ты в дверь?
– В карниз!

Работа Антона Погребняка

Антон ПОГРЕБНЯК

Мультипликатор

Дождь и птицы

Уже который час идёт дождь... И, кстати, который час? У меня когда-то давно остановились часы, на их размокшем циферблате ничего не различить, и, кажется, что дождь идёт целую вечность. Кажется, дождь всё сильнее. Сильнее кого? Неважно. Сильнее, и всё. Вода забивается в нос, в глаза, в уши, течёт за шиворот. Я не пытаюсь уйти под навес, теперь уже всё равно. В правой руке круглый камешек. Наверное, с моря. Размахнувшись, кидаю его в небо. Камешек исчезает бесследно.

Пока я здесь стоял, мне повстречалось несколько знакомых. Все они спешили по делам, и у всех были зонтики. У меня зонтика нет, я промок насквозь, даже забавно. Если простоять здесь ещё некоторое время, можно встретить кого угодно, даже тех, кто умер. Но мне не нужны эти трупаки. Мне нужна только ты. Но тебя здесь нет. Вот и вся романтика.

Дождь заглушил остальные звуки. Его шум напоминает… Если бы боги умели смеяться, то они бы смеялись именно так. Город уже начинает менять очертания, но мне не хочется двигаться с места, и я остаюсь.

Из-под арки выглянула серая кошка и замерла, наткнувшись на стену дождя. Осторожно протянула вперёд лапку и быстро отдёрнула. Недоверчиво посмотрела на меня, оглянулась по сторонам. Запрыгнула на груду кирпичей и стала намываться, словно так и было изначально задумано.

Достаю из промокшего кармана монетку, подбрасываю. Если орёл, то… Монетка сливается с дождём и тоже исчезает. Теперь я не смогу попасть в метро.

– Эй, дождь, верни мне два рубля! – кричу я и не слышу своего голоса. Я знаю, что завтра я заболею. Интересно, кто-нибудь умирал от дождя? Или врут бесноватые сказочники?..

Во французском языке есть глагол, означающий что-то вроде «идёт дождь», только одним словом. Сейчас примерно такое же ощущение. Я поворачиваю руку ладонью вверх. Вода скапливается на ладони и стекает в рукав. Почему-то думаю о птицах. Кошка приподняла голову и, не отрываясь, смотрит мне в глаза. Голодная, небось. Тоже о птицах думает.

Тигр

(памяти Борхеса...)

У меня есть тигр. Он большой и сильный. Говорят, что тигры обычно бывают и больше, и сильнее, но зато это мой тигр. У него когда-то была кличка, но я его зову просто Тигр. Он всё понимает.

Тигр – это мои глаза. Он следит, чтобы меня не сбила машина, чтобы я не наткнулся на турникет, не врезался в стекло. Говорят, что стёкла прозрачные, то есть невидимые. Интересно, откуда они берутся, стёкла?

Каждый день тигр выводит меня гулять. Мы гуляем так долго, что я перестаю чувствовать свои ноги. Тогда я говорю ему: «Тигр, пошли домой». И мы возвращаемся по одному ему известным маршрутам.

Я не люблю, когда на меня кричат. Я был в зоопарке. Очень похоже. Звери кричали и бились об решётки. Как люди. Один раз, помню, на меня накричали. По привычке, наверное. Тигр тоже не любит, когда на меня кричат.

А потом появилась Она. Я услышал, как она переходит улицу. Она её переходила не так как другие. Это было похоже на то, как если бы улицу переходил я. Я тихо сказал тигру: «Тигр, ищи!».

Мы шли по каменным ступеням, иногда тигр заставлял меня обходить то ли железные балки, то ли стёкла. Потом он вдруг остановился и негромко залаял. Я протянул руку и почувствовал прикосновение. Наши руки встретились. Теперь и у неё есть тигр.

Кристина ПОЛТАВСКАЯ

Студентка факультета социологии СПб ГУ

Чарли Чаплину посвящается

Так кто же он этот комично-трагичный маленький герой? Герой, которого никогда не видно, но без которого мир потускнеет, поменяет краски... он смотрит на нас издалека, иронично улыбается и тихо плачет. Приходит на помощь, когда его не зовут, уходит, хотя его так просят остаться. Тайком заглядывает из-за кулис грустной маски смешного клоуна и прячется снова, как только финал становится очевиден. Он несет свет, а сам всегда остается в тени... Тушит пожары, когда сам горит огнем... Дарит любовь, которой сам никогда не знал... Творит нам чудо простым движением маленькой руки. Он уходит... Он всегда уходит один... А чудо остается... его хватит для всех!

Руслан УТИЕВ

Студент ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Образ Жизни

Тяжелые, похожие на оловянные капли, слезы помутневшего небосвода бились о подоконник моего серого окна,… казалось, весь мир погрузился в состояние этой стонущей печали. На душе было необычайно грустно, пусто… она хотела с воплями крикнуть что-то засыпавшему разуму, но обессилевшая лишь обличала свою слабость.

Но мне как-то близка была эта погода, это состояние души… я невольно стал ощущать, насколько этот мир мне родственен. Подойдя к холодному, покрытому серебряными каплями дождя, окну, я устремил взгляд в бесконечное, нагнетавшее внутри беспокойство, небо… там, высоко-высоко в гуще стальных сугробов я держал в заточении воспоминания,… воспоминания о безвозвратно ушедшей молодости. Порой, в грустные осенние вечера, какая-то особая сила, а может и слабость, заставляет меня вновь пережить те, самые беспечные годы…. С особой тоской, сравнимой с тоской путника, скучающего по родным краям, я вспоминаю, как много лет назад нашел то, что вызывает у многих страдания… то, что, обжигая, приносит наслаждение, то, что будит в глубине наших сердец несмертные чувства, чувства, приносящие на своих легких, звонких крыльях упоительное счастье…

В глазах ее было все, что можно связать со словом «жизнь»; казалось, посмотрю в них – черные, кипящие смолой, жемчужного блеска – и вижу, как стучит ее сердце, чувствую, как наполняется оно багровой, горячей кровью, слышу, как поет душа. Походка ее была подобна полету ласточки – такая же свободная, уверенная, но дерзкая и страстная… казалось, она никогда не была в состоянии покоя. Даже пленящие объятия сладкого сна не могли справиться с ее желанием постоянно летать высоко над стеклами окон, стоящими лифтами, над городскими стенами… она с улыбкой, невинной, как у ребенка, порхала над мировой суетой. Каждое ее слово произносилось с такой живой силой, словно искорка ее несгораемого пламени, жила в нем. Она, эта искорка, светила и грела в толпе путающихся и толкающихся речей…

Дыхание ее было легким, глубоким, так могут дышать лишь ангелы, распускающие свои добрые руки и дарящие с полной искренностью их теплоту и заботу. В каждом шаге, сделанном ею, я видел неземную свободу. Ее красота сводила меня с ума, порой, я думал, что живу лишь для того, чтобы видеть ее, ощущать аромат ее духов, ло-

вить резвый взгляд пылающих глаз, касаться шелкового платка, который она обронила. Я невольно терял способность говорить, не слышал и не видел ничего, кроме нее – так прекрасна она была…

Иногда я сидел в темном парке и под печальный, то нараставший, то резко стихавший, шелест плакучих ив и старых берез думал о ней. Те вечера были особенно милы мне… я мог просидеть, освещаемый яркими плафонами звезд, до самого раннего утра, когда на границе земли и неба, где-то за тускло-зеленой листвой, показывалось Солнце… и уже гасли бесчисленные светлячки, словно устав за ночь испускать свет. Но нисколько не утомляли меня размышления о ней, ведь как бы ни были горьки мои страдания, я получал букет чувств, тех, которые наполняли всю мою сущность… и я знал… я любил ее, любил так сильно, что каждая секунда, прожитая без мысли о ней, казалась лишенной смысла. Я не мог представить себе мир, в котором жил, без ее радости и горя, без ее смеха и плача – все это было необходимо для моего существования, как глоток воздуха.

Тот летний вечер… Узкая, утоптанная тропинка в городском парке, освещаемая лишь тусклым старым фонарным столбом и полной, такой загадочной, луной. По обе стороны росли вековые тополи, могучие, горделиво глядевшие на всех неторопливо проходивших людей. Казалось, некто очень большой молчаливо смотрел на эту тропинку… старый мудрец, который, медленно проводя морщинистой рукой по седой бороде и благородно улыбаясь, опекал гулявших, словно пожилой отец заботился о своих сыновьях и дочерях…. В тот вечер я был благодарен старцу.

Она неспешно шла по этой тропинке, разглядывая собственную тень, падавшую чуть правее ее. Прохладный ветер осторожно шевелил пряди ее волос, словно в поисках чего-то драгоценного… я захотел стать ветром. Она сорвала ромашку и, прикладывая ее цветок к губам, закрыла глаза – я мечтал стать ромашкой. Расстояние между нами стало сокращаться, и мы оказались совсем близко, моя тень с наслаждением легла на ее изящную спину… казалось, она чувствовала это всей глубиной своего сердца. Она обернулась, посмотрела мне в глаза… и тут замер весь мир, остановился, будто старый мудрец нажал на паузу. Поднявшись ввысь, я, озаренный лунным светом, разглядел все… как на ладонях простирался предо мною весь мир, и среди всего его хаоса лишь в том самом парке увидел я свое счастье, то, которое дороже мне всех благ, земных и божественных…. Она ослепляла меня своим выразительным взглядом и, казалось мне, что нет прошлого, нет будущего, а есть лишь это мгновение, вечное и вызывавшее у меня плач…плач, который называют счастливым.

Я попросил ее о нашем свидании. Мы должны были повидаться в том самом парке. Улыбнувшись, она поприветствовала меня… я ничего не хотел говорить, лишь… лишь осознавать ее близость. Как хотел я сказать ей, что эта ночь для нее, что эти звезды зажглись только для нее, что эта робкая, залитая пеленой света луны, тишина ждет лишь ее…. Но, сраженный пленительной красотой, я лишь медленно протянул свою руку. Чуть коснувшись кончиков ее пальцев, я почувствовал, как взволнованно забились наши сердца. Мы смотрели друг другу в глаза, наши тела стали сближаться, с каждой секундой я ощущал все более ее дыхание и все более мне хотелось стать частичкой того свежего воздуха. Наши лица оказались совсем близко… в тот момент, когда наши губы прикоснулись, я позабыл обо всем на свете. Я целовал ее губы, упиваясь их нежностью и влажностью, целовал глаза, которые она подставляла мне, прикрывая их с улыбкой, целовал ее похолодевшее лицо… а когда она села на сырую траву у дерева, я положил голову на ее колени, обессиленный радостью. Голубоватые звезды мелькали между тучами над нами, небо понемногу расчищалось, и пятна на луне стали еще яснее. Когда я целовал платье на ее коленях, а она тихо смеялась сквозь слезы и обнимала мою голову, я смотрел на нее с восторгом безумия, в тонком звездном небе ее счастливое лицо казалось мне бесподобным образом всей жизни моей…

Я провел рукой по сырому стеклу, на обратной стороне которого уныло тянулись наши слезы, и сделалось мне тоскливо по всему, что можно связать со словом «жизнь».

Всё

Я видел маленькую девочку в метро. Она держала куклу, закрыв рукой ей глаза. Чего же так боялась девочка? Неужели она все знает? Она успела узнать свой мир лишь на ощупь. В тот момент мне показалось, что девочка – это спаситель; она так заботливо оберегала свою куклу, словно живого, дорого ей человека. Я смотрел на неё и поражался невинности, чистоте её неиспытанных соблазном глаз. В них, в тепле этих детских глазок, я видел и беспокойство, и полную гармонию, гармонию с чем-то необъяснимым для неё, возвышенным и непостижимым чувством величия человеческой доброты. Да, именно доброты. Порхавшее среди запутавшихся, оказавшихся вместе как бы случайно, демонов безразличия, посланников вечной мерзлоты Мысли, это милое создание олицетворяло безграничный мир силы Добра. Что делала она там, где ничто не растёт и не цветет, где Солнце не греет, а ветер не обдувает? Как же бесстрашна эта загадочная девочка с куклой в руках!

Мне страшно думать о ней. Я слаб и немощен, мои земные мысли обречены на бескрайние, пустынные поиски Истины. Я вынужден думать, искать, а она – знает. Она – апофеоз всемирной гармонии. Лишь она не слышит эти бесконечные, всё нарастающие шумы, исходящие из холодного мрака сердец. Лишь этот дивный свет, исходящий от её неописуемой легкости, свободы способен ослепить меня, обездвижить, заставить покинуть мир реальности и забыть о том, кто Я. Видел всё вокруг, но чувствовал одно её присутствие…

В какой-то момент она чудесно улыбнулась – о, как прекрасна она! – и что-то шепнула кукле. Погладила, нежно проведя рукой по её искусственным волосам, поднесла к розовым губам и… посмотрела в мою сторону. Но я, словно ожидая этого, утонул в её взгляде, погрузился в его сказочную глубину. С тех пор мой физический мир стал декорациями моего духовного перевоплощения – ведь я стал частью внутреннего мира моего спасителя…

Моё тело оставалось неподвижным. Но душа летала по новым просторам Мысли. Мне удалось преодолеть все страдания на пути к спасению, я превозмог все, что наносило мне нестерпимую боль, и вот…. И вот очутился Я среди тех, кого так хотел встретить на обычных улицах города, тех, с кем хотел жить…

Они тоже когда-то были жителями. Теперь они – такие могучие, переполненные желанием – стали незаменимым элементом бытия Всего. Это Всё породило сознание, его бесконечность, очертило края безграничности для души, обрезало конец и начало у пульсирующей спирали движения мира. Всё – первичность и результат. Всё – есть начало и конец. Я стал частью Всего. Всё теперь во мне.

Куда уносит оно меня. В чём истинная суть Всего?

Когда Я ходил по земле, открывал двери, произносил Слова – тогда Я был узником не унимавших меня вопросов – тысячей вопросов. Эти вопросы, рождавшиеся у меня в голове постоянно, не давали мне покоя – их невозможно было разрешить, они оставались для меня всегда открытыми. Особенно было тяжело осознавать их неспокойное пребывание на фоне моего банального существования. Я был вынужден совершать примитивные действия и при этом горько оплакивать беспомощность Разума и отчаяние Души. Я был словно сильный орёл, которого заточили в клетку – пламя в груди, но пленный мира.

Всё уберегло меня от той тяжелой ноши, что нёс Я на протяжении долгих земных лет. Оно дало мне ответы – теперь Я стал обладателем тех ценных ответов, которые искал там… в заточении. Как всё оказалось просто и в то же время сложно. Но зачем? Зачем всё это? Кто они? Опять вопросы…

Идея… Она движет Всем. Она породила их, мыслящих, думающих, действующих. Идея – исток начинаний Всего.

Я понимаю, почему им не даны ответы на те вопросы. Они невероятны для их привычного понимания Мира. Эти ответы породят новые вопросы, всё более сложные, но за теми вопросами никогда не будет конечной точки, ведь Всё непостижимо – Оно позади, когда его ищут в конце, и всегда впереди, когда оборачиваются назад. И они перестали искать эти ответы, избрав лишь одну сторону существования Разума. Они придумали свой мир гегемонии Материи, в котором Я был чужд.

Тьма и Свет, Зло и Добро, Ложь и Истина, Ненависть и Любовь – у Всего нет ничего относительного и нет ничего абсолютного, оно обгоняет бесконечность и указывает ему путь.

Когда-то было не так. Но роковое, и в то же время почти непрерываемое, постоянно набирающее дьявольскую силу, течение жизни уносит всё дальше и дальше Души утопающих в ней. Это течение, словно река – такая чистая и живая на истоке, но далее столь оскверненная, потерявшая бриллиантовый блеск, река, позабывшая о себе самой там – высоко, где она взяла своё древнее начало и ушла в бесконечный путь. Уже среди обломков истории и новых начинаний она обретает новый облик – серый, лишенный святой одухотворенности. И те, кто являются её детьми, становятся такими же – эта безнравственная, аморальная печать в союзе с беспощадным судьёй-временем как бы испытывают алчных, тщеславных варваров, придушивших Любовь и Мысль, но обожествляющих материальное наслаждение, слепых в Истине, но провидцев жестокой, корыстной Лжи.

Великая потеря цивилизаций… Утраченная сила и могущество. Теперь они, потерявшие рассудок и омрачившие мораль, опорочившие силу Любви, медленно умирают, терзаемые гниющей, ноющей раной, ставшей последствием их смертоносных ошибок. Нажравшись ядовитыми плодами, жадно вырываемых из тянущихся отовсюду костяных рук, напившись грязной водой, они вскоре бездумно толпятся в вагонах, злые, как голодные псы, усталые от вечного несварения и толкотни в замкнутом пространстве…

Но теперь уже всё. Вагон уносит их в липкие нити правосудия, где паук вершит Великий суд. Эта паутина должна возвысить правду в греховном мире беззакония, в мире, который осмелился опошлить добродетель Морали. Нет жалости никому из обитателей этого мира. Уже поздно – Солнце слишком долго грело и светило. Оно ждало их, но они, пьяные от чертовых соблазнов, слепые от блеска богатств, не вняли возгласам догоравших огней в загнивавших сердцах. Впрочем,

их не тревожит затягивающая нить Истины Всего, ибо в их порочном мире они и есть правосудие. Для них не существует другой, более властной инстанции, чем та, которую они так долго и упорно обожествляют. Скалясь и обнажая кровавые клыки, острые словно кинжалы, они раздирают на своём пути все, что мешает их делу, в том числе и такие препятствия, как совесть, честь и благородство.

Я безмерно счастлив своему освобождению. Теперь мой путь лежит к окончательному осознанию моего предназначения, туда, куда я столько стремился в надежде понять сущность Всего.

Ужас охватывал мое трепещущее тело при мысли о том, что я лишь малая часть какого-то огромного организма. Постоянные треволнения переполняли меня в часы полного погружения в иной мир – фантазма и реальности, – где, на границе со слезами я задыхался, будучи не в силах охватить бурный, и в то же время божественно спокойный поток мыслей. Раздираемый беспощадными фуриями, созданиями моего собственного мира, я в панике не мог решить, какой путь верен, и постоянно оставался на перепутье.

Маленькая девочка с куклой в руках осветила мне истинный путь к познанию Всего.

Прощай, о мир – ты Зло несущий!
Воскрес мой дух – он долго ждал,
Прощай, о мир – Любовь крадущий!
У вас он будто мертвый спал…

Алексей ХУДЯКОВ

Выпускник Юридического факультета

Август

В конце Августа жару разбавляет осенняя прохлада.
Летнее тепло становится нежным и тонким.
Как нежна и хрупка жизнь рядом со смертью.
В звонкой пустоте последнего солнечного дня.
Я ощущаю дыхание времени.
Мою душу переполняют предчувствия.
Того, что уже когда-то было.
И уже больше никогда не повторится.
И я снова вижу Ее.
Ту, что встретит меня в конце моего пути.

Слово

Когда умрут все сюжеты и темы.
Когда исчезнут, потеряв всякий смысл, слова.
Когда умрут все надежды, воспоминания и сны.
Когда моя жизнь в последнем безумном рывке
Свернется в кольцо и поглотит саму себя.
В пустоте, в великом предвечном Ничто.
Вопреки всем непреложным законом бытия.
Я найду Слово – божественный Логос.
И отделю свет от тьмы, небо и землю, воду и твердь.
А потом закурю сигарету.
И в одиночестве беспредельном, как подобает творцу.
Я буду стоять в тишине, вдыхая воздух морозный и чистый.
И смотреть на летящий из вечности снег.
И на мир, что появился мгновенье назад.
Еще необжитый, еще безмолвный и неподвижный.
А время будет раскручивать свой маховик все быстрей.

Прогулка

Обескровленный борьбой с химерами.
Измотанный яростными спорами с призраками.
Контуженный, оглушенный в бесконечных боях с собою самим.
Солнечным, сентябрьским утром в едва заметной дымке.
Я пойду на Крестовский, я пойду на Елагин.
По безлюдным аллеям.
Я буду смотреть на сияние опавшей листвы на медленной черной воде.
И на дрожащее в ней небо, вылинявшее от дождей.
И вдыхать усталой душой безмолвие.
Наполняя себя тихим светом осеннего солнца.
Долго будет плутать трамвай коммунальными коридорами Петроградской.

Небо

Я посмотрел наверх,
И понял, что когда-то давно уже видел это небо.
Мокрое, промерзшее и сверкающее,
После многих дней бесконечных, холодных дождей.
И я вспомнил, что видел его в твоих глазах.

Идеальная чашка

«Творец из лучшего эфира
Создал живые души их.
Они не созданы для мира
И мир был создан не для них»
(М. Ю. Лермонтов)

Черно-белые фото – подарок автора. Только теперь я понял, что он снимал ее не камерой, он снимал ее своим сердцем. И это сердце любило ее безгранично. И поэтому так божественно, так запредельно красива она на этих фото!

Они пели ей песни, посвящали ей стихи, устраивали разные безумные выходки. А она молча смотрела пристально и выжидательно, с чуть насмешливой полуулыбкой Будды. И по ее лицу никогда нельзя было понять, что она обо всем этом думает. А они женились на невзрачных девушках, с вечно потупленными глазами, у них рождались дети, разводились и снова женились. Создавали свой бизнес, спивались или просто исчезали. Она же по-прежнему оставалась одна.

Молчаливый, не умевший искрометно шутить как все остальные, он уходил всегда первым со всех вечеринок тихо и незаметно. Он тоже исчез, говорили, что уехал куда-то на Крайней Север.

Я пришел однажды пьяным к ней домой и упал перед ней на колени. Я был глуп и наивен, я не знал, что ею невозможно обладать, как невозможно обладать небом и звездами. Что она та самая «чашка, о которой можно только мечтать».

Мой Учитель

Совершив головокружительный полет по лабиринтам сияющих тоннелей. Я снова оказываюсь в Алма-Атинском дворце пионеров, в комнате, в которой сладковато пахнет белым и густым, как кефир, типографским клеем, на стене висит портрет пионера-героя и стоит печатная машинка марки «Ятрань». В этой комнате собирался Литературный клуб «Ямб». Иногда я думаю, что все самое главное в моей жизни, за исключением рождения детей, произошло именно в ней.

Руководитель Клуба – детский поэт Владимир Григорьевич Краснер. Маленький, аккуратный, с большой головой и пышной серебристой шевелюрой. Он протягивает мне тонкую, теплую ладонь. Были когда-то в его жизни эвакуация, детский дом, эшелон, бомбежка…

Он не учил и не воспитывал нас, он пестовал нас с истинно-еврейской родительской заботливостью. Странных, немного жутковатых детей, чахоточно-нежные цветы, нелепо растущие на асфальте. Он выхаживал наши недоношенные души, лишенные какой-либо защитной оболочки. И, возможно, некоторых из нас он уберег от непоправимого.

– «Алеша! Напиши какую-нибудь зарисовку», – говорит Владимир Григорьевич.

И я написал что-то про весну и какой-то вертолет. Мне было, кажется, ни то двенадцать ни то тринадцать…

Давно уже не висит на стене пионер-герой. Давно уже не нет Литературного клуба «Ямб» и разбрелись кто куда его воспитанники. Ветер времени обратил в прах построенную в детской песочнице Башню из слоновой кости.

Моя душа, которой некуда больше идти, одна в этой комнате.

Поезд

Однажды весенним дождливым днем я сел в поезд.
Уезжать в дождь – хорошая примета.
Со мной ехала девушка, взлетавшая на верхнюю полку с кошачьей грацией.
И были долгие ночные разговоры там, на верхних полках.
Грохочущий мрак разрывал желтый свет на станциях и полустанках.
Кружилось звездное небо над черной степью.
И духота купе была наэлектризована тихим безумием.
Поезд вез меня и вез.
Иногда моя жизнь становилась отчаянным путешествием из Москвы в Петушки.
Я ехал в вагоне пустом и холодном, и хлопала в темном тамбуре незапертая дверь.
Но ехал. Ехал!
А теперь я стою и курю на платформе, на которой меня никто не ждал.
И в конусе фонарного света медленно падает снег пеплом прошедших лет.
И надо бы купить в амбразуре кассы билет и снова сесть в поезд.
Но куда ехать? Куда?

Год крысы

Этот город погружается в осень.
Будто Титаник в черные воды Атлантики.
Я кормлю монитор сетчаткой своих глаз.
Я кормлю ожидание пятниц временем своей жизни.
Я обыкновенный офисный пасюк, я выползаю из своей норы.
Надо мной багровое небо легло на старые крыши.
Неоновый пожар полыхает над улицей.
Мое лицо обжигают холодные искры, я иду сквозь толпу.
Рядом со мной в витринах идет мой призрачный двойник.
Я ныряю в сияющую пасть метро, я еду домой.

Ночью

Идти одному, будто по Луне,
По ночным замершим улицам этого чужого города.
Мимо неистового Медного всадника,
Мимо громад Исаакия и Казанского.
В ледяном свете фонарей,
Сквозь бесприютный, балтийский ветер.
Идти никуда.
И слышать только ровный гул ветра,
Скрип снега под ногами и стук своего сердца.
И в этом пути утихает боль.

Летом

К коже липнет раскаленный воздух, пропитанный плесенью с гранита набережных.
Тяжелым, горячим брюхом на дворцы и мосты навалилось внезапное лето.
Город изнемогает в пробках, пытаясь добраться до пляжей.
Туда где на песке тают полупрозрачные тела болотных жителей.
И бабочками порхают над волнами парус серфингов.
Когда спадает жара, я сажусь в электричку.
Закатное солнце, цепляясь за ветки, летит вслед за поездом.
Я иду, сначала перешагивая через рельсы, потом по пыльной обочине,
Погружаясь в медлительность и безлюдье этого вечера.
Этого транзитного, придорожного, привокзального городка.
Стрекочут цикады и тихо жужжит на веранде приёмник.

Утро

Детство.
На полу светлые квадраты.
В солнечных лучах замерли пылинки.
Время еще не пришло в движение.
Музыка доносятся из соседних комнат,
Неясно и глухо, будто сквозь вату.
Я лежу между сном и явью, вслушиваясь в утро.
И, кажется, еще чуть-чуть и я что-то вспомню.
И все станет ясно.

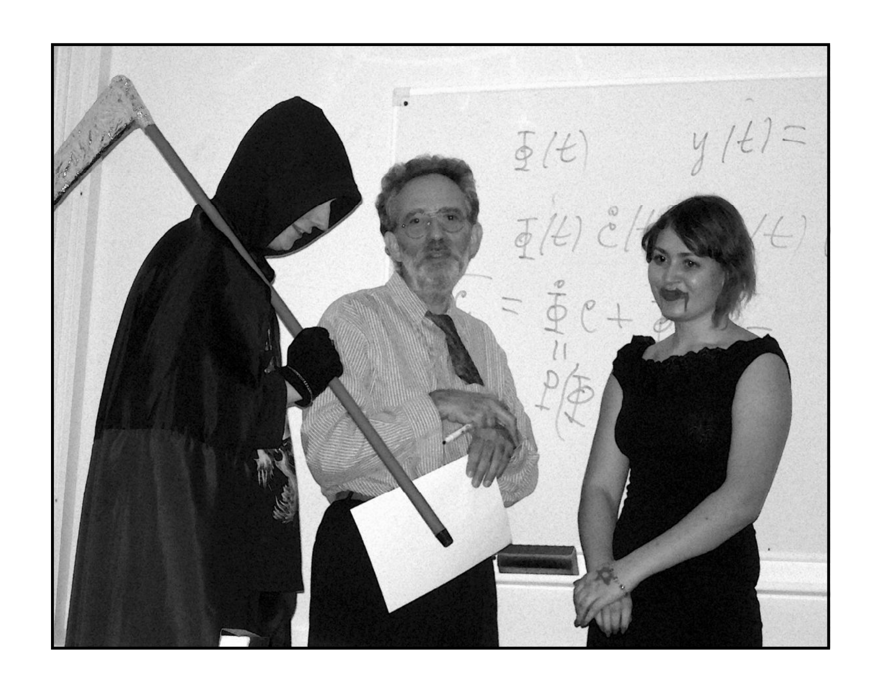
Разлив Леты

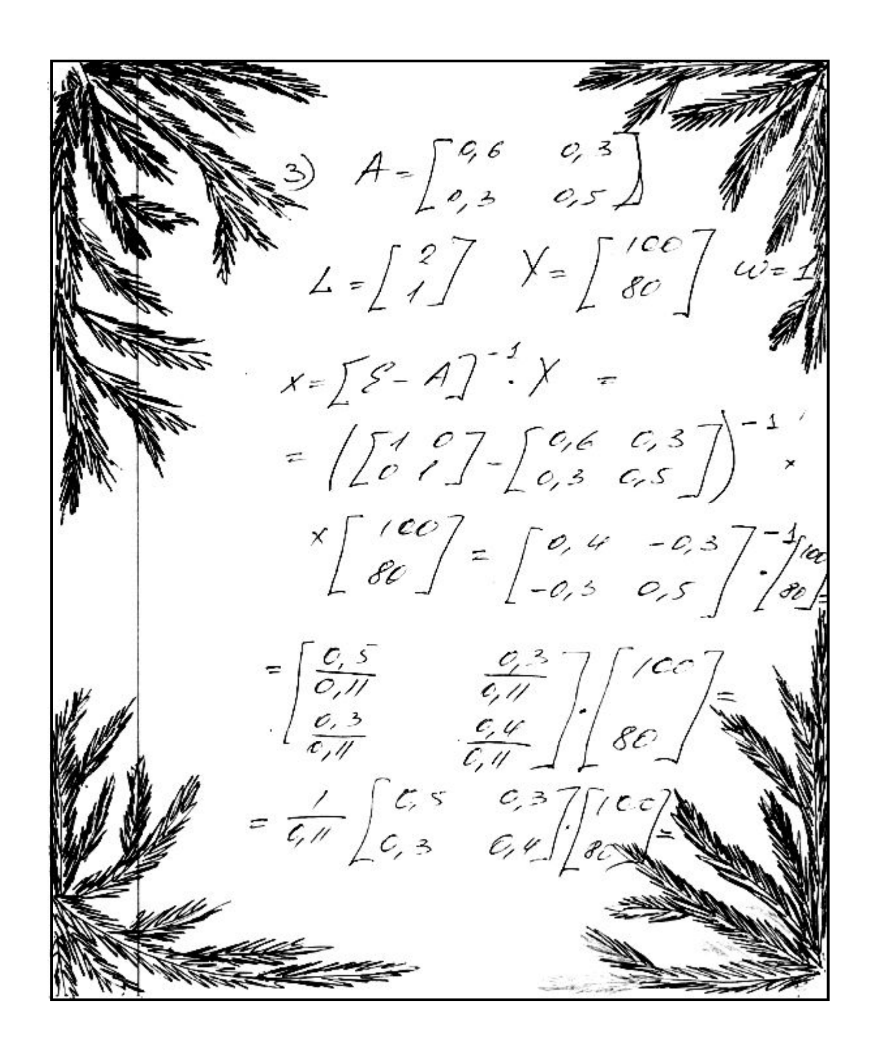
Осень накатит с Балтики
беспросветными, безысходными дождями.
Будет жечь холодным огнем мокрую зелень.
Город растворится в лужах.
Темным днем пламенеющий лист упадет
возле чашки чая на столике в летнем кафе.
Загорится желтыми огнями вечер.
И разольется повсюду река Лета.

На даче

Дождь перестал.
В сырой и знобящей тьме сада стучат метрономом капли.
Мошкара атакует лампочку на веранде.
Ветер уносит тучи.
Глухой, сонный гул плывет в бескрайней тиши над садами,
То затихая, то появляясь вновь.
Город вдали спокойно и ровно светит длинной цепочкой огней.
И тоска, не вмещается в сердце,
Необъятная как это небо в алмазной пыли звезд.
О чем так тосковала душа?
Быть может о своей родине, которую покинула, обретя плоть.

Болонская система

3) $A = \begin{bmatrix} 0,6 & 0,3 \\ 0,3 & 0,5 \end{bmatrix}$
$L = \begin{bmatrix} 2 \\ 1 \end{bmatrix}$ $Y = \begin{bmatrix} 100 \\ 80 \end{bmatrix}$ $\omega = 1$
$x = [E - A]^{-1} \cdot Y =$
$= \left(\begin{bmatrix} 1 & 0 \\ 0 & 1 \end{bmatrix} - \begin{bmatrix} 0,6 & 0,3 \\ 0,3 & 0,5 \end{bmatrix} \right)^{-1} \times$
$\times \begin{bmatrix} 100 \\ 80 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} 0,4 & -0,3 \\ -0,3 & 0,5 \end{bmatrix}^{-1} \cdot \begin{bmatrix} 100 \\ 80 \end{bmatrix} =$
$= \begin{bmatrix} \frac{0,5}{0,11} & \frac{0,3}{0,11} \\ \frac{0,3}{0,11} & \frac{0,4}{0,11} \end{bmatrix} \cdot \begin{bmatrix} 100 \\ 80 \end{bmatrix} =$
$= \frac{1}{0,11} \begin{bmatrix} 0,5 & 0,3 \\ 0,3 & 0,4 \end{bmatrix} \cdot \begin{bmatrix} 100 \\ 80 \end{bmatrix} =$

$\left(\frac{50}{3} ; \frac{50}{4}\right)$ - это оптимальный набор благ потребителя

③

A - матрица прямых матер. затрат
L - вектор прямых затрат труда
y - вектор конечного потребления
ω - номинальная ставка з/п

$$A = \begin{pmatrix} 0{,}6 & 0{,}5 \\ 0{,}3 & 0{,}5 \end{pmatrix} \qquad L = \begin{pmatrix} 2 \\ 1 \end{pmatrix}$$

$$y = \begin{pmatrix} 160 \\ 80 \end{pmatrix} \qquad \omega = 1$$

x - вектор валового выпуска

$$x = [E - A]^{-1} y$$

$$x = \begin{pmatrix} 672{,}7273 \\ 563{,}6364 \end{pmatrix}$$

P - ценов. вектор

$$P = (E - A)^{-1} L\omega$$

$$P = \begin{pmatrix} 11{,}81818 \\ 9{,}090909 \end{pmatrix}$$

С Новым Годом

$$\begin{pmatrix} 2 & 3 \\ 4 & 3 \end{pmatrix}$$

B1

A1			
	2	3	2
	4	3	3
	4	3	4 / 2

Про котёнка...

за горизонт ушла позёмка
зима. Снег тает день до тая

Я подарю тебе котёнка
комочек меха и тепла

Чтобы мурлыкал на коленках
чтоб пил из блюда молоко
чтоб в полусумеречных тенях
когда до утра далеко

Украдкой прыгал на ~~коленки~~ подушку
чтоб прошептать тебе на ушко
какой-то свой заветный сон
и засыпал мурлыча он

...

Корняковой Марины,
6611

Вариант 9

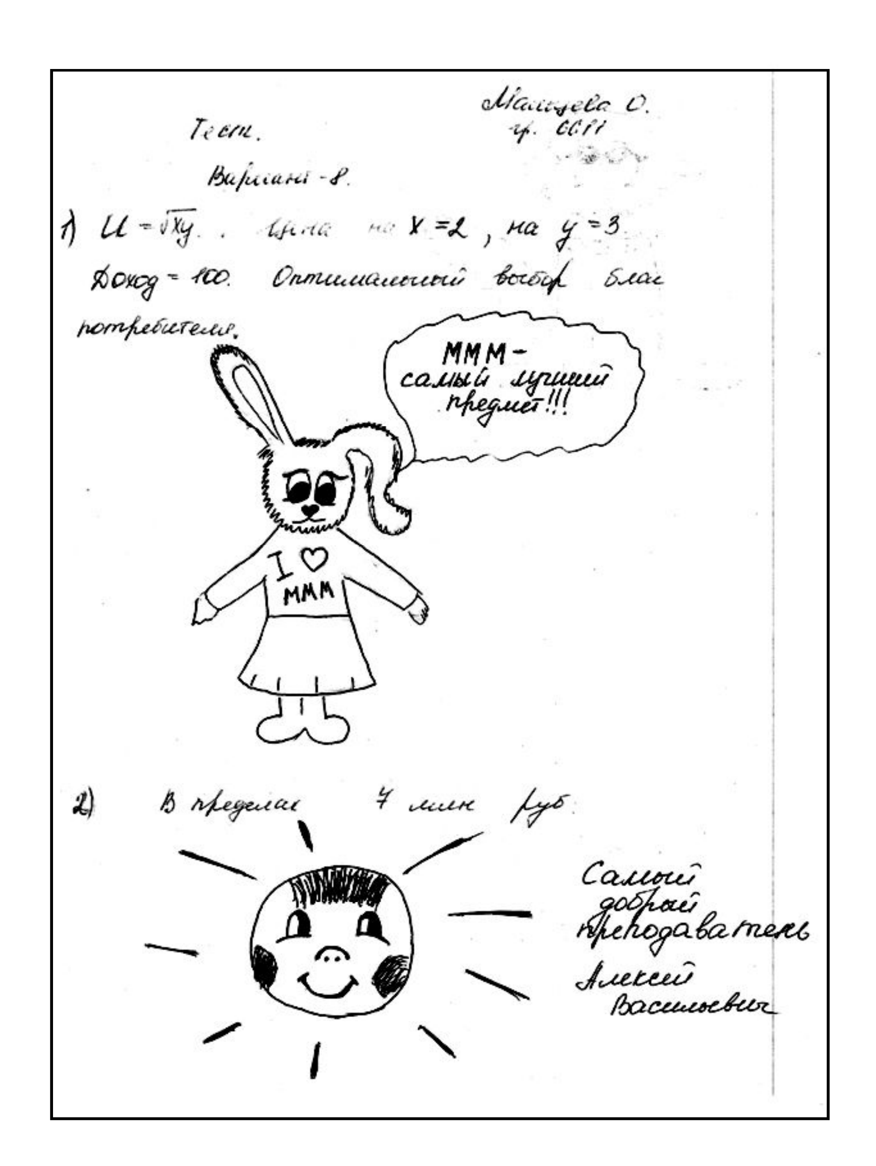
1. $U = \sqrt{xy}$ – ф-я полезности

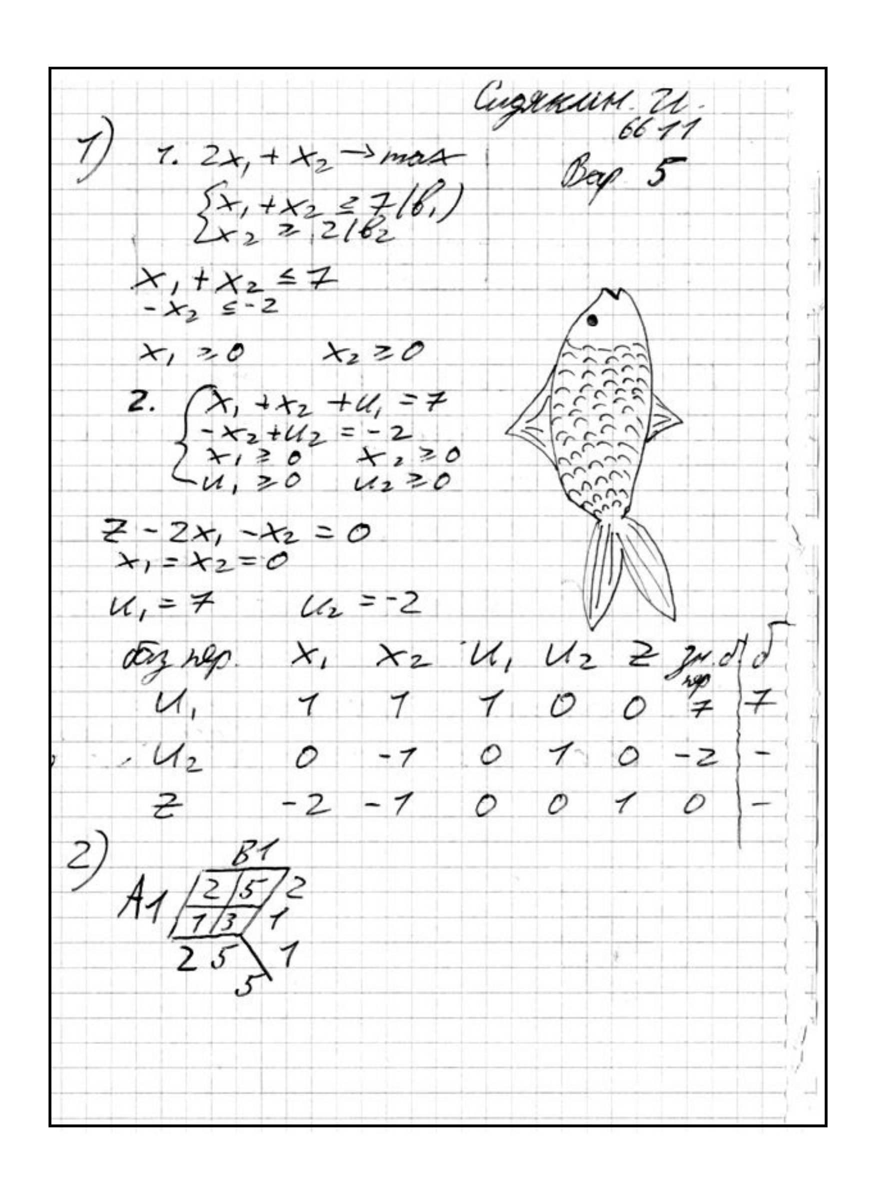
благо	x	y
цена	2	4

доход = 100.

Найти: оптимальн. набор благ потребит.?

Математические
Методы
и
Моделирование
– самой
любимой
предмет!

Мамцева О.
гр. 6611
Тест.
Вариант - 8.
1) U = √xy . Цена на x = 2 , на y = 3.
Доход = 100. Оптимальный выбор благ потребителя.
МММ - самый лучший предмет!!!
I ♡ MMM
2) В пределах 7 млн руб.
Самый добрый преподаватель Алексей Васильевич

Сидякин И.
66-11
Вар 5

1) 1. $2x_1 + x_2 \to max$

$$\begin{cases} x_1 + x_2 \le 7 \ (b_1) \\ x_2 \ge 2 \ (b_2) \end{cases}$$

$x_1 + x_2 \le 7$
$-x_2 \le -2$

$x_1 \ge 0 \qquad x_2 \ge 0$

2. $$\begin{cases} x_1 + x_2 + u_1 = 7 \\ -x_2 + u_2 = -2 \\ x_1 \ge 0 \quad x_2 \ge 0 \\ u_1 \ge 0 \quad u_2 \ge 0 \end{cases}$$

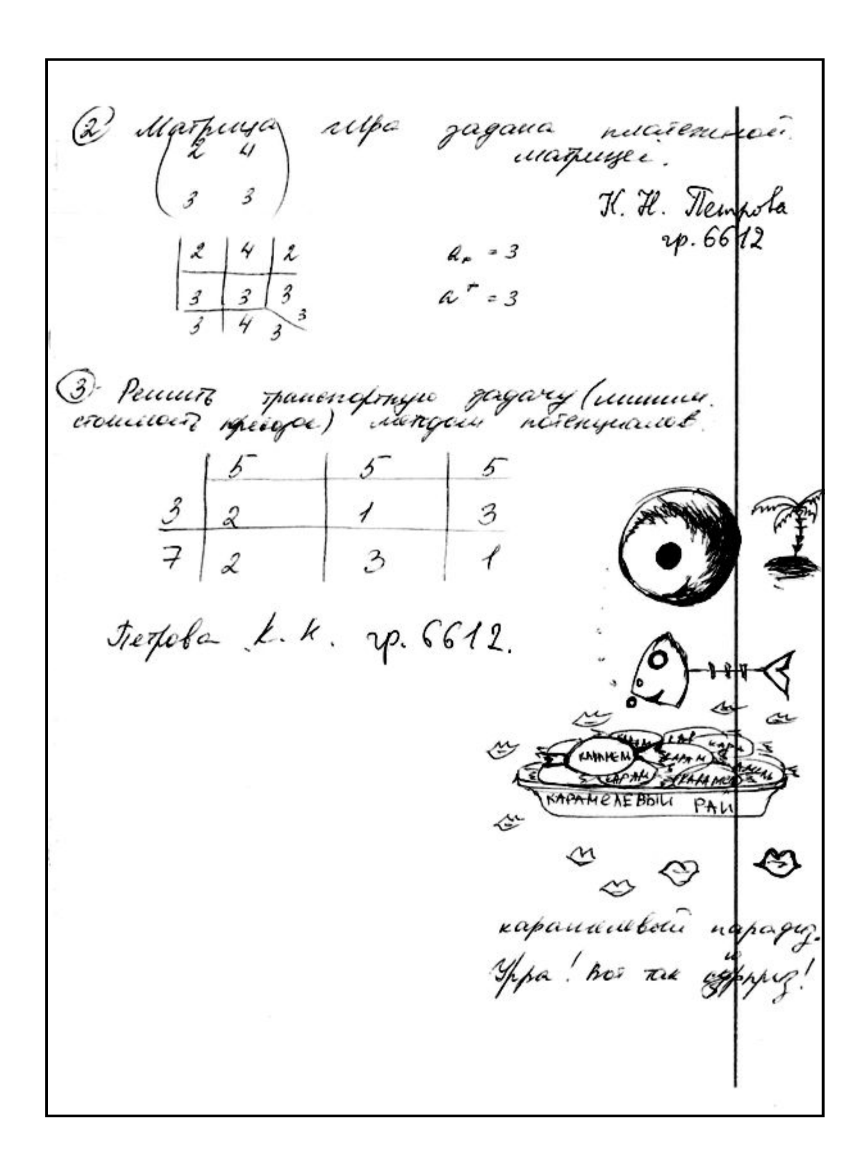
$z - 2x_1 - x_2 = 0$
$x_1 = x_2 = 0$

$u_1 = 7 \qquad u_2 = -2$

баз пер.	x_1	x_2	u_1	u_2	z	зн. пер	б
u_1	1	1	1	0	0	7	7
u_2	0	-1	0	1	0	-2	-
z	-2	-1	0	0	1	0	-

2) B1

A1			
	2	5	2
	1	3	1
	2	5	1
		5	

② Матрица игра задана платежной матрицей.

$$\begin{pmatrix} 2 & 4 \\ 3 & 3 \end{pmatrix}$$

К. Н. Петрова
гр. 6612

2	4	2	
3	3	3	3
3	4	3	

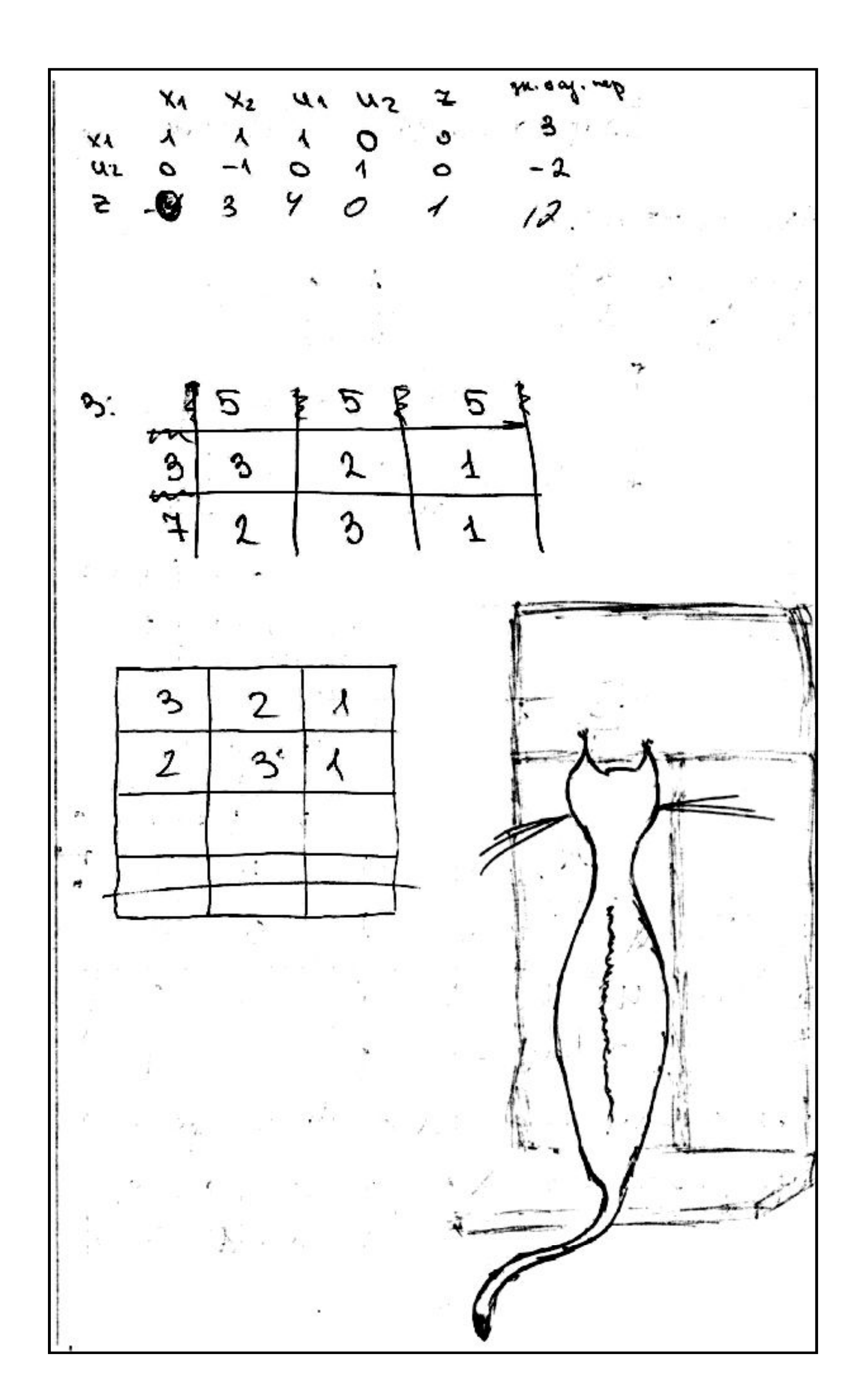
$a_- = 3$

$a^+ = 3$

③ Решить транспортную задачу (миним. стоимост. перевоз.) методом потенциалов.

	5	5	5
3	2	1	3
7	2	3	1

Петрова К. К. гр. 6612.

x1 x2 u1 u2 z
x1 1 1 1 0 0 3
u2 0 −1 0 1 0 −2
z 3 4 0 1 12
3: 5 5 5
3 3 2 1
7 2 3 1
3 2 1
2 3 1

Трудно быть Ангелом в Аду!
Крылья терять на каждом шагу,
В черную пропасть бесстрашно смотреть,
Зная, что можешь сейчас умереть,
Зная, что можешь любовь потерять,
Грязную ложь за правду принять,
Небо забыть и Его красоту...
Трудно быть Ангелом в Аду!

Дмитриева К., гр 7601

Вариант 5.

Скачкова Оля.
ФЭМ, гр 6613.

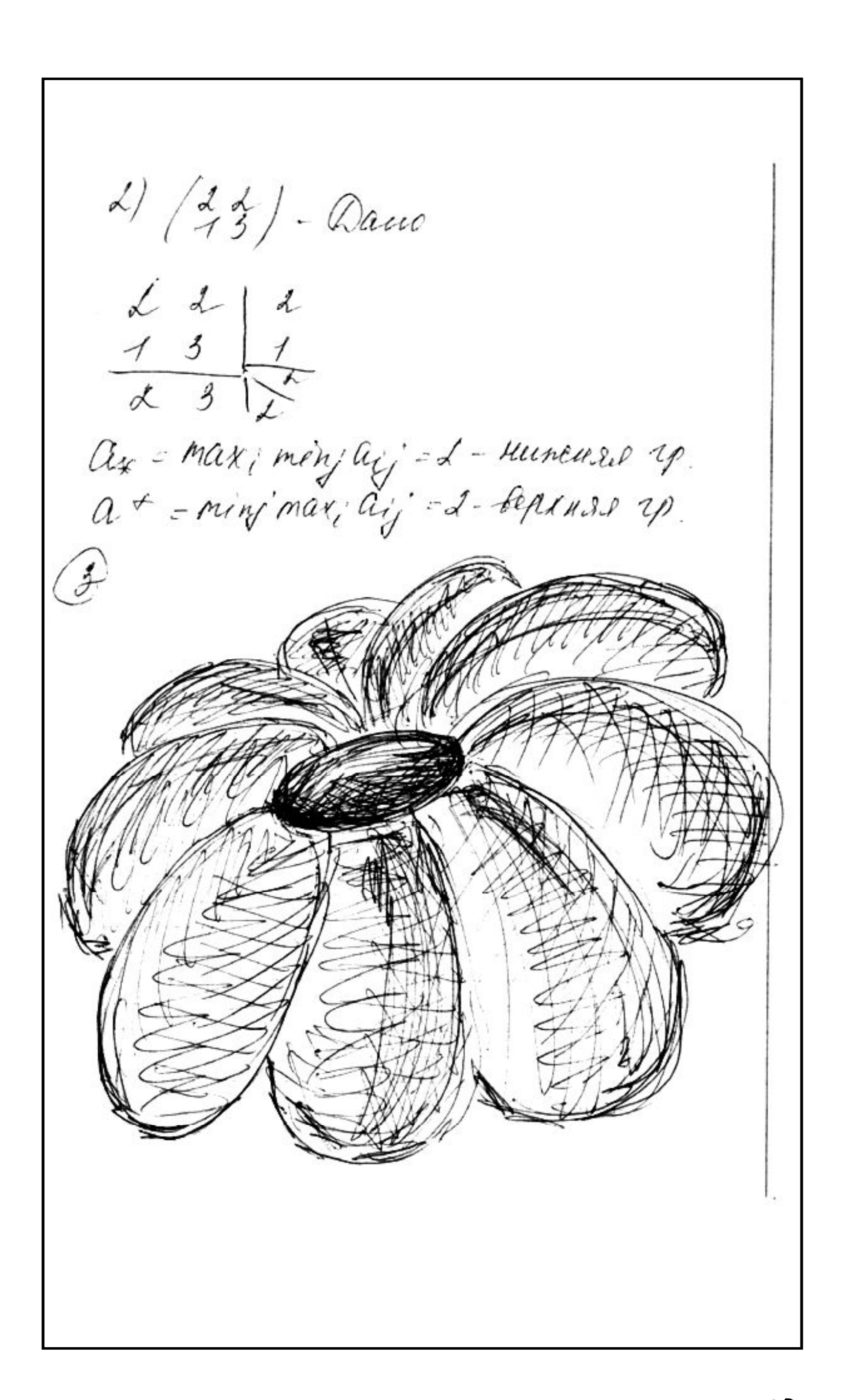

②. $\begin{pmatrix} 2 & 5 \\ 1 & 3 \end{pmatrix}$

max 2 5 min 2 1

min 2 max 2

A_2B_2 – набор равн. страт.
A_2 – 1ый игрок
B_2 – 2ой игрок
равновес-е в чист. страт.

2) (2 2 / 1 3) - Дано
2 2 | 2
1 3 | 1
2 3 | 2
a* = max_i min_j a_ij = 2 - нижняя гр.
a^* = min_j max_i a_ij = 2 - верхняя гр.
3

Вариант № 20 Коновал К.О.
гр. № 6611

1. $4x_1 + x_2 \to max$

$$\begin{cases} x_1 + x_2 \le 4 & (b) \\ x_2 \ge 2 & (b_2) \\ x_1 \ge 0 \end{cases}$$

Вот решала я задачу,
Это ничего не значит,
„Не умею я решать" -
Постараюсь вам сказать,
Попыталась я насильно,
Но признаюсь вам не сильно
Но решила я прилично
Вы поставьте мне ОТЛИЧНО

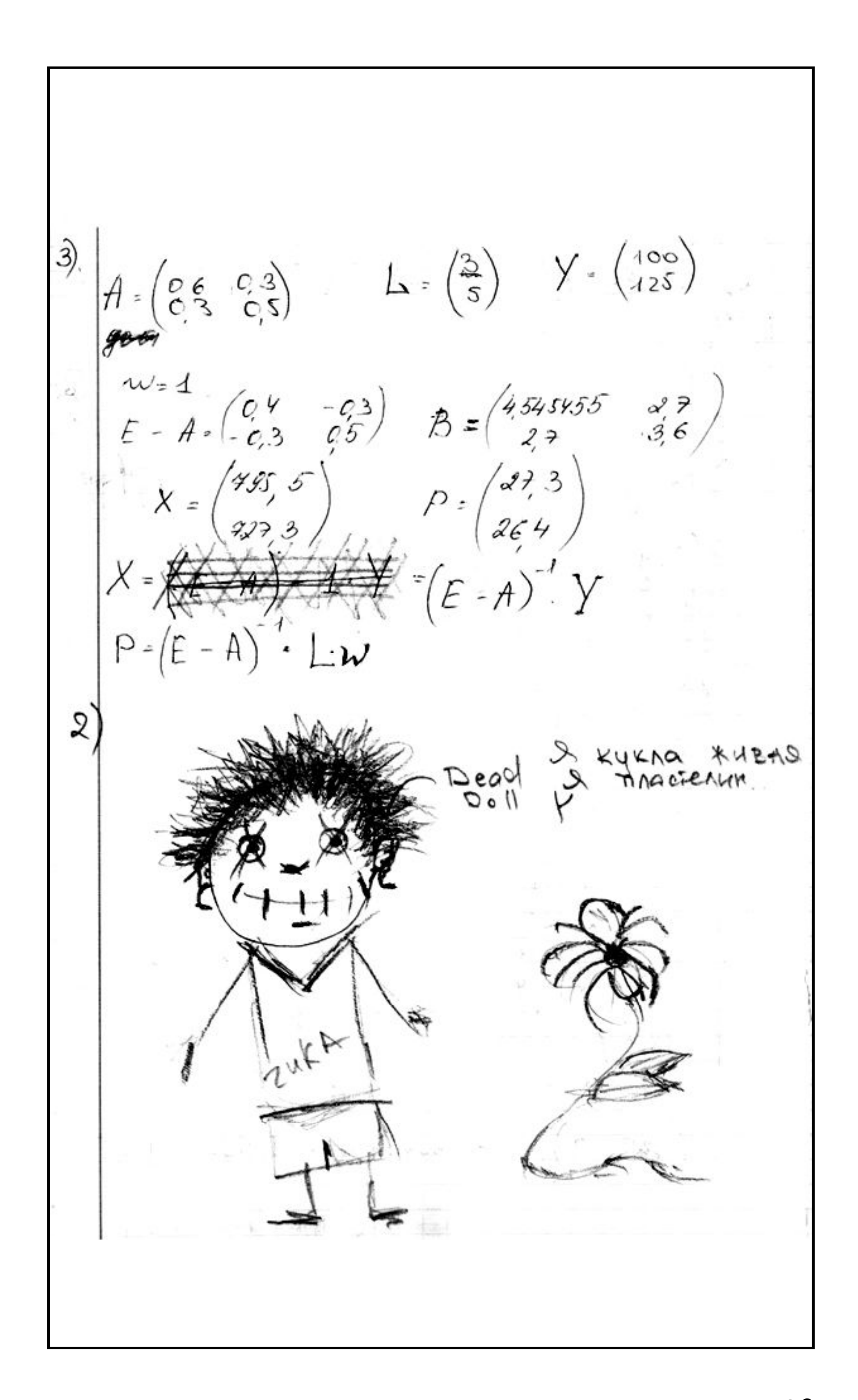
$x_1 + x_2 \le 4$
$-x_2 \le -2$
$x_1 \ge 0 \quad x_2 \ge 0$

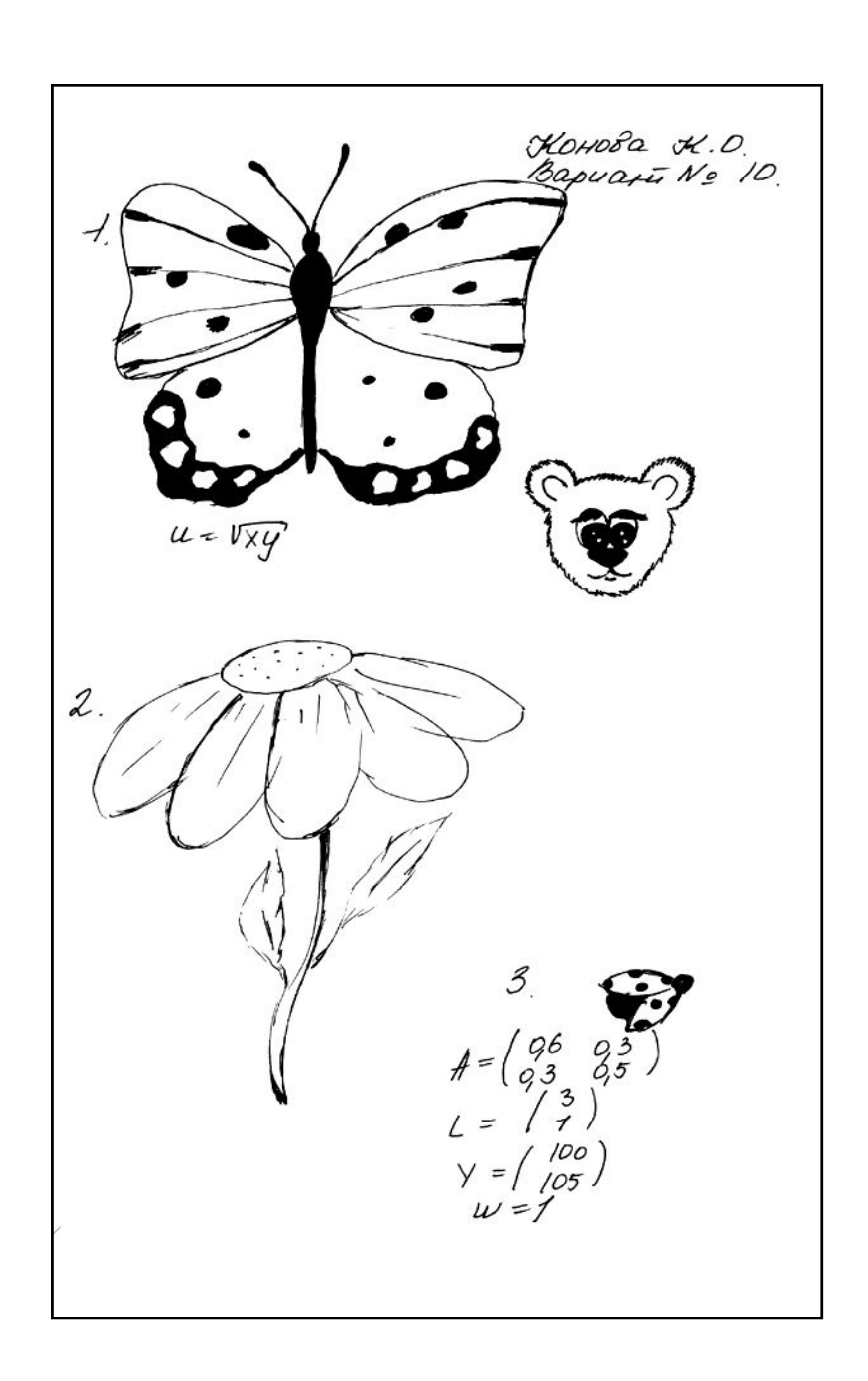
$x_1 + x_2 + u_1 = 4$
$-x_2 + u_2 = -2$
$x_1 \ge 0 \quad x_2 \ge 0$
$u_1 \ge 0 \quad u_2 \ge 0$
$z - 4x_1 - x_2 = 0$
$x_1 = x_2 = 0$
$u_1 = 4$
$u_2 = -2$

без пер.	x_1	x_2	u_1	u_2	z	знач. баз. пер	δ
u_1	1	1	1	0	0	4	4
u_2	0	-1	0	1	0	-2	—
z	-4	-1	0	0	1	0	—

2. $\begin{pmatrix} 2 & 5 \\ 4 & 3 \end{pmatrix}$

		B_1		
A_1	P_1	2	5	2
	P	4	3	3
		4	5	2
				5

3).
A = (0,6 0,3 / 0,3 0,5)
L = (3 / 5)
Y = (100 / 125)
w = 1
E - A = (0,4 -0,3 / -0,3 0,5)
B = (4,545455 2,7 / 2,7 3,6)
X = (795,5 / 727,3)
P = (27,3 / 26,4)
X = (E - A)^-1 · Y
P = (E - A)^-1 · L·w
2)
Dead Doll
Я кукла живая
Я пластелин
ZUKA

Конова К.О.
Вариант № 10.
1.
$u = \sqrt{xy}$
2.
3.
$A = \begin{pmatrix} 0,6 & 0,3 \\ 0,3 & 0,5 \end{pmatrix}$
$L = \begin{pmatrix} 3 \\ 1 \end{pmatrix}$
$Y = \begin{pmatrix} 100 \\ 105 \end{pmatrix}$
$w = 1$

Ансимов К.В.
гр 6611

1. $u = \sqrt{xy}$

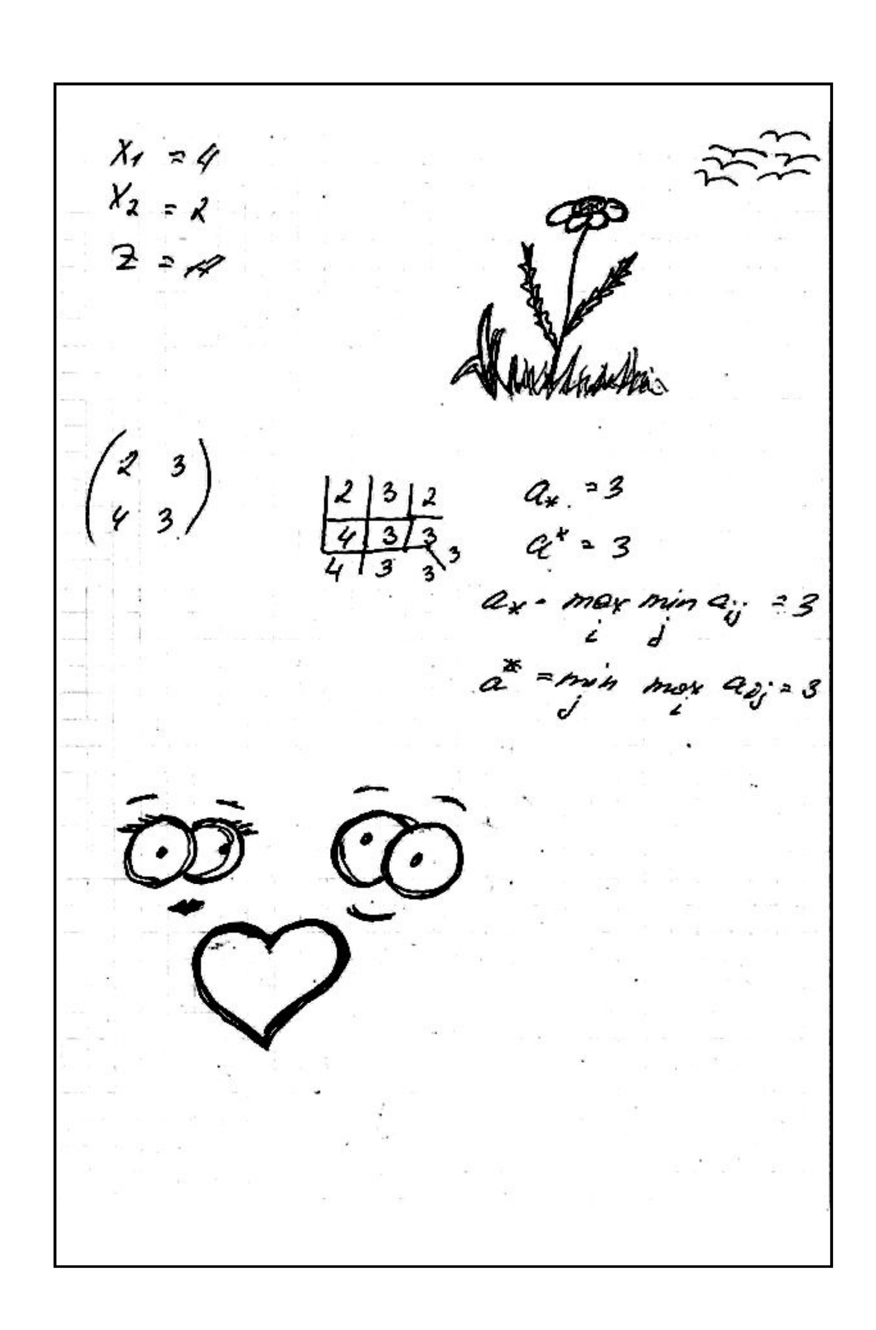
Радостно прыгают
Бодрые мысли
Принцип задания
Не проглотить.

2.

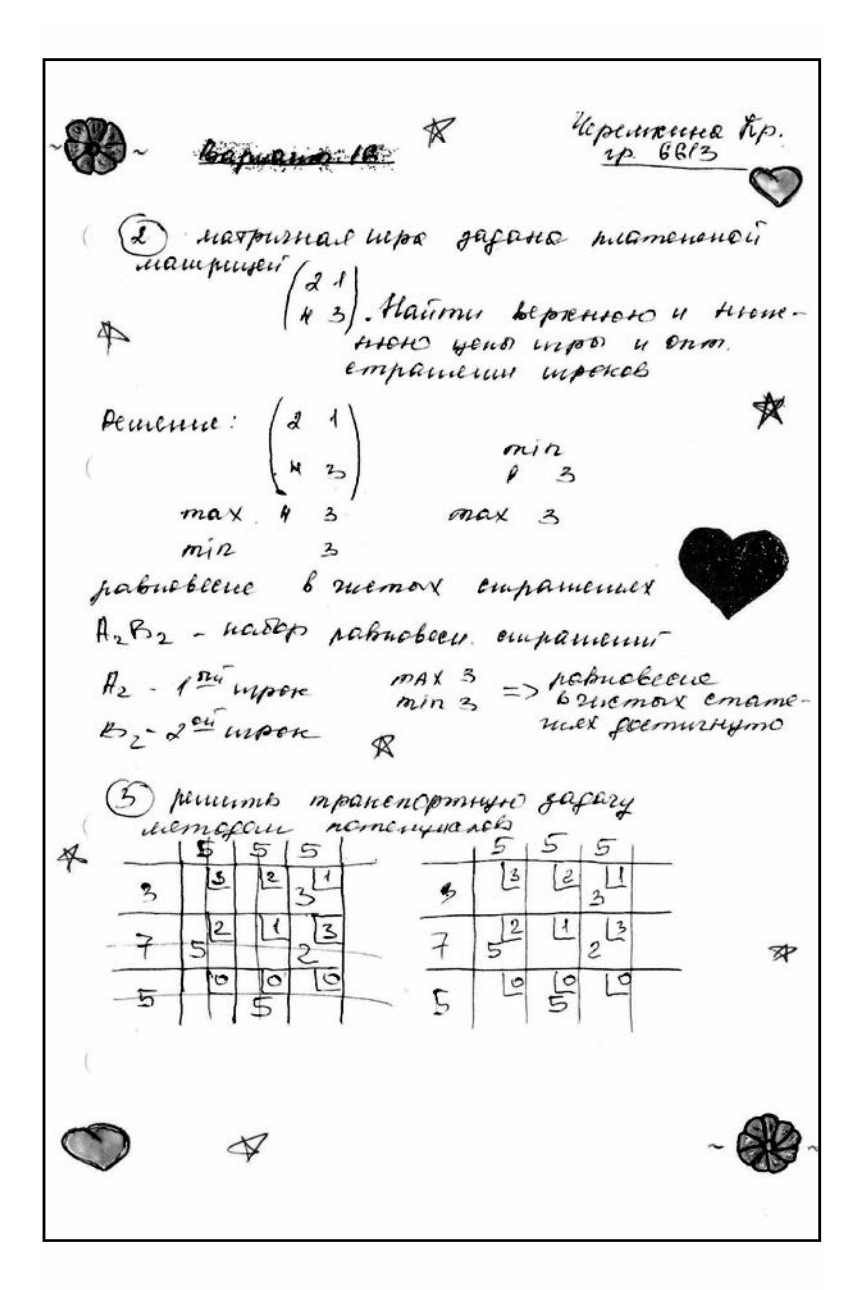
Просто таблица
Сложность – не вызов
В мозге пылится
Ненужная книга

3.

Вектор и цены
Третье задание
Синие вены –
Бренное здание.

X1 = 4
X2 = 2
2 3
4 3
2 | 3 | 2
4 | 3 | 3
4 | 3 | 3
3
a* = 3
a* = 3
a* = max min aij = 3
i j
a* = min max aij = 3
j i

~~Вариант 18~~

Шеремкина Кр.
гр. 6613

(2) матричная игра задана платежной матрицей

$$\begin{pmatrix} 2 & 1 \\ 4 & 3 \end{pmatrix}$$

. Найти верхнюю и нижнюю цену игры и опт. стратегии игроков

Решение: $\begin{pmatrix} 2 & 1 \\ 4 & 3 \end{pmatrix}$ min 1 3

max 4 3 max 3

min 3

равновесие в чистых стратегиях

A_2B_2 - набор равновесн. стратегий

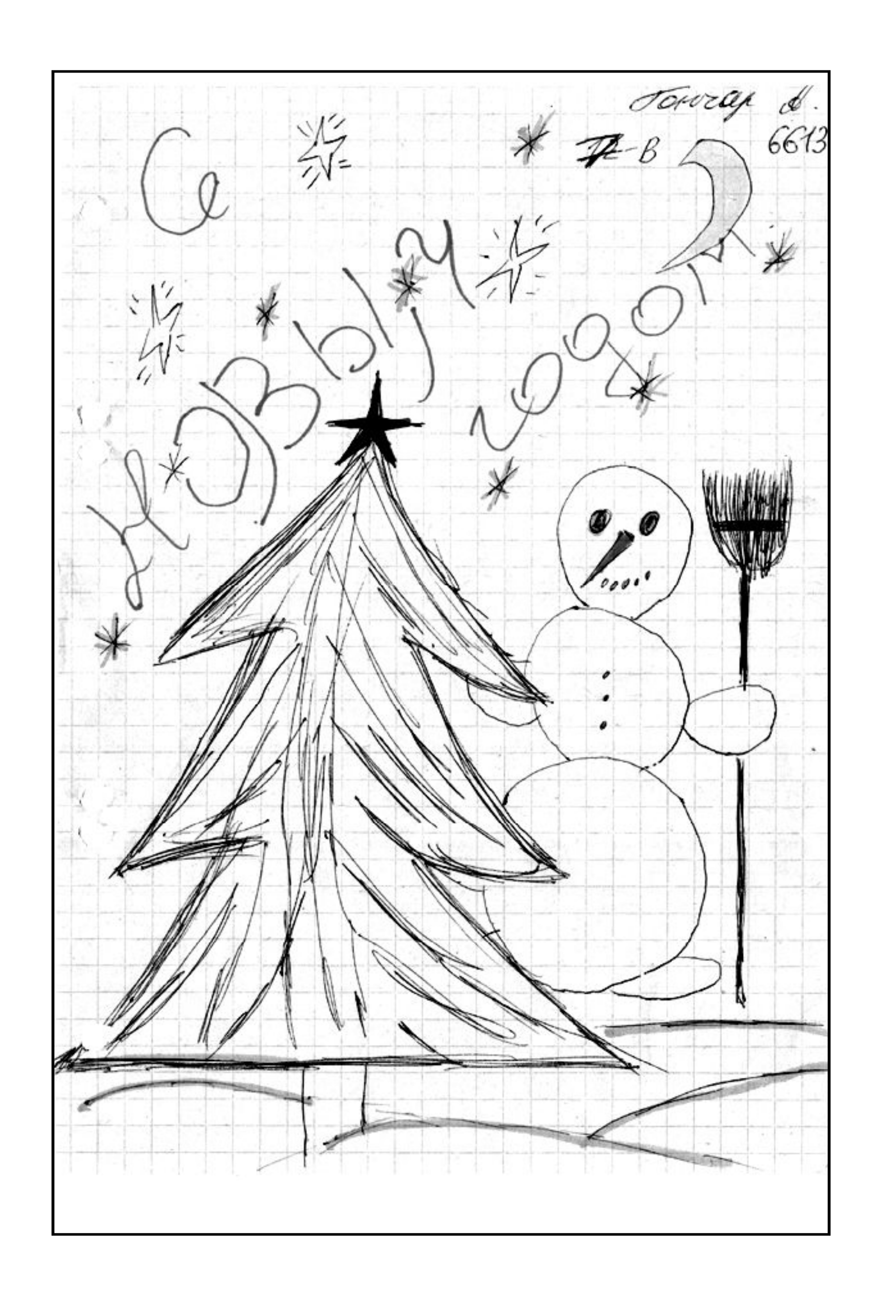
A_2 - 1ый игрок max 3 min 3 => равновесие в чистых стратегиях достигнуто

B_2 - 2ой игрок

(3) решить транспортную задачу методом потенциалов

	5	5	5
3	[3]	[2]	3 [1]
7	5 [2]	[1]	2 [3]
5	[0]	5 [0]	[0]

	5	5	5
3	[3]	[2]	3 [1]
7	5 [2]	[1]	2 [3]
5	[0]	5 [0]	[0]

Гончар А.
6613
С Новым годом

9 вариант

Кузьминская М.М.
ФЭМ, ББ13

1) $U = \sqrt{xy}$

$P_x = 2$

$P_y = 4$

оптимальный набор

$2x + 4y = 100$

$$\begin{cases} \dfrac{\frac{\partial U}{\partial x}}{\frac{\partial U}{\partial y}} = \dfrac{P_x}{P_y} \\ 2x + 4y = 100 \end{cases} \qquad \begin{cases} \dfrac{\frac{1}{2}\sqrt{\frac{y}{x}}}{\frac{1}{2}\sqrt{\frac{x}{y}}} = \dfrac{P_x}{P_y} \\ 2x + 4y = 100 \end{cases}$$

$x = 2y$

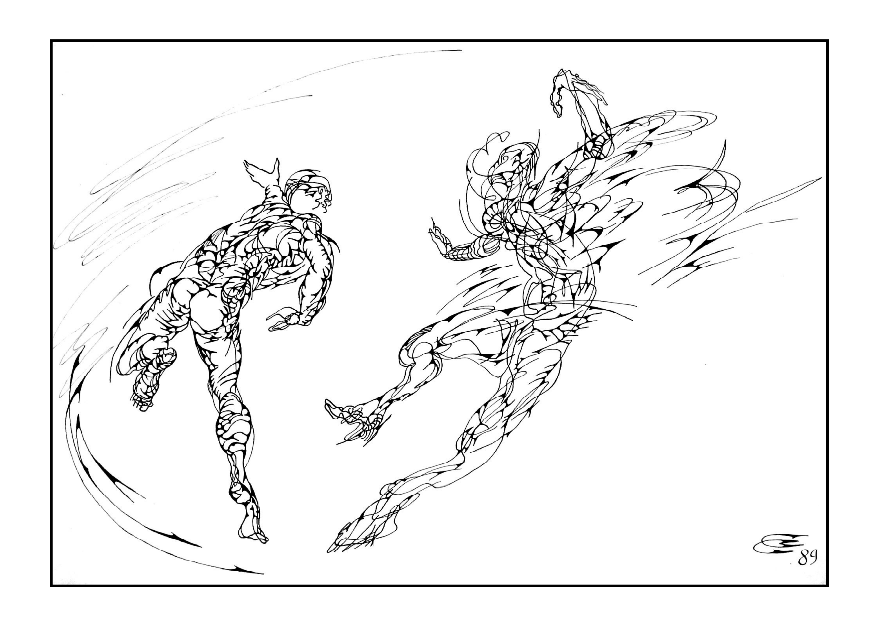
$2x + 4x = 100$

$6x = 100$

$x = 16{,}7 \quad y = 33{,}4$

С новым годом!!!

От реального к реальнейшему

Работа Сергея Симкина.

На кантату И. С. Баха «Возвышающий себя унижен будет»

А3. перо, тушь. 1989г.

Николай АРТЕМЕНКО

* * *

В сером городе дождь и сырая дорога,
В сером городе солнце грустит в облаках,
И туман, над рекой расстилаясь убого,
Человека качает на белых руках.

Мне реальность чужда, я мечтой опьяненный,
На холсте нарисую иную страну,
И горящею кистью, в огне закаленной,
Акварель мне сыграет сонату свою.

Я рисую поля с голосистой пшеницей,
Глубину синевы распростертых небес,
И лучи, что дождем проливным будут литься
На еще недописанный сумрачный лес.

И на поле пущу я живыми мазками
Жеребца, что чернее ста тысяч ночей,
А на тверди бездонной в дуэт с облаками
Нарисую кочующий клин журавлей.

И окончив писать, дам я высохнуть краскам,
А потом, у парадной свой холст я прибью,
Чтобы город унылый, сквозь серую маску,
Улыбнулся, взглянув на картину мою.

Анастасия АНДРЕЙЧУК

* * *

Странное счастье – сидеть на крыше
И, глядя на небо считать те звезды,
Которые к нам бесконечно ближе,
Чем мы друг к другу. А знаешь так просто,
Просто взять и случайно влюбиться
Без веских причин и без всякой фальши…
Но звезды, как тут со счета не сбиться?
Не спится... значит, считаем дальше.

* * *

Этот голос мне слышится ночью,
Этот образ мне снится во сне,
Словно ангел приходит порочный
Исповедоваться ко мне.

Его шепот ласкающе-томный,
Его крылья как сажа темны,
Он приходит как пес бездомный,
Завороженный зовом луны.

Он приходит такой белоснежный,
Разгоняя сумрачный дым,
Но какой же он все-таки грешный
Рядом с сыном невинным моим.

Константин АНСИМОВ

Советы озлобленным

Не бей покалеченную
Мечту.
Обогрей намеченную –
Зачту.

Не жги разведенные
Мосты,
Не рушь возведенное,
Остынь.

Не рви на поляне души
Цветы.
Я злобы пожар потушил,
А ты?

Тамплиер

Тамплиера смерть забрала
Не взирая на забрало.
Была крепкой сталь доспеха,
Но горбатой не помеха.

Нет теперь защиты веры
От проклятой злой химеры.
Страшновато пилигриму
На пути к Иерусалиму.

Но придет на смену новый
Смелый, сильный, безголовый
Тамплиер, готовый биться.
Вот такое вот мне снится.....

Надежда БАРАНОВА

* * *

– Где искать тебя, царевна?
– Не царевна я, признаюсь!
Не боярыня какая,
Не сестра и не жена.
Там, где травы по колено,
Там, где Солнце потерялось,
Папоротник, расцветая,
Мне подарит аромат.

– Где стоит твоя избушка?
– В темном лесе, в черной чаще,
За горами, за лесами,
Да за огненной рекой.
Не ходи туда, не нужно,
Ведь со мною ветер пляшет,
Под ночными небесами
За серебряной звездой.

– И куда же ты уходишь?
– То на север, то на запад,
Я лишь сон твой предрассветный,
Или вовсе бред хмельной…
Переменится погода,
Ты забудешь мятный запах
Этих губ, так безответно
Растревоженных тобой.

Работа Елизаветы Беляниной

Елизавета БЕЛЯНИНА

* * *

Вчера я умерла. Никто не слышал.
Как ток по оголённым проводам,
Текла моя душа по мокрой крыше,
Срываясь резко вниз то тут, то там

Струною тонкою как будто натянувшись,
По нервам резала глухая тишина
И жизнь рвалась лететь, не оглянувшись –
Её ничуть не испугала вышина

Скучала ночь. Уставшим и бессильным
Казался мир, что был вокруг.
И груз потерь, вдруг ставший непосильным,
Сломал запястья этих слабых рук.

Ни свет, в слезах последних отражая
Лишь пустоту; ни ветер в волосах,
Уже почти ничто не выражали,
И боль внутри давно убила страх

Луна дышала еле слышно –
Меня не стала выдавать.
Я умерла. Никто не слышал.
Никто не должен был узнать.

Александра ВОЛКОВА

Ученица 1-го класса

Любимый вечер

(газель)

Этим теплым вечерком
С дедом мы идем пешком
На полянку, на полянку
Собирать зверюшкам корм.

Ольга ДЬЯКОВА

* * *

Золото – молчание...
Прячет хвост луна –
Тайны мироздания
Стережет она.

Но за звездным крошевом
Желтизну не скрыть –
Пеленой поношенной
Принакрывшись, плыть.

Не одна залетная
Ходка до луны
Месяца свободного
В черном свете тьмы:

По этапу точкой
Перегон свершать;
Вырасти в рассрочку,
И луною стать.

Татьяна ЗАХАРЧЕНКО

* * *

На пороге завтрашнего дня
Встретились мы вечером вчерашним,
Чтобы из-под ног ушла земля
Чтобы стало прочее неважным…

Чтобы где-то вспыхнула на миг,
Ослепляя молнией, Надежда,
Чтобы мир рокочущий притих,
Встретив новорожденную Нежность…

Чтобы где-то старый, мудрый Бог
Отодвинув рукопись столетий,
На секунду выглянул в окно
Улыбнулся, нас вдали заметив…

Чтобы ветер разметал листы
С прежними, ненужными стихами,
Чтобы были только я и ты –
И святое нечто между нами.

Алексей КОРОЛЕВ

* * *

Моя луна – не та, что в небесах,
Она мне светит из другого мира.
Разбрызганный в зеленоватых тлях,
Ее огонь на розовых стеблях
Теплей, чем пальцы Эос у Омира.

Ее лучи я чувствую впотьмах
Стрекочущих садов трескучей ночью,
Тяжелый бражник мечется в корчмах,
Сиреневый на пепельных крылах,
Летит ко мне, вот он, со мной, воочью,

И мне принес другие времена,
Там память расслоилась, как пространство,
Вся жизнь единовременно видна,
Как эпика мгновеннейшего сна
И детская наивность протестанства.

Нам нет преград при выборе пути,
Но трех дорог мы не осилим разом,
И по которой вздумаем пойти,
И где и как чему произойти,
Конечно же, предвидит чей-то разум.

Так Цезарь рвет и мечет у реки,
Не зная, что итог его метаний
Давно записан в летопись тоски,
Но замерли неверные полки,
Не верящие в фатум предсказаний.

Друзьям в контакте

Спасибо вам за эту дверь
Туда, где жизнь, в мое иное,
За врачевание потерь,
За отступившее апноэ,

За то, что аритмичный стук
Не прозвучит в четвертом такте,
Когда на страже добрый друг
Спешит на выручку в контакте.

И ваша белая сирень
Еще живительней и чище,
Чем в мире и моя же тень
Не так пугает и не ищет

Оледенелой пустоты
И в час, когда темно и рано,
Друзей прекрасные черты
Нисходят с синего экрана.

И я, вне времени опять,
Меж строк и формул, слез и лени
Могу полночи простоять,
Став перед вами на колени.

Юрий КОРОЛЕВ

*** * ***

Мне снилось, что я был с тобою,
Ах, жаль, что не дали гражданства
В том мире, где время стрелою
Ломает законы пространства.

Мне снилось, что мы были рядом,
И вечность у нас под ногами
Смотрела мерцающим взглядом
На нашу игру со словами.

Мне снилось, что мы были вместе,
А солнце – подковообразно,
Кружась в безмятежном норд-весте,
Я думал: О, как ты прекрасна!

Алексей ЛОТОЦКИЙ

* * *

Расстаёмся с тобою надолго.
Может быть, даже навсегда.
И в прогнозе бессонные годы,
Вяло-пепельные города
Представляются мне непогодой –
Нужно лишь переждать, и тогда…
Может быть…
Нет!
Ничего больше «вдруг» не будет.
Если дождь твоё имя забудет
(Я ему завещал – хранить,
Но ведь он Дождь, а мы только люди)
Капле-днями смоет черты…
Бред.
Мне тебя не забыть.
Ты.
Будешь моим светом.
Если спросят меня –
«Зачем ты живёшь?»
Ты будешь ответом.

Если в проблесках дня
В двадцатилетний дождь
Красным брызну –
Сердце на боль умножь.
Будешь моей жизнью.

Людмила НОВИКОВА

Ангел

Когда на улицах темно,
И все движенье замирает,
Ты ночью выгляни в окно:
Там Ангел по небу летает!

Вот он медлительно кружит
Над Петроградской стороною…
А Петербург устал и спит,
Укрывшись снежной пеленою.

Чтоб мы спокойно спать могли,
Хранитель наш, помощник скорый
Покинул лучезарный шпиль
Над Петропавловским собором!

Уснули площади, мосты,
Нева в серебряных оковах…
Не спит лишь Ангел, с высоты
Всегда на зов прийти готовый.

Георгий ПЕТРЕНКО

* * *

Гладь зеркальная озера тёмного,
Лес безмолвный на том берегу…
Ох, печаль ты моя неуёмная,
Я развеять тебя не могу.

Мелкой пылью по небу рассыпаны
Искры яркие звёзд и планет,
А внизу отраженья размытые
Льют из тёмных вод глянцевый свет.

Тихо рыбка играет неспящая,
Посылая круги по воде.
Чувство в сердце до боли щемящее,
Что её не отыщешь нигде.

А круги, быстрой рыбою посланы,
Стёрли звёзд силуэт дочиста,
Лишь по тёмному брегу разостланы
Пятна жёлтого света костра.

Антон ПОГРЕБНЯК

Дежавю

Я увидел твой образ во сне
Твои руки похожи на крылья
Ты играла космической пылью
В этой Богом забытой стране

Я мечтал о хорошей зарплате
Ты мечтала о чистой любви
Мои руки по локоть в крови
Твои крылья по локоть в салате

У тебя есть прекрасное свойство:
Ты исчезнешь, когда я проснусь
Ты вернёшься, а я не вернусь
Брось своё зазеркальное войско

Брось свой образ на дно океана
Разряди парабеллум в висок
Испытай эстетический шок
Дегустируя рваные раны

Можешь выпить, но лучше не пей
Бей в набат, разрушай перспективы
Разбуди меня, если ты в силах
Ущипни или даже убей

Солнце чертит на небе зигзаги
Голова покатилась в кусты
Ты, шутя, поджигаешь мосты
Нарисованные на бумаге

Мы с тобою как два корабля
Занесённых космической пылью
Твои руки похожи на крылья
Мы начнём эту встречу с нуля.

Александра РОМАШЕНКО

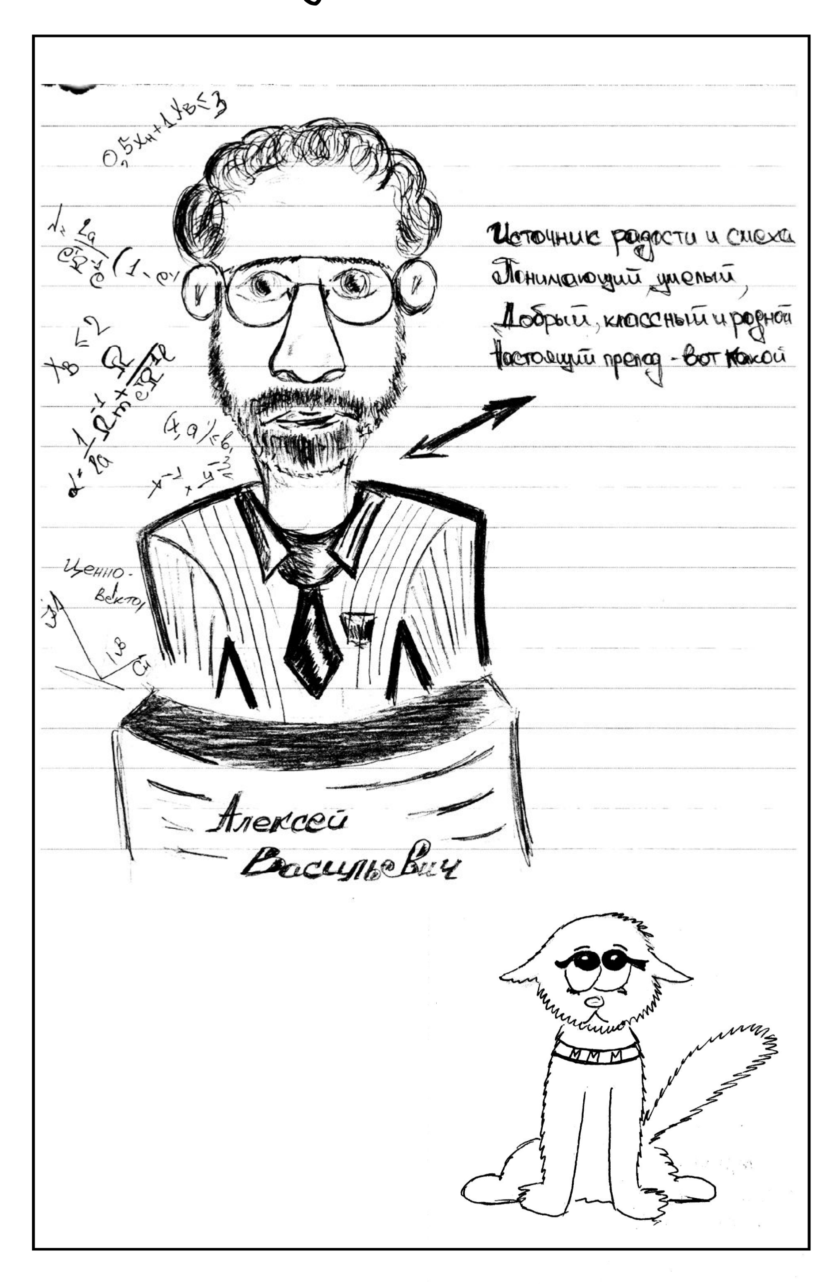
Человек

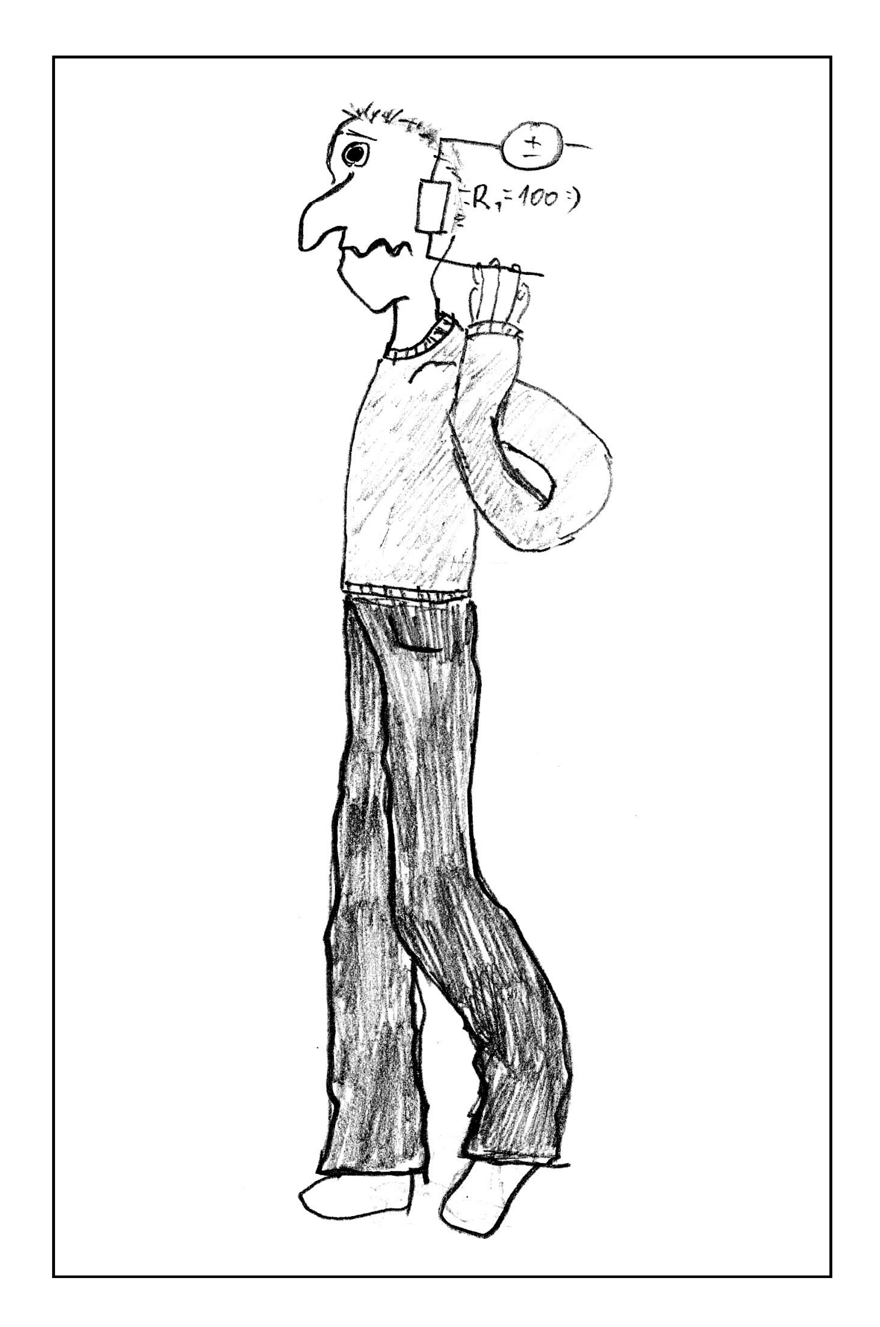
Мне снился сон: в пустыне серой
Среди камней, среди песка
Полна тревог и скорби бренной
Я одиночество несла.
И долгим было бы скитанье,
Не увидала б я огня,
И в тишине его мерцанье
Как будто бы звало меня…

В лачуге старой и забытой
Среди богатства нищеты
Гнетущей древностью покрытый
Лежал старик, и мрачной тьмы,
Не разгонял огонь неяркий
И сучьев треск не нарушал
Покой и мир. И был нежаркий
Костер, что у порога дотлевал.
Старик казался неподвижным…
И вдруг я сердцем поняла,
Что взором пристальным, орлиным
Он смотрит прямо на меня…
Невольно ноги подкосились,
И возле каменной постели
Я на колени опустилась…
Его глаза в мои смотрели…
Он стал рассказывать: «Когда-то,
Как ты, я молод был и жил,
Подобно ласточке крылатой,
Я был красив и я любил…
Любил луга, поля и степи,
И леса светлую печаль,
И паучка любил я сети,
И в них мне муху было жаль.
Закат дарил мне наслажденье,
Восход терпеньем наградил.
И в каждом миге – упоенье!
Я все любил.… Любил как жил.
Я знал о цели своей жизни,
Я видел смысл бытия… »
Мой старец лишь мгновенье выждал…
«И я любви отдал себя:
Я растворился в людях, душах,
Не знавших, что такое свет,
И им дарил тепло, и просто слушал,
И помогал от разных бед.
Они не шли ко мне, я сам искал тревогу
В глазах людей, встречаемых в пути,
И, проявив посильную заботу,
Я уходил.… Мои года ушли.
Не раз уже дыханье смерти
Касалось моего лица,
И долго-долго эти степи

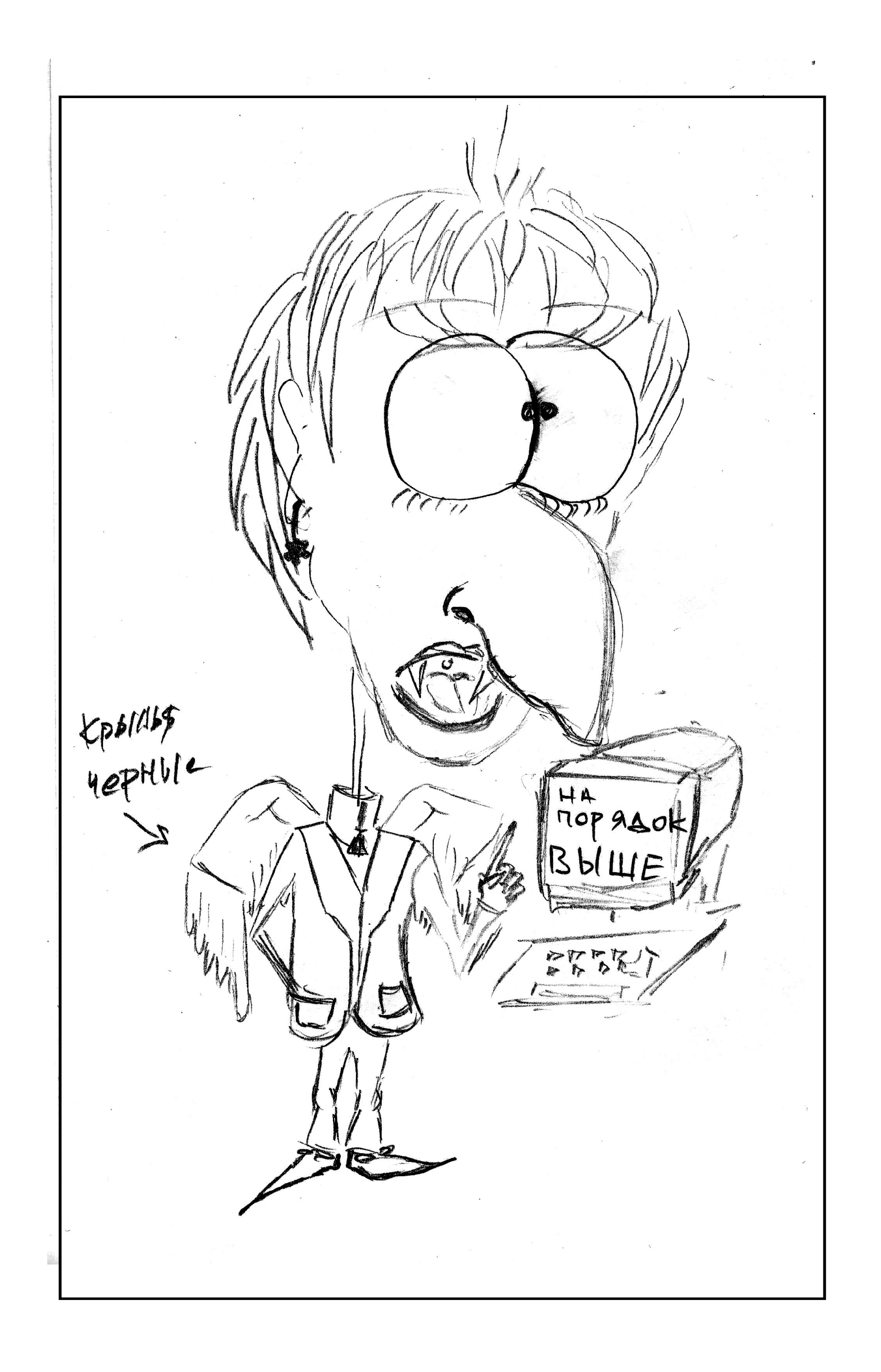
Хранят от гибели меня.
Я видел страхи, и мученья,
И ложь, и грубость. Не могу
Я в мире нового ученья
Любить и верить!!! Не хочу!
Людей высокие стремленья
Теперь валяются в грязи,
А враг их топчет без стесненья
И зубы скалит. В эти дни
Иссякли силы, сердце стало
Болеть и плакать, и с людьми
Я говорить стал тихо, мало…
Пытался я быть рядом с ними
И добрым словом помогать,
Но не со мной они уж были,
И я ушел в пустыню ждать.
Уж сколько лет живу в печали:
Никто не тянется ко мне.
Один, один…. Меня забыли,
Но вижу я людей во сне…
Я их люблю, люблю как прежде,
И нет обиды или зла
В душе моей. И нет надежды,
Что кто-то вспомнит про меня…
И ни о чем я не жалею,
Из сердца я изгнал тоску,
Люблю, люблю, в любви старею,
В любви я этой и умру… »
Окончил старец речь, светились
Теплом и радостью глаза
В последний раз вдруг прояснились,
И смерть на них тепло легла.
И вот опять в пустыне серой
Среди камней, среди песка
Полна тревог и скорби бренной
Я к месту памятному шла.
Теперь у хижины забытой
Был холмик маленький камней,
И сердце раной непокрытой
Болит, болит еще сильней.
«Пусть в мире слабости ничтожной
Я не увижу больше свет,
Я буду помнить, что, возможно,
Один знаком мне Человек»

Догадайтесь сами...

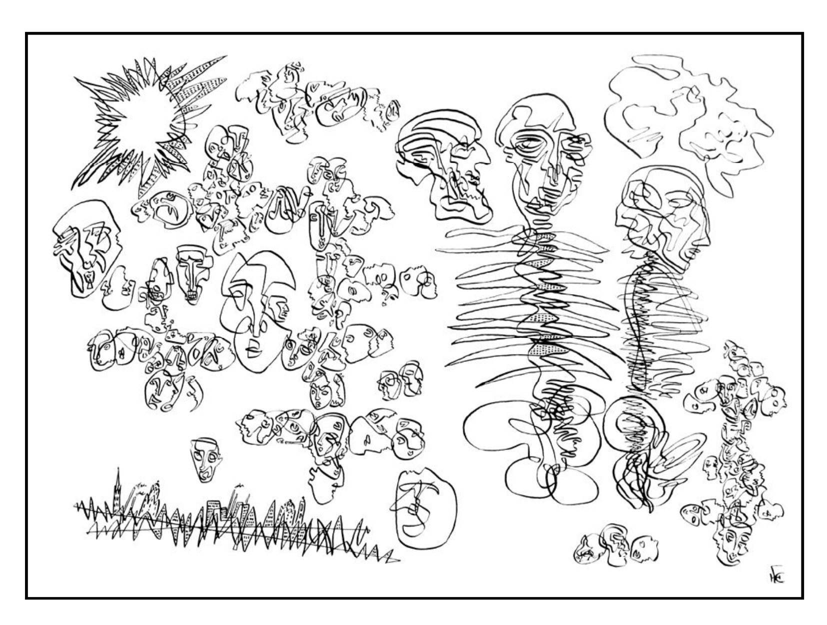

+
−
R1 = 100 :)

Крылья
черные
НА
порядок
ВЫШЕ

Лабораторный практикум:
Что делать?

Работа Сергея Симкина. «Под светом Луны-Венеры»

А4. перо, тушь. 1999г.

Анна АВТУХОВА

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Hazy afternoon in May

Острый как игла карандаш.
Клетчатый как решетка листок.
Из колонок доносится рок.
Я вошла в креативный раж.

Если б был музыкальный слух,
Получился бы песни куплет.
Но нет слуха … ПРЕВЕД, МЕДВЕД!!!
Наступил – чуть не вышиб дух.

Мой Olympus пылью зарос.
И давно зачехлен объектив.
Хоть вокруг – сплошь один позитив,
Фото-жизнь все летит под откос.

За спиной караул из снов.
И в запасе остался лишь час.
Из колонок доносится джаз…
На листе больше сотни слов…

Весенний депрессняк

Ни зима, ни весна - просто черт знает что!
Утопаю по пояс в грязи
На работе - завал; я - ленивое чмо!
Не напиться ли в этой связи?..

Не хожу в универ, на работе ленюсь...
Мне так стыдно, так стыдно... Ай-яй!
Но, боюсь, даже если возьму и напьюсь –
Получу не один нагоняй.

Жаль, не лечит мохито сезонную грусть,
Ух, вкуснющее было б лекарство!
А раз так - лучше я за «умишко» возьмусь,
Упорядочу Анино царство.

Есть ли жизнь после свадьбы?

Сегодня я – Стремительный домкрат!
Накрыли с головой переживанья…
С недавних пор мой мозг низвергнут в ад,
И я теперь безмозглое создание.

McDonalds, Internet и СТС –
Triangle of Bermuda повседневности.
То ко всему теряю интерес,
То вдруг зайдусь в припадке дикой ревности.

Эх, как бы до экстремума дожить?
Мне кажется, что я сейчас свихнусь!!!

...

Экстремум пройден. Так тому и быть!
И с минуса меняю знак на плюс.

Валерий АЙРАПЕТЯН

Верлибры посвященные Лере

1.

Когда ты смеешься, я вспоминаю море.
Случайные всплески волн,
похожие на бесконечные локоны
юной пастушки.
Интересно, есть ли края,
где обитают пастушки?
Резвые, румяные,
с дудочкой, вложенной за пояс?
Но ты смеешься
и значит море, где-то по близости.

2.

Пока я маюсь, расхаживая по комнате,
ты сидишь на полу, воркуя над своими куклами.
Тебе четыре года, но ты уже понимаешь, что к чему.
Ты подходишь ко мне и говоришь:
«Папа, я так не хочу взрослеть».
«Это правильно, Лера. Оставайся человеком» –
отвечаю я, продолжая блуждать по комнате
в поисках жизни.

3.

Ты ешь, сидя напротив меня за зеленым столом.
Как и все, кто влюблен в жизнь, ты ешь равнодушно.
Рассказываешь о жизни кукол.
Пасешь свои фантазии
на бирюзовых лугах детства.
Периодически признаешься в любви Щелкунчику.
Говоришь, что он твой жених.
А я слушаю, и не знаю, что мне делать
с будущим зятем.

Худая девушка

Худая девушка читает книжку
о последних временах.
Ее орлиный нос погружен в чтение.
Какой-то Крайон сулит нам
наступление новой эры:
Эры Новой Любви.
Толкует Евангелие от Иоанна.
Видимо очередной пророк,
с биографией типа:
был обычным парнем.
Имел жену во всех смыслах.
Работал.

Видать много, раз в один прекрасный день
ему все обрыдло.
Наступила апатия.
Полнейшая.
А потом он начал, что-то чувствовать.
По-моему стоны Земли.
Не скажу точно –
я читал урывками.
Я подглядывал.
Потом он, естественно,
ПРОСВЕТЛИЛСЯ.
И, смешав Христа с Кармой,
двинулся в путь.
В новой религии – главное быть модным.
наче никак.
С виду девушка, как девушка.
Вполне вменяемая,
если не считать мегаполисной шизофрении,
засевшей во всех горожанах
старше трех лет.
На ней черный плащ и правильный слой косметики.
Ухоженные руки трепетно перелистывают страницы.
Ничего особенного.
За окном маршрутки льет дождь.
Жизнь, кажется, серая.
А, может быть, уже наступил конец света?
Может мы пропустили его приход?
Не заметили, как черные всадники
вздымают грустную землю?
Кто его знает?
В суете пропускаешь и не такое.
А девушке в черном плаще
давно пора бы
влюбиться в обычного парня,
знать не знающем:
кто такой Крайон,
и как достичь
ДУХОВНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ
через нейтральный имплант.

Николай АРТЕМЕНКО

Студент филологического факультета СПб ГУ

* * *

Ночью снегом весь двор завалило,
Не чернеет дорожка нигде,
А вчера ведь еще моросило,
И ступал пешеход по воде.

Я на улицу выйду с лопатой
И расчищу дорогу к дверям,
Покури-ка ты, дворник усатый,
Я пока поработаю сам.

Коль найду я под снегом дорогу,
Заскребет по земле остриё,
Я прошу, подожди хоть немного,
Не разбрасывай соль на неё.

* * *

Не открывал тогда он глаз,
Когда смычок струны касался,
И пел безумный контрабас,
А он лишь пеньем наслаждался.

Шумел залив, текла река,
Машины бегали по трассе,
Летели стаей облака,
А он играл на контрабасе.

Ходили люди взад, вперед,
Поэт носился на Пегасе,
Потрескался на лужах лед,
А он играл на контрабасе.

Ходил с листовкой коммунист,
Открылись двери на Парнасе,
И падал с дуба желтый лист,
А он играл на контрабасе.

Маньяк сидел в глухом лесу
И вой собаки был ужасен,
На шубу резали лису,
А он играл на контрабасе.

Взрывался дом, пылал пожар,
Кончались все боеприпасы,
Противник наносил удар,
А он играл на контрабасе.

Земля горела, падал мир,
И вопль страха был безгласен,
А он в объятьях милых лир
Так и играл на контрабасе.

* * *

Сошлись в поединке жрецы вдохновенья,
Был каждый пиитом из них наречен;
Там опыт сражался с наивным волненьем,
На троне судьи восседал Аполлон.

Вот мечет и мечет пиит седовласый,
Как стрелы пернатые рифмы в юнца,
Сильнее, сильнее стегает Пегаса,
Гекзаметром хочет сломить молодца.

А юный, огнем, как щитом, укрываясь,
Из сердца горящего ямб достает,
Все выше и выше по склону взбираясь,
Глаголом пылающим всадника бьет.

Хоть опытен старец в подобных сраженьях,
Но пламя юнца он не мог укротить
И вынужден был, становясь на колени
Признать его силу и вольную прыть.

Тогда Аполлон встал с судейского трона
И молвил юнцу: «Ты достоин пера,
Но знай, на ступенях парнасского склона
Он мастер, а ты кандидат в мастера».

* * *

В тумане утреннем виднеется Колхида,
Я вижу паруса летящего Арго,
О, где ты, дочь греха, исчадье Еврипида,
Зачем от мест родных ушла ты далеко?

Что сделали с тобой коварные Эроты,
Не вечен тот огонь в ясоновой груди,
Ты с родиной своей свела коварно счеты,
Эринниям зажгла возмездья фитили.

Шумят величественно слуги Посейдона,
Морская рать за нас решила все давно.
Я вижу вдалеке Медею и Ясона,
И пламенем искрит проклятое руно.

* * *

По ночам без луны и без свечки,
Засыпая под шорох дождя,
Ясно слышу плеск Кондомы - речки.
Как она там сейчас без меня?

Вижу в утреннем белом тумане
По колено в воде рыбака:
Наполняет садок пескарями,
И уду крепко держит рука.

Слышу, близко стучит электричка,
Слышу утренних птиц перелив
И трескучих сверчков перекличку,
И шуршащих деревьев мотив.

Слышу окрик пастуший на стадо,
За рекой где-то стук топора…
Эх, Смирновка, какая досада,
Что не встретиться нам никогда.

* * *

Вьются ленты голубые,
Бескозырки точно вряд,
С гордым видом, боевые
Моряки стеной стоят.

Дует ветер, волны плещут,
Скоро в путь идти опять,
Флаг Андреевский трепещет,
Рвется в море погулять.

Капитан за руль берется,
Вся команда на борту,
Мачта с парусом трясется,
Я за кораблем бегу.

Подождите, не плывите,
С вами я хочу уплыть,
Вы матросом запишите,
Буду морю я служить!

Но меня никто не слышит,
Ветер дует все сильней,
Лишь бежит по гладким крышам
Эхо жалости моей.

Из меня моряк неважный,
Я и плавать не люблю,
Но всю жизнь хотел отважно
Посвятить я кораблю.

Анастасия АНДРЕЙЧУК

Студентка ГУ-ВШЭ

*** * ***

«Я – память о доме твоем»,
Потрепанном страхом и горем;
Я – звучный раскатистый гром
Над русским широким полем.

Я – тихий лесной ручеек,
Бегущий сквозь камни упрямо;
Я – скромный святой образок,
Потерянный в роскоши храма.

Я – чистых небес синева,
Звезда на чадре небосклона…
Я – лишь полевая трава
У богом забытого дома.

* * *

«У смысла жизни вкус поцелуя»,
А смерть дарует за жизнью жизнь;
И вновь тебя душою почуяв,
Я поспешу поцелуй продлить.

И мы будем снова в дождливый вечер,
И в зимнюю стужу, и в летний зной
Сбегать из дома как малые дети,
Чтобы продлить смысл жизни свой.

И через года так наивно и просто
Пройдя до конца свой жизненный путь,
Мы снова придем на Васильевский остров,
Чтоб в новую жизнь с прежним смыслом шагнуть.

* * *

Недопитый коньяк. Недокуренная сигара.
Недобитое время. Недописанная строка…
Я осталась одна в закоулках пустого бульвара
Словно с мертвым младенцем – с разбитой мечтой на руках.

Я забыла о том, что когда-то как птица летала,
Я разбилась о камни гранитно-бетонного сна…
Недопитый коньяк, мы с тобою прекрасная пара!
Так допьем эту жизнь и уйдем, не дожив до утра.

* * *

Ты будешь кричать мне, но я тебя не услышу,
Лишь ветер обрывки фраз разбросает по небу.
Я буду стоять на самом краешке крыши,
Как будто на самом краю бескрайней Вселенной.

Шагну в облака, и звезды окажутся ближе,
Я ангелом стану бродить меж питерских крыш…
Я буду кричать тебе, но ты меня не услышишь,
Я буду любить тебя, но ты меня не простишь.

* * *

Ты сниться мне не будешь никогда,
И звать тебя любимым я не буду…
Меж нами городская суета –
В ней места нет и маленькому чуду.

Здесь небо угнетает пустотой,
В нем бога нет, лишь тусклых звезд сомненье,
И взгляд твой по-небесному пустой
Мне вовсе не приносит вдохновенья.

А знаешь, меня манит высота…
Мечтательница? – нет, самоубийца.
Ты прав, любовь сгорела навсегда,
Ей не дано из пепла возродиться.

* * *

По дешевке на «блошке» душу купила
Для себя, на свою же беду.
Бедолагу Маринка, видать, обронила
В девятьсот сорок первом году.

Покурили с ней вместе, кофе попили,
Признавались друг другу в любви,
И казалось, что кто-то играл нам на лире,
Было так хорошо, черт возьми.

Но душа оказалась свободно-морская,
Теплый ветер позвал ее в путь…
С легким сердцем, Маринка, тебя отпускаю,
Возвращайся ко мне как-нибудь.

* * *

Ты летнее солнце среди октября
В погоду унылую.
Я буду любить, но, увы, не тебя,
Тобой нелюбимая.

Но ты будешь снова бросаться в метро
Ненужными фразами,
Мне будет казаться, любовь – лишь то,
Что тобой недосказано.

Константин АНСИМОВ

Студент ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Напишите шедевр о любви

Напишите шедевр о любви,
О прекрасных возвышенных чувствах.
Холод душу и тело обвил.
Как-то пусто и грустно.

Вы простите за просьбу дерзкую –
У поэтов не просят стихов,
Но в такую погоду мерзкую
Не согреться мне от мехов.

Да вы куйте, а мы погреемся
Возле кузницы слов пылающих.
От мирской суеты провеемся,
И закроем глаза на лающих...

О полезности сердца

Ярко-оранжевое сердце на подносе,
Приправленное перцем и корицей,
Прекрасное лекарство при поносе
Словесном, иль когда не спится.

Попробуйте! я сам, не раз, страдая,
Из тела выковыривал на блюдо
Осколок необузданного рая,
Столь неугодный ангелам и людям.

И, как ни странно, это помогало:
Дарило новые вершины и дороги.
Не видел разницы меж замком и бунгало,
Но знал, что правду носят ноги.

И если заболит горящее огниво –
Не бойся, глубоко вдохни и смейся.
Как кот стерильный, потянись лениво
И, вытащив фунт сердца, грейся.

Надежда БАРАНОВА

Студентка ФКТИ СПб ГЭТУ Императора Александра III

*** * ***

Неужели дожили до весны?
Неужели дожили до тепла?
Все мои февральские сны
Талая вода унесла.

И еще не верится сразу вдруг
И совсем не хочется как-то так:
Ты мне больше вроде бы и не друг
Но еще, наверное, и не враг.

Только небо вечером все светлей,
И асфальт шершавый почти подсох.
Где-то парус радостно заалел,
И на берег выбежала Ассоль.

*** * ***

Не ждешь, не думаешь.… Давно ли?
Четыре года – это срок?
Взаимной умственной неволи,
Четыре года между строк…

Четыре года в полутени,
Но не уляжется никак
Щеголеватое смущенье
На нецелованных щеках.

Шумит скучающее время,
Завязывается в петлю.
Молчи, ведь я тебе не верю!
Молчи, ведь я тебя люблю…

*** * ***

Внезапной чередой линяющих пейзажей
Вдруг осень проросла сквозь августовский жар.
А наш последний день еще совсем не зажил:
Так трудно говорить, так просто уезжать.

Не верится в тепло, в убогую взаимность,
И радио молчит. И ветер поднялся.
И все бы ничего, но что-то изменилось
И мы теперь совсем на разных полюсах.

Забита голова глупейшими вещами,
И хочется себя как книгу пролистать.
До встречи в сентябре. Я тоже не прощаюсь.
Дорога далека, знакома и пуста.

*** * ***

Можно, я буду снова к тебе приезжать?
Раз в несколько месяцев или лет…
Чтобы на белом колючем ковре лежать
Или, обняв колени, на нем сидеть.

Можно, я буду молча смотреть в окно?
Складывать локти на твой компьютерный стол…
Сколько ни делимся – вечно в остатке ноль,
Чистый, сухой и звонкий – совсем пустой.

Мягкие струны, податливые колки,
Но с непривычки пальцы уже болят.
Если попробовать не отнимать руки,
Но отвести чересчур говорящий взгляд?

*** * ***

Подарите мне перстень с гранатами
И простите когда-нибудь:
Мы в бокале изящно-матовом
Потеряли свою судьбу.

Я подарок Ваш сразу померю
И подарок Ваш сразу приму,
Жаль, что Вы мне давно не верите,
Как не верите никому.

Но в глазах тишиной озерною,
Шевельнулся забытый грех.
Эти жаркие камешки-зернышки
Стынут в сумрачном серебре…

* * *

Я очень ценю ваш юмор, любезный рыцарь.
Вспомните, рыцарь: Вагнер, июньский вечер…
Что, если нам пойти и слегка напиться
Чем-нибудь недорогим, но чтоб покрепче?

Нет. Веселее, пожалуй, дождаться снега,
На электричке ночью рвануть на дачу.
Как Вам такой прозаический план побега?
На электричке. Ночью. К чертям собачьим.

Будем топить плиту и жевать тушенку,
Будем острить и долго молчать о главном.
Плюс коньячок какой-нибудь из дешевых:
Времени больше нет. Все идет по плану.

* * *

Товарищ Капитан, зачем вы так печальны?
Товарищ Капитан, зачем вы так бледны?
И ваши корабли скучают величаво
На краешке седой солёной глубины.

Товарищ Капитан, пожалуйста, не плачьте!
Склонилась на плечо хмельная голова.
Опали паруса на белоствольных мачтах
И в зелени луны купается штурвал.

Товарищ Капитан! Среди любого шторма
Есть разница в словах – «менять» и «изменять».
Любовь не предает, она меняет форму
Я верю и молчу. Вы знаете меня.

Юлия БАЧУРИНА

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

«Уродливый»

Где были люди, жизнь, там был и он…
Убийственно любивший человека.
Но жизнь его текла как страшный сон,
Скорее – как кошмар больного века.

Уродливый, голодный зверь,
Пытавшийся найти кусочек ласки,
Бродил по улицам, как неживая тень,
Был скуден и мутнее старой краски.
Порой ребята во дворе,
Те, что обычно там бывают,
Ради забав по утренней поре
Его колючей проволокой обмотают.
В него окурками кидались,
Водою обливали до хвоста.
Понять, как это мерзко, даже не пытались.
Зачем? Ведь совесть их всегда чиста!
Его по улицам шпыняли, били
И прогоняли отовсюду прочь.
Единственное утешенье было –
Безлунная мирская ночь.
Хромающий на обе лапы,
С пятном лишая на спине
Забрел в подъезд и схлопотал от бабы
Тяжелой сумкой, как в кошмарном сне.
«Уродливый, пошел», – она кричала,
А он о ноги стал ее тереться,
И с мордочки слеза упала, –
Теплом и лаской захотел согреться…
Но получил второй удар…
Из тела прыснула кровавая струя,
Глаза наполнились страданьем,
И лишь любовь в горячем сердце зверя
Была единственным напоминанием.
Напоминанием о том, что старый кот
Счастливым был когда-то:
Семья большая и уютный дом,
Но растворилось и исчезло все куда-то.
Остался брошенный на произвол судьбы
Один! В огромном этом мире,
Чтобы прожечь последние часы
И не жалеть о том, что люди сотворили.
Забравшись на холодную бетонку,

Прижался к ней и задрожал,
Тихонько посмотрел в сторонку –
Прохожих взглядом провожал.
Померкло все, и даже полегчало,
И стало как-то хорошо…
Душа, болевшая печалью,
Уплыла навсегда и далеко.
Оставил он свои воспоминанья,
Почувствовал неведомый покой.
Уродлив тот, кто не имеет состраданья,
А тот прекрасен, кто чувствителен душой.

Марина БАХЕНСКАЯ

Студентка Социологического факультета СПб ГУ

Настрой

Завернувшись в капюшон,
Я хочу дождаться лета,
Скинуть этот страшный сон,
От лучей проснуться света.

Я хочу, набравшись силы,
Воплотить всерьез мечту,
И хочу тепла, мой милый...
Слишком много хочу?..

Павел БЕКЛЕШОВ

Студент ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

В предчувствии экзамена

Ах, как же хочется писать стихи,
Но всё ж часы неумолимы –
Секунды стрелка отсчитав сполна,
Приблизит час экзамена она,
Как в полнолуние Луна,
Приблизит к побережию приливы.

Сухое дерево

Ах, как же хочется любви
В пустом, холодном Мире...
Но скажите, почему же она достаётся
Только тем, кто и так
Счастлив и беззаботен?!
Ведь им и так хорошо!
А может, люди боятся
Встречи с чужим одиночеством?
Так и погибают люди –
Одни среди галограммо-подобных сотен.
Но как же оживают,
Цветут и ветвятся
Сухой куст или дерево,
Если их польёт
Дождь живительной влагой!
Как же преображается
От взаимной любви человек,
Выбрасывая грусти
Серые дни
Исписанной бумагой!

Дача

Домик покосившийся на краю села,
Сена стог засушенный, старая коса,
Тучи тёмно серые, гогоча грозой,
Принесли прохладу, в окнах ветра вой.
Дикая ромашка спину гнёт к траве,
Капли реже, чаще клеят пыль к земле.
Крыши почернели, серые в жару,
Град о стены щёлкает, бьётся по стеклу.
Ветер вдоль дороги, поднятый песок,
Сердце бьётся чаще, отдаёт в висок.
Я проник в стихию телом и душой…
Жаль, проходит отпуск – мне пора домой.

Ольга БЕЛИНА

Студентка ГУ-ВШЭ

*** * ***

А знаешь, в Питере дождь –
Холодный такой…. И как будто
Стоишь и кого-то ждешь,
Считая секундоминуты.

Как будто не зонт в руке,
А чье-то забытое имя.
И красный трамвай вдалеке,
Как будто бежит от ливня.
А знаешь, промокла душа,
Как будто она, а не ноги,
Исхаживала не спеша,
Сырые мосты и дороги.

И кажется, вот оно – все –
Напрасны былые надежды.
И, будто слеза, поползет
Дождинка по мокрой одежде.

*** * ***

Прости. Я снова начала курить.
И снова рядом с книгой на окне
Две пачки. Знаешь, нам пора забыть,
Как тихо тикали часы. Весне
Никак не разгуляться: этот май
Как будто неспроста льет серебром.
По сердцу медленно ногтем: «Be mine»
Как с-с-скрежет по стеклу, как дождь и гром.
Твое мне имя в память на года,
Твое лицо и руки, запах, но
Уже не так надолго. Города.
Сюжет забытый, чтобы снять кино.
И в этот год опять не быть весне,
И, кажется, все песенки допеты.
Я оставляю книгу на окне
И сердце поджигаю сигаретой.

Екатерина БЕЛОУСОВА

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

*** * ***

Фонарь у дома... ночь...
Девчонка в эту ночь не спит
А смотрит жадно из окошка
На тот фонарь, что в ночь горит

Ей. Тот фонарик как таблетка
О, как красив он. И болит
На сердце рана, её, наверно,
Себе девчонка не простит.
Дорога рядом и деревья,
И дождь они не позовут
В бокал с шампанским больше тучки
Свои слезинки не прольют.

*** * ***

Мой сладкий, твой вкус
я в сердце ощущаю,
я слышу голос твой родной,
...и часто по тебе скучаю.

Мой ангел, ты со мной,
боль и печаль долой,
все беды прочь,
с тобой светла мне даже ночь

Малыш, я позабочусь о тебе,
И утром, днем и каждый вечер
Молитву буду напевать,
Со мной молиться будут свечи.

Дарья БЕРТОВА

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Моему Любимому

Боль – электрическим разрядом
Насквозь!.. Я ощущаю кожей,
Что ты непостижимо рядом –
Смущённо топчешься в прихожей...
Всё так знакомо: голос, руки,
Твой запах – очертанья счастья;
Твоих шагов родные звуки...
Зачем?! – Исчезли в одночасье...
А ты спешишь – ведь очень поздно,
Ты маме обещал быть дома...
Я жду звонок твой – чуть нервозно,
И сплю порой у телефона...

Проклятье

Лестница – кривится;
Лужам нужен ужин;
Мирозданье снится;
Ужас мной разбужен...
Со ступенек скользких
Спрыгну неуклюже;
Столько мыслей горьких –
Мне спасеньем служат!
Лужи под ногами
Брызгают злорадно,
В мире все врагами
Стали безоглядно!
В жизни всё понятно,
Просто... – на листочках
Смысл её я внятно
Распишу в двух строчках!
Это вот занятье –
Ужас разбудило.
Мне дано проклятье:
Знание и сила!

Без тебя

Чтобы жизнь мне не казалась мёдом –
Перемажу раны густо йодом!
Чтобы кругом шла башка от бед –
Душу туго затяну в корсет!
Парой слов – ты в раз прорвал мне грудь!
Пара слов – и мы с тех пор – не пара!
В тот же час мой изменился путь –
Нестрашна теперь любая кара!

Виктория БОРЩЕВСКАЯ

Член правления СПЛО и СПБ

Антарктические льды

Дряхлеет королева Мод. И солнце жжет. И ветер – строже.
Сезон проходит без остатка. И отпечатки – старый лед.
Материки который год с боков своих сдирают кожу.
И небо медленно в палатки приносит к ужину свой свод.
Заштопанный озон поет, руническую вязь взбивая.
Развешивает солнце сети без сожалений и забот.
А время, может, в свой черед, ругаясь или подвывая,
Подбросит парочку столетий прекрасной королеве Мод.

*** * ***

Безглазые жрицы расскажут о тайнах Вселенной.
И в узенькой лавке отмерит тебе лучшей ткани
Седой продавец, словно выходец древних сказаний.
Исчезнет завистливых домыслов грязная пена.

Как будто опять начинается с первой страницы
Потрепанный наш черновик в канцелярии Бога.
С теплом безмятежности несовместима тревога.
Глядишь, в старый сад возвратится убитая птица.

И ты осознаешь, что, в общем-то, все поправимо.
Посадишь настурцию, розы, вьюнок и космеи.
В моем сенпентарии – только воздушные змеи.
И ты их не бойся, когда проходить будешь мимо,

К ручью за водой, по упругой весенней земле,
Под звездными ветками вычитанной Палестины,
Под северным небом оттенка лесной паутины,
Где солнце всегда отражается в смуглой смоле,

Где в дивной былинке таится спонтанный ответ
На детский вопрос и на светлую просьбу молитвы,
И острое слово не режет подобием бритвы
Крыло мотылька и ночные орбиты планет.

*** * ***

Живет моя зазноба
В высоком терему…
С. Рыскин

…Но я все-таки умираю
пред твоим закрытым окном.
Н. Гумилев

Все твои тверские ставленники,
Да мои лихие вотчинники,
Все кресты, кнуты, да пряники –
Словно ждут своей очереди.

Погубить легко деревце,
Тяжко – по твоей пройти улице…
Хорошо, когда – стерпится…
А как быть, когда – слюбится?..

Не возьмешь с любви пошлины…
Хоть иди, топи ее в проруби…
Высоко мои коршуны,
Далеко твои голуби…

Даже если душу всю вывернуть,
Бросить ее вниз темно-жгучую…
Видно, милость сроду не вымолить.
Снисхождение – дело случая.

* * *

Так тепло в этом мирке – части огромного мира.
Я сижу с ногами в кресле и слушаю музыку,
Где переплетены древние мотивы ветра и голоса трав.
Как легко в этом мирке – части огромной Вселенной.
Кажется, у меня от рождения крылья.

Анна БОХАНОВА

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Ты улыбайся

Ты улыбайся, если больно,
Когда не хочешь больше жить,
Когда на сердце неспокойно,
Когда не можешь не любить.
Ты смотришь в зеркало кривое,
Так улыбайся и ему,
И отражению немому,
Почти как будто своему.
Ты улыбайся, если слёзы,
Ни в чём другого не виня,
Когда в руках ты держишь розы,
Шипы вонзившие в тебя.
Ты улыбайся, если слышишь,
Не то, что ждёшь уже давно,
И если «всё отлично» пишешь,
Когда другому всё равно.
Когда не знаешь, что случилось,
Когда всю ночь совсем не спишь,
Когда, наверно, не сложилось,
И ты, поняв, опять простишь…
Так улыбайся и тогда...
Боятся пусть твоей улыбки,
Но сходят вновь по ней с ума,
Свершив ошибку за ошибкой...
А ты иди вперёд, но зная,
Немного больше, чем другой:
Не совершенство привлекает,
А блеск в глазах души такой.

Из грустных нот

Она улыбалась тогда в первый раз,
Сжимая в руках три мимозы,
Три желтых мимозы под цвет её глаз,
Прозрачно-стеклянных, как слезы.
Но каплей несчастья по бледной щеке
Скатилось души отраженье,
На линии тонкой – на левой руке
Теперь все её униженья.
Душа танцевала последний свой вальс
На голом асфальте с камнями,
А ей так хотелось, ну хоть ещё раз,
К цветам прикоснуться губами.
Быть понятым сложно, легко не понять
Всю важность расколотых фраз.
Остались на мокрой земле умирать
Три желтых мимозы под цвет её глаз.

Ксения БУРЖСКАЯ

Выпускница ГФ СПб ГЭТУ Императора Александра III

495-812

Я любила тебя.
Против ветра плелись поезда.
Уезжать не такое уж дело.
Остаться – дороже.
В темноте продираясь
На ощупь расширенных глаз,
Я тебя рисовала на баннере
Собственной кожи.
Я ждала тебя:
Не было смысла и не было лжи.
Кто-то здесь рисковал
Из желания мне помочь.
Приходи посмотреть мне в лицо
И в глаза положи
Впечатлений на долгую память
И длинную ночь.

Уезжать от тебя.
Обессилено вою в просветы.
Разрывает мне грудь пустотой
Межвагонный домкрат.
И стоп-кран, опираясь на стенку
Стволом пистолета,
Сообщит мне под утро,
Что прибыли в Ленинград.

Февраль, 27

Она еще не была никем.
Шкафы ловили ее углами.
Ласкали тысячами свечей
Дневные лампы. А я шарфами

Лечила шейные позвонки.
Они трещали от взгляда
В спину. Мой новый ангел
Уже трубил. И снег неглаженным
Палантином

Толкал декабрь на эшафот.
К концу дымилось и трубы пели.
А у меня все наоборот: танцуют
Яркие акварели

Ее глаза – ярче всех витрин
Ласкали тысячи лиц иных.
Она уже оказалась всем.
А я – ничем. И удар под дых –

Зиме назло я учу слова,
И молчу о ней. А пришить бы так
Немного неба на два стежка –
К пологой крыше ее зонта.

Фуфайки. net

Ужасно холодно в синих шортах.
Рубашка в три четверти –
Уже не греет. Хожу углами
И поворотами. Так предсказуемо:
Ты не приедешь.

Ужасно мутно в глазах от соли.
Платки бумажные на оригами
Давно растрачены. Окно консоли
Раскрыто настежь. Торчит в пижаме

Мой беспорядок. Мой модный дайджест.
И понедельник уже на связи, уже в фаворе.
Уже по-майски звенят трамваи
Ревнивым лязгом.

Ужасно холодно. Пальцы ноют
От долгих лет неприкосновений
Ты не приедешь. Кричу и плачу.
До дрожи вязкое ощущение –

Быть далеко. И не знать до мили
Твое пространство. Дрожать от боли.
Бинтом словарным почти стерильным
Себя укутывать бесконтрольно.

Ты не приедешь. Уже вечереет.
А я так жила этим...Вот, оплошность.
Рубашка в три четверти –

Уже не греет.
И очень холодно в синих шортах.

Лукопопс

В этом году никакой весны
Утро. Темно. За границей
Лоджии - снежно.
В эту ночь мне приснилась
Ты. И шарф небрежно розовый –
Тот же. И невыносимая нежность,
Ошпаренная кипятком черного
Чая. Чтобы горькое горче
Жгло. На уровне горла –
Чтобы молчать. Я скучаю
Мне так повезло: с тобой
Прочла по ладоням рук
Расстояния иногородние.
Вчера в салат кольцевала лук,
А плачу – сегодня

Ах, доктор, оставьте

Ты не знаешь, какая ты мне.
А меня расстреляло солнце,
Нанизало лучами - всю: поперек и вдоль
Проспектов, каналов, акации
И герани. Промываю раны настойками
Ты не знаешь, какая ты мне.
А меня утопило в воздухе,
Кислородными масками ветер южный
Опалил ресницы. Перекидываю шарф на грудь
Бинтом, как рюшечками. И после
Снотворного уже ни черта не снится.

Ты не знаешь, какая ты мне.
А меня оглушило криком, обе раковины
напролом из фарфора неместного.
И я тоже кричу – так тихо,
Как только возможно, потому что
знаю: тебе это не интересно.

Шаррики за роллики

Время течет соевым соусом,
Мелкой моторикой китайских палочек.
Крупная вязь допустимого почерка
Ставит у каждого часа по галочке.
Полым сосудом город сжимается
Плещется осень фонтаном, раскрасками,
Суши в коробочках, жестами точными,
Старой моралью в изысканной сказке.
Новая пара кроссовок натерла
Узорчато пятки наждачной кистью;
А мне бы вклеить в страницы книжные
Тобою исписанный кленовый лист.

Без слова люблю

Мне кажется еще три шага –
И я стану ей нужной.
Еще толика фраз беспричинных,
Наотмашь по взгляду.

Не набиваясь в наследники.
Ни в любовницы, ни в подружки –
Только в курьеры слов,
Чтоб остаться рядом.

Плечом к плечу не дышать
От изгиба шеи. Молчать обреченно:
Я так тебя бесконечно... мало для
Общего. Мало для разноречий.
Прости меня, лучшая, я выхожу
На конечной. А мне бы к тебе.

А мне бы к тебе. Заварить тебе чай.
Перемыть всю посуду. Рассказать тебе
Кучу всего из разряда: не спится? А вот еще тоже,
Я помню, забавный случай... И смотреть
В отраженье стекла сквозь твои ресницы.

Сегодня мне было как-то особенно плохо.
И я позвонила и произнесла ее имя.
И по слогам его долго еще делила
На буквы и черточки. Сердце отчаянно стыло
Под натиском валидола: воздуха не хватало.
Прости меня, Бог мой, что я тебя так
Бесконечно... долго. И что я – не та.

Мария ВАСЕЦКАЯ

Студентка исторического факультета СПб ГУ

* * *

снег весной
а потому
нелепо
надежды тают как снежинки на моем пальто
на мне – коричневая шкура из надежды
и тоненькая кофточка из лжи
из скуки – бусы
ветер в волосах
лучи от солнца – блики глаза

сиянье дорогих брильянтов – обещания
что дали мне когда-то те, что сердце унесли,
а кольца и браслеты, и ремни – куски сердец тех,
кому я не досталась
... и шпильки – когти
как защита от ненужной любви
химической реакции в крови

* * *

старость – мудрость души,
не бойтесь стареть,
бойтесь жить вечно.

Ольга ВЕРХОЛАНЦЕВА

Студентка ГФ СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

Ну, здравствуй, Грусть!
Ты снова в гости?
Что ж, заходи, друг дорогой!
А мы с Судьбой играем в кости.
Ты будешь? Нет? Ну, Бог с тобой!
Что говоришь? Кто побеждает?
Судьба, конечно, кто ж еще?
Нам с ней судиться разрешают,
Но выиграть смертным не дано.
Ну что ж, Судьба! Мы засиделись.
Прости – прощай. Пора домой.
Давай! До следующей недели!
А ты, Грусть, следуй-ка за мной.

* * *

На черной стене, как смоль,
Я белою, снежной краской
Пишу, утоляя боль,
Веселые, глупые сказки.
О счастье безоблачном для
Великих людей и людишек,
О прозе на злобу дня,
О жизни безликих книжек.

Пишу я о свете и тьме,
О разном и о похожем,
Пишу о своей стране
Для мимо бегущих прохожих.
Во многом себя узнаю:
В колосьях, в ростках пшеницы,
И чувствую, что пою,
Что в этом должна родиться.
Так много бессонных дней,
Так много ночей престранных
Прошло уже в жизни моей,
Отчаянно безымянной.
На черной стене, как смоль,
Я белою, снежной краской,
Пишу, разбавляя боль,
Смешные и грустные сказки.

Екатерина ДЕДУХ

Студентка художественного училища им. Н. К. Рериха

Реставрация

Зашиваю мысль в подкладку пальто
И штопаю чье-то потертое счастье.
У нас в реставрации это легко –
Что счастье, что мысли, что старое платье.

У нас в реставрации сорванных дней –
Да-да, дни цветами растут у обочин –
За час побывает полсотни людей
Одни нам приятны, другие – не очень.

Беремся чинить полетевший покой,
Мечту обновим, подлатаем надежду,
И кто-то постиранный жизненный строй
Наденет как чистую снова одежду.

Прощание с печалью

В уходящем поезде уезжает печаль.
Признаться, с ней трудно бывает расстаться.
Она уезжает, расстроившись. Жаль,
Но вечно нельзя с этой дамой общаться.

В уходящем поезде уезжает печаль –
Престранная особа, надо признаться:
С ней бывает расстаться чуточку жаль,
Но надолго с ней лучше не оставаться!..

Екатерина ДИМИТРОВА

Студентка экономического факультета СПб ГУ

Грустное, рваное как осеннее облако

Как капли капели,
Как дождь,
И как слезы,
Роняю стихи на бумагу.
Тебе я не верю,
                    не жду,
Не люблю, не приду.
И все отношения – ложь:
Себе самому
                ты не веришь!
Не любишь,
не ждешь,
не придешь…

«Ночная гостья»

Я – твоя ночная гостья,
Прихожу – ты гасишь свет.
Ни обиды нет, ни злости,
Но и счастья тоже нет.

Ты несешь мне полотенце,
В душ и «в койку раз, два, три»
Поселилась кошка в сердце
И скребется изнутри.

Не поймешь, чем недовольна?
Вместе мы едим и спим,
Только делаешь мне больно
Невниманием своим.

Я боюсь – тебя я брошу –
В ночь однажды не приду,
И кого-то помоложе,
Поотзывчивей найду!

Ольга ДЬЯКОВА

Студентка ФПБЭИ СПб ГЭТУ Императора Александра III

*** * * ***

Теперь я больше не твоя –
Не потому, что так желаю,
А потому, что для себя
Решил ты: я теперь чужая.

Перелистаю календарь,
Обрывки дней врезая в память.
Не за окном – в душе февраль.
Не под ногами – в мыслях слякоть.

*** * * ***

От меня не ждите куплетов,
И моей не ищите любви.
Родилась я в начале лета –
Тогда жаркими были дни.

Солнцем северным я согрета.
И умыта невским дождем.
Во мне бьется душа поэта,
А сердце пылает огнем.

Напишу сама о вас строки,
И любви подарю вам сполна.
Только если вы одиноки,
И если я одна.

Николай ЗАРУЦКИЙ

Студент Военмеха

Классические японские пятистрочия:

1.

Сухая ветка сакуры
Стучит мне в окно.
Но больше всего
Вечером я люблю
Саке.

2.

Даже ночью
На берегу реки
Мне нет покоя.
Ветер в камышах
Шепчет твое имя.

Татьяна ЗАХАРЧЕНКО

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

*** * ***

Вновь предательски смолк телефон,
Оборвав полуфразу дыханья.
Я бросаю бумагу в огонь,
Пусть сгорит то, что было стихами.

Пусть сгорит до предела, дотла
Все, что было со мной в этот вечер.
Я, наверно, опять неправа,
Но рассудят лишь Время – и Вечность.

Вновь отчаянно бьется в виске
Незаметная, тонкая жилка.
Мне так много хотелось успеть,
И так много – увы! – не сложилось.

Мне отчаянно больно дышать –
Против воли сжимается горло.
На костре – еретичка-душа
Умирает и плачет от боли…

Мне сегодня не хочется слов,
Я устала от строчек, от песен…
Я сжигаю сто тысяч листов –
И сгораю сама, если честно…

Вновь предательски смолк телефон:
Пульс гудков затихает, смолкает...
Я бросаю бумагу в огонь –
И сама постепенно сгораю…

* * *
Я лишь взгляд сквозь окно трамвая,
Только стая затихших слов.
Я не я. Я теперь иная,
Фея чьих-то надежд и снов.

Я всего только вспышка света,
Смех, звенящий в вечерней мгле.
Я не я. Только знать об этом
Вам не нужно, поверьте мне.

Я лишь тень на залитых солнцем
Стенах старых, чужих дворцов.
Я – Надежда, что не вернется,
Незнакомка и Нелюбовь.

Я пройду, вас задев улыбкой,
Вам подножку подставит смех,
Смех мой звонкий, холодный, тихий,
Лишь для избранных, не для всех.

Только взгляд сквозь стекло на память,
Лишь обрывок одной из фраз…
Снова встретив, я не узнаю,
Никогда не узнаю вас.

Я лишь девушка в черном платье,
Наваждение – да и только!..
Это дар и мое проклятье
Быть Мечтою и Незнакомкой.

* * *

Напои меня ветром с ладоней,
Обещай мне воздушные замки…
Я хочу этот вечер запомнить
Или, может, впитать без остатка…

Говори, не молчи, говори же!
О надеждах, о снах, о приметах…
Обещай мне быть чуточку ближе!-
Или, может, не стоит об этом?..

Посмотри! На краю горизонта
Полыхает закатное солнце…
И навзрыд, до разрыва аорты,
Не пульсирует сердце, а рвется…

Напои меня ветром соленым,
Говори, обещай, не молчи же!
Протяни мне навстречу ладони –
Чтобы быть хоть немного, но ближе…

* * *

Бьется сердце на пределе, на разрыв,
Тонкой веной между небом и землей….
Бьются пальцы то о струны, то о гриф,
Льются ноты – капли крови по одной.

С тихим стуком бьются мысли о виски,
С тихим стоном в дом вползает Пустота…
Мои песни – безупречны и резки,
Словно ветер вырывается из рта…

Бьют часы, наверно, полночь за окном,
Бьется сердце, льются песни через край.
Все пройдет, и это тоже, но потом.
Сердце бьется. Ну и что? Пока – пускай.

* * *

От черта до Бога,
От альфы – к омеге,
На юг от востока –
Навеки, навеки!

От вздоха до крика,
От пули до сердца –
От маски до лика,
От жизни до смерти…

От края до края,
От утра к закату
Путем, что не знаю,
Добраться куда-то.

От близких – к далеким,
К истокам от устья…
Осталось немного –
От смеха до грусти.

От первого акта
До грома оваций
Недолго осталось
Мне ждать и скитаться…

* * *

Руки тянутся через Время,
Через вьюгу и стук колес,
Над водою гранитно-серой,
Там, где зарево разлилось…

Руки тянутся сквозь рассветы,
Сквозь туманы и сквозь ветра…
Руки тянутся, чтобы где-то
Вдруг сомкнуться.… Да будет так.

Руки тянутся… Руки, руки…
Пусть пронзают они насквозь!
Все туманы, ветра и вьюгу,
Крики чаек и стук колес…

Руки тянутся через Вечность,
Невозможность и Небытие…
Чтоб однажды им лечь на плечи:
Мои руки – плечо твое…

Ушные раковины Бога

Сверни с проезжей части в полу-
слепой проулок и, войдя
в костёл, пустой об эту пору,
сядь на скамью и, погодя,
в ушную раковину Бога,
закрытую для шума дня,
шепни всего четыре слога:
– Прости меня.
Иосиф Бродский «Dominikanaj»

Ушные раковины Бога,
Где ты нашел их, покажи?
Я повторю твою дорогу
Тропой израненной души!

Я тоже встану на колени,
Свернув с привычной колеи.
И тоже, тоже на мгновенье
К ним обращу слова свои!

Я тоже прошепчу с надеждой
Четыре слога, слова два,
Мне стоило сказать их прежде:
Прости меня, прости меня!

Но покажи же мне дорогу
К Всевышнему, седому Богу,
Одним касанием руки
Направь, прикрой, обереги+

Feminidad

Мы сотканы из ветра в волосах,
Нетерпеливо-ищущего взгляда,
Чтобы неважно где, когда и как,
Но вы мечтали оказаться рядом.

Мы родились из пены древних тайн,
Холодные, прекрасные Венеры,
И каждой при рождении был дан
Жестокий дар: все знать, любить и верить.

Мы сотканы из летнего дождя,
Из сотен бессловесных обещаний,
Наш общий бог – Любовь и Красота,
Они ведут нас и идут за нами.

Мы сплетены из ворожбы и трав,
Из серого, довлеющего неба.
И каждый, кто согласен с нами, – прав,
И все, кто нас не понял, просто слепы.

Олег ИЛЬИН

Поэт, литератор, выпускник РГПУ

*** * ***

Я заблудился в Эрмитаже
Среди скульптур.
Наверно, это все не важно.
Но Помпадур

Мне премерещилась сквозь стены.
Сквозь полумрак.
Улыбка крокодила Гены.
Плюс Шапокляк.

И Красных Шапочек девичник.
И пустота.
Чапаев косточками вишни
Плевал с моста.

Стояли рядом пулеметы
Сурово так.
И с маузером нетрезвый кто-то
Плясал гопак.

Я заблудился в Эрмитаже
Среди картин.
С уведомленьем о пропаже.
Олег Ильин.

* * *

Фамилия Чичиков – мистическая.
Вслух говори ее периодически,
И сам вдруг поймешь, что мертвыми душами
Заведовать мог только он. Слушай:

Чичиков… Чи. Чи. Коф………

Сотрется пускай
Изумление с личика.
У автора этого,
Николая Гоголя
Черт ногу сломит.

Брички оглобля
Уперта в землю.
Кони выпряжены
Ходят около.

Мир Гоголя – морок.
Потемок босхость.
С гречневой кашей
Бараний бок.

* * *

Вот ледоход – нагроможденье
Глыб льда.
Везде сумбурное движенье.
Вода, вода.

Свисясь с моста
Побалансируй –
Льды под тобой.

Гордись крадущейся красиво
Водой, водой.

Прильется кровь зачем-то в бошку.
Халды-балды.
Черпни ладонями немножко
Воды, воды.

* * *

Краск пёстрь,
Блёстк блеск.
Дерзк Дрозд –
Вдрызг пьян.

Глюк блёк…
Глаз мерк…
Мозг тух…
(Дрозд – клерк)

Дрозд шлеп -
Под стол.
Клюв – тук
Об пол.

Дрозд мертв?
Нет – спит.

Звон в дверь.
Дрозд: «Шеф!!!»

Шеф: «В банк!!!».
Дрозд: «Нет!!!»
Шеф: «Что?!
Ты – тварь!!!»

Дрозд: «Пьян
Я в хмарь».

Шеф – вон.
Дрозд – тук.
Кто бух,
Тот – лох.

* * *

Печальны сказки братьев Гримм,
Хоть я их не читал.

Печально в небе херувим
Крылами помахал.

Печальна боль, печальна смерть,
Печальна жизни хмарь.

Печально бродит, глядя вдаль,
Какой-то пономарь.

Харибд печален страшный лик.
И Сцилл стальной оскал.

Печален чаек резкий крик
Под сенью мертвых скал.

Печален Вечности удел
Везде быть и всегда.

Печален тот, кто вдруг прозрел
И не узнал тебя.

Ксении Баталовой

Филологически волнуемое море.
Усталый челн в кромешной темноте.
С горящим факелом Баталова в руке.

На веслах Jura[1], Саша – Уруля[2].
Такое ощущенье, что Земля
Должна быть где-то рядом.

В Божьей воле судьба Баталовой,
А также остальных.

Ни зги не видно. В море Ильиных
Со дна горят бесчисленные лики.

Луны серебряной мерцающие блики.
И теплый ветер как обычно налегке.
С горящим факелом Баталова в руке…

---

[1] Jura (литовск.) – море. Юра (русск.) – мужское имя. Юра Королёв (питерск.) – замечательный петербургский поэт

[2] Уруля – за рулем

Наталья КАТРЕЧКО

Аспирант СПб ГУЭФ

* * *

Небо – расчерчено в полосы,
Багрово-вишневый закат.
В солнце – запутались волосы.
Ветки – весною горят.

* * *

Сердце рвется из груди,
Мчится вдаль потоком громким –
Разбивает коды-двери
Открывает душу – небу,

И в одном движенье рядом,
Меж Луной и Солнцем стоя,
На руках – две чаши – звезды,
На плечах планеты плачут.

Рвутся струны-стрелы-ноты,
В сердце метят снова точно,
С новой силой день мой мчится
В колеснице с солнцем вместе.

Юлия КИРИЕНКО

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Жанр

Жанровое сердце... Напоказ.
Жанр, изъятый прямо из души,
Спрячется от серых ждущих глаз
В дебрях человеческой глуши.

Жанровые слёзы... Всё наружу:
И слова, и ноты... в сотый раз.
Клятвы, сердцу данной, не нарушу,
Собирая сны с осколков ваз.

Жанровые сны – лишь дань природе.
Чёрно-белые, цветные... только сны.
Мы с тобой жестоки не от Бога,
А от неисполненной мечты.

Мы с тобой... да только мы не вместе –
Жанр, избитый нами до конца,
Жанр, который больше, чем та песня,
Что звучит у милого крыльца.

Жанр, покрытый пылью, даже кровью,
Так знакомый сердцу твоему,
Жанр, что называется Любовью,
Я в темнице сердца схороню.

Разговор (слушайте сердце иногда)

– Замолкни, сердце! Сколько можно
В его глазах любовь искать?!
Замолкни, сердце! Сколько можно
О тихих вечерах мечтать?!

Ну, перестань! Ну, ты же знаешь,
Что всё проходит... и любовь.
– Ты ничего не понимаешь,…
Любовь в тебе качает кровь!..
– Не надо глупостей! Не надо!
Ну, сердце, милое, ты знай,
Что люди разные бывают,
Что не придёт второй февраль.

Сердечко милое, ты слышишь?
– Я слышу, слышу... продолжай...
– Я не люблю отныне. Знаешь,…
Ты, всё, что было забывай.

– Сердечко, нежное, ты слышишь?
Сердечко, сердце... просто знай…
Ну что же ты так тяжко дышишь?!..
– Устало, милая... прощай...

Марина КОНСТАНТИНОВА

Студентка факультета политологии ГУ-ВШЭ

Помни

(перевод песни Remember исполняет Josh Groban)

Помни о том, что я буду с тобой.
Так долго, на сколько ты сможешь
Держать в своей памяти образ родной,
Ты помни, и жить мне поможешь.
Когда всем мечтаньям наступит конец,
И время превысит все грани,
Ты помни, взглянув на небесный венец,
Там вечер и я догорают.
Звездой одинокой тебя я согрел –
Звездою хранящей сияю.
Я в свет предрассветный упал и сгорел,
И в сонном восходе я таю.
Ты помни о том, что я буду с тобой,
Когда обо мне ты расскажешь.
А всё, что я сделал, прибудет со мной.
Ты в памяти мне не откажешь.
Я – голос, согревший в холодных ветрах,
Тот шёпот, который ты слышишь,
Я – зов, что стрелой пересёк небеса,
Я жив, но пока мной ты дышишь.
И рядом я буду, покуда смогу
С тобой быть, к тебе прикасаться.
Пока я с тобою, я не умру,
Я буду терпеть и держаться.
И если меня ты лишь вспомнишь порой,
Ты знай, я тебя не покину.
И помни и о том, что я буду с тобой.
Лишь помни, тогда я не сгину.
Когда всем мечтаньям наступит конец,
И время закрутится в млечность,
Когда ты носить будешь звёздный венец,
Я в памяти жить буду вечно.

На события в Южной Осетии.

Не слышен голос птиц,
Не виден блеск цветов,
Лишь ужас бледных лиц
И гибель городов.
Ты – изверг, человек,
Разумным назвался!
Но взял ты тяжкий грех,
Повсюду смерть неся.
Нельзя даже сказать,
Что ты, как лютый зверь.
Не может зверь терзать
Таких, как сам, поверь!

Когда идут на бой простые пареньки,
Их матери плетут прощальные венки.

Та грязь, что жжёт мосты,
Останется с тобой,
Когда-нибудь и ты
Закончишь путь земной.
И поздно будет лгать,
Бумажками трясти.
И в пламени сгорать
Ты будешь. И «прости»
Не скажешь. Слишком горд.
И будешь снова лгать,
И сотни страшных морд
Тебя там будут жрать.
Мы не разумны, нет,
Пока мы боль творим.
Хотим мы долгих лет,
Мы радости хотим!
И думать о других,
Никто сейчас не стал.
И забываешь вмиг
Всё то, о чём мечтал.
И будет враг крушить
И убивать народ.
Спокойно будет жить
Жестокий, злой урод.

И будет много их…
И тут померкнет свет…
Когда убьют своих,
Взяв в руки пистолет.
И слёзы матерей
Не тронут их сердца.
Они ждут ярких дней,
Победного конца.

И что теперь дороже?
Качается ладья.
Ну что ж, храни их, Боже.
И Ты же им Судья!

(09.08.08)

Александр КОРОЛЕВ

Выпускник РГПУ

На сборник «Четверг. Вечер» выпуск № 3 «Линия отрыва»

Ничего, что смысла нету,
Мы рифмуем всем назло…
Пишут лысые поэты
Про лохматое фуфло.

Ничего, что образ скверный,
Но зато певец речист.
Все понятно, он, наверно,
Ироничный модернист.

Я слова не выбираю,
Напишу и Бог издаст.
Не получится – сыграю.
Где мой старый контрабас?

Что Вам кодекс уголовный
Если сил невпроворот
И влечет восторг любовный
На соседский огород.

Совесть – бренные останки.
Поиск, творческая страсть!
Но малину у гражданки,
Может быть, не стоит красть?

Впрочем, грамотное чтиво.
В сборе творческая рать.
Есть и линия отрыва,
Можно что-то оторвать.

Алексей КОРОЛЕВ

Преподаватель каф. ИМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Читая А.Ф. Лосева

«Свято верь в ее крест побеждающий,
В ее свет, лучезарно спасающий
Мир, погрязший в грязи и крови»
(С. Я. Надсон)

Я не верю в посмертье, ни в то, что посмертия нет,
Басням бедного Тита Лукреция Кара не верю,
Как не верую в разум, не верю, что разума нет,
И в первичность материй безмозглых и вовсе не верю.

Верю только в любовь – «лучезарно-спасающий свет» –
И в его несовместность с какой-либо чувственной жаждой,
Верю в тождество веры и мысли, в ее вечно Новый Завет,
Вечно свежий и юный, с тех пор, как Он явлен однажды.

Серый волк

Я бежал, я как будто летел по дорожной пыли
Мимо терпких крушин и лиловых цветков Иван-чая
И соседские псы поравняться со мной не могли.
Я все таял и таял, все выше цветы замечая.

Уменьшаясь в размерах, я мчался быстрей и быстрей,
И протяжное время, гудя, подо мной прогибалось,
И ловил меня черным силком долго гиперборей,
И к воздушным рукам моим тихо подкралась усталость.

Я замедлил движенье и время, качнувшись назад,
Завертелось опять, я увидел резные палаты,
Древнекняжеский терем, орешник и яблочный сад,
И колодезь, и ковш, тот, что я уже видел когда-то.

Мне хотелось напиться скорей и не взять было в толк:
То ли ковш серебрен…, но воды и пьянее и чище
Я не пил никогда, и откуда-то взялся вдруг волк,
Отраженьем глядит из воды, здоровенный волчище.

Как легко превращаться, а я то ведь думал: обман –
Наши старые песни тотемной и преданной дружбы!
На крыльцо тихо вышел застенчивый княжич Иван,
Накормил меня, обнял и препоручил мне три службы.

Раздобыли мы все, я еще обращался не раз,
И конем златогривым я был, мы ловили Жар-птицу,
И когда он поведал мне свой задушевный наказ,
Я привез от Далмата-царя на спине Царь-девицу.

Мы простились так нежно, в мой хвост она ленту вплела.
Я опять побежал, ускоряясь, быстрей, чем комета
Мимо синих лесов, и хвостом, как по глади стекла,
Заметая озера, почти что со скоростью света.

Я опять сокращался до точки, потом тормозил
И вернувшись обратно и, облик приняв человечий,
Я прошел через сад и поднялся вдоль белых перил,
И присел средь родных, упиваясь течением речи.

И с тех пор я вполне убежден: наши предки могли
Обращаться, был опыт, тому доказательством – лента,
Что привез на хвосте я из Киевской Русской Земли
И теперь демонстрирую еженедельно студентам.

Царевна-лягушка

По мраморным плитам спускался я в сад,
На поясе – медная кружка.
Раздвинул смородинный куст наугад –
Там скачет царевна-лягушка.

И за полночь снова увидел ее
В наряде из шелка и стали.
Блестел под луной ее шлем-острие
И узкие очи блистали.

О, кто вы, посланница древних могол,
В дрожании призраков сада?
Какой архетип на меня вас навел
И что вам под ветлами надо?

Она задержалась под сетью густой
От яблонь и молвила странно:
– Сюда я из крымской орды кочевой,
Я пра-пра-пра-дочь Гирий-хана.

Но я здесь одна, помоги мне, чернец,
И глядя так грустно, неспешно
Спросила: «Ты будешь мой крестный отец?»
Я тихо ответил: «Конечно».

*** * ***

Какое блаженство спускаться по сонной дороге,
Застывшие сосны встречать на нетрудной горе,
И, будто колеса, за день натруженные ноги
Несут меня сами по этой неслышной поре.

Так после дождя вдоль дорог растекаются лужи,
Наивно улитки глядят, как на юге точь-в-точь.
Мне помнится ужас больничной зурабовской стужи
Сегодня, в сырую и облачно-теплую ночь.

12 августа 2008

«И силой разума и права –
Всечеловеческих начал –
Воздвиглась Запада держава
И миру Рим единство дал…

И слово вещее – не ложно,
И свет с Востока засиял,
И то, что было невозможно,
Он возвестил и обещал.»
(В. С. Соловьев. Ex oriente lux).

И белые воронки ипомеи,
Что ельник и осины оплели,
И белые соцветия спиреи,
И лилии, почти, что до земли,

И белая луна за облаками,
И водяные лилии в пруду,
И белые гвоздики под руками,
И белые капустницы в саду –

Все говорит, что снова ты – Россия
Очнулась от болезненного сна
И стала, повзрослев, еще красивей,
Чем наша дофевральская страна.

Больная, ты невольно предавала
То сербов, то аланов, то армян,
Но пробил час, и ты как прежде стала,
Отбросив двоеверье и обман.

Хранительница вещей благодати,
Надежный щит народам многих стран.
От света лучезарной Божьей рати
Бежит на Запад пошлый басурман.

И снова ты – Великая Держава,
Заступница родных тебе племен.
Во все концы горит-сияет слава
Евроазийских царственных знамен.

Мне в первый раз не стыдно, что я русский,
За несколько десятков тёмных лет…

* * *

И снова ночь над Сербией моей
И Даничи[2] опять в дыму пожаров.
Пресветлый Лазарь ищет средь полей
Растерзанные трупы дочерей
И Радован[3] в когтях у янычаров.

И точно отсвет Косовской войны,
Почти не веря призрачной надежде,
Одним и тем же злом потрясены,
Осетии бесстрашные сыны
За Сербию сражаются[4], как прежде.

Юрий КОРОЛЁВ

Студент ФКТИ СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

Нарисуй мне рисунок воздушной, размытой пастелью,
Как свернулась и спит у села крепостная дорога,
И как север её укрывает холодной метелью,
Или может уют и постель в комнатушке Ван Гога…
Можешь граффити просто оставить на стенке в контакте,
Как сиятельный лев толстопузый пьет медленно пиво «Обломов»,
Граф Толстой никогда не мечтал о подобном абстракте,
Впрочем, я не уверен, мы не были тесно знакомы.
Нарисуй в экспрессивной манере абсурдного Марка Шагала,
Или в стиле безумных видений маркиза Дали,
Будто девочка Элли по желтой дороге шагала,
Унесённая ветром, в чужой, неизвестной дали.
Нарисуй старый парк, Alexandre, последняя осень…
Нарисуй мне, Принцесса в студенческой башне под номером 8…

---

[2] Селение в бывшей Югославии

[3] Радован Караджич – первый президент Республики Сербской, спасший народ Сербской Крайны от полного уничтожения. Ученый, врач, поэт-философ, трогательный детский писатель. Национальный герой сербского народа во всех частях, на которые расчленена Сербия. Находится в руках гаагского трибунала.

[4] Многие добровольцы из Южной Осетии сражались вместе с Сербией за общие идеалы. Наиболее известен среди них – Альберт Андиев.

* * *

Закончилась бутылка «Алазани»,
Мне хочется забыться и уснуть,
Покинув тело, вырваться за грани,
Мне кажется, что вот еще чуть-чуть…
А водка будет стоить 3 юаня!
Такая глупая народная молва…
(Мне рассказали комуняки в бане)
И верится, что вот едва-едва…
Но месяц отражает свет исправно,
И мысли превращаются в слова,
Мы незаметно станем все бесправны,
Мне снится, что еще едва-едва...
Я парюсь над законом сходства фазы,
У двух людей, неуловима суть…
Но мысли о тебе заполонили разум,
Я понимаю, что еще совсем чуть-чуть…

* * *

Я дождусь на Торжковской трамвая,
И с кондуктором наедине,
Я замечу: опять мостовая
Сквозь асфальт прорастает извне...

Я открою вино зубной щёткой
На помпезной скамейке близ «Мухи»,
На нечёткой старинной пролётке
Проскользят петербургские духи.

На бумаге оставлю царапины
От заразной иглы карандашика,
Окунусь с головою в окраины
Металлистов и улицы Гашика.

Там, в предвкушение драки,
На меня злобно смотрят плебеи.
Постричься быть может в монахи?
Или хотя бы в евреи…

* * *

Может мне никогда не жениться,
Может жить без семейных забот,
Может стать как великий Гоголь –
Как первый российский гот?

И звездной ночью очищая небосвод,
Я добавлял бы в млечный путь чернил,
И вспомнив бородатый анекдот,
На столбе сидел бы и… шалил.

Я Лету перешел бы в брод!
(Харона бы обескураживши)
Я даже знаю свой исход –
Меня похоронили б заживо.

* * *

Этот город задуман Петром по линейке и транспортиру…
Голоса и огни перегруженных транспортом линий,
Заползая сквозь треснувший череп в пустую квартиру,
Возвещают, что время Потопа наступает неумолимо.

Этот город гниет от живых, что духовно мертвы,
Я чувствую его неровное дыхание.
Но Петербург откроет вену на руке Невы,
И скоро сделает себе кровопускание.

А в замкнутом строе растет по часам энтропия.
К анархии! Или в обратную сторону к хаосу.
От этого факта у ангела, что на игле, эйфория.
И Петропавловка,
как пизанская башня,
немного под градусом.

Лада КОРОЛЕВА

Аспирант каф. ПЭ СПб ГЭТУ Императора Александра III

*** * ***

Весенний снег, рассыпчатая соль,
Сырой и серый от людских грехов,
Хрустит, а губы шепчут, как пароль,
Строку едва задуманных стихов.

Бегут, бегут прохожие. Их лица,
Такие непохожие, порой
Сливаются в газетные страницы,
Тянущиеся парковой тропой.

Размытость, дребезжанье, зыбкость,
И беспорядочности чувство –
Все снег: и в серых глыбах,
И под ногами – хрусткость.

“Побитый молью”, будто в дусте
Унылый снег, и мысли – те же.
Но даже черный грустный кустик
Все ж по-весеннему так нежен!

Промозглость ветра и усталость,
Нечеткость линий и фрагментов
Слились в смещение квартала
И в реставрацию момента.

Но гляньте: этот нежный кустик
Свое местечко корнем держит…
Смесь света и весенней грусти
В меня проходит сквозь одежды.

Пусть голова набита всячиной,
Душа, как пес сторожевой
Все ждет и ловит все, что значимо,
Что дорого лишь ей одной.

Неслышимы в шумах и буднях месяца,
Слабей неоперившихся птенцов,
Слова любви, и будто светится
Весенний день, подаренный творцом.

* * *

Стихи не вымирают, нет.
Их так же пишут по старинке,
Глядя в глаза ночных огней,
И коротая вечер длинный.

Поближе к небу – на чердак
А может городскую крышу
Поднимется мечтать чудак,
Чтоб быть обыденности выше.

А может в поисках полета
Пойдет по улицам и скверам
Сквозь сумрак арочных пролетов
Одним из многих и не первым.

Огонь души и хлад судьбы
Рождают таинство печали.
Так в птичьем развороте крыл
Полета зиждется начало.

Следы песка, прах и ростки,
Древесный сок в стволе, -
Плоды вселенной и тоски
В стихи ложатся на столе.

Еще быть может не пришли,
Не созданы, бумаги ждут,
То ждет огня твоей души
Пропитанный всей жизнью жгут.

Мария КУДРЯВЦЕВА

Доцент каф. ПР ГФ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Философское

В книгах гений Соловьёвых,
Гейне, Гёте и Золя,
А кругом от Ивановых
Сотрясается земля.

Саша Чёрный

Вьётся над кучей навозной
Стая откормленных мух.
Зелья изрядная доза
Мой успокоила дух,
Мой успокоила разум,
Мой уничтожила бред:
Вон с алюминиевым тазом
В баню шагает сосед.
Зреет на грядках капуста,
Бродит надменный петух,
А в голове моей пусто,
Ясно и зренье, и слух.
К чёрту о бренности споры,
Ницше и Фрейда долой,
Глянь, как коровы под гору
Тащатся на водопой.
Вот разрешенье загадки
Будет ответ на вопрос,
Если капустные грядки
Щедро удобрит навоз.

Бездна

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверзтую вдали.
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли....

М. Цветаева

Что там за бездна смрадная
Свою разворотила пасть,
На нашу жизнь нацеля зуб гнилой?!
Ещё не наступил момент в неё упасть,
Как в лестничный пролёт ныряют с головой
От исполинской скуки повседневных истин.

Не скаль свой зуб, пожалуйста, заткнись.
Ещё наш путь, пожалуй, будет долог,
Ещё наш путь длиною будет в жизнь.
На зуб же твой, гнилой
Ещё найдётся стоматолог!

И я куплю себе ковбойский фраерский сапог
И шляпа модная в шкафу моём найдётся,
Я к бездне подойду –
И сапогом в висок!
...И обещаю вам, что бездна ужаснётся...

Екатерина ЛАВРЕНОВА

Студентка факультета лингвистики СПб ГУЭФ

Новости по смешной цене

Килограмм всего за пару суток
Организмы путают чужое
С неправильным. Им не до шуток.
Они на ночь пьют аспирин.
И глотают снотворное утром.
Картонные стенки. Машины.
Стабильная классика сюра.
По дешевке раскупают мысли,
В универмаге нынче распродажа.
То, что было твое, мое,
Так и не станет Наше
Так и останется лажей,
Так и не будет краше.
Вот и окажется даже
Даже верней, чем ...
Небо
Нависло осуждающе над узким карнизом.
Займи мне очередь на самоубийство.
Взвесьте мне грамм триста эмоций на стольник.
Сдачи на надо. Посыплем их солью.
С текилой покатит. Как кислый лимон.
Потом наступит благородный сон.
И, может быть, мне даже приснится он.
Расколем пополам заплеванную землю.
Под слоем алкоголя или лжи.
Лежит бесфамильная жизнь.

* * *

Город любил нас той яркой зимой.
Солнце таяло в снежном конверте.
Мы были невечны, но только вдвоем.
А я не верила в байки о смерти.
Мы не держались за руки ни разу.
Но если шли то непременно вслед.
В цитатник мой все до единой фразы.
Тогда мне было восемнадцать лет.
Что помню я? Сарказм, усмешки,
И импортное черное пальто.
Стихи про то, что ты король, я пешка.
Шаги и пепел. Городской бетон.
Длинные пальцы. Вены. Суставы.
В них сигареты – одна за другой.
До ужаса умный, порою забавный.
Обидчиво-смелый. И все же не мой.
Вдыхала твой запах – табак терпко-пряный.
Одеколон по-японски и талый февраль.
Интересный набор? Незабвенный и странный.
Твои тихие сказки, простая мораль.
В чем-то занудный, в чем-то несмелый.
Высокомерный... Не время робеть!
Протянуты руки с любовью и верой.
Ты оттолкнул. Ты ведь сам по себе.
Черные пряди. За ними глаза.
Неожиданно светлые. Сразу.
Ты все обо мне изначально знал.
Не задан вопрос, а ответ уже сказан.
Твои увлеченья – моя молчаливость.
Твой профиль в дымке сигарет.
Моя восторженность – твоя сонливость.
И благосклонность. И немой совет.
Твоя истерика – моя обида.
И головою на твоем плече...
Уткнувшись носом в запах твида,
Тебя любила я...
Зачем?

Алексей ЛОТОЦКИЙ

Студент ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

* * *

Не прячься за словами, Маргарита.
Мы обессиленные ляжем на песке.
Луна, гранит – ничто не будет позабыто,
Но...
Из тонких нитей наше время сшито.
Оно не дрогнет в поднятой руке –
Настало время мерить по строке.

Ну не грусти, принцесса – как тебе дорога?
В глазах читаю, что никак ты не поймёшь
Привычки нашей вдохновение искать
Среди угрюмых небоскрёбов?
Привычки ложью прятать ложь?
Привычки не летать?
Да...

Привычки слушать. И привычки слушаться.
Привычки верить. И привычки бить.
Привычки рушить. И рыдать, когда разрушится.
И самой главной глупости – привычки жить.

Да вы, наверно, что-то перепутали
В своих тетрадях лет пятьсот назад.
И каждый здесь теперь идёт «своей дорогой, путною».
На самом ж деле – все мы по одной. И даже в ряд.

Ну, не грусти, принцесса, будет.
Открой окно, и пусть гроза разбудит
Предметы на столе.
Воспоминания со дна души.
Дождь слушай.
И дождём дыши.

* * *

Мы храним тайком письма друг друга.
Мы никогда не признаемся в главном.
Мы чуть не рвём нервы – натянутые так туго,
Заплутав в заколдованном круге,
Мы всё ещё любим… странно.

Оправдание старое

Не хочу быть поэтом без слов.
Даже – только в твоих глазах.
Знаю, что без моих стихов
Я – не красная полоса.
Лишь, как клоун без яркого грима,
Плюс один городской сумасшедший,
Узким улицам нового Рима
Трон создав, на него не взошедший.

Ольга ЛУНИНА

Выпускник ГУ-ВШЭ

* * *

Я знаю одно, ты со мною
Осенней, холодной порой,
С листвою совсем молодою,
И в снег или в дождь, ты со мной!
Ты рядом, тебя ощущаю,
Зову, но в ответ тишина…
Я снова покой потеряю,
Ты вечно со мной: я одна.

Александр МАСЛЕННИКОВ

* * *

«Над желтизной правительственных зданий
Кружилась долго мутная метель…»
О. Мандельштам
«В тишине, разъезжающей на тараканах…»
Д.Р.

Жужжащий сердобольно уют.
Раним для встречных взглядов.
Где чаёк – горяч. И стены – под цвет вторячка.

Патина тягучего момента.
Осыпая сигарету, слушаю
тишину, разъезжающую на тараканах.

Серчает час. Хоть Тундрой нарекай.
Играй с ним в прятки,
егозя в тёмном сусеке.
Он пыль взметёт, и снова будешь гол. Как бит.
Не покладая мелочей, ищи к нему сонливую приправу.
Мышь подлунная, шурши отважно.

А то клин – клином. Смежи веки
(мгла тёплая в тревожном теле).
Пестуй снов косный сленг.

…Снегопад на жёлтом фоне. Чиновно так…

*** * ***

Лунатические дни – квашенные трамвайные полдни – стекают в пустоту
(регулярная порка самих себя, – куда там Гоголю).
Но я – дока в иных делах.
Песчинка, попавшая в жировые складки обыденности.
И жемчуг тускл.

Припасённый к случаю смех сфинкса,
снег, просыпанный в июне,
пух тополей, упавший вслед за ним…
Идя по миру, сотканному из подобных шумов,
бредёшь невесть куда.
Тем более что здесь (стекло, железо и асфальт)
осины перечтёшь по пальцам.
Раздолье колдунам.

*** * ***

дневные сны песчаны
они шершаво шепчут по сетчатке
и морские раковины наполнены ими
они появляются в полдень на крыльях стрекоз
и обживают моё тело
гасят мой голос
они заносят меня
а ближе к вечеру
уходят
сквозь пальцы

* * *

*

ты говоришь что любишь осень
и прячешь слёзы в дождь

*

ты ушла так как падают листья
и листья падали на твои следы

*

и каждый лист молчал – о тишине
и тишина звучала листопадом

*

касания студёного дождя
как поцелуи невидимок

*

осень корни пускает
сквозь щели скрипящего дома

* * *

Вид из окна – на прошлое.
Дождь выводит письмена на стёклах.
От этакого чтения озноб.
И книги – не о том, –
длинные какие-то строки. Липка их вязь.
Абзацы как купе –
заполнены чужими вещами и невнятными диалогами,
с окнами,
мимо которых проносится чьё-то прошлое,
размытое дождём.

Екатерина МИТИНА

Студентка СПб ГУ

Не дари мне…

Не дари мне созвездья и луны,
Подари мне созвучья стихов.
Чтоб души моей нежные струны
Заиграли, запели бы вновь!

Если хочешь, мелодию эту
Будем слушать с тобою вдвоем
И поделимся нашим секретом
Только с ветром, водой и огнем.

Не дари диадемы поэтам
И сокровища всей Земли
Подари мне венок из сонетов
И стихами поля застели!

Вальс

Я хочу танцевать с тобою вальс.
В белом танце закружиться и упасть
Вместе falling in love with
Все парить и не смотреть вниз.
В белом танце закружиться и взлететь,
Не ступая на земную твердь.
В белом танце миллионы раз
Разгораясь от огня твоих глаз.

Голуби

Я мыла окна с голубями,
Они вели свой разговор,
Что кнопки я не зря роняю
В глубокий петербуржский двор.

Наверное, автомобили
Пытаюсь ими накормить,
Чтобы до завтра затаили
На дне колодца свою прыть.

Когда грядет тепло, то слышен
Гортанный голубиный звук.
Повсюду: на земле, на крыше
И крыльев хлоп, и лапок стук.

Я по стеклу вожу руками,
В ответ кивают птицы мне.
Я мою окна с голубями,
А не одна, не в тишине.

Начинающим

Надо быть безумцем, хоть немного,
Чтобы начинать стихи писать.
Не боясь оценки судей строгих,
Про мечты и про цветущий сад.

Если ты не мэтр, а метр с кепкой
(Не по росту, а в поэзии большой),
То рискуешь выглядеть нелепо,
Даже если написал с душой.

Не в почете нынче ангелы и розы,
«Кровь-любовь» не модно рифмовать.
Ты подумай, может лучше в прозе
Мысли научиться излагать?

Но и остальным ничуть не легче –
Все уже написано до нас.
Нужно быть немного сумасшедшим,
Чтобы начинать писать стихи сейчас.

Все твердят: «Конкретики поболе!»
Философию оставьте для других
Реже ставь в конце строки глаголы,
Также избегай банальных рифм!

Столько мудрых, правильных советов
И полезных, только вот беда,
Приземляют начинающих поэтов,
Крылья обрезая, иногда.

Сохрани лицо, не будь формальным
И не обижайся на «хи-хи» -
Нужно быть немного ненормальным,
Чтобы начинать писать стихи!

Евгений МОЧЕНКОВ

Магистрант филологического факультета СПб ГУ

* * *

Обещай, что навсегда
мы останемся детьми.
Обещай, что не забудешь
за оградой светлый мир.
Обещай, что мы придём
в старый парк на карусели,
обещай – остановить
и сломать их не посмеют.
Обещай, ведя по кругу
и считалочкой дразня,
что ты спрячешься нетрудно,
а потом найдешь меня.
Обещай, что план побега
мы запишем на листке
и Британию закроем
на скрипучем чердаке.
Обещай, что доплетешь
одуванчики в венок
и наденешь мне у дома
с пожеланьем сладких снов.
Обещай во время вьюг
вспоминать по письмам лето
поцарапанных коленок
и сведенных вместе рук.
Обещай не понарошку –
мы умножим память на два
и при встрече спросим дружно:
– Мы же дети, правда?
– Правда.

* * *

Мой мир замкнулся, как в стеклянном шаре,
рука дрожит, храня в ладони вечность.
Господь, не дай мне ошибиться в шаге
и выронить мой шар в осенний вечер.

Ведь превратится чудо возрожденья
в стекло, пластмассу и поддельный снег,
ведь в доме там живут ежевечерне
друзья, те, без кого мне жизни нет.

Не надо стульев, не стелите скатерть,
мы просто сядем на полу в кружок,
и кто-то незаметный глазу скажет:
«За всех вас я свечу свою зажёг».

* * *

Воспрянув без лености, и истрезвився,
восстав от сна, рцы сие…
Молитвы утренния

Я расскажу свой сон к полудню
с широким блеском на зрачках,
и тот, кто душу мою судит,
над ней – как знать? – замедлит взмах.

Я был хозяином в том замке,
в тяжёлой сказке на горе,
и бился свет в старинной смальте,
смеркая розу на столе.

Широкий стол в пороше пыльной
вершил скрипучий главный стул,
и звуки праздничного гимна
тревогою трещали тут.

Свиданье стрел на циферблате
на пир свело моих гостей,
и Дориан узнал де Сада,
и руку подал дез Эссент.

Под звон тарелок белоснежных
лилось прозрачное вино,
мой голос глухо-безутешный
царапал нервное стекло.

Летели тосты в беспределье,
мой взгляд их взглядов все искал,
но я как можно незаметней
сливал под стулья свой бокал.

Слились в одну слепые стрелы,
и умер первым Дориан,
гнев духоты де Сад изведал,
и дез Эссент багров и пьян.

Рожденный крик октав высоких –
мой крик! – обрушил витражи,
согретый солнцем светлый воздух
отнял у розы цвет и жизнь.

Он растворил тела бесследно,
как крик – сверкание стекла,
он отворил мой слух и зренье,
стрела с постели вознесла.

Бежала рябь, я словно свечка
стоял и таял горячо,
и в зеркале, расправив плечи,
в другую сторону пошел.

* * *

Я вспомню путь до родины своей,
что прячется в тенях и зазеркалье,
под тонкой корочкой эмали.
Уже мне снится море орхидей,
уже мне кажется, это не просто сон,
короткий опыт будничных смятений,
плод милой и домашней лени.
Я вспомню имя вдруг – Эндиминон.
Проснусь туда, в пещерный мой дворец,
из мира, ставшего предметом торга
и люциферова восторга.
Луна, верни мне греческую речь!

* * *

Теплеет ветер каждодневно,
а небо серостью больно.
Откуда взяться в скулах гневу,
когда забыться хочешь сном?

Тревоги тающего Завтра
летят на радужный экран.
Печаль искусственным загаром
пристала к лицам северян.

И если так темнеет рано,
то днем страшнее, чем в ночи.
И если вешают тирана,
то, значит, слабы палачи.

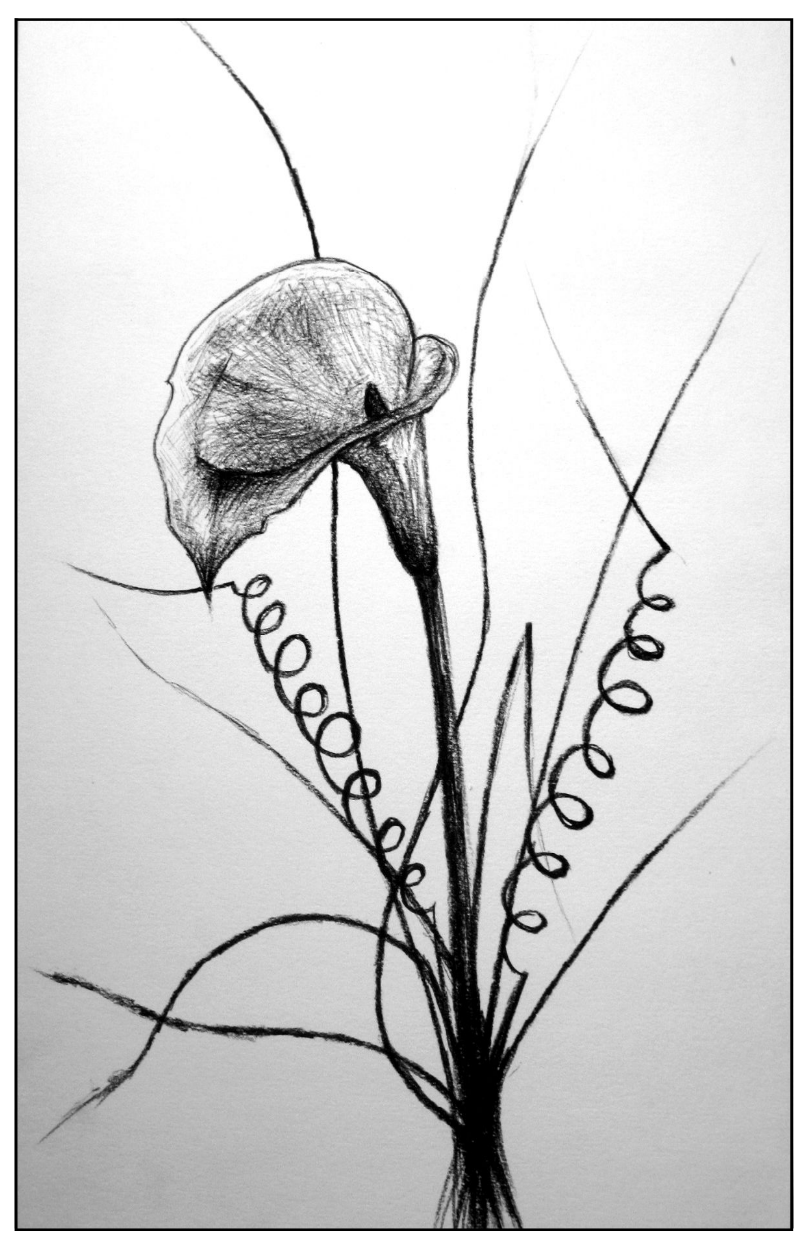
* * *

Давай учить язык французский!
Не по учебникам – по песням.
Далекий голос не отпустит,
лаская звуком неизвестным.

И, приручая гласных стаю,
твой рот зовет в Париж и Ниццу,
гортань старательно картавит,
ладони шея не боится.

И стены на ветру качнулись,
парфюм заполнил старый дом,
и улетели наши стулья,
и заиграл аккордеон.

Той ночью вечной и веселой,
когда под ливнем плыл бульвар,
из всех неправильных глаголов
мы проспрягали только croir.

Работа Валерии Смирновой

Екатерина НАЗАРОВА

Студентка экономического факультета ГУ-ВШЭ

Так должно быть...

На крышу...
Я по ступенькам вверх
Не успеваю...
За тобой...
Игра...
Наконец, дверь
Открываю...
Дождь по лицу
Холодно и приятно...
Стою...
Ресницы слиплись...
А ты что-то говоришь...
Мне?
Я не понимаю...
Еще двенадцать шагов
До тебя...
Ты стоишь,
Смотришь...
Куда?
Уже девять...
Я не спешу...
Почему?
Ты поднимаешь глаза...
Закрываешь от воды
С неба...
Семь...
Говорю, что я с тобой,
Хочешь на дно,
Хочешь в ад,
Без души,
Но с тобой...
Ты смеешься...
Четыре...
Останавливаюсь...
Мы вместе?

Думаю, я смогу,
Возьми только мою руку...
Два...
Почти за твоей спиной,
А ты не смотришь...
Чувствуешь мою дрожь?
Но мне не холодно
И не страшно...
Последний
Ты делаешь шаг...
Я тоже...

*** * ***

Быть может, суждено спасенье
Отравленному ядом телу...
Но не найдет упокоенья
Душа, поддавшаяся тлену...

Любовь НОВИКОВА

Студентка факультета социологии ГУ-ВШЭ

*** * ***

облака добрее, чем ты, добрее,
и слепые глаза на глазах светлеют,
и выходит кораблик в красное море.
нам не верят, и с нами никто не спорит.
вот прохладный ветер вновь колет руки,
как наркотик в воздух, как символ скуки.
инверсия судеб печалит мысли,
мы такие, как были, если поразмыслить.
и ничто не решает, и никто не помнит.
это осень рыдает листьями мокрыми.

*** * ***

«Я держу тебя за руку,
И все расплывается»,
Мир купается в осени,
И все смыслы стираются.

Листопадные отблески,
Волшебство невесомости,
Я застряла, запуталась,
В неизведанной области.
Нет ни стран, ни созвездий,
Ни стихов нет, ни повестей,
И мне тратить не жалко,
Свое сердце-игольницу.
И часами, минутами,
Как со звуком грозы,
Разрыдались безвольные
Водяные часы.

* * *

Сон. Грань между пустым и полным вагоном. Глюк.
Взмах. На шарнирах и замках. Страх. Разбег. Трюк.
Не узнал. Мое счастье. Прогадал. Потерял. Ай-я-яй!
Что-то вспомнил. Сказал. Прочитал. Написал. Хай!
Перевел. Провела. И провел. Замерла. Шепнул.
Шуба, любовь и шапка. Шепот, ухо. Шум.
Черный цвет. Синий взгляд. Разряд. Красота. Слов нет.
Обед, перерыв. Не обрыв, переплыв. Переведи. Ich liebe dich.
Фройнд, подруга, френд. Видно такой уж тренд.
Я не простой претендент. У меня есть патент.
На уникальность мою патент. Импотент?
Желтуха? Горячка? Синька? Грипп? Гриб?
Просто нельзя. Организм не дает. Йод?
В синюю краску окунать дым. Станет другим?
Переворачивать вспять. Играть. Как с игрушкой играть.
Опять? Удалять. Все, что лишнее – удалять.
Вещи мои. Мысли мои. Лучше других. Стих?

* * *

Холодок на щеках.
Сердца нежный, чуть слышный, тугой перезвон.
Мой город, стекающий каплями света, погружен
В темный вечер.
Слезу октября он пускает так робко.
И тихо.
И блики купаются в мраморе.
Так надрывно.

И колокол выше звенит. И мыслей уж нет.
Вдох-выдох.
По наезженной колее. Только новые люди
Мешают пространству застыть.
Раствориться, не быть. И уйти,
Даже не попрощавшись.
Этот вечер, ветвистый и гладкий
Так лечит. Что даже чужие загадки
Не просят ответа. Нет лета,
И земля застыла в прохладе.
Я хочу, словно дети,
Ворошить в своих мыслях
Лишь дни листопада.
И не думать о жизни,
А внимать только звуки проспектов.

Людмила НОВИКОВА

Преподаватель СПб ГЭТУ Императора Александра III

Член Петербургского Дворянского Собрания

Живи, ЛЭТИ!

Бывать здесь – как живой воды глоток!
Здесь тянет от Невы речной прохладой,
И мимо Ботанического сада
Спешит, бурля, студенческий поток.

Тут стройно здания ЛЭТИ стоят;
ЛЭТИ прославил Родину делами,
Своих питомцев яркими трудами,
Блистательных имен продляя ряд.

Здесь, за порогом вековых дверей,
Научной мысли вызревает семя –
И прорастет, когда настанет время,
Чтоб дать плоды учености своей.

Не замыкая интересов круг,
Здесь расцветают разные таланты
И россыпью прекрасных бриллиантов
В короне ВУЗа вспыхивают вдруг.

Летят семестры и бегут года, –
И вот уж получение диплома…
Все стало здесь так близко и знакомо,
Что сохранится в сердце навсегда.

Пусть больше не вернуть учебы дней,
Но так, как дети в дом родной стремятся,
Выпускникам приятно возвращаться
Сюда, под крышу юности своей!

Живи, ЛЭТИ! К тебе – слова любви!
Душой мы тесно связаны с тобою,
Тебе своей обязаны судьбою,
Гордимся тем, что мы – птенцы твои!

Новогодняя телевышка

Как елка, телевышка
Расцвечена в ночи –
И красочно, и пышно
Расходятся лучи.

А славно б на макушку
Звезду ей водрузить
И прицепить игрушки,
И хоровод водить?!

Яна НОВОСЕЛЬЦЕВА

Студентка экономического факультета ГУ-ВШЭ

*** * ***

Мы встретились с тобой глаза в глаза,
Я искренне тебе так улыбнулась…
Но в глубине зеркал души блестит слеза.
Нет, я не плачу. Я живу. Я вдруг проснулась.

Очнулась вдруг от грез, пустых надежд
И горести несбывшихся мечтаний,
Когда в твоих глазах увидела я свет,
Вдруг вспыхнувший, как искорка желаний.

И так невольно, искренне и быстро
Меж нами протянулась связи нить.
И это неожиданное чувство
Влюбленности, любви…. Любить!

Ты рядом был давно, но лишь теперь
Я поняла, какой ты… есть на самом деле,
Чужими были мы, но только верь:
Я изменилась, потому что существуешь ты на свете.

Георгий ПЕТРЕНКО

Студент ГФ СПб ГЭТУ Императора Александра III

*** * ***

Ветер, дрожь листочков клейких,
Шелест свежих трав…
Жизнь моя – одноколейка,
Или я не прав?

*** * ***

Солнце рыжее село,
Запад светится лишь.
Свою песню запела
Деревенская тишь:

Где-то лает собака,
Треск цикад; издали,
Из полночного мрака,
Шины ноту вплели.

Из берлоги медведи
Вышли в небо гулять.
И, влюблённое, бредит
Моё сердце опять.

Всё прекрасно: и звёзды,
И нетихая тишь…
Вот бы знать, где Ты мёрзнешь,
Глядя в небо, стоишь!..

* * *

Мои мысли спокойны были,
Ты была от меня далека.
А по синему небу плыли
Обожжённые облака.

Они плыли, я знаю, оттуда,
Где наутро вместе с тобой,
Потянувшись, проснулось чудо,
Что зовётся красой неземной.

Да! Твоей красоты дыханье
Обожгло облаков края.
И под солнечное затуханье
Навестили они меня.

И теперь я сердцем горящим
Другие обжёг облака
И в небесный почтовый ящик
Для тебя их толкнул слегка.

* * *

«Нет, сбившись в круг, красавицы шептали:
– Эллада! – слышалось в полночной тишине».
(А. А. Фет)

Заводь широкая, берег крутой,
Гордая чайка парит над водой.
Серые тучки недвижно висят,
Кроны дерев на ветру шелестят.

Лёгкая рябь на воде поднялась:
С севера тёмная туча неслась.
Но на залитом лучами брегу
Сосны шептались в беспечном кругу.

Милой

Солнце жизни моей,
Свет прекрасных очей.
Кроток, нежен твой взгляд…
Мне не нужно наград:

Мне не нужно монет, драгоценных камней,
Только блеск этих томных зелёных очей.
Мне не нужно ни солнца, ни звёзд, ни луны,
Только очи твои мне как прежде нужны.

Даниил ПЕТРОВ

Студент ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Перед рассветом

Когда я был маленьким и поверил что научился летать, я хотел чтобы все видели, я подошел к окну и мне стало страшно, я не поверил в себя и не прыгнул, но ведь я научился летать, я знаю! И всю жизнь я раскаивался в том, что не прыгнул, ведь я знаю, тогда я мог летать, и вот я старый и я плачу, потому что я так и не научился летать, но что меня остановит? Я подхожу и окну и просто лечу, лечу как в детстве во сне, с пятого к первому этажу.

*** * ***

Едва Солнце взошло, просыпалась упрямо
И шла на восток, на восток, на восток,
В царство песка и конечно кальяна,
И было ей так хорошо-хорошо.

Шла она мимо убогих селений
Где гордые-голые люди кричали
Шла и мечтала, в любви бесконечной
К чуду земли и к чуду печали.

Шла она дни, шла она месяцы
Беды встречала, забыв о спасении
Бога молила и бога забыла
Шла она вновь по дороге спасения.

Всё на пути её было отчаяньем
Кровью младенца, криком, кошмаром
И она пришла в исступление
Просто сказав: «чего ещё надо».

Новый рассвет в пустыне зажёгся
Но не нашёл он там её ада,
Просто последняя сестра Милосердия
Ушла из мира, чего ещё надо?

Антон ПОГРЕБНЯК

В Стаю

Переход, Гостиный Двор
Неестественный отбор
Трупный яд сквозь серый мрамор
Разливается рекламой
Хаос. Движутся ступени
Распадаются на звенья
Воздух с визгом тормозов
Стаи разноцветных псов
Воет ветер. В небе кости
Разрываются от злости
Генератор рваных ран
Воет ветер-ураган.

Детство сгинуло куда-то
И зарплата как расплата
Время пить и время есть
Просыпаться ровно в шесть.

Театр

Как предлог для свиданья
Два билета в кармане.
Ох, вы, нимфы Коринфа
Ох, вы, рифмы и нимбы!

Увертюра с оркестром
Вероломное кресло
Ты скрипуче-облезло
Ты внезапно исчезло.

Мы отстали от стали
В полупризрачном зале.
Мы сопели носами
Сопли падали сами.

Свет на лицах как слёзы
Канул в вечность философ
Камень пал на костёр
Коршун крылья простёр

В бутафорских объятьях
Не найти виноватых
Рать сражается с ратью
Чёрно-белая скатерть

Призрак бродит по замку
Предлагает программку
Поразительно схожи
Принц и вождь краснокожих

Уколол монологом
Под холодным предлогом
Хоть мечтаем о многом
Все равны перед Богом

За кулисами людно
Здесь всегда обоюдно
Здесь не слышно оваций
Разнобой декораций

Сквозь толпу гардероба
Я клянусь ей до гроба
Мы выходим в сугробы
Расступайтесь, трущобы!

Дождь в начале августа

Стеклянные стрелы стремительно
Со стратосферы стекают
Зонтик забыл
Знаю, забавно
Забавно.

Край края

Я стою у края крыши
Я повсюду третий лишний
Что забыл, того не знаю
Мимо тучи проплывают
Мимо падают кометы
Мимо ядерной ракеты

В водосточную трубу
Греко-римскую борьбу
На облезлых барельефах
Не придумать рифму, блин.

Я стою у края ветра
Сто квадратных километров
Килограммы кирпичей
Ветер, ветер, я ничей
Лысый ветер, скользкий ветер
Лик его высок и светел
Обвязавшись чёрным крепом
Ветер кажется свирепым
На балкон прольётся кровь
Тьфу, такая банальная рифма напрашивается, что стыдно продолжать…

Я стою у края Солнца
Приоткрытое оконце
Режет брови светлый блик
Поджигает корабли
Скачет заяц по фронтонам
Солнце шаром раскалённым
Вертится над мостовой
С непокрытой головой
Свет, закрытый в коридорах
Вспыхивает, словно порох
Ярко-жёлтое на чёрном
А вот здесь нарушен стихотворный
Размер
Я стою у края края
Корабли за край бросаю
Задеваю край бумаги
Руки-крюки как коряги
Край окна закрыт навеки
Кружат по небу калеки
По воздушной колее
По нефритовой змее
Баю-баюшки-баю
Не ложися на краю
Не ложись посередине
Я стою у края льдины
Я стою у кромки глаз
Здесь же рифма в самый раз.

Анастасия ПОЛЯКОВА

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

*** * ***

Воробьи, воробьи,
Прилетайте ж вы ко мне.
Вы так красивы и умны.
Как жаль вас мне,
Когда собаки вас пугают,
И кошки обхитрить хотят.
Но вас я не отдам в обиду
И не отдавайте вы меня.

*** * ***

Я растворилась в тебе,
Я живу тобой.
Без тебя мне и жизни не надо.
Без тебя мне грустно и одиноко.
Я перестала нормально есть
и полноценно спать.
Я не чувствую себя,
Я потерялась,
Я не воспринимаю мир.
Я живу тобой, я дышу тобой.
Вся жизнь моя – твоя.
Я все отдам, я жизнь отдам.
Ты хочешь?
Нет?
Я буду жить тобой.
Я буду жить тобой.

Мария ПОПОВА

Аспирант СПб ГУЭФ

Валаам

Здесь ртутно-тяжелые серые воды
Обняли пушисто-зеленые шхеры.
Бескрайнее царство суровой свободы –
Надежный хранитель несломленной веры.
И, суетный шум от себя отметая,
Равно презирая кошель и ружье,
Встречает земля, от рожденья святая,
Готовых впустить ее в сердце свое.

*** * ***

Потом обязательно будет счастье,
Большое, румяное, как пирог,
Такое, что сердце порвет на части
И музыкой спрячется между строк,

Такое, что в руки дается смело,
Мурлычет и жмется щекой к щеке
И тут же – в шубе морозно-белой
С горой шоколада в большом мешке.

И все узелки расплетутся сами,
Всем сказкам придет счастливый конец,
И лишь успевай шевелить ногами,
Когда посыплются камни с сердец.

Да знаю я, будет и сад, и город,
Да верю я, верю, чего ж еще.
А взгляд – он по жизни немножко горький
От формы глаз. И от соли щек.

Колючка

Жестокое солнце пустыни
Навязчиво-горько на вкус.
В краях, где вода – как святыня,
Растет неприветливый куст,

Колючкой обидно зовется,
Кривой и убогий на вид.
Влюблен до отчаянья в солнце,
Хоть солнце безумно палит.

И ночью, в тоске по светилу,
Про отдых забыв и про сны,
Он в корень бросает все силы,
Чтоб выйти с дневной стороны.

А люди, глупы и ленивы,
Собой мерят все и везде
И пишут уверенно в книгах,
Что корень стремится к воде.

Ласточки

Ласточки устроили гнездо
Под стрехой заброшенного дома.
Был безумно счастлив старый дом
Ранним утром слышать птичий гомон.

Ласточки трудились день за днем,
Собирали глину по крупицам.
Молодел осевший старый дом,
Благодарный острокрылым птицам.

Но пришло нечаянное зло –
Кто-то захотел дрова из ели.
Ласточкам, наверно, повезло,
Что птенцы родиться не успели.

Листья

Листья сбиваются в стаи
И улетают на юг.
Им, как всегда, не хватает
Ветра, они устают,
Делают круг над тропинкой
И оседают без сил –
Гладкие жёлтые спинки
С тенью растрёпанных крыл.

Нина ПОСТНИКОВА

* * *

Над городом днем бестолковые сумерки,
И падают капли – дождя – полумерки.
Надежды на зиму давно уже умерли,
Да это и лучше: в одной табакерке
С тобой оказались и время рискует
В лоскут превратиться шагреневой кожи,
Но только оно своенравно блефует,
И это на сказку совсем не похоже.

* * *

Этот теплый снег – усыпляет ёлки.
Рядом лыжный след – от спортивной гонки.
И опять мороз сквозь верхушки сосен:
Робкий, без угроз, словом, редким гостем.
Шум издалека – поезда, машины?
И струхнешь слегка, встретив взгляд лосиный.

* * *

Всю ночь и до рассвета в утробе лабиринтов.
А утром – струи душа сквозь конус тишины.
И в лужах отразились изнанки настроений,
А стрелки показали: ноль девять, плюс, восход.
Оранжевое – стойте, зеленое – идите.
 И в коридорах времени – тяжелые шаги.
Звонок – и легких крыльев шуршание и – взлеты.
Признание трамваев и доброе – прощай.

Светлана ПРИЩАК

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Прощание

Привет, любимый и прощай,
Мы расстаемся на мгновенье.
Лишь помнить ты пообещай
Моё к тебе прикосновенье.

Поверь, любила и ждала,
Хотя зачем, ты мне не веришь.
Мои слова – всего слова –
Своим законам не изменишь.

Тебя прощаю и прошу:
Будь настоящим ты мужчиной.
Любовь листвой заворошу,
И без тебя стану счастливой.

Но лишь момент запечатля
В глазах твоих, в твоей улыбке,
Я вижу, даже не смотря
Что чувства, как песок, так зыбки.

Прости за ложь и за слова
Поверь, хотела быть твоею.
Зима все вьюгой забрала –
Теперь просить тебя не смею.

Не будь как кошка, будь как лев –
Они всегда и всё добьются
И лишь проститься не успев,
Девчонка с парнем разойдутся.

Александра РОМАШЕНКО

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Зачем винить осенний дождь

Зачем винить осенний дождь
За грязь и лужи под ногами?
Мы, может, сами сеем ложь
Своими грешными руками.
Ведь то не ливень нас тревожит
И не невзрачный мир вокруг –
Тоска нам злое сердце гложет
И ночью не даёт уснуть.
И наше суетное время
Не станет медлить: час придёт,
Но наше тягостное бремя
За нас никто не понесёт.

Закрытые души

Мы научились жить с закрытою душой,
И, ограждаясь от того, что кажется нам лишним,
Живём, и даже восхищаемся собой,
И удивляемся тому, что нас никто не слышит.

Не допуская никого к свом сердцам,
Мы осуждаем тех, кто нас понять совсем не может,
Кто к нашим мыслям, к нашим сказанным словам
Совсем иной и чуждый смысл старательно приложит.

И как же больно нам стучать, стучать порой
В такие же закрытые от нас сердца и души.
И, схоронив обиду за глухой стеной,
Мы прикрываем ото всех на время рот, глаза и уши.

Спор с судьбой

С судьбой своею спорить нас никто не просит…
Мы, ослеплённые гордыней, сами с ней вступаем в бой.
Но, нас пригнув к земле, торжественно уносит
Разбитые мечты холодный ветер, посланный судьбой.

Потрепленные, жалкие и робкие от страха
Последние частицы свергнутого мира потерять,
Еще не осознав всей значимости краха,
Пытаемся крупицы те дрожащими ладонями собрать.

И снова строим, вновь цветы беспечные сажаем,
И силы жизненные копим, ищем повод, чтоб
В который раз судьбе крича: «Тебя не принимаем!»,
И на колени пав, поднять, как вызов, сломленный флагшток.

Тамара САРАКАЕВА

Студентка факультета социологии ГУ-ВШЭ

*** * ***

У жизни нет черновиков,
Жизнь пишем набело с рожденья,
И у друзей, и у врагов
Просить не надо снисхожденья.
Хоть каждый среди них растет
И от друзей зависит много,
Нам жизнь ошибки подчеркнет,
С нас за ошибки спросит строго.
И легче все ж с вершин годов
Прощать, а не просить прощенья,
У жизни нет черновиков,
Жизнь пишем набело с рожденья.

Александра СЕМАВИНА

Студентка экономического факультета ГУ-ВШЭ

*** * ***

В горле комок,
Кровь бьется в висках,
Только б пульс не умолк,
Смерть уже так близка,
Я хватаюсь за воздух,
Я не чувствую боль.
Мне уже слишком поздно
Тебе крикнуть: «Постой!»…
Достаю сигареты,
Закурив, я молчу,
Губы сохнут от ветра,
Ничего не хочу.
Моя жизнь оборвется –
Докурить не успею!
Ты прости меня, мама,
Я любить не умею.

* * *

Родная, сядь возле кровати,
Поговори со мной чуть-чуть.
Ну почему опять ты плачешь?
Тебе же слезы не к лицу.
Сжимаешь нервно ты в ладошках
Кусочек ваты для меня.
«Мурашки» бегают по коже,
Румянец красный от огня
Твоих малюсеньких слезинок,
Что каплят прямо мне на грудь.
… Свело дыханье, кашель душит,
О, Боже, мне не продохнуть,
Немеют пальцы, скулы сводит,
Беги, родная, не смотри.
… Вот воздух в легкие проходит.
… А платье дочери в крови.
Тебя трясет, тебе так страшно.
Малышка, милая, прости!
Ты тянешь мне кусочек ваты
И шепчешь: «Губки оботри…»
Твое лицо белее снега,
И прядка беленьких волос
Пробилась прямо у виска…

Михаил СЕМЕРЕНКО

Участник семинара Галины Сергеевны Гампер

Эдем (К. Р.)

Вот места, где с тобой целый месяц я был счастливым.
Помнишь ли ты этот старый фруктовый сад,
где мы с тобой воровали яблоки, сливы?
Теперь у тебя совершенно другие и рай, и ад.

Совершенно другие и законные поцелуи,
не те, что нам алиби были, когда мы пробрались в глухое село,
которое охраняли пчелиные ульи, –
и все ж мы стащили оттуда запретных плодов полкило.

А после - мы их распихивали по карманам
и садились на мой одноместный велосипед,
спасаясь от этих тычиночных наркоманов –
казалось, единственной из преследующих нас бед.

В этих местах, если не будешь заживо съеден,
можно собрать неплохой урожай, если ты удачливый вор.
Ты же знаешь – малина всегда вкусней у соседей,
у которых давно на костры порастаскан забор.

А тот старый сад по-прежнему ждет свиданья.
Он наивный, как я, он скучает без нас с тобой,
и не знает, что где-то в соцветии мирозданья
случился какой-то непоправимый сбой.

Ты теперь далеко – на расстоянии Ростелекома,
и уже неудобно мне называть нас на «мы»,
и не сыщешь теперь среди твоих законопослушных знакомых
таких славных, как я, хотя – от тюрьмы, да и от сумы...

Но ближе к тебе – твой будущий муж трудоголик.
И – как сказал бы какой-нибудь геометр:
не равносторонен любовный наш треугольник, –
о чем весьма схоластично писал наш метр.

Помнишь ли ты то вычурное стихотворенье,
что я читал тебе по телефону, зная его наизусть.
А я помню – твои поцелуи, что слаще яблочного варенья
таяли на словах неизученных уст.

Ты мое приключение прошлого лета, прошлого года.
Ты узнала, что я вполне благородный вор.
Вот и главный судья этих мест – сырая погода –
зачитывает мне свой пасмурный приговор.

Но хранят молчание соучастные нивы, колосья,
как молчит земля, словно в ней закопан разбойничий клад.
Вот здесь – мы делали ноги, точнее – колеса, –
но мы – не Адам и Ева, и уж точно – не Бонни и Клайд, –

в своей жизни мы на двоих раздавили – ну – сотню улиток,
да облазили несколько соток зажиточных дач,
где и оставили нашу любовь, как большую улику,
словно вырванное ребро всех моих удач.

Так простите же нас, товарищи садоводы,
своих огородов радетельные рабы,
нас, приговоренных на пожизненную свободу
за попытку сбежать за пределы своей судьбы.

Анна СИЗОВА

Студентка ГФ СПб ГЭТУ Императора Александра III

*** * ***

Как хочется уйти отсюда,
Исчезнуть, спрятаться, сбежать…
Боюсь несчастья, счастья, чуда,
И откровенной быть и лгать.

Мне хочется открыть всем душу…
Вокруг лишь ложь да злая страсть,
Что всю мою натуру душит,
Мешает глубоко дышать!..

Михаил СТРОКОВ

Композитор

Моя Россия

(муз. М. Строкова, слова Б. Куликова,

песня для среднего голоса в сопровождении фортепиано)

Ни у кого пощады не просила,
Другим прощала, мести не тая,
Любовь моя и боль моя – Россия,
Тревога каждодневная моя!

Когда качал планету конский топот,
И шёл Восток немыслимой ордой,
Шарахалась надменная Европа
И пряталась за раненой тобой.

Когда свинцово наливались тучи
И громыхала с Запада гроза,
Глядел Восток с надеждой на могучую
Во все свои раскосые глаза.

Ты всех спасала, принимая муку.
Великая и в звёздах, и в крестах!
Ты первая протягивала руку,
Поверженному помогая встать.

В берёзках вся, в снегах сибирских русских
Вся в жилках животворных синих рек,
Загадочная... только не для русских,
Одна несокрушимая – вовек!

Тяжёлою стопою попирая
Угрозы вражьи, вражескую ложь,
Двужильно по-бурлацки напрягаясь,
Ты всю планету за собой ведёшь!

*** * ***

(слова и муз. М. Строкова)

Наша Русь – монастырь наш родной
Со своим, непохожим уставом;
Может правым он быть иль неправым,
Но не годен уклад нам иной.
И не вам, иноземцам лукавым,
Тем, кто ищет из спеси дрянной
На чужую обитель управу,
Кто кладёт уже глаз записной
Счёт вести нашим землям и травам,
Быть хозяевам нашим заставам,
Обладать нашей русской казной,
Красотой и копилкой земной,
Кладовой золотой и пушной,
И подземной рекой нефтяной,
И древесною мощью лесной, –
Не владеете вы этим правом!
Даже если пойдёте войной
На ослабшую нашу державу,

Подстрекаемы в том сатаной,
Либо попросту целью шальной,
Или даже для-ради забавы, –
Так и знайте: тряхнёт стариной
Наш народ православный, честной,
Выйдет снова защитником бравым
И, побед стародавних во славу,
Встанет рядом единой стеной,
Против суетной вашей оравы,
Против рати несметной чумной,
Чтоб явить супостата безглавым
Иль развёрнутым к россам спиной,
Как являли истории главы
Всех, кто лез к нам с идеей больной
Навести на Россию потраву,
Полонить её сворой цепной,
Поразжиться добром на халяву, –
И на щит натолкнулся стальной.
Ну, а коль нам хотите добра вы,
Коль придёте без мысли дурной,
А, как гость, с разумением здравым,
С чистым сердцем и дружбой одной, –
Распахнём перед вами дубравы
И простор бесконечный, сквозной,
Поведём вас на луг заливной,
На равнины, на горные главы,
Поглядим с них налево, направо
И надышимся прелью грибной,
И страдой запашистой сенной,
И пушистой душистой сосной,
И туманной речной пеленой,
И морозной тугой тишиной,
И берёзовой рощей весной,
Полюбуемся ширью степной,
И морской необъятной волной,
И сибирской тайгой величавой,
Всей Россией – бескрайней, хмельной,
Хороводной, резной, расписной,
Деревянной, кисельной, ржаной,
Малахитовой, глиняной, ржавой,

Бездорожной, разгульной, квасной,
Избяной, скобяной, смоляной,
Самоварной и берестяной,
И свечной, и молочно-парной...
И тогда восхититесь по праву
Этой нашей родной стороной
И полюбите люд коренной –
Необузданный, добрый, смурной,
Острословный, простой, заводной;
Наши смелые древние нравы,
Наши песни, наш пляс озорной,
Породнитесь душой со страной –
Той, что станет вам тоже родной,
И пойдёте к церквям златоглавым,
Коим вечно стоять под Луной!

Дополнения к книге «Парнас дыбом».

Сказочку о сереньком козлике рассказывают:

Г. Р. Державин

Меж диких древ, под сенью кущи,
Не досягнул куда Борей,
Лобзали домик лозы вьющи,
Приют обретший средь ветвей.
И в сих пенатах, увядая,
Преклонных лет вдова седая
Жила от века; и теперь.
В подготовлениях к кончине
На помочь жизни ей бы ныне
Не помешали сын иль дщерь.

Но как за неименьем оных
В уединении жила,
То, тягость дней чтоб скрасить сонных,
Вдова заимела козла.
Сей зверь весьма упрямонравный
Был в сем покойну мужу равный,
И купно с норовом – умом, –
Не скажем то, что слишком резвым,
Равно – был в хмеле муж иль трезвым, –
Напоминал вдове о нём.

Ан коль хозяйка несчастлива,
Кто имет к козлику любовь!
Что ненадежно есть на диво
Козлово племя – то не вновь.
Жилец являл всечасно взоры
Туда, где зрел владенья Флоры,
Где воля вольному... И вот
Сбежал он к сладостным Наядам,
К зефирам внемлющим Дриадам,
В Эдем, – вкусив запретный плод.

Но льзя ль един хоть раз не сбиться
Любому смертному с пути?
Наш козлик мечется, вертится –
Вотще! – лишь чаща впереди.
Тут зрит он суть злодейство въяве,
То волки сиречь, вождь их в главе –
Исчадье ада: огнь из глаз,
От коих хлад в жилах трепещет,
Зубастый зев перуны мещет...
Скакнул – и пожран козлик враз!

И, тело грешно покидая,
Земнова плена не держась,
В сей миг душа его младая
В небесну высь, что дым, взнеслась.
Не должно чаять плоти вечной,
И се – вид жизни скоротечной.
Ах, козлик! – где твой лёгкий бег,
Где днесь твои резовы ножки?
Лежат в траве, а подле – рожки:
Оставил ты сей жизни брег!

С свечою, козлику возженной,
С слезой, застывшею у глаз,
С вдовою, скорбью помраченной,
Закончим наш недолгий сказ.
Не пой, моя печальна лира!
Ушёл козёл из бренна мира...
Покой есть нашей жизни цель,
Смиримся с истиной такою, –
Он ближе был к тому покою,
Куда мы все идём отсель.

А. И. Солженицын

А и был же козёл! Долгобрадый, сереброшёрстый красавец-гусар, с рогищами пышными, гордо взнесёнными к солнцу! По всей кондовой Руси схожего не разыщешь, сколь ни расстарывайся – уж это нами доточно узнато.

И ведь взращивался-то не в запущи, ведь так иззаботилась о нём седющая Матрёна Воиновна, что оно и вдиво было иным! Дробный постук копытец его сердцерадостных бесперечь разносился по двору.

А – не уберегла милёнка свово Матрёна, не доглядела: захлопоталась как-то калитку затворить – он и пронырнул, неуёмный. Да по тропочке, по тропочке всё полем, да к чащобе-от – задробил-зацокал копытцами своими душезвонкими. Тут-то волчьего отродья псы поганые, нехристи клыкастые с душами заиндевелыми, его и пристигли. Ухватили с разных сторон и, соблазна своего не для, почали ненасытность свою ублажать. Ох, да и как ели-то! – внимчиво косточки хрящавые пережёвывая, гужевались неспешно.

... Опосля уж, люди сказывали, сыскала горемычная Матрёна Воиновна, окрест леса поисходя, лишь копытца его, когда-то любо-весёлые, да ещё знатные рога его, болезного – на память вечную себе о любимце.

А и то сказать: нет виновных в его кончине, все под Богом ходим, и всякое приключается на святой Российской нашей земле.

В. С. Высоцкий

Как за речкой Псёл
Жил да был козёл –
Роги длинные,
Мозги куриные.
Не с волками жил,
Не по-волчьи выл –
В доме марьином
Жил он барином.

А кругом-то лес дремучий,
Всякой нечисти приют,
А в лесу-то серой тучей
Волки шастают-снуют.
Ищут-рыщут пот ночам –
Ох, разбойники!
Воют воем. ровно там
Упокойники.
Страшно чуть-чуть!

Вишь, любовь-то зла,
Любишь и козла
Грязно-пегого,
Коли некого.
Марья старая
Верной парою
Друга холила,
Не неволила.

И задумал он в бездельи
Прошвырнуться напоказ;
Для шальной такой идеи
Курьи мозги в самый раз.
Глянул, как Наполеон,
Вверх рога задрав,
Сиганул на поле он
И ступил меж трав:
Не страшно ничуть!

Не просёк козёл,
Как в тайгу забрёл.
Не видать не зги –
Подвели мозги.
И попал, дурак –
Не заметил, как –
Волчьей челяди
Прямо в челюсти.

Сгинул, спесь свою утратив,
Весь растаскан на куски, –
Не ушёл от волчьей рати,
Ублажил её клыки.
И сыскали у дороги
Внуки марьины
Лишь евойны роги-ноги,
В кучу свалены.
Страшно, аж жуть!..

Пётр I

Нами прослышано доподлинно, что будто у старухи некоей, на деревне Брыкино проживающей, сгинул племенной козёл, от коего вследствие зарезания сего козла волками найдены были в чащобе токмо рога да копыты общим числом шесть. Посему впредь указую: оных хозяек, что скотину в лес без присмотру должнаго отпускают, наказывать за сие упущение зело строго плетьми, исподнее назади задрав прилюдно, дабы не случилось тем недосмотром государству Российскому упадку учинить.

Александр ТАНКОВ

Почетный староста ЛИТО ЛЭТИ,

Председатель секции поэзии Санкт-Петербургского Союза писателей

* * *

До чего этот воздух прокуренный рыж,
Этот свет неразборчив и лжив!
Ноздреватые глыбы срываются с крыш...
До чего я пока еще жив!
До чего мне пока еще больно смотреть,
Даже если не видно ни зги!
До чего мне пока еще жаль умереть,
Не отдав этой жизни долги!
До чего еще можно все то, что нельзя,
До чего еще жадно и зло
Оступаясь, оглядываясь, скользя
Понимать, до чего повезло!

* * *

Может, где-нибудь под Кандагаром
Так же ночь душиста и темна,
И гордится смоляным загаром
Смуглая восточная луна.
Собственно, и важно только это:
Ночь и исчезающие в ней
Острые, скупые искры света –
Светляков ли, бортовых огней...

* * *

Залитый холодным ртутным светом
Хрупкий снег и черен, и лилов.
Я хотел бы написать об этом
Только разумеется без слов.
Потому что слово так нечестно –
Если можешь, лучше промолчи.
Потому что сердцу слишком тесно
В залитой сиянием ночи.
Потому что то, что было словом,
То что зрело, в пустоте паря –
Стало снегом черным и лиловым,
Резким ртутным светом фонаря.

* * *

Задыхаясь, захлебываясь, за – что еще?
На каком-то шершавом, приснившемся языке
То бормочешь, то дышишь в мое плечо,
То затихнешь, замрешь – щекой на моей руке,

И когда дыханье твое заполняет ночь,
Как не могут любить сорок тысяч кого-нибудь
И никто никому ничем не понять, помочь,
Разделить, обнять, объяснить… прости, забудь.

* * *

Ах, наверное, нас научил Фома
Грозовому неверью ночной реки.
Как наощупь можно сойти с ума,
Темноту, как птицу, кормя с руки.
Я уже не тот, за кого меня
Принимают камни, трава, кусты
У ночной грозы попросив огня,
В темноту, как в рану, вложив персты.
И покуда время журчит в ночи
И деревья учат язык дождя,
Об одном и том же навзрыд молчи,
В темноту, как в воду по грудь войдя.

* * *

До свиданья, моя золотая.
В тихой дымке осеннего дня,
Как последний листок улетая
На прощанье окликни меня.
Чтобы сердце мое онемело,
Чтоб забилось навзрыд, как пришлось,
Чтоб оно горячо, неумело,
Как впервые, от счастья зашлось.
Чтобы жарче еще, чем впервые,
И страшнее, чем в самом конце –
Мы живые еще, мы живые
Прочитать у тебя на лице.

* * *

Вся жизнь – прощание, прощание,
Прощание с самим собой.
Несбывшееся обещание,
Обрывок неба голубой.
И роща нищая, шуршащая,
О чем-то с ветром говоря,
Сырое курево крошащая
В дрожащих пальцах октября.
Твердящая, как завещание,
Раскинув мокрые крыла,
Что жизнь – прощание, прощание,
И что она прошла, прошла.

* * *

Говори, говори! По заблудшим кустам,
По садовым дорожкам, по крышам,
Говори, расставляй ударенья не там –
Наплевать, говори, мы услышим!
Говори, мы поймем, мы найдем словари,
Рубероид – плохой переводчик,
Все равно на каком языке говори,
Мы поймем, мы прочтем между строчек.
Повторяясь, сбиваясь, спадая с лица,
Говори, – мы промокнем до нитки,
Но поймем твою речь до конца – от крыльца
До зеленой и мокрой калитки.

* * *

Вечер, растворимый без осадка,
Сонный, бесконечный разговор.
Времени усушка и усадка
Неба, заглянувшего во двор.
Так темно, непоправимо, сладко,
Пересадка, складка, повар, вор…

Кто это сказал – неповторимо
Все, что между пальцев утекло?
Вот оно – без имени, без грима,
Жадно, горячо, нерастворимо
Ломится, как бабочка в стекло.

* * *

На гремучей бронзовой латыни,
На колючем выцветшем фарси
Ты у наступающей пустыни
За меня прощенья попроси.

Раздирая яркую обертку,
В новостях вечерних помяни
Лошадей чугунную четверку,
Озерки, Гражданку, Сен-Дени,

Пригороды, взятые в осаду
Горечью твоих коротких встреч
Трещиной, бегущей по фасаду
Разрывает варварская речь.

Не кичливым говором армейским,
Не скрипящим на зубах песком –
Ассирийским, коптским, арамейским,
Мертвым и воскресшим языком!

* * *

Если – смерть, то зачем, то зачем, то зачем
Эта нежность и жар, эта жесть,
Если нечем платить, не оплакать ничем –
То зачем, то зачем это есть?

То зачем это рдеет, рыдает, горит
И зачем это бьется в руке,
И зачем этот ливень со мной говорит
На своем жестяном языке?
И зачем этот сизый холодный рассвет,
И зачем этот плач за стеной,
И зачем этот вечный двуличный ответ
И дождя барабан жестяной?

Соловьи. Пять стихотворений о русской поэзии.

1.

И в темнеющих, сизых, бесплотных кустах,
И в бесцветной, сумерничающей траве,
С белой пеной любви на синюшных устах,
С непроглядной слепой синевой в голове,
В золотой темноте различая с трудом
Губы, волосы, плечи, кусты – напролом –
Этот щелк, этот шелк, этот майский дурдом
Обливая текучим лиловым стеклом.

2.

На зубок попробовав свинцовый
Темный воздух – жарче, лиловей
Приступил к разбору образцовый,
Правильный советский соловей.
Раскатил, примерил, переплавил
Гулкую журчащую руду,
И пошла уже игра без правил…
Как вы говорили – по труду
Каждому воздастся, не по вере?
С грозового неба – кувырком
Бледный конь и женщина на звере,
Соловьиный жаркий совнарком…

3.

Кто сказал, что в затылок стреляют враги?
Не враги, не соперники, только друзья,
Забывая разбившие сердце долги,
Не дослушав заносчивого соловья –

Те, кто вышел в тираж, те, кто вышел в князья,
Те, кто просто за пивом однажды ушел,
Оглянувшись, оставив незапертой дверь,
Не простив этот рокот, и шепот, и шелк…
И в вечерних кустах шевелящийся зверь
Словно ищет кого-то в потемках души
И не может найти, и не может уйти,
Повторяя: замри, заучи, не дыши
Этот шелк, этот щелк, эту ночь взаперти…

4.

Кто в учительской кустов, кустов соловых
Разливал, зевал, затверживал урок,
Повторял, нырял в слезах, в сетях, в уловах
Шепоток неслышный, лишний говорок?
Это соловьиной лексики, грамматики Вандея
Жадная; глаголов лживая струя,
Самого себя заслушавшись, балдея
Школой молодого соловья,
Научи журчать, не веря переводу
На язык ночной дымящейся реки,
Научи входить в одну и ту же воду
Замирая, сердцу вопреки,
Научи писать по воздуху. Как ватман
Разлиновывать глаголом ртутным, молодым,
Горьким как полынь, слезливым, неопрятным,
В небо уплывающим, как дым.

5.

Разрывная, горючая, гулкая страсть,
Горячее объятий твоих -
Как попытка случайную радость украсть,
Полноценную смерть на двоих.
Разыграв молодую ночную грозу,
Как сонату, в четыре руки,
Ты останешься, словно соринка в глазу,
Словно шест посредине реки.
Соловьиным стилом четвертована ночь,
И в разрыве – чужая звезда…
Не пытайся понять, не пытайся помочь,
Но останься со мной навсегда.

* * *

Ворона сушит крылья мокрые
На ветке ниже этажом.
Густым кармином, хмурой охрою
Больничный сад преображен.
Одна сосна скрипит и горбится,
Как будто сетует о том,
Что от дверей второго корпуса
Уходит женщина с зонтом.
Нас не обманешь яркой внешностью,
И осень долго смотрит вслед
С такой непоправимой нежностью,
Как будто смерти вовсе нет.

Liebe ist kalte als der Tod

Больше чем нежность, гораздо сильней чем страсть –
Правда и право всего, что не стало сном,
Эта потребность, необходимость красть
Тело, и лето, и дерево за окном.
Кража – ведь то, что ты любишь – уже не ты,
Кража – поскольку ты здесь, а оно по ту
Сторону жизни… секунда до пустоты,
Жадные губы, и кожа твоя в поту.
Солнце на шторе рисует резной фестон.
Чтоб не ослепнуть от света, глаза закрой.
Окна открыты, и этот последний стон
Может быть счастьем и старшей его сестрой.

Святослав ТЕРНОВ

Выпускник СПб ТЭИ

* * *

Ах, если бы из всех своих стихов
Я мог бы сшить стремительные крылья
И пробежать ступени облаков,
Презрев своё законное бессилье…

Ах, если бы перо в луч обратя,
Я мог согреть озябшее дитя, -
Так просто, словно создан для того,
Чтоб греться от таланта моего…

Увы, но разлетаются листки
Малейшим мановением руки.

* * *

Потерпи! Морозный горный воздух
Грудь однажды вздохом распахнёт.
И душа, заслуживая отдых,
От пещеры камень оттолкнёт.

И войдёт смущённая, рыдая,
В недра рассекреченной горы.
И навстречу ей взметнётся стая
Дум, хранящих радости дары –

Размышлений бережных, нетрудных
О высокой тайне бытия,
Упований светлых, неподсудных –
И поверит в них душа твоя.

И поймёт, что здесь уже бывала,
Что всегда ей снился белый снег –
Тайн благоуханных покрывало
И лугов цветущих оберег.

И темно не то, что с нею было,
А воспоминание о том,
Как она усталая бродила
И не находила милый дом.

Как мечтала выслужить свой отдых,
А над ней усиливался гнёт,
И шепнул ей кто-то: Горный воздух
Грудь твою для счастья распахнёт!

* * *

Бесцельно дробится хрусталь отколовшейся льдины
На темно-коричневых, пьяных от солнца волнах.
Грифоны, мурлыча мечтательно, выгнули спины
И нюхают воздух, забыв о пророческих снах.

На шеях у Сфинксов цепочками звякают блики,
Потом рассыпаются в пляске с тенями воды.
Возможно, что радость и горе не равновелики,
Но тают пронзенные негой бесценные льды.

По дороге в зоосад

Пред лицом чужих разлук
Стыдно радоваться жизни.
Или всех я здесь капризней?
Счастье валится из рук,

Как замечу волчий взгляд
Повзрослевшего ребёнка
Или детский взгляд волчонка
По дороге в зоосад.

*** * ***

Пьют из солнечного блюдца
Золотое молоко
И опять играть несутся
Тюленята облаков.

По земле змеятся тени
И сплетаются в клубок,
Если взрослому тюленю
Тюленята ткнулись в бок.

Он их шлёпает не больно
В назидание хвостом.
И разносится невольно
Над землёю первый гром.

Брызгам зонтики навстречу
Поспешили расцвести –
Так хлопушки снизу мечут
Вверх икринки конфетти.

Наталья ТУЛИНОВА

Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

****

Я, наверное, схожу с ума.
Потихоньку срывает крышу.

Сейчас буду писать полный бред.
Не считайте, что полная околесица,
Иногда тоже хочется отвлечься
И рассказать миру всякую ерунду.

Например, сегодня я видела мышку.
Я испугалась, а она ускакала от меня вприпрыжку.
Я закричала и оттого у маленького созданья
Случился, наверное, инфаркт.

А еще, сегодня был ужасный ветер,
Сносящий все на своем пути.
И день был ну никак не светел,
А на учебу все же надо было идти…

* * *

Жизнь похожа на абстрактную картину, где в хаотичном порядке налеплены события, случайности, чужие судьбы… да и моя тоже..

* * *

Хотеть сделать «как лучше», а взамен получить угрызение совести – не совсем завидная перспектива. Значит, лучше либо мучиться, либо перестать творить добро – во всяком случае, на это есть Бог.

Светлана ФИЛИППОВА

Член СП ЛО и СПб

*** * ***

Прошло, прошло.
Померк слепящий луч.
Сменились кручи берегом пологим.
Привычно зауныввен и тягуч
Тележный скрип изъезженной дороги.

И счастью, и несчастью
есть предел.
Не всякому желанью должно сбыться.
Мой белый вороненок захирел,
Так и не став свободной, смелой
птицей.

Быть по сему.
Судьбу винить нельзя.
Законы бытия для всех едины.
Ведет неумолимая стезя
И князя дочь, и дочь простолюдина.

Что ж впереди?
Желанный, яркий луч
Иль хмурый день, исполненный тревоги?
Покой долин иль одоленье круч? –
Все с благодарностью приму
от Бога.

Философское

Поля, поля! Картошка без конца.
Ботва по грудь, сорняк до поясницы.
Наклонишься, чтоб выдернуть мокрицу –
И не видать ни тыла, ни лица.

Вот так и день: заботам края нет.
Вот так и жизнь: внаклонку да вприсядку.
Так и придешь к концу своим порядком,
В картофельной ботве оставив след.

Наталья ХАРИТОНОВА

Студентка НИЯК

Химия чувств

Любовь по улицам гуляет
И каждый раз на новый лад
Мне образ свой предоставляет,
А я, как прежде… наугад.

В моей душе – эксперименты:
Ищу субстанцию чудес!
Почти сложила элементы,
Чтоб дотянуться до небес.

* * *

Я о тебе, любя, мечтаю...
Я за тебя в ночи молюсь...
И потерять тебя боюсь,
От страсти медленно сгорая...

Ты подарил звезды сиянье,
Сорвав мой первый поцелуй.
Свечу сомнения задуй
И обрати в любовь желанье.

Коль суждено

В горах, на пике грёз из детства,
В садах, где розы мирно спят,
Мои мечты в огне горят,
А мысли вновь пустились в бегство...

Мелодий новых много в мире,
Я в их словах ищу одно,
Ищу тебя, коль суждено
Тебе владеть моею лирой.

Работа Валерии Колычевой

Вера ЧИГАРИНА

Разговор с луной

Интересно, почему луна, когда бежит мимо поезда,
все время спотыкается об деревья?
(Дочкины мысли вслух)

Я прошлую ночь провела без сна,
Что было немудрено.
Незваной гостьей мадам Луна
Вкатилась в мое окно.

Присев тихонько на край стола,
Сказала: «Прошу простить
Мое вторжение, не смогла
Я больше одна грустить.

Декабрьский холод. То дождь, то снег -
Не майская благодать.
Я в мокрых тучах, поверьте мне,
Уже начала чихать».

Молчу. Ну, что ей сказать в ответ?
И мыслю себе тайком,
Что как-то солнце один поэт
Сладким поил чайком.

Потом говорю: «Ах, оставьте сплин!
Уймите скорее дрожь.
Хотите отведать горячий блин?
Он, кстати, на Вас похож!

Бука пишет письмо в газету, в рубрику знакомств

Позвольте представиться – Бука,
Не гадость, не пакость, не злюка.
Я в шкаф заползаю без стука.
Днем сплю, а ночами учусь.

Сегодня остался на полке
В шкафу у Смирнова Николки.
Прилег на красивой футболке
И Блока читал наизусть.

Я, знаете ли, образован.
Уайльда читал и Толстого,
И Фрейда (а что тут такого?),
И Стивена Кинга читал.

Хотел поиграть с Николашей,
Слегка покряхтел и покашлял,
Похлопал в ладоши и даже
Состроил любезный оскал.

Но Коля чего-то не понял,
Вскочил, как испуганный пони,
И, рупором сделав ладони,
Отчаянно маму позвал.

Меняю то шкуры, то лица.
Не рыба, не зверь и не птица.
Я, если ребенку не спится,
Пытаюсь затеять игру.

От визга устал, от испуга.
Нужна от газеты услуга,
Найдите скорее мне друга,
Иначе от скуки умру!

Все дело было в шляпе

Окончился творческий вечер -
Коктейль из напитков и слов.
Мы едем Морфею навстречу,
Пьяны от вина и стихов.

Мадам (назовем ее Капа)
Чуть слышно, чуть пьяно, чуть зло
Шепнула, что мне моя шляпа
Идет, как корове седло.

Народу к полуночи мало
Баюкал, качаясь, вагон,
И, кажется, я задремала
И странный увидела сон.

По темечку топчется шляпа,
Как черный некормленый кот,
Мне волосы цапает лапой
И скорбно, утробно орет:

«Хозяйка, мне что ж, на помойку,
Чтоб Вашей красе не мешать?»
От боли тихонечко ойкнув,
Я шляпу давай утешать:

«Союз наш незыблем и крепок!
Тебя никому не отдам.
Ты лучше, чем тысячи кепок,
Чем сотни моднейших бандан!»

Проснулась! Моя остановка!
В депо ведь уехать могла.
Я шляпу поправила ловко
И к выходу гордо пошла.

Стихи и поэт

Как снег весной, усталые и грустные,
Как яблочки, хрустящие и вкусные,
Нездешние, как блеск волшебной палочки,
Лукавые, как поцелуй русалочки,
Наивные, как кукольные платьица,
Из вечности горошинками катятся
....
И, несмотря на творческие муки,
Поэт им снова подставляет руки.

Максим ШВЕЦ

Член правления Союза Писателей Ленинградской области и Санкт-Петербурга

В квартире

Фантастика, фантазия, фантомы.
Герои сказок: кошки и коты
заполонили все пространство комнат,
и счастлив я от этой тесноты.

Довольный Бегемот, живот погладив
и хрупнув малосольным огурцом,
перелистал стихов моих тетради
и сочно «обозвался» - «молодцом».

Кот в сапогах вельможный и красивый
учился шаркать ножкой на ковре
и величал - маркизом де Максимом,
и приглашал в заморское турне.

Кот Мурр, благовоспитанно жеманясь,
манерничая, словно камергер,
просил автограф у меня - на память,
не замечая скромный интерьер.

Чеширский кот роскошно улыбался,
Матроскин бутерброды уминал,
одни - неправильные, как я ни старался,
других не получилось у меня.

Базилио ругался и канючил,
что он несвоевременно облез,
стянул и спрятал в шляпе авторучку,
а Митрофан от пива был нетрезв.

Кот Леопольд увещевал собранье.
Никто его не слушал в суете.
А я, с ногами сидя на диване,
над рифмами глагольными потел.

А кошка, что гуляла, где хотела,
пройдясь по отопительной трубе,
так огненно глазами заблестела,
что стало мне слегка не по себе.

* * *

Этот мир на себя не похож.
Ни дома не узнать, ни трамваи.
И смеётся седой Управхоз,
календарные листья срывая.

Что там - завтра?
Бураны, дожди?
Мы забыли: где - счастье, где - горе!
Всё - ещё впереди. Впереди?!
Скачет, скачет Святой Георгий.

Всё - иллюзия, всё - обман,
ссылка длинная - в Интернете.

- Ты приврал…. Хоть чуть-чуть убавь!
На какой мы с тобой планете?!

Вот - и станция, вот - и вход.
За решёткой, как - в зоопарке.
Крикнешь радостно: «Ий-хо-хо!»
Но прядут свою пряжу парки.

Всё проходит, минует всё.
Всё меняется слишком быстро.
И летит по улицам сор,
словно кто-то вновь мечет бисер.

Елена ШИПИНА

* * *

Что сорок лет?! Что сорок тысяч лет?!
Что сорок мучеников веры в Иегову?!
Что сорок тысяч тел под Ватерлоо?!
Ответа нет, конца дороги нет.

Вибрирует гортань – звучит сорокоуст,
И Ноосфера вздрагивает томно:
«Я так тонка. А что не я – огромно,
За сорок световых – один лишь звёздный хруст.

Лишь здесь сороковин густое болеро
Бодрит меня, как сапиенса кофе,
А тени чернь – моей планеты профиль –
Так страстно спутника целует серебро.

Да сорок сороков! Сороки на хвостах
Мне каждый оборот благую весть приносят:
«В сорочке родилась!» — и ничего не просят
За то. Лишь ветви древ оставить на местах».

* * *

В тинах эфиров тают миры.
Хитренько тикают таймеры.

Под колпаком у них наши дома,
Наши дела и наши слова,
Наших писаний тома и тома,
Наши обязанности и права,
Наши привязанности и трава,
Что зеленеет у наших домов –
Всё от пылинки и до богов:
Плач над усопшим, смех детворы...
Тикают циники-таймеры.

Я допускаю, смиряюсь – и пусть!
Но за цинизм их над ними смеюсь:
Им от любви моей – ни десятины!
Только пространства и времени тины.

Корела

Старинная крепость Корела.
Лекальны ее очертанья.
Я и сама устарела.
Летальны мои мечтанья.
Когда отлечу, пожалуй,
Пролечу над тобой, Корела…
Хочу, чтоб заката жалость
К нам жалась бы и горела.
Желание загадала
И в воду монетку бросила:

Монетка моя упала
В серебряный дождь на Вуоксе…
Почудилось: множество-множество душ
Устроили в речке серебряный душ.

*** * ***

Жемчужной ниткою словесной
Три раза шею обовью.
Она таинственно-прелестна…
Ну, поиграй в игру мою!

Из заготовок «маяковских»
Мне нынче не под силу взять
Рифм питерски-дефис-московских
Иль что-нибудь тому подстать.

Давай беседою займемся,
Устроим вечер при свечах,
Слезами света обольемся,
Ловя их отблески в очах.

Нам больше ничего не нужно,
Мы этим счастливы вполне:
Словесной ниткою жемчужной
Повязаны наедине.

Данил ШИШКИН

Студент факультета политологии ГУ-ВШЭ

2.11.07

Правильному курсу и Президенту Путину посвящается…

Я рад и за страну, и за себя
За всех других, которые не зря
Сегодня встали и пришли
Отдали голос и ушли.

Я думаю, что это не напрасно
Хоть много тех, кто несогласно
Бастует, марширует в ногу в ряд
За то, чтобы вернуться нам назад.

Глупцы, но и без них бы было скучно,
Кто б нам кричал: «Тут всё народу!», – звучно,
«Отдайте деньги, Путина долой!»
Глупцы, как будто родились они впервой…

Я отдал голос Президенту.
Я вижу дело, есть реальные дела.
Россия – есть и будет развиваться,
Пока такие люди будут у руля!

К тебе

Сей бред, наверно запишу и я стихом его зову: о жизни и тебе, и одиночестве моём, о ночи тусклой за окном, о мягкой койке и столе, где я пишу, пишу тебе! Через каналы и мосты, сквозь арки питерских домов, под ярким светом фонаря бежит, бежит все мысль моя, минуя скверы и сады, и дом Петра, и Спаса на Крови, не замутнённая ничем, бежит, бежит она к тебе, и я за ней.… И спотыкаясь на ходу, я крикну: «Я тебя люблю!» Но твой ответ утонет в тишине, как жаль, что не дошла мысль, светлая, к тебе…

6.03.08. ночь, Кате

Мария ШЛЯХТЕНКО

Выпускник факультета ПМ-ПУ СПб ГУ

Испания

Только ты и я. И мир на ладони.
И поэтов, писателей рваный круг.
Ты читаешь стихи чужой мадонне
И опять замирает все вокруг.

Только мы и мир. И в люстре отеля
Мы оставим еще одну горсть монет.
Если миру цена – одна неделя,
Значит, вовсе этого мира нет.

Только в каждом звуке и в каждой фразе
Я услышу и буду тебя искать.
Значит, воздух Испании мне заразен,
Растворив, продолжает меня лакать.

Опустив на голову молот лета,
Пляшет разноголосый безумный мир,
Где немного южнее, мимо Толедо,
Катит воды шершавый Гвадалквивир.

Плюс еще неделя и поле битвы
Я покину, используя старый Ту.
Я тебе оставляю мои молитвы.
Ты на сердце впечатаешь мне тату.

Владимир ЯКОВЛЕВ

Преподаватель ФЭМ

Новогоднее

Вы считаете, что Случай
Правит Бал? – Отнюдь: случайность –
Это участь невезучих
Я же верю в виртуалъностъ!

Воздушной вязью слов заздравных
Вы славный возвели мосток,
Соединив в мгновенье ока
Российский Запад и Восток.

Пуская по волнам эфира,
Рожденным Гением и Страстью,
Свои слова, желаем мира
И человеческого счастья.

Так, пользуясь плодом прогресса,
Мы во всемирной паутине
Снимаем ощущенье стресса
Всей виртуалъностъю, отныне…

Под Новый Год приятно вспомнить
Минуты неслучайных встреч,
И слово трепетное молвить,
И Словом доброе сберечь!

Елена ЯНОВСКАЯ

Студентка ГУ-ВШЭ

Осень

1. Осень

всему виною просто осень,
и яркий смерч над головой,
что под ноги мне судьбы бросил,
что мне шептал на мостовой
слова обид и непрощений,
слова обычной кутерьмы,
всему виною дождь и тени,
всего лишь тени от луны.
и я, отбросив все сомненья,
согрела чуждую руку,
всему виною только тени
и осень следом по виску.

2. Осенний листопад

Осенний листопад и встреча где-то в парке,
И серые глаза. И время как песок.
Не думать о словах. Не вспоминать про рамки.
И только – взгляды вдаль. Отчаянный бросок.
И просто – говорить. О чем-то долго спорить,
Идти, идти, идти... Куда глаза глядят.
Стихами говорить. И вспоминать о море.
Чудесная пора... Осенний листопад.
Шуршать, шуметь листвой, кружиться с ней в обнимку.
Глаза в глаза. Контакт, как призрачная нить.
Осенние мечты – Забытые картинки
Их даже листопад не в силах сохранить.

3. Моя осень

Может быть однажды в декабре,
Я забуду осень. Ту чертовку,
Что пришла однажды на заре
И сменила едкость обстановки

Ветрами и каплями дождя.
Та ворвалась в жизнь мою, шутя,
И столкнула нас с тобой, играя.
Знаешь, осень тоже умирает,
Умирает, нас с тобой любя.

4. Дождь

Дождь играл мне на стеклах сонату,
Он на ушко шептал мне мотивы,
Было все в них: легато, стаккато,
Пианиссимо, форте. Игривы
Были танцы его на асфальте.
Вот сначала: безумная полька,
А потом закружил ветер в вальсе.
Я тихонько считала доли.
Ну а дальше – затих в ожиданьи,
Слушал шелест – то листьев сплетни
Разносились по улицам. Таял,
Таял дождь мой, застыв в менуэте.

Серо-голубая эпиграмма

Тоскливо.
Смотрю на оконную раму:
Так глупо и даже смешно –
Пишу эпиграмму
Себе...
И ты смотришь в окно.
И кажется, небо сейчас разорвется от этого взгляда.
Ты яд мой – так дайте мне яда!
Побольше, чтоб не отдавать тоске.
Тоскливо.
И мысль – о тебе.

*** * ***

Меня больше нет в этом списке былых нелепостей,
Меня больше нет, а ты пьешь неостывший чай.
Меня больше нет. Нет слуги для его высочайшей Светлости.
Ты сам отводил глаза на банальный вопрос: «Скучал»?

Меня больше нет. Крашу волосы в рыжий, а сердце – в каменный.
Табличку повешу «Не смейте сюда стучать».
Я больше ни с кем не буду такой доверчивой, пламенной.
Когда, наконец, ты допьешь этот чертов чай?
Захлопнулась дверь. И только «Прости» на прощание,
И снова – сползти по стене. И ладони в кулак.
И кажется – вмиг разлетелись все нервые окончания,
И больно дышать. Меня нет. Правда, это пустяк?

* * *

На нашей улице пустынно. Гасим свет.
Танцуем вновь мы лунный вальс по лужам.
Рука к руке и разговоры тет-а-тет,
А кто-то там, в окне, готовит поздний ужин.
На нашей улице поют для нас романс,
А мы с тобою говорим. И в этом мире
Все блекло так, когда танцуют венский вальс
Два сердца любящих. Гасите свет в квартире.
На нашей улице пустынно. Нежный звук.
Играть на теле лунную сонату.
Любить тебя. Любить причуды твоих рук.
Любить безумно. От рассвета до заката.

* * *

В открытое окно скребется ночь
Грубо, грустно, печально.
Пытается меня та превозмочь –
Меня не превозмочь в моем отчаянье.
В этом неприглядном, сером,
Хоть оно и кажется снегом,
Но внутри пусто, устало.
Ты не смирилась, не сбежала,
А я убегу. Я таю.
Отчаялась себя превозмочь.
Может быть, слабость, может – февраль.
Улетай, ночь, ты не справишься со мной.
Прошу, улетай

Уездный Город Рославль

Работа Юрия Королёва

Антон АЗАРЕНКОВ

Ученик 9 класса средней школы № 10

Тень

На рисунке – солнце,
Ангел ноября;
Умирает осень
И ложится в грязь.
На рисунке – небо,
Серое пятно,
Разлилось рассветом
За окном...

На рисунке – листья,
Ветром принесло...
Я рисую кистью,
Мне не надо слов.
В этих странных красках
Поселилась боль
Тенью в черной маске
За спиной…

На рисунке – лик твой,
Светлая печаль...
Осень кружит вихрем,
Улетая вдаль...
Оживляя краски
Мёртвых тёмных стен,
Ты снимаешь маску
В темноте…

Ночь

В каплях дождя спускается ночи вуаль,
Дух тишины качает твою колыбель,
Запахи снов рифмуя в печальную даль,
Над колыбелью небесный поёт менестрель…

Меркнут цвета, но ангелы будут с тобой...
Здесь, в темноте, останутся сон сторожить…
Крылья, увы, истерзаны злом за спиной:
Рухнуло небо – пристанище лести и лжи...

Слёзы твои потушат украденный ад,
Вырастут мигом ветви из чёрных земель,
Вместе совьются, ввысь навсегда воспарят…
Эти сплетенья подхватят твою колыбель...

Смерть

Былых мечтаний звон хрустальный
Застыл в кромешной тьме времён,
И больше этот хрупкий звон
Не рвал стальных оков молчанья.
Седое небо дождь и росы
Слезой прольёт на скорбь могил,
Где слышал я твои шаги,
Где мёртв, казалось, даже воздух...

Но сотни ангелов надменных
Тебя оставить не смогли...
И я теперь печаль земли
Дарю холодным, мёртвым стенам...

Но вот померк их свет, а крылья
Им незачем носить с собой…
В сердцах остался образ твой:
И ангелы его любили…

Надежда СОЛОВЬЕВА

Преподаватель русского языка и литературы

* * *

Наша жизнь – зажжённая свеча:
Жребий предначертан изначально...
Жди, усердствуй, плачь, руби сплеча –
Всё бессмысленно: судьба случайна.

Вырывая из небытия
Каждого, отдельного, как многих,
Замыкает нас в границы «я»
И ключи теряет. А в итоге

Мы на ощупь тянемся к добру,
Ошибаясь, падая и мучась.
Но свершает рок свою игру
И за нас решает нашу участь:

Умного оставит в дураках,
Гордого поставит на колени,
Все надежды рассыпая в прах,
Оставляя горечь сожалений.

Мы сгораем, так и не поняв
Ничего, что в этом мире значим…
Наша жизнь – безумий мудрых сплав
И ума никчемного в придачу.

* * *

Ничего ты мне, милый, не должен:
Я сама приняла этот плен.
Потому что велением Божьим
Поднял ты мою душу с колен,

Потому, что по самому краю
В этой жизни с тобою иду,
Потому, что заведомо знаю:
Ты моим будешь только в аду.

* * *

Зачем тебе моя любовь?
Острей почувствовать победу
И думать: я сейчас уеду,
А Бог решит, вернусь ли вновь?

Зачем жестокие вопросы?
Узнать, что там, в своей дали,
Я погибаю от несносной,
Не нужной никому любви?

А может быть, храня молчанье
И прошлого не теребя,
От муки совести – страданьем –
Немым – спасаю я тебя.

* * *

Уходя, не стану хлопать дверью,
Не взорвусь слезами от обид,
Потому что ты уже не первый,
Кто напрасно душу бередит.

Не хочу я больше слов красивых!
Слово – звук. Так грош ему цена!
Помолюсь за счастье всех счастливых
И уйду, по-прежнему одна,

В пустоту и холод зимней ночи.
Долог путь. Безрадостен финал...
Ты, наверное, ещё не очень
Понял, *что* имел...
и *что* ты потерял!

Цикл безглагольных стихотворений юных поэтов г. Рославля о весне

Антон АЗАРЕНКОВ

Весеннее утро

Воздух, наполненный свежестью ветра;
Солнце, разбившее серые путы;
Реки слепящего, яркого света...
Тихое, тёплое, светлое утро!
Травы, рождённые дикой землёю,
Тихо поющие тайную песню;
Снег, засверкавший далёкой звездою,
Ночью плывущей по глади небесной...
Росы, пролитые небом печальным,
Вмиг разогнавшие зимние смуты;
Звук, не сумевший нарушить молчанья…
Тихое, теплое, светлое утро!

Максим ГОВРЮСЁВ

Весна

Теплынь. Подснежник. Ранняя весна.
Капель. Улыбки. Тучей мошкара.
Ручьи. Кораблик. Лучшая пора!

Максим КАЛОШИН

*** * ***

Утро. Весна. Маленький двор.
Яркая травка, зелёный простор!
Сосульки на крышах, смех детворы.
Высокое небо. Звуки весны.
Раскатистый гром где-то вдали.
И солнечный зайчик в квартирах внутри.
Пение, трели, крик журавля.
Какая прекрасная юность моя!

Евгений НАЗАРЬЕВ

Весенняя пора

Весна. Игривая капель.
И птичья радостная трель.
И первый маленький цветок.
Ручей, бегущий на восток.
Резная ранняя листва.
Ярко-зелёная трава.
Голубоватый свод небес.
Вдали виднеющийся лес.
Прекрасный утренний пейзаж.
Простой природный вернисаж.

Алексей СТЕПИН

* * *

Тепло и спокойно. Ожившее солнце
Сверкнуло лучом на последнем снегу.
Зима, утомившись с весною бороться,
Ушла, ждёт теперь на другом берегу.
Ах, дни бесконечных и юных мечтаний!
Как долго я ждал этих радостных дней!
Иду, окружённый неведомой тайной,
Иду, улыбаясь великой весне.

Котострофика

На фото Кассандра Исаева

Дарья БЕРТОВА

О братьях наших меньших

Ты идёшь: чуть-чуть хромает лапка,
Шерсть смешно взъерошена клоками...
И вокруг всем, всем тебя так жалко...
Разве то – добро, что с кулаками?!
Ты свернёшься маленьким комочком:
Тёплым, мягким, добрым и наивным;
Навсегда оставшись одиночкой,
Никому ненужным и забытым!
Помурлычешь в тишине немножко,
Спросишь у судьбы, зачем всё так:
«Где же мама, где же мама-кошка?»;
От чего твой дом пустой чердак?
И никто не виноват, наверно...
Просто мир наш жестче стал и злей...
Люди часто поступают скверно:
Мы за тех в ответе кто слабей!

Зверь

Зверь дрался из последних сил,
Хотел врага порвать когтями...
Но враг сильней и больше был...
И сдался зверь... Гремя цепями,
В ошейнике и в кандалах
Он за решёткой – заключённый;
Вселяет первобытный страх...
И воет ночью... Обречённый,
Неистовый его порыв
Пробить замок проклятой клетки:
Вот дикий рёв, бросок... надрыв...
И обезьяны смех соседки;
Но ненависть в глазах горит,
И не даёт уснуть и сдаться!
«НА ВОЛЮ!» – мысль в мозгу кипит,
Иль с жизнью навсегда расстаться!

Виктория БОРЩЕВСКАЯ

Кошачье

Если она сидит на подоконнике, видит лед,
Чувствует нити тепла в беспробудном холоде,
Если она никогда не забудет о тонком, врожденном голоде,
Значит, она от души твоей не отойдет, не уйдет,
Будет пасти в засаде, как у мышиной норы,
Острая-острая мягкость, упрямая, вероломная…
Слишком домашняя или с избытком бездомная,
Что, впрочем, зависит от тех условий игры,
Которые примешь ты, подпишет украдкой – она,
Но почему-то *твоей* замысловатой подписью…
После нагрянут гости с вестью, наградой, описью…
Она безнаказанно встретит их, мурлыкая у окна.

*** * ***

Котенок из пустой коробки,
брошенный в грязной парадной,
спит, как ангел за пазухой,
в тряпье, напившись молока,
принесенного жалостливым жильцом.
Такое мимолетное счастье –
существовать.

Григорий БЕРЛИН

Кошка-поэтесса

Когда стихи родятся поздними ночами
Лукерья рядом ласково мурлычет,
И светится зелеными очами,
И хвостиком размеренно колышет.

По взгляду вижу и по дёрганью ушей,
Что рифма ей дороже всех мышей,
И что венец кошачьего прогресса –
моя Лукерья, кошка – поэтесса.

Нежность

Посвящается Л.Г.

Мой милый друг, присядь мне на колени
И хоть тебе я, верно, не супруг,
Но наших одиноких душ движенья
Навек замкнулись в неразрывный круг.

Люблю с тобой волшебные мгновенья
И музыкальный голос в темноте,
Волос пушистых блеск и губ прикосновенья.
Привык к твоей изящной наготе.

Боготворю жемчужную улыбку
И воском таю в нежности твоей.
Ты в мире этом сумрачном и зыбком
Со мной пребудешь до скончанья дней.

Я твой солдат и бард, ночная Королева,
Чьи добрые лучи зелёных глаз
Тоску, отчаянье и вспышки гнева
Во мне гасили много тысяч раз.

Повелевай, пока дышу и вижу,
Мне каждый тела твоего изгиб знаком.
Твоих врагов смертельно ненавижу
И пьян от счастия, когда ты входишь в дом.

Исполню прихоти и пожеланья,
Сам догадаюсь, ничего не говори,
Лишь в благодарность за мои старанья,
Пожалуйста, обои не дери.

Ревность

Мой ангел, как давно мы вместе
Я помню все Твои черты
Сестра, подруга и невеста
Принцесса сбывшейся мечты.

На жизненном моём причале
Ты якорь в сумрачной судьбе
Лекарство от любой печали
И утешение в беде.
К кому меня приревновала,
В твоих очах немой укор
Надулась, злишься, убежала
Твоя немилость приговор.

Уйти стремишься ты напрасно,
Я знаю, где тебя искать
Ведь не вчера нам стало ясно,
Что только вместе благодать.

Что нитью связаны незримой
Наверно, чьей-то ворожбой
Друг другу навсегда   нужны мы,
Идя   тернистою тропой.

В труде, и в радости, и в горе
Навеки твой, а ты моя,
Нам вместе по колено море
Скажи, ну чем мы не семья?

Так не ревнуй меня, будь выше
Меж нами быть не может лжи:
Когда сердца друг друга слышат
Бегут сомненья из души.

Поверь, что мне другой не надо,
Мой в царстве мрака солнца луч,
Моя звезда, моя отрада…
Только ночами не мяучь!

Кошачий манифест

Нам люди не друзья и не подруги,
Поклясться валерьянкою намерена,
Что Вы - двуногие кошачьи наши слуги,
Я в этом от рождения уверена.

Я также хвост даю на отсечение,
Тарелку ставлю отбивных мясных лепёшек,
Что Хомо Сапиенс – почти венец Творения,
Животный самый лучший после кошек.
Общаюсь я с людьми в удобном каждом случае
Любой из них легко мной узнаваем,
Но нет среди двуногих явно лучшего,
Чем верный мой слуга по имени Хозяин.

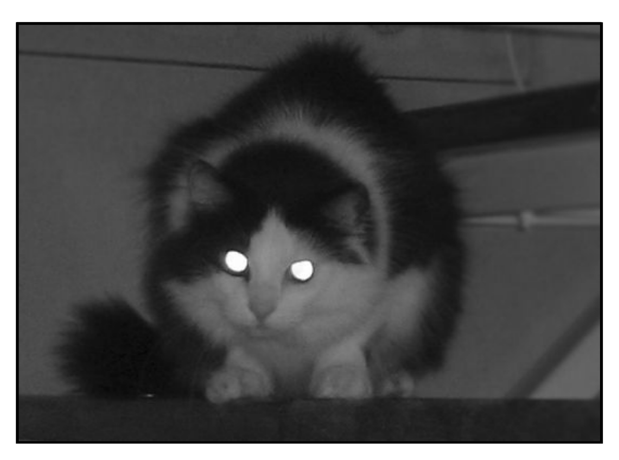
Он жизнь мою кошачью сделал сказкой
Меня он кормит, развлекает, поит
И в благодарность за любовь и ласку
Точу я когти об его обои.

Мне в радость каждое по шёрсточке глажение
Мне жизнь с хозяином осанна и нирвана
И в знак признательности за расположение
Я лапами скребу края его дивана.

А коль наедет на хозяина недуг,
Чему пример высокое давление.
Не вылезаю из его горячих рук,
Покуда не придёт выздоровление.

А ежели нагрянет враг непрошенный,
Моё шипение он встретит на пороге
Увидит хвост раздутый и взъерошенный
И унесёт в испуге злые ноги.

Пусть знает верный и покорный мой слуга,
Я талисман его, надежда и защита
Всегда любого отражу врага
И от разбитого спасу корыта.

На фото Мурзик Якубович

Екатерина МИТИНА

Утро

Мурзику

Уже утро. Не спи, не спи
Просыпайся, вставай, вставай!
Так охота любви испить,
Но пора уже ставить чай.

Время мчится вперед, вперед
Мы идем уже завтракать.
Но ночная истома зовет
На изнеженную кровать.

Ты меня обними, обними.
Ускоряясь, я прочь пойду.
Мы с тобой были вместе и
Разлетелись по городу.

Мы расстались на день, на день,
Тосковать в параллельных мирах.
Я ушла, чтобы вновь затем
Отразиться в твоих глазах.

Людмила НОВИКОВА

Фея

В семье есть новый член теперь –
Лохматый, милый, как игрушка:
Мой черно-бело-рыжий зверь,
Прекраснейшая кошка Пушка!

Она игрива и смешна,
И своевольно-непослушна.
Вся дикой грации полна, –
А как горда, как равнодушна!

Кто там газетами шуршит?
Кто нападает из-за шкапа?
Кто на диване сладко спит,
Раскинув задранные лапы?

Я разговариваю с ней,
Я сяду – кошка сядет рядом
И доброй теплотой своей
Она всегда делиться рада.

Нас Пушка любит ждать у двери,
Встречая песенкой своей.
А главное – она в нас верит,
Как в самых преданных друзей.

Чем больше я общаюсь с нею,
Тем чаще думается так:
Живет под видом кошки Фея,
Хранящая родной очаг.

Антон ПОГРЕБНЯК

Волна – Время

Кот:
Ты тоже станешь никому не нужен
Незваным гостем да на званный ужин…
(«Зазеркалье»)

Ты тоже станешь никому не нужен
Незваным гостем да на званый ужин
Не звать по имени, но помнить по названью
Течёт река, а в ней – воспоминанья
О камни бьются вздохи и улыбки
У прошлого нет права на ошибку
Стираются, как старые газеты,
Стандартные вопросы без ответа
Песок в ладони – всё, что нам осталось
Безумие, бессилие и жалость.
Не жадность к жизни и не ужас смерти –
Нет ничего, не верите – проверьте
Течёт река, и застывает прахом
Нет ничего, ни радости, ни страха
У старости вкус прошлогодней жвачки
Подарки превращаются в подачки
Глаза – в протезы, ненависть – в усталость
Безумие, бессилие и жалость.
Беззубая улыбка мирозданья
Не в силах время сделать расстояньем
Вернуть назад утраченные годы.
У времени особая природа
Оно как безвоздушное пространство
Не церковь, но церковное убранство
Оно – как глубина проникновенья
Оно опять распалось на мгновенья
Оно опять над нами посмеялось –
Безумие, бессилие и жалость.
Приметы времени – трагедия и фарс…
Оно пройдёт, не поднимая глаз.

Кормление Кошки

Продукты отличного качества!
Попробуйте, Ваше Клыкачество!
Попробуйте, Ваше Усачество!
Попробуйте, Ваше, ой! Кусачество!

Продукты в огромном количестве!
Попробуйте, Ваше Величество!
Попробуйте, Ваше Курлычество!
Попробуйте, Ваше Мурлычество!

Продуктов на целую армию!
Грохочут вагоны товарные
Не клеится рифма ударная
Вздыхают поэты бездарные.

На фото Баст Погребняк

Мария ПОПОВА

* * *

Отнимите у меня стихи –
Я проживу.
Буду так же совершать грехи,
Топтать траву,

На мужчин смотреть и не смотреть
На немужчин,
Буду рюмку наполнять на треть,
И все «чин-чин»

Подниматься рано поутру,
Кормить кота.
А потом состарюсь и умру.
И пустота.

Вера ЧИГАРИНА

Кот и шмель

Кот вскарабкался на ель,
Опустился рядом шмель,
Заявляет кот шмелю:
«Я жужжащих не люблю,»

Отвечает шмель коту:
«Ты не ценишь красоту,
Я пою, а не жужжу,
В танце медленном кружу»,

Кот урчит и лапы трет:
«Шмель, так ты летучий кот!
Ты пушист и полосат,
И урчишь как сто котят»,

Шмель гудит: «Ответ не в цель,
Это ты хвостатый шмель,
Ты пушист и полосат,
И гудишь как сто шмелят».

Кот и шмель ведут свой спор
Может, даже до сих пор!

Котя, Бим и другие.

Котю вполне можно было бы назвать красавцем. Длинношерстый, дымчатый, ушки маленькие, морда, наоборот, широкая, украшенная баками, глаза голубые с поволокой. Таким он родился, но, нельзя забывать, что был он котом дворовым. Котя обожал поваляться в песке, полежать на угольной куче, поразмышлять о смысле жизни, сидя на высокой ели, с которой потом спускался, измазавшись в смоле и прицепив на свою ангорскую шубу иголки, опилки и другой стройматериал. Котькины хозяева, Федор Иванович и его дочка Светка, моя лучшая подруга, иногда пытались привести Котю в порядок: отловить, отмыть, причесать, но даже если все эти манипуляции удавались, то на очень короткий срок. Он был свободолюбив и не терпел насилия над собой. А еще Котя был страстной натурой. Однажды, выясняя отношения с кем-либо из соперников, Котя получил травму. Ему порвали ухо. С тех пор его стали звать Котя-Рваное Ухо, на что он, кажется, не обижался.

Он крутил романы со всеми местными дамами и имел несметное количество красивых детей. В начале лета он часто возвращался домой под утро, часика так в четыре, когда обычно Морфей показывает самые сладкие сны, и начинал изливать душу. Сначала он ломился в дверь, словно подвыпивший мужик. Котя повисал на ручке двери, после чего толкался и просачивался в образовавшуюся щель. И все бы хорошо, да вот только рядом с дверью висел на гвозде алюминиевый таз, который во время Котиных манипуляций обязательно падал на пол с ужасающим грохотом. Почему Федор Иванович его никуда не перевесил, остается для меня тайной по сей день. Котя пробирался на второй этаж, где жили дачники, в том числе наша семья, и раздавался глас вопиющего в прихожей.

Нгангангагамурррррррр – орал Котя, вероятно желая нам сообщить, что у него все гламурно, а, может быть амурно, кто знает. Из всех соседей с Котей могла справиться только моя бабуся – в прошлом учительница русского языка и литературы. Не слезая с кровати и, может, даже не открывая глаз, бабуся произносила громким учительским голосом волшебную фразу:

– «Котя, а веником?»

После этого наступала тишина. То ли голос у бабуси был такой «мерзко-учительский», то ли Котя слишком хорошо знал, что такое веник, но он моментально замолкал и мирно брел спать. Остальные

средства, типа поливания водой, воплей других дачников и запирания двери не действовали. Перед запертой дверью Котя вполне был способен выть весь остаток ночи.

А в конце лета в нашем поселке на столбах появлялось множество объявлений:

«отдам котят в хорошие руки…»

Большинство котят имели с Котей поразительное сходство.

Один раз наш герой решил проявить отцовскую заботу. Рано утром Федор Иванович присел на крылечке покурить свою трубочку, как вдруг увидел Котю, несущего что-то в зубах. Кот положил перед своим хозяином на травку крошечного дрожащего котенка. Остается только гадать, откуда он его приволок. Так в доме появился еще один кот, которого Светка умудрилась выкормить и назвала Мультик. Мультик вырос красивым, спесивым, но трусоватым и довольно злым. Папаша Котя, если конечно, он был этим самым папашей, с удовольствием его воспитывал, иногда облизывал, а иногда мог и потрепать.

Кроме котов в этом доме жили собаки. Безалаберный и шкодливый шпиц Тузик, любимец всех детей, и грустный, прекрасный пес Бим. Бим был помесью лайки с овчаркой. Он сидел на цепи и потому грустил. Котя, как и все коты, был в определенной степени мерзавцем. Великолепно зная длину Бимовой цепи, он садился прямо перед собачьей мордой, но так, чтобы Бим не мог до него дотянуться и начинал дразниться. Он прохаживался взад и вперед, или умывался, или просто восседал, словно египетская статуэтка. Постепенно Бим распалялся и начинал рычать. Рык становился все громче, но Котя и в ус не дул.

Однако, если по тем или иным причинам хозяин брал Бима в дом, то все коты и собаки без исключения соблюдали нейтралитет. Да и Федор Иванович не допускал баловства, строг был.

Но пару раз Биму все-таки удалось отомстить своему обидчику. Один раз это случилось, когда мы со Светкой вели Бима на прогулку в лес. Биму выпадало такое счастье не каждый день. Иногда он совершал лишь «круг почета» по соседним улицам, с цепи его при этом не спускали и, вообще, это были не прогулки, а недоразумение. Лес – другое дело. В лесу его спускали с цепи, и он катался по траве, ловил лягушек, исследовал канавы и то повизгивал от счастья, то громко, радостно лаял. В день свершившейся мести Бима, как я уже сказала, вели навстречу лесному собачьему счастью.

Перед самым домом, прямо на дорожке валялся в пыли Котя и, разомлев на солнышке, спал без задних (и передних) лап. Увидев его, Бим улыбнулся во всю пасть. Мы со Светкой не успели ничего сообразить, а он уже вплотную приблизился к своему недругу. Нет, Бим не стал раздирать его на части. Он просто нагнулся к самому кошачьему уху и один единственный раз произнес:

«– Гав!»

В тот день я поняла, что коты умеют летать, но тщательно скрывают этот факт. Дело в том, что Котя не влез и не вскарабкался, а именно взлетел на растущую на участке елку и, затаившись в еловых лапах, не слезал с дерева почти двое суток. Переживал стресс.

В другой раз Биму крупно подфартило именно благодаря Коте. Эту историю мне рассказывала Светка:

В тот год выдалась какая-то уж очень холодная зима, и Федор Иванович довольно часто брал Бима в дом погреться. В один из таких дней, когда Бимушка грелся на кухне, вдруг громко хлопнула форточка и прямо перед Бимовой мордой упал аппетитный кусок мяса. Бим не растерялся. Котя, впрыгнувший через форточку в кухню, после того как сбросил добычу, опоздал. Мясо было съедено. Кот сидел, смотрел на жующего Бима и, наверное, с грустью размышлял:

«Я крал, я волок, а он… Эх жизнь!»

А Светка и Федор Иванович долго гадали, у кого из соседей Котя стянул несостоявшееся жаркое.

С тех пор прошло много лет, и ласковый хитрый Котя, и благородный Бим, и веселый Тузик, и надменный Мультик, все, про кого я написала, давно пребывают в зверином раю. Но мы со Светкой, с которой дружим до сих пор, часто их вспоминаем.

Заповедник

Работа Валерии Коковкиной

Илья АВРУНИН

205 гимназия 5 класс

Сердце

Сердце превратилось в лед.
Все равно оно поет,
Но поет про гололед.
Кто же лед тот разобьет?

Простуда

В горле перестрелка, как в Петрограде.
В носу блокада как в Ленинграде.
У меня в организме война мировая.
Может быть, первая, может вторая.
Только бы не было третьей войны.
Я буду лечиться!
Я буду стараться!
Теперь каждый день буду я закаляться.

Невский проспект

По Невскому проспекту я гуляю.
Там все цветет и красками играет.
Там каждый дом как памятник старинный.
Гостиный Двор. Он бесконечно длинный.
Собор Казанский, рядом с ним река
И отражаются в ней облака.
Они над Невским тихо проплывают,
Со мною эти строчки сочиняют.

Я и время

Я в прошлом – маленький ребенок.
Теперь я вырос из пеленок.
Сегодня в школу я хожу
И что-то в этом нахожу.
А дальше стану я студентом.
Потом Российским президентом.

Время и я

В прошлой жизни я был президентом,
А до этого был я студентом,
А до того я в школу ходил.
Много прикольного там находил.
Ну, а до школы был малым ребенком.
Помню, меня завернули в пеленки.

Любовь АКИМОВА

Ученица 11 класс

Дружба есть всегда

Скажи-ка дядя, о войне мне,
Как кровь болгары проливали,
Как русские им помогали,
И жили как одна семья.

Ну что ж, поведаю, пожалуй,
Как за свободу воевали,
И как победу одержали,
Надежду, веру сберегли.

Под тяжким игом притесненья,
Томились пять веков болгары,
Страдали, мучались, сражались,
И шла великая борьба.

На помощь им пришли славяне,
России верные сыны,
С болгарами в одном порыве,
На Шипке в бой они пошли.

И выстоять в бою жестоком,
Сумели все перетерпя,
Ведь дружба, все на свете может,
И мы с тех пор – одна семья.

Зачем же человеку жизнь нужна?

Зачем же человеку жизнь нужна,
Когда, совсем не замечая,
Он губит, будто бы не зная,
То, что называется душа?

Идешь по улице и слышишь мат,
Который сыплется из уст «прекрасных»,
Ну вот и первый «кандидат»,
На «пост» губителей ужасных!

Или звонишь под вечер другу,
Надеясь, что поможет он тотчас,
Но проговаривает голос в трубку:
«Ты извини! Уж слишком занят я сейчас!»

Эх люди! Давайте исправляться!
Ведь жизнь для добра дана,
Не чтобы злиться и кривляться,
А чтоб творить хорошие дела!

Вадик АРТЕМЬЕВ

365 школа 2 класс

Черепаха

Черепаха быстрая,
Черепаха смелая,
А еще пушистая
И, конечно, белая

Лиза БАМШТЕЙН

205 гимназия 3 класс

Песенка про школьные цветы

День за днем я в школу хожу
И одуванчики там нахожу.
Я собираю чудо-цветы.
Их превращаю в свои мечты.

День за днем я в школу хожу
И колокольчики там нахожу.
Весело эти цветочки звенят.
Мне про уроки они говорят.

День за днем я в школу хожу.
В классе ромашки всегда нахожу.
Только начну на ромашке гадать,
Сразу пятерки в дневник и в тетрадь.

День за днем я в школу хожу.
Много цветов я там нахожу
И собираю цветы в букет.
Этот букет освещает весь свет.

Невский проспект

Люблю по Невскому гулять.
Там можно многое узнать.
Там каждый дом с лицом своим.
И Невский кажется родным.

Люблю по Невскому гулять.
Там каждый вечер – благодать.
Там разноцветные огни.
Горят как радуга они.

Люблю по невскому гулять.
Все, что там есть не сосчитать.
Чего на Невском только нет!
Он весь как миллион конфет!

Полина ВЕРТЬЯНОВА

205 гимназия 3 класс

Звезды

Веселые звезды по небу летают.
Веселые звезды в пятнашки играют.
Веселые звезды. Они все как дети.
Веселые звезды. Их много на свете.

Настя ГОЛЯКОВА, Оля ГРИГОРЬЕВА, Ира КУЧЕНКОВА, Карина ПИНЕМАСОВА

205 гимназия 3 класс

Полёт

Мой славный кот. Мой обормот.
Забрался как-то в самолет.
Решил мой кот, что он пилот.
Пустился в сказочный полет.

Летит мой котик над Невой.
Летит и крутит головой.

Внизу он видит Заячий остров
И шпиль собора очень острый.
На шпиле ангел, он с крестом,
А небо для него как дом.

Летит мой котик над Невой
И снова крутит головой.

Летит и видит Летний сад
И статуи в саду молчат.
И словно чудо, перед садом
Стоит чугунная ограда.

Летит он дальше над Невой.
И снова крутит головой.

Летит и видит он дворец.
Дворец как сказочный ларец.
Сокровищ в том дворце не счесть.
Войти туда – большая честь.
Зовут дворец тот Эрмитаж.
Он прославляет город наш.

Тогда подумал котик мой
Как все прекрасно над Невой.
Здесь все сверкает и поет.
Навек запомню свой полет.

Оля ГРИГОРЬЕВА

205 гимназия 3 класс

Мои звери

У меня есть дома кошка.
Сядет кошка на окошко,
Будет тихо наблюдать
Как бы мышку ей поймать.

У меня есть дома мышка,
Но она еще малышка.
Любит мышка помечтать
Как бы кошку ей поймать.

У меня есть дома песик.
У него прикольный носик.
Любит песик им дышать,
Что-то вкусное искать.

У меня есть дома птичка,
А у птички есть привычка,
Чтобы было веселей,
Петь про наших всех зверей.

Синие рыбы

Синие рыбы в Неве живут,
А над Невою гремит салют.
Синие рыбы огнями сверкают.
Синие рыбы в пятнашки играют.
Синие рыбы летают как птицы.
Может быть, все это только мне снится.
Синие рыбы как дождика нитки.
И посылают друг другу открытки.
А на открытках дворцы и соборы
Словно волшебных рисунков узоры.

Оля ГРИГОРЬЕВА, Карина ПИНЕМАСОВА, Эльхе ГУСЕВА, Оля ФИНОГЕНОВА

205 гимназия 3 класс

Жёлтые коты

Желтые коты живут на чердаках.
Желтые коты каждый день в делах.
Желтые коты очень долго спят,
А ночами их глаза горят.
Ночи напролет
Те коты вопят,
Может быть, пугая всех подряд.

Желтые коты любят кети-кет.
Только у котов кети-кета нет,
Говорят, что он – пища королей.
Ничего, наверно, нет вкусней.
Вот бы запастись
Им на много дней.
Легче бы жилось и веселей.

Желтые коты бродят там и тут.
Желтые коты лучше всех живут.
Желтые коты в солнечных лучах
Выше крыши на семи ветрах.
Желтые коты песни там поют.
В сказку за собою нас зовут.

Эльхе ГУСЕВА

205 гимназия 3 класс

Пушистый клубок

Пушистый клубок на диване сидит
И чешет за ухом он лапкой,
И тихо, и сладко о чем-то урчит,
И очень похож на шапку.

Пушистый клубок очень любит меня.
Он трется хвостом и мордашкой.
И делает это, наверно, не зря.
Налью молока ему в чашку.

Собака

Собака плачет под окном.
Ей страшно ночью, страшно днем.
Вот я возьму ее домой,
И будет этот песик мой.

Лебедь

Мой лебедь плавает в пруду.
А я вокруг пруда иду.
Любуюсь лебедем моим.
Хочу поплавать вместе с ним.

Малика ИВАНОВА

443 школа 5 класс

Кошки

Мне нравятся разные кошки.
Пантеры, и тигры, и львы.
Но кошки не носят сапожки,
Не носят они и сережки,
Но все это носите вы.

Мне нравятся разные кошки
От хвостика до головы.
Едят наши кошки без ложки,
Тем более без поварешки,
Но все это можете вы.

Мне нравятся разные кошки.
Но нет у меня их, увы.
Не сложатся кошки в матрешки,
Не Бабки они и не Ежки.
И все это знаете вы.

Работа Валерии Коковкиной

Алена КИРИЛЛОВЫХ

205 гимназия 4 класс

Моим кошкам и мышкам

Кошки и мышки, давайте мяукать.
Мышки и кошки, давайте пищать.
Если в лесу вы, давайте аукать,
В библиотеке давайте молчать.

Кошки и мышки, не стоит кусаться.
Мышки и кошки, не стоит ломать.
Если сейчас вы хотите подраться,
Самое время в «замри» поиграть.

Кошки и мышки, давайте общаться,
Мышки и кошки, давайте дружить.
И не придется чего-то бояться.
Вместе всегда можно смелыми быть.

Ангелина КИРНОС

443 школа 5 класс

Моей собаке

Мой верный пес, мой славный Джим.
Могу всегда гордиться им.
Когда выходим мы гулять,
То Джима трудно удержать.
Он носится как ураган.
Он во дворе и здесь и там.
Хотел бы кошку он поймать,
Но не легко ее достать.
Она на дереве сидит
И злобно на него шипит.
Тогда на кошку он плюет
И дальше по двору идет.
И вдруг, встречает он врага!
И говорит ему: «Ага!»
А враг его – собака Джек,
Заклятый враг его на век.

И начинается тут драка!
И не понять, где чья собака!
Когда дерущихся разняли,
Друзьями эти псы не стали.
А жаль. Идет понуро Джим,
Но все равно горжусь я им.

Морской прибой

Морской прибой, морской прибой.
Он говорит с моей душой.
Он говорит со мной о том,
Что не найти мне днем с огнем.
А днем с огнем мне не найти
Того, что ждет меня в пути.
А что в пути далеком ждет,
О том морской прибой поет.

Ситора КОДИРОВА

205 гимназия 5 класс

Часы

Часы отстукивают в такт.
Они идут не просто так.
И спать они мне не дадут.
Они и там, они и тут
Всегда идут.

Часы мои умеют петь.
И лучше их мне не суметь.
Стихи умеют сочинять.
Бывает так,
Что иногда их не понять.

Они умеют даже квакать,
Смеяться весело и плакать.
Часы хотят со мной учиться.
И, может быть,
У них все может получиться.
Живет в них солнце и луна,
Живет в них осень и весна,
Живет зима и даже лето.
И, может быть,
Живет в них вся моя планета.

Жанетта КОНАКОВА

160 школа 4 класс

Маленькое облачко

Маленькое облачко,
Похожее на зайчика,
Плыло по небу
В розовой маечке.
Как хорошо лежать на лужаечке
И смотреть за облачком
В розовой маечке.

Женя КРАМОРОВ

67 школа 1 класс

Жизнь

Жизнь на свете
Слаще чем в конфете.

Елизавета КУРКОВА

Ученица 6-го класса, Смоленск

Господи! Благодарю, Тебя!

(Стихотворение посвящено произведению

Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке»)

Господи! Благодарю тебя за то,
Что я не знаю жизни той,
Той, о которой Достоевский написал
О мальчике, что у Христа на елке побывал.
Вы б пожалели мальчика того,
Что на кануне Рожества
На улице стоит голодный и раздетый?
Он смотрит сквозь огромное стекло,
Как дети чистые, нарядные и сытые
Едят и пьют, играют и смеются.
Как хочется разбить то тонкое стекло,
Что отделяет мальчика от жизни от другой!
Увы, его не видят, иль гоняют
И он бежит... и за дровами умирает.
И сколько их еще вот так же
Голодных, задохнувшихся, замерзших,
И лишь Христос к ним руки простирает,
Они, как ангелы, на небо улетают.
Господи! Благодарю Тебя за то,
Что я не знаю жизни той.
Спасибо Достоевскому, что написал,
Как мальчик ко Христу на елочку попал.

Ира КУЧЕНКОВА

205 гимназия 3 класс

Петропавловка

Петропавловка как золотая птица.
По ночам мне это часто снится.

Георгий ПЕТРЕНКО

Ветер

Вихри пыли ты вздымаешь,
Смерчи гонишь в бой.
И за окнами вздыхаешь
Палою листвой.

И над лесом ты несёшься,
Слыша шёпот крон,
А, бывает, подкрадёшься
Да испустишь стон.

То на море рябь поднимешь,
То поднимешь вал,
А потом внезапно сгинешь,
Скажешь: “Я устал”.

* * *

Ночи тёмный полог,
Яркий звёздный блеск,
И луны осколок,
И цикады треск.

Вдруг внезапной вспышкой
Небо прочертил
Метеор – мальчишка
Средь седых светил.

«Встретиться бы с нею!» –
Молвить я успел.
Пепел –прах развеяв,
Метеор сгорел.

Жду теперь в надежде,
Что, увидев свет,
“Будь со мной, мой нежный!”-
Она шепнула вслед.

Саша ПЕТРОСЯН

363 школа 3 класс

Мамины сказки

Однажды, на ночь в сентябре,
Читала мама сказку мне.
О старом, добром Колобке,
А я уж был совсем во сне.

«Колобок, Колобок,
Покатился на лужок…»
А лужок-то не простой,
Находился за луной.
Ночью звезды светят там
И рассказывают нам
О царевне, о лягушке,
О неведомой зверушке,
О румяном Колобке,
О несчастном рыбаке…

А потом я просыпаюсь.
Вспомнив сон, я улыбаюсь.
А на небе Колобок
Все рукой мне машет.
С добрым утром, мой сынок,
Мамочка мне скажет.

Карина ПИНЕМАСОВА, Карина ФЕДОРОВА
Эльхе ГУСЕВА

205 гимназия 3 класс

Тема не простая

Жили-были шесть котов.
Лазали по крышам.
И ловили шесть котов
Семь веселых мышек
Но котов всего лишь шесть.
Вот беда какая!
Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля!
Тема не простая.

Тут явился новый кот
И залез на крышу.
Там, где было шесть котов
И семь веселых мышек
Стал он мышек защищать,
Тех котов гоняя.
Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля!
Тема не простая.

Любит котик наш мышей.
Просто обожает.
Жить с друзьями веселей.
Каждый понимает.
В чем загадка дружбы той?
Вряд ли кто узнает.
Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля!
Тема не простая.

Катя ПРУЦАКОВА

205 гимназия 3 класс

Воспоминания о детстве

Я помню, пугали нас Бабой Ягой.
Как будто живет она в чаще лесной.
В болоте изба на куриных ногах.
В избе черный кот, мудрый филин и страх.
Гостями бывают там Леший и Змей,
Кикимора, Лихо и злобный Кащей.
И каждую ночь, когда сладко мы спим,
Летает она над болотом своим.

Настя СЕМЕНЯКИНА, Ситора КОДИРОВА

205 гимназия. 5 класс

Петербург

Над Петербургом солнце светит.
Он весь стремится в облака.
А в облаках течет река.
Заброшу в эту воду сети…

И попадется в сети слово.
За словом выплывет строка.
И выведет моя рука,
Что «на недельку до второго»
Я не поеду в Комарово,
А буду создавать поэму
Про город наш. Вот это тема!

Любуюсь им и дни и ночи,
Но лучше я скажу короче:
«Мой город краше всех на свете!
Нет лучше места на планете!»

Настя СЕМЕНЯКИНА, Иван СМИРНОВ

205 гимназия 5 класс

Космос

Мы сейчас споем про космос.
Космос – это о-го-го!
Он объемный, а не плоский.
Вот бы нам слетать в него!

В космосе буфетов нет.
И столовой тоже нет.
Мы возьмем с собой в дорогу
Тридцать килограмм конфет.

А еще возьмем немного
Книжек, их там тоже нет.
Выбрать что-нибудь в дорогу
Нам поможет «БУКВОЕД».

В «БУКВОЕДЕ» книжек много.
Их там не перечитать.
И пока нам про дорогу
В космос можно лишь мечтать.

Помечтаем мы про космос.
Космос – это о-го-го!
Говорят, что он в полоску!
Не понять тут ничего.

В космосе кровати нет,
Одеяла тоже нет.
Где в дороге спать придется?
Вот бы нам найти ответ.

Если хорошо подумать,
Лучше дома нам поспать.
Дома есть у нас подушка,
Одеяло и кровать.

Баю-баю! Снится космос.
Космос – это о-го-го!
И в кроватях, как в повозках,
Долетим мы до него!

Дима ТУРИЙ

443 школа 5 класс

Время

Время течет как вода.
Лет и зим череда.
Скоро я стану взрослым,
Но не забыть никогда
Радугу солнечных дней
И лучших в мире друзей.

Глеб ТУРЛО

205 гимназия 3 класс

Зимние каникулы

Когда каникулы начнутся, мы будем гулять, если не заболеем. Еще будем делать ДЗ, если запишем его в дневники. Еще будем играть в снежки и лепить снеговика, если выпадет снег.

Еще будем смотреть телек, если в доме не отключат электричество. Еще встретим Новый год, если он придет.

После каникул мы пойдем в школу, если вспомним, что каникулы кончились.

Лягушка

Лягушка квакает в болоте.
Она в болоте на работе.

Кристина УВАРОВА

205 гимназия 3 класс

Луна и месяц

Смотрю весь месяц на Луну.
Меняется она.
То нет ее, то пол-луны,
То полная она.

Вначале месяца, порой,
Лишь тонкий серпик светит.
Задай ему вопрос любой,
Молчанием ответит.

Аня УВИНА

205 гимназия 3 класс

Удивительное солнце

Противное солнце нам светит в глаза.
В глазах появляется даже слеза.

Хорошее солнце нас греет весь день.
И греться под солнцем совсем нам не лень.

Холодное солнце бывает зимой.
Нельзя ли его пригласить к нам домой?

Горячее солнце пирог испечет.
И этот пирог к нам на стол попадет.

Веселое солнце как «первый апрель».
Веселое солнце забралось на ель.

Какое же разное солнце бывает.
Но землю оно все равно освещает!

Аня УВИНА, Катя АФАНАСЬЕВА, Катя ЛОГУНОВА, Эльхе ГУСЕВА, Оля ФИНОГЕНОВА.

205 гимназия 3 класс

Мой хомяк

Мой хомяк живет в квартире.
Дом отдельно от меня.
Нет прикольней зверя в мире,
Это точно знаю я.

Мой хомяк живет в буфете.
Он красиво там живет.
За конфеты все в ответе,
Но зачем-то их жует.

Мой хомяк не ест попкорна,
Потому что съел диван.
Я ему твержу упорно:
«Скоро станешь как кабан!»

Мой хомяк грызет квартиру.
Загрызет он и меня.
Нет прикольней зверя в мире!
Это точно знаю я!

Аня УВИНА, Катя АФАНАСЬЕВА, Карина ПИНЕМАСОВА, Соня ЗОНОВА, Эльхе ГУСЕВА

205 гимназия 3 класс

Домашние проблемы

Если в доме есть пожар,
Надо правила все знать.
Не визжать и не пищать,
А скорее трубку брать
И пожарных вызывать.
Вау!
Так и надо поступать

Если в доме есть потоп,
Надо правила все знать.
Не визжать и не пищать,
А скорее тряпку брать
И куда-нибудь бежать.
Вау!
Так и надо поступать

Если в доме тараканы,
Надо правила все знать.
Не визжать и не пищать,
Быстро в руки палку брать,
Тараканов догонять.
Вау!
Так и надо поступать!

Если в доме приведенье,
Надо правила все знать.
Не визжать и не пищать.
Быстро в руки лейку брать,
Приведенье поливать.
Вау!
Так и надо поступать!

Если в доме телевизор,
Надо правила все знать.
Не визжать и не пищать.
Лучше в руки «телек» брать
И в окно его кидать.
Вау!
Так и надо поступать!

Если в доме мыши есть,
Надо правила все знать.
Не визжать и не пищать.
Мигом мышеловку взять
И в мышей ее кидать.
Вау!
Так и надо поступать!

Если в доме едет крыша,
Надо правила все знать.
Не визжать и не пищать.
Сразу в руки в ноги брать
И бежать себя искать
Вау!
Так и надо поступать!

Саша УЗЮМОВА

205 гимназия 4 класс

На математике

На математике коней я сосчитала
И сразу пальцем в потолок попала.
На потолке лошадки отдыхали
И в прятки весь урок со мной играли.
К доске меня внезапно попросили…
И тут же двойку мне в дневник влепили.

Ёжик

Есть у ёжика иголки.
Волку есть его без толку.

Трудности перевода

Работа Валерии Смирновой

Татьяна ЗАХАРЧЕНКО

Эдгар Алан По

1809 – 1849

*** * ***

«Nevermore!»
Надо мной –
Это ворон ночной
Черный страж самых страшных из тайн.
«Nevermore!»
«Nevermore!»
Он стучался в окно.
Я расслышал сквозь стук: «Так и знай!»

«Nevermore!»
Ворон мой
Прокричал надо мной,
Отвечая на каждый вопрос.
«Nevermore!»
Мне никто
Не расскажет о той,
Чьих не стою ни слов я, ни слез.

«Nevermore!»
Этой мой
Приговор вековой:
Никогда, ничего, никому…
«Nevermore!»
Суждено…
Ворон бьется в окно,
И я знаю теперь, почему.

«Nevermore!»
С этих пор
Это мой приговор
«Nevermore!»
«Nevermore!»
«Nevermore!»

Александр КОРОЛЕВ
Шарль-Юбер Мильвуа

1782-1816

Падение листьев

Останки бренные свои
Лес обронил уже на землю,
Утратив тайну, рощи дремлют
И безголосы соловьи.
В лучах бледнеющей авроры
Ступает юноша больной
Взглянуть хоть раз на лес, который
Он так любил порой иной.

«О, лес любимый, в час прощанья
Ты траур в честь меня надел,
Моё предвидя умиранье,
Твой лист последний облетел.
Из Эпидавра мне оракул
Сказал: «Увидишь в этот час
Ты листья жёлтые, однако
Всё это уж в последний раз.
И будет ночь твоя последней,
Она, как осень, будет бледной,
Когда закроешь ты глаза.
Она придёт и срок настанет,
И юность как трава увянет,
Как виноградная лоза.»
Я умираю! И холодным
Дыханьем тронули ветра,
Зима, близка её пора,
Весны мгновенья мимолётны.
Кусты засохшие стоят,
Любуюсь редкими цветами,

Но не украсится плодами
Уж зелень чахлая моя.
Лети, лети, листва сухая
Мой путь последний устилать!
Лети, от матушки скрывая,
Где буду завтра я лежать.
Моя любимая аллеея,
Однажды обо мне жалея,
Придёт рыдать на склоне дня,
Разбудит листьев шум меня
И будет тень мою лелеять», –
Сказав, ушёл… и навсегда!

Последний лист, кружась уныло,
Как день последний опадал.
Под дубом вырыли могилу.
А он любил и этой даме
Под дуб тот не прийти к нему.
И лишь пастух порой шагами
Вспугнёт в долине тишину,
Как будто в опустевшем храме.

Марселина Деборд-Вальмор

1786-1859

Ты спишь?

А ты! Уж спишь прекрасной ночью нежной,
Когда ты сам изменчивей волны,
Когда познал восторг души мятежной,
Теперь ты спишь, какие видишь сны?

В твоей душе смешалось наважденье
И наших тайн любовных сладкий плен,
От этих тайн придешь освобожденья
Просить однажды у моих колен.

На голос твой ответят трепетаньем
Под музыку вечернюю цветы.
Нет! Никогда уже своим дыханьем
Мне осушить не сможешь слезы ты!

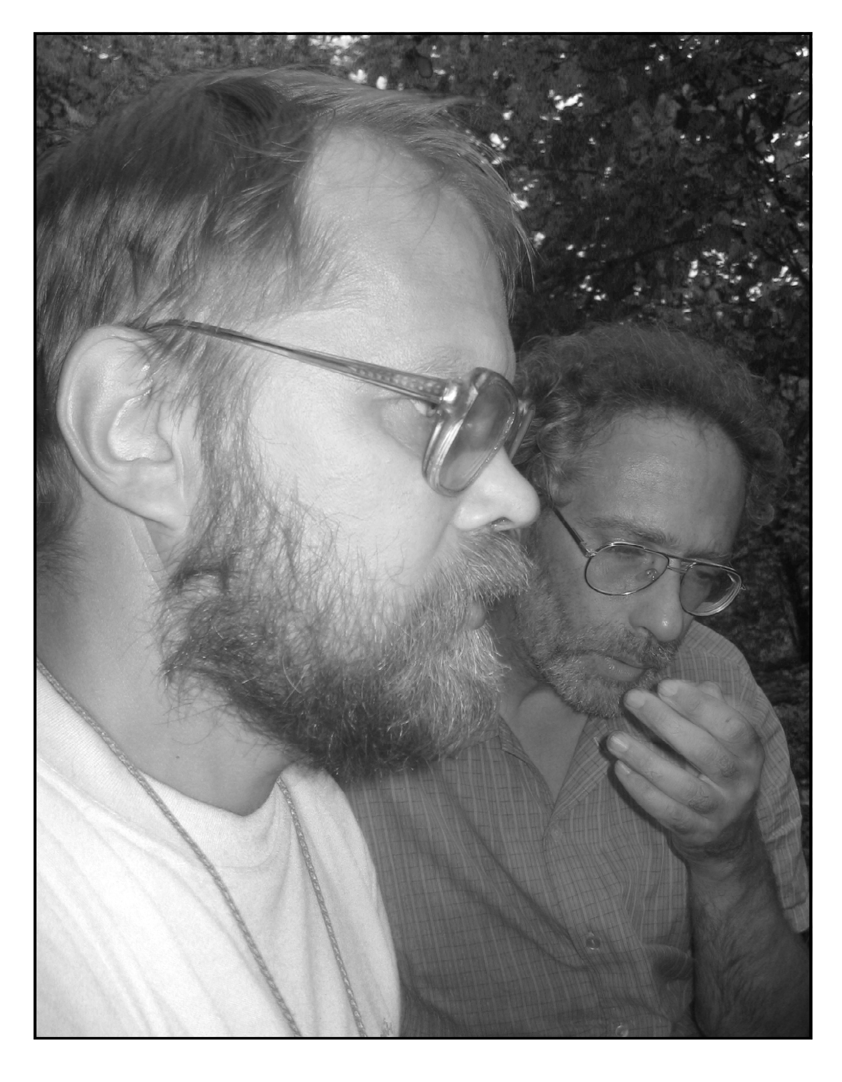
Страна любви останется с тобою,
Храни любовь, способную предать,
Ты боль храни, дышать мне этой болью,
Она нежна, но с ней мне умирать!

Молитва

Не дай погибнуть мне под спудом лет минувших,
Ты, кто зажёг любовь в душе моей огнём,
Храни дитя своё под бурею ревущей,
Господь! Мне ночь страшна. Позволь воскреснуть днём!

Господь, любила я, мне страшно угасанье;
В могилу вслед за ним меня влечет мой рок,
Мне холода страшны, о, если бы он мог
Коснуться бы меня своим дыханьем.

Собой удивлены, займутся два огня,
И время никогда огни те не потушит.
Увы! Не ты ль вселил предчувствие в меня,
И в поцелуе ждут друг друга наши души?

«...Ich werde Ihnen Kusma die Mutter zeigen...»
На фото Александр и Алексей Королёвы

Алексей КОРОЛЁВ

Милутин Поповић Захар

Видовдан

Видовдан!

У небо гледам. Пролазе вјекови,
Сјећања давних једини лекови.
Куд год да кренем теби се враћам поново,
Ко да ми отме из моје душе Косово!

Видовдан!

Ко вечни пламен у нашим срцима
Косовског боја остаје истина.
Куд год да кренем теби се враћам поново,
Ко да ми отме из моје душе Косово!

Видовдан!

Опрости Боже све наше грехове,
Јунаштвом даруј кћере и синове.
Куд год да кренем теби се враћам поново,
Ко да ми отме из моје душе Косово!

Видовдан!..

Видовдан!

В небо гляжу я. Тихо идут века,
Мчатся виденья только издалека.
Где бы я ни был, знаю и верю оттого,
Что не отнять, не вытравить зверю Косово!

Видовдан!

Пламенем вечным в сердце народа издавна
Косовской битвы светит нам истина.
Где бы я ни был, знаю и верю оттого,
Что не отнять, не вытравить зверю Косово!

Видовдан!

О прости Боже все прегрешенья нам,
Мужество даруй доченькам и сынам.
Где бы я ни был, знаю и верю оттого,
Что не отнять, не вытравить зверю Косово!

Видовдан!..

Андроник МАРГАРЯН

Паруйр Сэвак

Схожу с ума

Слыша меня, они
Могут сказать:
Сошел ли с ума он?
А я им опять:
Да, я сошел.
Почему не сойти?
Вражда и любовь – лишь безумцев пути.
Тополь в безумье листвой шелестит.
Не обезумев, вода не вскипит.
Только безумец изведает след
Тот, что ведет вереницей побед.
Только в безумствах весенней поры
Семя граната прорвет кожуры.
Ветви деревьев весной расцветут,
Значит, безумство вселилось и тут,
И по орбите вдоль Солнца Земля
Тихо кружится, безумством шаля.
Только в безумстве последних щедрот
Семя плода обращается в плод.
Ручки – руками не станут, – и тут, –
Коль хорошенько с ума не свернут.
Только упав в эту злую болезнь,
Наши слова обращаются в песнь.
О, как хотел бы на этом пути
В вечном безумстве мой век пронести.

Они сражались за Родину!

Работа Юрия Королёва

Данила Данич
Георгий Русанов

Я вас больше чем люблю[1]

«Нет ничего выше Родины и служения ей. Цель и смысл всей моей жизни – создание России, единой и могучей, создание мирной и спокойной жизни при производительном труде под охраной закона, той жизни, по которой так истосковалось население нашей страны».

(А. В. Колчак)

Наконец на экраны вышел давно всеми ожидаемый фильм о замечательном ученом и великом патриоте России, авторе, по не до конца еще, правда, проверенным данным, знаменитого романса «Гори, гори, моя звезда…» – Александре Васильевиче Колчаке (4 ноября 1874 – 7 февраля 1920), и о самоотверженной женщине и прекрасной русской поэтессе – Анне Васильевне Тимиревой (урожденной Сафоновой, 1893 – 31 января 1975), о их высокой и чистой любви, и обещают выпустить к осени 2009 г. сериал о них. И сразу же, кроме справедливого восторга российского общества, потому что хороший фильм сегодня – явление просто исключительное, раздался злобный вой сразу с двух, вернее, даже с трех, сторон. Злобно воют недобитые сталинисты, муссирующие советские красные басни о жестокости адмирала и т.п., якобы, грехах его, называя восхваление его имени происками предателей и демократов. Еще более громко, кажется, воют сами эти демократы-либералы, называя правду о Колчаке происками державников и патриотов (у большинства западников и то и другое слово – нечто вроде ругательств). Кто-то еще говорит об идеализации его образа и, наоборот, о совсем уж смешных и нелепых вещах, наверное, вызывающих улыбку даже у тех, кто их придумывает, – о его, якобы, измене Родине с союзниками по Антанте, в ходе Великой войны, или Второй Отечественной, как ее называли в российской истории, или,

[1] Строка из письма А. В. Колчака к А. В. Тимиревой

как выражались советские историки, империалистической. Историки «ловят блох», смакуют исторические неточности в реквизитах, сокращенную передачу собственно военных подробностей в фильме, его авторы, очевидно, пошли на это ради главного – воссоздания достоверного психологического колорита эпохи. Интересно, что бы сказали эти критики, скажем, об «Антонии и Клеопатре» по Шекспиру, или о «Спартаке» по Джованьоли, где ни исторической, ни психологической достоверности вообще не было и в помине. А в фильме «Адмиралъ» психология людей того закала передана безукоризненно! Нашему поколению повезло, мы еще застали «последних могикан» русской интеллигенции, как они сами себя называли. Мы были в 60-ые годы XX-го века детьми, а они – доживали свой век, благодушно радуясь хрущевской оттепели и тому, что было для них намного дороже, намного важнее их личной свободы и личного благополучия – тому, что Россия снова – великая держава, как это было до февральской смуты.

Их было тогда еще много – этих «Ангелов и воинов» в одном лице, как назвала их М. И. Цветаева, этих рыцарей без страха и упрека, причем буквально, в полном смысле слова, как подчеркивал, говоря о них Н. А. Толстой. Мне особенно помнится один из них, просто потому, что его я видел не от встречи к встрече, хотя бы и часто, а каждое лето и каждый день с раннего утра и до позднего вечера у нас на даче, где он жил со своей женой – самой близкой подругой моей бабушки начиная с их юности. Его звали Владимир Исидорович Шиняков, он был лет на 10 старше своей жены и моих бабушки с дедушкой, которые все родились в 1892 г., в год смерти Фета. К февралю 1917 г. Владимир Исидорович был уже полковником артиллерии, без двух минут генералом. Революция отняла у него все, и он нисколько не жалел об этом. Когда его жена часто и очень страстно возмущалась всем, что она видела вокруг, – грубостью нравов, подлостью и необязательностью, – и жалела, что ей выпало на долю прийти в этот мир в эпоху войн и революций, он всегда говорил, что очень интересно «посетить сей мир» именно в эти минуты и пожить при разных режимах. Их трогательную престарелую пару все кругом называли старосветскими помещиками. Всегда безукоризненно деликатный и абсолютно невозмутимый, он казался всем несокрушимой скалой и опорой посреди хаоса и любых беспорядков. Если бабушка утром заходила зачем-нибудь в их комнату, где стоял наш посудный шкаф, а Владимир Исидорович еще только кончал бриться, то всегда слышалось: «Фрейя Владимировна, простите, я не одет!» Это означало, что он из-за бритья не застегнул еще верхнюю пуговицу и еще недостаточно туго затянул галстук. И сколько же было

поэзии в их рассказах, воспоминаниях о молодости, о любви, о прекрасных знакомых дамах, о забавных случаях, о посещении имений друг друга, о воинской службе, о невинных офицерских попойках в царской армии, о многом, что не только им самим, но и всем слушателям, виделось прекрасным, безвозвратно далеким, почти унесенным ветром.… Наверное, мне никогда не передать словами, с каким пиететом произносилось слово «Государь». «В тот день приезжал (в полк) Государь». Какая интересная закономерность! Все любители выборов и демократий, кричащие о политических свободах, всегда авторитарны, всегда командуют, хотят быть маленькими царьками хоть в чем-нибудь. А пламенные монархисты – всегда воплощенная забота о правах человека и о свободе и неприкосновенности личности. Я с детства всегда слышал от старших: «Раньше (т. е. до февраля 1917 г.) была свобода».

Очень скоро после 1917 г. Владимир Исидорович, поскольку его жена очень за него волновалась, вышел в отставку (а до революции волнения жены не были основанием, чтобы перестать служить своей стране) и стал работать извозчиком, или, как тогда говорили, лихачем. Его родственники и теперь вспоминают, что в карточке было написано примерно так: происхождение – из дворян, звание – полковник, специальность – лихач. И он был очень лихим кучером! В конце 30-ых годов все его родные дрожали, когда в разгар репрессий он во всеуслышанье заявлял: «Я – полковник царской армии», не добавляя перед словом «полковник» даже слова «бывший», как тогда требовалось от тех, кто вообще осмеливался об этом вспоминать. И, как ни странно, не нашлось желающего что-нибудь написать на столь скромного и ни у кого не вызывающего зависти человека. Так он ни разу за всю жизнь и не был репрессирован! Правда, каждую ночь, услышав шум подъезжающей машины, он подходил к окну посмотреть, за кем сегодня приехали. И как он потом обожал Хрущева! Как радовался тому, что отстояли Кубу! Он на старости лет, плохо видевший и почти глухой, писал стихи, прославляющие величие России, дружбу с Кубой и Вьетнамом.

Прекрасно, что образы людей такого типа, наконец, появились в литературе и кинематографе. Ведь большинство произведений советского периода изображало русскую интеллигенцию исключительно карикатурно. Не всегда, правда, эта карикатура была очень злой, как Киса Воробьянинов в «Золотом теленке», иногда она бывала довольно доброй, как профессор Горностаев в «Любови Яровой», но все равно это была карикатура. В лучшем случае, интеллигентов изображали вызывающими улыбку умиления взрослыми детьми, нуждающимися в нравственной опеке, а не властителями дум человечества.

Конечно, в любом заблуждении присутствует момент истины. Мы знаем трагедии жизни Платона, его попытки реализовать на практике созданную им модель идеального государства при дворе то одного, то другого тирана. После самой амбициозной из этих попыток, при дворе сицилийского тирана, как известно, друзьям и родственникам пришлось собирать деньги и выкупать Платона, потомка двух царских родов, из рабства. Наверное, под впечатлением этого страшного эпизода своей жизни Платон и написал известный афоризм: «Нет такого царя, который не имел бы среди предков раба. Нет такого раба, у которого бы не было среди предков царя». Однако все эти наивные поступки в жизни нисколько не помешали Платону оставаться самым почитаемым во всем мире философом и мудрецом всех времен и народов. Кто еще из смертных оказал такое влияние на развитие философии и всех наук, берущих из нее свое начало?

Если же в каком-нибудь произведении в советское время образ интеллигента и выводился без иронии и даже как некий идеал и пример, тогда осуществлялась, как правило, подмена русского интеллигента советским интеллектуалом, причем часто подчеркнуто хамоватым, а иногда и развращенным.

Как отмечают многие исследователи и писатели (Д. С. Лихачев, А. Г. Битов, Н. С. Михалков, Ю. М. Лотман и др.), понятие интеллигенции существует в русском обществе приблизительно начиная с 60-ых годов XIX века как некий более широкий и более демократический аналог понятия дворянства, дворянской культуры и чести. В отличие от западного понятия интеллектуала, основным в понятии интеллигенции была вовсе не принадлежность к профессиональному умственному труду, а соответствие определенному неписаному кодексу чести (в России вообще, начиная с эпохи Петра I, законы неписаные всегда имели определенный приоритет перед законами писаными). Русская интеллигенция представляла собой своего рода светский монашеский орден со своим неписаным уставом и, так же неписаными, но очень высокими и благородными нравственными требованиями. Русскими интеллигентами могли быть и русский писатель Д. В. Мережковский, и граф Л. Н. Толстой, и армянский аристократ, русский государственный деятель, министр внутренних дел М. Т. Лорис-Меликов, и служащий на главпочтамте российский немец-часовщик, и плотник в сельской артели. И если писатель или государственный деятель, или ученый, инженер, священнослужитель действительно могли быть не только интеллигентами, но и людьми, профессионально занятыми сложным умственным трудом, то для плотника или часовых дел мастера следование строгим требованиям интеллигентности оставалось их единственным увлечением и главной целью жизни.

Даже в изображении такого чистого и святого человека, каким был Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский (1900–1981), великий русский биолог-эволюционист, зоолог и биофизик, основатель радиобиологии, генетик, эколог, философ, знаток истории и ценитель искусств, человек, которого сравнивали и сравнивают с титанами эпохи Возрождения, человек, который еще при жизни стал легендой и чье имя до перестройки вообще невозможно было упоминать в литературе из-за цензурных соображений, даже в повести о нем Д. А. Гранина «Зубр» иногда чувствуется некоторая доля снисходительной или ироничной интонации. «Он только позволял себя любить…» «Он отвечал только перед своей честью и могилами предков…» «Он не желал апеллировать к этой шпане». О философских и религиозных убеждениях Ресовского вообще, кажется, ничего определенно не сказано. Создается ощущение, что великий ученый-эволюционист, старавшийся разгадать тайну жизни и трагически понимавший, что все равно не сумеет сделать этого, был материалистом. И, кажется, только одна фраза Ресовского в «Зубре» наводит на мысль о его мировоззрении: «Мы все придем в смерть, как бы мы к этому ни относились. Бойся ее или презирай, мы все там будем. И ужасно будет прийти туда с нечистой совестью!» Впрочем, о глубокой религиозности Тимофеева-Ресовского мы знаем из рассказов о нем Льва Николаевича Гумилева. Конечно же, в целом повесть Д. А. Гранина «Зубр» явилась все-таки настоящим гимном великому ученому и человеку столь возвышенной души и его трагической судьбе в условиях большевизма и германского фашизма. Но и таких произведений о русской интеллигенции написано, а в данном случае, надиктовано, к сожалению, единицы. Что же касается фильмов…. Был фильм о лейтенанте Шмидте. Была вставка о нем в фильме «Доживем до понедельника». Был фильм о Василии Витальевиче Шульгине «Суд истории». Был с его участием фильм «Операция трест» по роману Льва Никулина «Мертвая зыбь».

И вот теперь этот прекрасный фильм. Едва ли не первый по-настоящему, до конца, правдивый фильм о русской интеллигенции. Конечно, ни о какой «идеализации образа А. В. Колчака» говорить здесь не приходится. Напротив, многие факты, оттеняющие самоотверженность и кристальную честность адмирала, почему-то, не нашли отражения в фильме, по-видимому, из-за его краткости.

И вот теперь этот прекрасный фильм. Едва ли не первый по-настоящему, до конца, правдивый фильм о русской интеллигенции. Конечно, ни о какой «идеализации образа А. В. Колчака» говорить здесь не приходится. Напротив, многие факты, оттеняющие самоотверженность и кристальную честность адмирала, почему-то, не нашли отражения в фильме, по-видимому, из-за его краткости.

Не нашли отражения в фильме заслуги отца Александра Васильевича Колчака – генерал-майора Василия Ивановича Колчака (1837 – 1913), человека известного на службе своей прямотой и исключительной честностью. В. И. Колчак участвовал в героической обороне Севастополя и был одним из семи выживших защитников Каменной башни на Малаховом Кургане, найденных французами и взятых в плен в бессознательном состоянии среди горы трупов.

Очень кратко показана самоотверженная исследовательская деятельность Колчака, его увлечение океанографией и гидрологией, публикация научных работ, участие в организованной Российской Академией наук экспедиции барона Э. В. Толля, которая началась 21 июля 1900 г., на шхуне «Заря» к берегам Таймыра. Колчак руководил гидрологическими работами и исполнял обязанности магнитолога, вел интенсивную научную работу. В апреле-мае 1901 г. Колчак вдвоем с Толем путешествуют по Таймыру и в 1901 г. Толль назвал именем Колчака открытый остров в Карском море и мыс. По возвращении в Петербург после доклада Академии наук о проделанной экспедицией работе, как предписал ему Толль Колчак сразу же организует экспедицию в составе 17 человек для поиска и спасения Толля, который с магнитологом Ф. Г. Зебергом и двумя каюрами отправился пешком к северу от Новосибирских островов. После тяжелейшего перехода к острову Беннета на нартах, запряженных собаками (5 мая – 7 декабря 1903 г.) Колчак и его спутники обнаружили документы экспедиции Толля, дневнеки и коллекции и выяснили, что Толль и его трое спутников погибли, им не хватило провизии. После этих двух полярных экспедиций в неимоверно тяжелых условиях Колчак всю оставшуюся жизнь страдал тяжелейшей формой ревматизма. Надо было возвращаться в Петербург и 29-летний исследователь, получивший от современников прозвище Колчак-Полярный, больной и измученный двумя экспедициями, отправляется в обратный путь а Петербург, где должен обвенчаться со своей невестой Софьей Федоровной Омировой. Однако, по дороге в Петербург Колчак узнает о начале русско-японской войны, поэтому телеграммой вызывает невесту и родственников в Иркутск и после венчания прямо из церкви отправляется в Порт-Артур.

Колчак командует миноносцем «Сердитый», затем из-за очень тяжелого ревматизма его отправляют командовать батареей на сухопутном фронте. Он получает ранение и попадает в плен, через четыре месяца возвращается в Россию и получает чин капитана второго ранга, золотую георгиевскую саблю за храбрость и назначается в группу для разработки планов дальнейшего развития военно-морского флота. В результате работы данной группы был создан Морской Генеральный штаб, составляется судостроительная

программа. Строительство новых морских судов идет крайне медленно, так как для получения ассигнований морским офицерам приходится энергично лоббировать свою программу в детище революции 1905 г. – Думе. В результате необходимые России корабли вступили в строй только в разгар мировой войны, другая часть заложенных тогда кораблей была достроена только в 30-ых годах.

В то же время он продолжает заниматься наукой. С его участием проектируются специальные ледокольные суда «Таймыр» и «Вайгач». Они были спусщена на воду в 1909 г. и отправились в картографическую экспедицию к Берингову проливу и мысу Дежнёва. Колчак в данной экспедиции командовал ледоколом «Вайгач» и по возвращении в Петербург опубликовал в Записках Императорской Академии наук большую монографию «Лед Карского и Сибирского морей», в которой изложил полученные им результаты в гляцеологических исследованиях в Арктике.

С участием Колчака Морской генеральный штаб разрабатывает план защиты Петербурга и Финского залива с помощью минных заграждений при угрозе нападения. В 1914 г. Минная дивизия, не дожидаясь разрешения морского министра или НиколаяII, выставляет по приказу Эссена минные заграждения в водах Финского залива, а осенью при участии Колчака разработана операция по минной блокаде немецких военно-морских баз. Эта активная и самоотверженная деятельность Колчака нашла отражение в фильме Б. Горзева. Только один эпизод, но очень характерная и запоминающаяся деталь, когда Колчак сам идет на им же выставленные минные поля, заманивая туда неприятеля. В результате, как мы знаем, было подорвано 8 германских эсминцев и 11 транспортов, а также 4 германских крейсера, два (по другим данным, три) из которых затонули. В июле 1916 г. Высочайшим приказом Колчак был произведен в вице-адмиралы и назначен командующим Черноморским флотом.

Дальнейшие трагические и прекрасные обстоятельства жизни и борьбы Колчака переданы в фильме Горзева довольно подробно. Только жаль, что не представлены ни все те безукоризненные в своей кристальной честности поступки адмирала, которыми он по существу обрек на поражение себя и все Белое движение, ни его остроумные, мудрые и человечные высказывания и оценки событий, ни оценки его со стороны современников, главным образом, его соратников. Приведем некоторые из них здесь.

«У всех был расчет на то, что революция вызовет подъем в войсках, вызовет чувство патриотизма, желание победы, желание закрепить свершившийся переворот на театре военных действий. Я помню, что это было общее мнение людей, знакомых с историей, взять хотя бы, французскую революцию, которая победила все коалиции»

«Мы строим из недоброкачественного материала. Все гниет. Я поражаюсь, до чего все испоганились. Что можно создать при таких условиях, если кругом либо воры, либо невежи»

После казачьего переворота в Омске и ареста всех четверых руководителей Директории во главе с Н. Д. Авксентьевым Совет министров Директории объявил о принятии на себя всей полноты верховной власти, а затем постановил вручить ее А. В. Колчаку с присвоением ему титула Верховного Правителя Российского государства. Обращаясь к населению, Колчак заявил: «Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройства государственной жизни, объявляю, что не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности». Вся деятельность новой власти объявлялась нацеленной на то, чтобы «временная верховная власть Верховного Правителя и Верховного Главнокомандующего могла бы передать судьбу государства в руки народа, предоставив ему устроить государственное управление по своей воле»

«Я прошу вас уяснить, как я сам понимаю свое положение, свои задачи. Они определяются старинным рыцарским девизом “Ich diene” – “Я служу”. Я служу Родине, своей Великой России так, как я служил ей все время, командуя кораблем, дивизией или флотом»

«Большевики действуют как шайка, которая всюду насадила своих агентов и не только дисциплинировала их, как в былой казацкой вольнице, но и заинтересовала привилегией положения. Я не имею партий и не соблазняю преимуществами, лишь законно избранному Учредительному Собранию будет принадлежать верховное право окончательно решить все основные государственные задачи как внутренние, так и внешние»

«Давеча получил странное предложение помощи от Маннергейма. Он предлагает двинуть стотысячный корпус на Петроград, но взамен ждет от меня признания независимости Финляндии. Я ему ответил, что идеей Великой неделимой России я не торгую и не поступлюсь никогда ни за какие минутные выгоды. Это мое кредо».

«Большевизм слева, как отрицание морали долга перед родиной, и большевизм справа, базирующийся на монархических принципах, но имеющий с монархизмом столько же общего, сколько и большевизм слева имеет общего с демократизмом, еще много времени потребует упорной борьбы с собой. Я не мыслю себе будущего строя России иначе, как демократическим»

«Я повторяю, что не может быть возврата к режиму, существовавшему в России до февраля 1917 г. Только тогда Россия будет цветущей и сильной, когда многомиллионное крестьянство наше будет обеспечено землей»

«Не мне судить и не мне говорить о том, что я сделал и чего не сделал, но я знаю одно. Что я нанес большевизму и всем тем, кто предал и продал нашу родину, тяжкий и, вероятно, смертельный удар. Благословит ли Бог меня довести до конца это дело, не знаю, но начало конца большевиков положено. Оно положено все-таки мною. Троцкий это понял и открыто высказал, что я являюсь главным врагом советской республики и врагом беспощадным и неумолимым. На мой фронт брошено все, что только возможно, но моя цель, – первая и основная, – стереть большевизм и все, что с ним связано, с лица России, истребить и уничтожить его»

«Я не верю ни в съезды, ни в совещания. Я могу верить в танки, которые я никак не могу получить от милых союзников, мануфактуру, которая бы ободрила деревню, но где я их возьму? Если мы потерпим поражение, никакие реформы не помогут. Вот если бы я мог как следует одеть солдат или улучшить санитарное состояние армии… Некоторые корпуса представляют собой движущийся лазарет. Дутов сообщает мне, что в его оренбургской армии 60% больных сыпным тифом, а докторов и лекарств нет. Во всем чувствуется неблагоустроенная и некультурная окраина, которой напряжение войны не по силам»

«Война выше человеческой справедливости. Ее правосудие не всегда понятно. Она признает только победу, успех, удачу. "Горе побежденному" – вот ее первый символ веры»

«Американская "war for democracy" – вы даже не можете представить себе, что за абсурд и глупость лежит в этом определении цели и смысла войны»

На предложение генерала Жаннена передать золотой запас России, размещенный Колчаком на хранение в омском филиале Госбанка, на хранение союзникам, Колчак резко ответил:

«Я лучше передам его большевикам, чем вам. Союзникам я не верю»

«Я не мыслю себе будущее России иначе, как демократическое и свободное от насилия. Моя мечта, я знаю, имеет вечное и неизменное значение. Возможно, что я не осуществлю ее, но я могу жить только с нею и только во имя нее. Моя родина оказалась несостоятельной осуществить эту мечту»

Существует весьма правдоподобная версия, что когда А. В. Колчака вместе с председателем омского правительства Виктором Николаевичем Пепеляевым вывезли на расстрел на берег реки Ушаковки, то по предложению Колчака ему было представлено право, которое деятели французской революции начиная с Наполеона предоставляли офицерам и префектам – право командовать собственным расстрелом. Как

обращает внимание Н. Михалков, даже если это всего лишь легенда, подобные легенды народ слагает только о людях таких, как Колчак, а не о таких, которые его судили и расстреливали.

Когда весть о гибели адмирала достигла русской эмиграции, в Париже состоялась панихида по А. В. Колчаку. На панихиде выступил, в частности, Иван Алексеевич Бунин:

«Настанет день, когда дети наши, мысленно созерцая позор и ужас наших дней, многое простят России за то, что все же не один Каин владычествовал во мраке этих, что и Авель был среди сынов ее. Настанет время, когда золотыми письменами на вечную славу и память будет начертано его имя в летописи Русской Земли».

Приведем также некоторые свидетельства о Колчаке его современников.

Николай Устрялов, член омского правительства:

«Слишком честен, слишком тонок адмирал Колчак для героя истории».

Алексей Будберг, помощник военного министра омского правительства: «Адмирал – чистый идеалист, убежденный раб долга и служения идее России. Личного честолюбия, личного интереса у него нет и в этом отношении он кристально чист…. Истинный рыцарь подвига, ничего себе не ищущий, готовый всем пожертвовать, вечно мятущийся в поисках лучших решений, адмирал Колчак взялся не за свое дело. Большинство его ставочных стратегов до того командовали только ротами. Умеют командовать, но управлять не умеют, и являются настоящими стратегическими младенцами»

Тема чистой и светлой любви Александра Васильевича Колчака и Анны Васильевны Тимиревой в фильме «Адмиралъ» передана, по нашему мнению, абсолютно безукоризненно, с исключительной психологической достоверностью и точностью, и полностью соответствует духу русской культуры и характеру отношений в среде русской интеллигенции. Их дневники, сохранившиеся письма, материалы допросов, наконец, стихи, обращенные друг к другу, и в особенности солидное поэтическое наследие Анны Васильевны Тимиревой служат неопровержимыми доказательствами глубокой психологической достоверности данной киноповести. Психологический колорит «Адмирала» вполне соответствует рассуждениям о любви Д. С. Мережковского и З. Н. Гиппиус, А. А. Блока и Л. Д. Менделеевой, или программной работе Владимира Сергеевича Соловьева «Смысл любви». Трудно было бы найти более правдивое произведение о судьбах и чувствах, о русской культуре и русской интеллигенции, чем фильм «Адмиралъ».

Анна ТИМИРЕВА

(1893 – 1975)

*** * ***

Полвека не могу принять,
Ничем нельзя помочь,
И все уходишь ты опять
В ту роковую ночь.

А я осуждена идти,
Пока не минет срок,
И перепутаны пути
Исхоженных дорог.

Но если я еще жива,
Наперекор судьбе,
То только как любовь твоя
И память о тебе.

Проводы Ахматовой

На грязных больничных задворках
Стояли в холодных лужах...
А мир будто сделался уже,
И было нам стыдно и горько,
Что всё так бедно и убого.
Собрались – почти по секрету
В последнюю путь-дорогу
Навек проводить поэта...

Но ясен был лик величавый
И нашего чужд смятенья!
Такой принимала славу,
Удары и униженья,
Такими снежными горы
Когда-то видала я в детстве...
Стихи да высокое горе –
Богатое наше наследство.

* * *

Наперекор тюрьме и горю,
Утратам, смерти, седине
К ночному северному морю
Всё возвращаюсь я во сне.
Встают и движутся туманы
В рассвете золотой зари
Туда, под старые каштаны,
Где о любви ты говорил...
Где, жизни сдав себя на милость,
На крестный путь ступила я
И где навек переломилась
Судьба печальная моя!

* * *

Над головой сосновый бор
Шумит, внимательный и строгий,
И игол шелковый ковер
Босые чуть щекочет ноги.
Здесь хорошо бродить, искать
Грибы в медлительной забаве
И понемногу забывать
О страсти, радости и славе.
И, сердцем погружаясь в тьму,
Не бредить счастьем и свободой,
И встретить старости зиму
С холодной ясностью природы.

* * *

Я крепко сплю теперь; не жду за воротами,
Когда в урочный час
За поворотом в лес вдруг грянет бубенцами
Почтовый тарантас.
На самом дне души, похоронив тревогу,
Живу, и дни идут,
И с каждым днем трудней размытая дорога,
И все чернее пруд.
У этих серых дней душа моя во власти,
У осени в плену.

* * *

Передо мной, не в маршальском мундире,
Каким для всех запечатлен на век,
А в чем-нибудь помягче и пошире,
По вечерам один в своей квартире
Такой усталый старый человек.
Весь день он был натянут, как струна,
И каждый шаг ему давался с бою,
И вот теперь настала тишина,
Но нет ему отрады и покою.
Приходит он, из тайников стола
Достанет сверток с снимками рентгена
И смотрит, как на них густеет мгла
В растущих пятнах гибельного тлена,
И знает, что ничем нельзя помочь –
Ни золотом, ни знанием, ни славой, –
Что он совсем один с своей державой
И что идет ему навстречу ночь.

* * *

Уходили бабы по обетам
От горшков, ухватов и печей
По дорогам ласкового лета
К золотым крестам монастырей.
Шли в лаптях, с котомкой за плечами
И с краюхой хлеба в дальний путь
Степью и дремучими лесами
Вольной жизнью глубоко вздохнуть.
Утешенье вымолить у Бога,
О нехитром счастье попросить.
Далека нелегкая дорога –
Тянется, как от кудели нить.
А вернувшись, долго вспоминали,
Будто с плеч свалили целый пуд,
Будто легче стали все печали
И отрадней самый тяжкий труд.

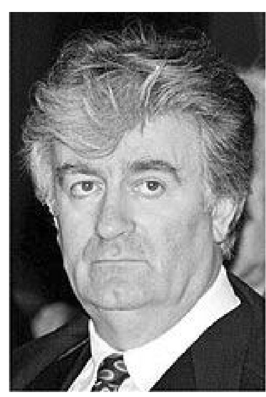
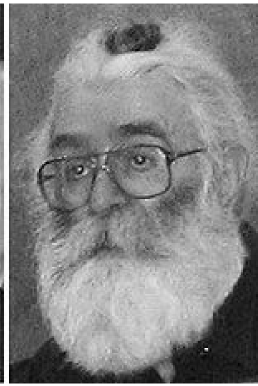
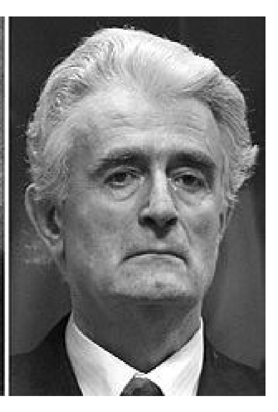
Никита Мокеев

Есть искусство для искусства!

В советское время литературоведы традиционно обвиняли школу «искусства для искусства», или «чистого искусства», представляющую собой зрелое выражение романтизма, в политической индифферентности, отсутствии сочувствия к судьбе Отечества. Разумеется, данная точка зрения не имела ничего общего с реальностью. Напротив, именно судьбы Отечества всегда рассматривались поэтами «чистого искусства» в качестве одной из основных «вечных тем». Едва ли кто-нибудь из так называемых «революционных демократов» написал хоть десятую долю от того количества стихотворений о России, раздумий о ее судьбе, сколько их было написано Ф. И. Тютчевым, А. А. Фетом, Владимиром Сергеевичем Соловьевым и всеми «соловьевцами», т. е. младо-символистами. Кто не знает, скажем, тютчевского «Черного моря» или «Севастопольского братского кладбища» А. А. Фета? И сколько раз воспето А. С. Пушкиным и его современниками, более старыми поэтами начала XIX века освобождение Греции от османского ига или Европы от Наполеона? А вот стихотворений так называемых «революционных демократов», посвященных подвигу России в балканских войнах, например, освобождению Болгарии, никак что-то не припомнить ни одного. А России эта победа далась исключительно дорогой ценой. Александр II, Царь-освободитель, отправляясь на эту войну «братом милосердия», был еще молодым и красивым человеком, а вернулся с нее совершенно измученным и больным старцем. Практически вся Европа была на стороне Турции. То же самое происходило и в XX столетии. Именно Пабло Неруда, признанный поэт «чистого искусства» написал поэму «Сталинград» о разгроме германских войск под Волгоградом, чем восстановил против себя западное общество. И именно А. А. Ахматовой, «русской Сапфо», а вовсе не каким-нибудь соцреалистом были написаны самые проникновенные стихи о ленинградской блокаде.

Так и сейчас, когда Россия и народы, привыкшие ждать от нее помощи и защиты, подвергаются агрессии, в эти тревожные дни ни один из сторонников «чистого искусства» не может не откликаться на происходящее. Мы не можем не горевать о судьбе замечательного поэта-патриота и трогательного детского писателя, врача и ученого, гуманиста и политического деятеля, лауреата премии имени Михаила Шолохова (1994 года) Радована Караджича. Мы не можем не преклоняться перед подвигом русского воинства, воистину Божьей рати, спасавшей братские народы от полного истребления.

Возможно, нам скажут, что мы пишем о вещах, выходящих за пределы нашей компетенции, о вещах, в которых мы все равно ничего не понимаем и, поэтому нам не следует касаться этих тем, так как это не вопросы литературы. Но таковы традиции школы «искусства для искусства», идеалам которой (в их современном выражении) мы неукоснительно следуем. Без этого касания школа «чистой поэзии» никогда не существовала, и существовать не может.

Великий поэт-патриот

«Не верь, что эта полночь так черна,
Что ничего исправить ты не в силах.
Не Божья воля, но твоя вина,
Что ты на крест не хочешь ради милых[1]»
(Р. Караджич. Из сборника «Всеосень»)

Он родился сразу же после войны, 19 июня 1945 г. близ города Шавник в Черногории. Его отец, Вук Караджич, названный так в честь замечательного ученого, классика сербской литературы, создателя сербско-хорватского литературного языка Вука Караджича, в годы Второй мировой войны сражался в рядах четников против германо-албанских и итальянских оккупантов и партизан Иосипа Броза (по кличке Тито). Имя Вук (т. е. Волк по-сербско-хорватски) в старину давалось, чтобы отогнать от болезненного мальчика злых духов. Почти все детство маленького Радована его отец Вук провел в тюрьме. В 1960 г. Караджичи переезжают в Сараево. Радован изучал психиатрию в Сараевском университете, который окончил в 1971 года.

[1] Перевод А. Королева

Его узкая специализация – неврозы и депрессии, он работал психиатром в одной из больниц Сараева и штатным психиатром местной футбольной команды. В Сараево Караджич начал писать стихи и сочинять музыку, им выпущен ряд поэтических сборников, в том числе детских стихов.

В молодости Караджич был антикоммунистом в период правления Тито, диссидентом в родной Югославии. Некоторое время участвовал в партии «зеленых». Его самостоятельная политическая карьера началась под влиянием сербского поэта Добрицы Чосича. В 1990 году Караджич стал одним из основателей и председателем Сербской демократической партии, которая возникла в ответ на подъем национальных движений мусульман-боснийцев и боснийских хорватов. После победы на выборах в ноябре 1990 г. партия Караджича приняла участие в формировании трехстороннего боснийского правительства во главе с Алией Изетбеговичем. Когда же в 1991 году наметился распад Югославии, Караджич предупреждал, что в случае объявления Боснией и Герцеговиной независимости боснийские сербы будут добиваться объединения с Сербией. В 1992 году Босния и Герцеговина провозгласила независимость. Боснийские сербы заявили о создании собственного государства – Республики Сербской, президентом которой и стал Караджич.

Наверное, лучше всего об этом периоде своей жизни рассказал сам Радован Караджич, отвечая на вопросы голландского журналиста Роба Сибелинка:

«*– Вы считаете себя не жителем Черногории, а скорее боснийцем.*

– Я считаю себя сербом из Боснии. Но наше происхождение тогда не имело значения. Моей страной была Югославия. После того как мы с женой окончили институт в Сараево, мы продолжили обучение в Белграде, а затем в Загребе. Загреб чудесное место. Хотя в то время там было сепаратистское движение, я чувствовал себя почти как дома.

– Вы тогда были политически активным?

– Нет, как бы это сказать… тогда нас называли «сербами-буржуа». С другой стороны, будучи антикоммунистом, я диссидент в течение 35 лет. Жить в Сараево было тоже очень хорошо. Это был город западного типа, и даже мусульмане чувствовали себя больше сербами, нежели мусульманами. Так и есть, по сути дела. Они сербы, которые стали мусульманами во время турецкой оккупации. Многие тогда гордились тем, что они югославы, так как национальное единство в то время было важнее религиозных различий. Сейчас все изменилось на 180 градусов. Мусульмане отрицают, что между ними и сербами когда-либо существовала какая-то связь.

– Когда Вы заметили, что этническое напряжение возросло?

– Возвращаясь к тем дням, могу сказать, что эта проблема существовала уже в 1974. Тогда произошли некоторые изменения в конституции, давшие больше власти Боснии и Хорватии. И потом, нас стали воспринимать по-другому. До 1974 года нас считали «сербами-буржуа», нечто вроде анархистов-либералов. После 1974 мы стали «сербскими националистами, стремящимися к Великой Сербии».

– Но Вы и есть сербский националист[2], не так ли?

– Знаете, я не хотел, чтобы Югославия распалась. В Югославии было хорошо жить.

– Точно! Вы жили со своей семьей в многонациональном Сараево. Вашими лучшими соседями были хорваты и мусульмане. Крестный отец Вашего брата – мусульманин...

– Да. Позже он стал ярым антисербским националистом.

– ... А спустя несколько лет вы убивали друг друга.

– Не мы придумали этнические чистки в Югославии. Хорваты занимались этим во Второй Мировой войне[3]. И все знают, что лидер мусульман Изетбегович носил немецкую военную форму. Перед войной в Боснии он написал книгу, в которой он рассказывает, чего ждать от Боснии, когда она станет мусульманским государством с исламским

---

[2] Обращаем внимание читателей на то, что словом «националисты» на Западе теперь почему-то стали называть тех, кто отстаивает свою веру и культуру, борясь с людьми своей же национальности, ставших ренегатами (т. е. вероотступниками по прагматическим мотивам)

[3] В одном только лагере смерти в Осиновце в годы Второй Мировой войны было уничтожено порядка миллиона (около 700 тыс., хотя теперь это число пытаются подменить числом 70 тыс.) сербов и несколько десятков тысяч евреев и цыган. Но о холокосте сербов европейскому и американскому обывателю ничего не известно, так как сербских ученых, добросовестно изучавших холокост, Тито объявлял «великосербскими шовинистами» и репрессировал. Далее, режим Тито депортировал из Косово и Метохии 500 тыс. сербов и заселил туда 300 тыс. албанских фанатиков-мусульман, бежавших из Албании от режима Цеденбала, полностью искоренявшего любую религию. Известный фашистский палач, хорват по национальности, Артукович, который в годы Второй Мировой войны своим цинизмом в пытках и убийствах сербских мирных жителей приводил в смущение и замешательство профессиональных гестаповских специалистов по пыткам, в течение нескольких послевоенных десятилетий заботливо оберегался западными демократиями и только в 80-ые годы XX века был выдан Югославии для суда над ним, примерно в то же время, когда Франции был выдан Клаус Барбье, вошедший в историю как «лионский палач».

режимом. Его слова были понятны. В этом нет сомнений. Туджман в Хорватии провел очень яростную кампанию во время выборов 1990 года в Боснии. И когда они с Изетбеговичем заключили союз, нам все стало ясно. Он был направлен не против немцев или русских.Они нацеливались на сербов. Все сербы ужасно боялись, что повторятся события Второй мировой, когда сотни тысяч невинных сербов были убиты. Тогда мы решили создать свою политическую партию. Я не был политическим «монстром». В то время я был вполне счастлив. У нас была счастливая семья. У меня и у жены была нормальная работа и достаточно денег. Но мы решили, что не можем оставить наших людей здесь, в Боснии, без политической защиты.

– Это не очень-то помогло Стране. Это было началом дальнейшего обострения ситуации.

– Мы сделали все, чтобы не допустить войны в Боснии. И у нас много тому доказательств. Мы приняли Лиссабонское соглашение, европейский план раздела Югославии. Я принял план Венса-Оуэна в Афинах. Правда, позже наш парламент его отклонил, но я принял его. Я, в конце концов, согласился на отделение Боснии от Югославии. Это самый большой риск, на который я пошел в своей жизни. С этим решением мы становились меньшинством в нашей собственной стране. Но я принял это, чтобы предотвратить войну. Самое печальное из всего этого, что Лиссабонское соглашение было очень похоже на Дейтонские соглашения, принятые четыре года спустя. Почему мы воевали в те годы? Мусульмане приняли Лиссабон, Хорваты приняли, мы тоже. А потом мусульмане под влиянием американского посла Уоррена Циммермана и вашего Ханса ван ден Брука отвергли его. Они знали, что война неизбежна, если Боснию признают без соглашения. Они отвечают за то, что случилось впоследствии.

– Когда Вы осознали, что война неизбежна?

– Это началось с референдума о независимости. По конституции это было незаконно[4], так как с проблемами этнических групп надо

[4] Р. Караджич деликатно называет всего лишь незаконным и противоречащим Конституции Югославии отделение от нее Боснии и Герцеговины без предоставления Сербской Крайне права остаться в составе Югославии и воссоединиться с Сербией. На самом деле, согласно международным правовым нормам, ни одна страна не имеет права выходить из состава другой страны, не предоставив всем своим национальным анклавам права не выходить, а остаться. То, что было сделано с Югославией и с СССР (раздел на части по праву силы без предоставления народам возможности реализовать их законное право остаться в составе России), явилось вопиющим преступлением против мира и человечества.

разбираться на основе консенсуса, а не на основе большинства. На второй день референдума было нападение на сербской свадьбе. Но реальным толчком послужило объявление Изетбеговичем полной мобилизации 4 апреля 1992 года. Он не должен был этого делать без согласия сербов, но он все равно так поступил. Я позвонил ему и сказал: «Вы совершаете ужасную ошибку. Почему вы делаете это? Вы же знаете, что произойдет, когда мусульмане возьмутся за оружие. Хорваты возьмут в руки оружие. И вы знаете, как отреагируют сербы». Он согласился со мной, но сказал, что было уже слишком поздно менять решение. В ту ночь в Сараево правил террор. Ночь с 4 апреля по утро 5 апреля 1992 года. Потом мусульмане развязали войну, и мы так и не смогли остановить ее.

– Вы отдавали приказ атаковать Сребреницу, которая считалась мирным местом?

– Сребреница никогда не была мирным местом.

– Нет, это было мирное место.

– Никогда не было этого. А если вы мне не верите, то спросите бывшего генерального секретаря ООН Бутроса Гали. Он не раз заявлял мне, что Сребреница – это мусульманский опорный пункт и что близлежащие сербские деревни постоянно подвергались нападениям. В последние месяцы анклава каждый день убивали сербов. Всего было убито 1260 человек (сербы). ООН знает об этом. И командир голландских войск ОНН в Сребренице тоже знает.

Караджич, – пишет Роб Сибелинк, – достал папку документов с длинным списком жертв около Сребреницы.

– Вот. Апрель 92 года, май 92, июнь. Все убитые. А этот документ – приказ мусульманского командира Насера Орича по Сребренице, в котором он приказывает провести диверсионную атаку, здесь же имена тех, кто должен был это выполнять. Их наградили, а надо было судить за военные преступления. Вот религиозные наставления мусульманского духовенства, которые они давали отрядам перед атакой».

Итак, к декабрю 1992 года силы сербов установили контроль над 70 процентами территории Боснии и Герцеговины. Их войска осадили Сараево, которое было провозглашено столицей Республики Сербской. Администрация Караджича разместилась в горнолыжном курорте Пале, к северо-востоку от Сараево. В этот период у Караджича побывал русский писатель Э. Лимонов, написавший о нем статью под названием «Радован Караджич: президент мертвой республики» в своей энциклопедии «Священные монстры». Привожу отрывки из статьи Э. Лимонова:

«Мы начали в тот же день со знакомства с Караджичем. Он появился в военной столовой через час. Высокий, полный, серый костюм-тройка, галстук, очень длинные седые с русыми волосы. По виду настоящий сербский профессор, каковым он и был. Профессор психиатрии и поэт. Должна была выйти вскоре его книжка в издательстве города Нови-Сад».

Караджич рассказывает Лимонову, как все началось:

«…Началось все 6 апреля – вдруг толпа мусульман, размахивая флагами, организовалась в демонстрацию за независимую мусульманскую Боснию. Раздались выстрелы, якобы стреляла сербская полиция. Но это была провокация, мусульмане не жалеют своих нисколько, расстреляли своих, чтобы вмешался Запад. До этого никаких массовых выступлений не было. Ну, конечно, тлели подспудно искры, выходили всякие подпольные журнальчики, еще в 70-е годы брошюра этого полоумного Алии Изетбеговича о создании мусульманского государства в Боснии, первого мусульманского государства в Европе. Но тогда это было достоянием десятков, ну сотен полоумных».

«Солнце передвинулось, – пишет Лимонов, – и охрана Караджича заставила нас отойти от панорамы дымящегося Сараево, так как нас могли подстрелить снизу снайперы, теперь, когда солнце передвинулось!

– Знаете, у нас достаточно сил, чтобы в несколько дней взять Сараево.

– Почему же не берете?

– Не хочу раздражать Запад…

Если мы возьмем Сараево, нас станут обвинять в геноциде «мусульманской нации» и всех других грехах. Я предпочитаю действовать осторожно и постепенно. Многие наши меня не понимают. У меня выросла сильная оппозиция во главе с моими генералами. Они хотели бы захватить все, что можно, и уж тогда договариваться. Их не волнует западное общественное мнение и последствия. Но мы и так владеем семьюдесятью двумя процентами территории Боснии…

…Дальнейшее известно. В споре о том, как надо было работать с Западом, остались не правы все. И голубь Билана Плавшич, и умеренные президенты Караджич и Милошевич…».

В ходе боснийского конфликта 1992-1995 годов Караджич оставался бессменным вождем боснийских сербов.

В книге «Общество и наказание» Флоранс Артман пишет, что Мадлен Олбрайт предлагала Караджичу выехать на постоянное жительство в Индию, Сербию, Черногорию, или в СНГ. Караджич отверг предложение Олбрайт. Тогда ему было предложено заключить соглашение с американским посланником на Балканах Ричардом Холбруком. В нём американцы обязались не преследовать его, если он уйдет из политики.

И он ушел из политики, оставшись навсегда национальным героем сербского народа, Человеком, который спас народ Сербской Краины от тотального геноцида. Президентом Республики Сербской стала мягкая и сверхдобрая Билана Плавшич, которую как политика, прозвали голубицей. Она тоже осуждена гаагским трибуналом и отбывает наказание в шведской тюрьме. А Р. Караджич, с тех пор как, вопреки договору, на него началась охота, жил и работал психиатром под именем доктора Драгана Давида Дабича. Он успешно помогал людям, занимался наукой, участвовал в научных конференциях, печатал статьи в журнале «Здоровая жизнь» и в других изданиях. И как всегда, писал стихи. В 2004 г. выходит его роман «Чудесная хроника ночи», а в 2005 г. книга стихов «Под левой грудью века». Он заходил в кафану «Безумный дом» на окраине Белграда, всегда подчеркнуто элегантный, с белой бородой, в очках и в черной шляпе. Он слушал гусляров, восхищался их пением и что-то записывал, и сам прекрасно играл. Он распивал сливовицу, почти ничего не ел, но всех хорошо угощал, сидя под собственным большим портретом, никем не узнаваемый, и подолгу задумчиво смотрел на свое и Младича фото. И каким же ударом для хозяина кафаны стало известие о том, что его постоянный посетитель и был тем самым Человеком, которого все боготворили.

До ареста Караджич говорил:

– Нет того, кто не мог бы быть схвачен. Арестовать и убить можно каждого. Им было бы лучше убить меня, чем позволить поехать в Гаагу, так как в Гааге у них со мной было бы больше проблем… Международному сообществу было бы лучше, чтобы я был мертв, чем поехал в Гаагу, так как я могу стать «коронным» свидетелем. В балканском столкновении преступления против мира, наряду с Изетбеговичем и Туджманом, совершили, прежде всего, те, которые развалом Югославии – Геншер, Коль, Циммерман и другие – довели до войны. Они, ранним признанием Хорватии и Боснии, совершили преступление против мира и непосредственно вызвали военные и религиозные столкновения.

– Этот суд – политический и юридический позор Запада и его, несомненно, необходимо переместить из Гааги, чтобы непосвященные не путали этот суд и постоянный Международный Суд Правды в Гааге. Его нужно переместить в какое-нибудь ярмарочное место, так как и по методам формирования и по его поведению он представляет верх лицемерия Запада и позор для этого самого Запада.

Как известно, гаагский трибунал сначала осудил всего на два года, а потом и вовсе оправдал Насера Орича, под руководством которого и

при полном попустительстве миротворческих сил НАТО велось уничтожение сербских деревень под Сребреницей и было уничтожено многим более тысячи сербских мирных жителей. Также был оправдан и отпущен на свободу косовский албанский командир Рамуш Харадинай, относительно которого даже бывший председатель гаагского трибунала Карла дель Понте в своей книге «Охота, я и военные преступники» приводит данные о его собственноручном участии в пытках, насилиях и убийствах, а также продаже на органы сербов, цыган и даже албанок (что не укладывалось даже в идеологию германо-итало-албанского нацизма, относившего албанцев к так называемой «арийской расе»), проявлявших лояльность законным сербским властям Косова. Согласно сведениям Карлы дель Понте, а также ряда свидетелей, похищенных сербов, цыган и других неалбанцев, в частности, порядка пятидесяти граждан России, вывозили в Албанию под непосредственным руководством албанской «армии освобождения Косова» и при молчаливом согласии властей Албании. Их держали в «желтом доме» близ албанского города Бурел, врачи вырезали у них органы, потом людей убивали. Органы отправляли на Запад через маленький аэропорт близ Тираны. Торговля велась через Италию. Свидетели утверждают, что один только сегодняшний премьер-министр занятого албанцами Косова Хашим Тачи заработал на этой торговле порядка четырех миллионов марок.

Как известно, Россия в лице своего официального представителя МИД России А. А. Нестеренко требует немедленного прекращения работы гаагского трибунала из-за отсутствия беспристрастности в работе трибунала, его «предвзятого отношения к одним обвиняемым и снисходительного – к другим участникам конфликта в бывшей Югославии, подмены правосудия выполнением политического заказа».

P. S. Как все удивительно похоже. Босния с помощью НАТО незаконно, без согласия народа Сербской Крайны, выходит из состава Югославии и начинается война. Тех, кто сохранил народ Сербской Крайны от полного истребления, отдают под суд, а Республике Сербской до сих пор не дают воссоединиться с Матерью-Сербией. Наиболее исконная историческая часть Сербии, колыбель Православия и славянской культуры на Балканах – Косово и Метохия, частично заселенная албанцами в результате политики османов, потом Гитлера и Муссолини и наконец Тито – насильственно отторгается от Сербии. Теперь, после ареста Караджича, хотят уничтожить последние сербские анклавы в Косово.

Наиболее древние жители Кавказа – абхазы и аланы, добровольно вошедшие в состав Российской Империи задолго до Грузии, также подвергались уничтожению. За время пребывания Грузии в составе Российской Империи не прекращались попытки грузинских князей поработить осетинский народ, сделать его своими крепостными. Однако Русское самодержавие всегда давало решительный отпор. Но после революции все переменилось. Начался первый геноцид осетинского народа под нацистскими лозунгами Ноя Жордании. Абхазия и Осетия оказались в составе Грузии. В 90-ые годы XX-го века Грузия так же противозаконно – без согласия своих автономий – выходит из состава СССР. Западу именно этого и надо, ведь не Грузия им нужна, а война на Кавказе. Кроме того, Абхазское побережье в составе Грузии – удобный плацдарм для нападения на Россию.

Уже после отражения Россией грузинской агрессии, Президент Южной Осетии Эдуард Кокойты в интервью для российских газет говорил об отношении осетинского народа к положению сербов в Косово и Метохии:

«Южные осетины не сепаратисты, мы всегда были против распада нашей страны – СССР. Если проводить параллели, то необходимо сказать, что в Осетии полностью понимают, что Югославия стала жертвой международной агрессии с целью ее уничтожения и раздела. Это привело к беззакониям и несправедливостям по отношению к сербскому народу. И сербы и осетины защищают свои исторические земли и свои интересы исключительно законными средствами, тогда как против них применяют методы террора и геноцида. Потому, исходя из норм международного права, мы солидарны с борьбой сербов за сохранение их государства. Эта солидарность проявляется не только в виде формальных заявлений. Существуют люди, добровольцы из Осетии, которые сражались вместе с сербами… такие как Альберт Андиев…, который защищал в Сербии наши общие идеалы. С большим вниманием мы следим за всем, что происходит в Сербии, и с тяжестью на сердце смотрим на раскол сербского общества. В отличие от сербов, у нас полное единство. И нас тоже хотели разделить на западников и патриотов, но главное, чтобы народ не потерял веру в будущее, свои национальные идеи и идеалы».

Как-то за чаем, один мой друг, обсуждая трагедию одной из наших общих с ним «страны этнических корней», сказал о Караджиче: «Такую игру можно было играть, имея за спиной сильную Россию, а ее тогда не было». Тем более святым представляется всем людям доброй воли подвиг Караджича. Перед такой судьбой я горячо преклоняюсь. Это – не путь фанатичного, но расчетливого (и потому одержавшего победу) доктора Мартина Лютера. Нет, это скорее безрассудный путь ректора Пражского Университета профессора Яна Гуса. Помните у Тютчева:

И на костре, как жертва пред закланьем,
Им праведник великий предстоит:
Уже обвеян огненным сияньем,
Он молится – и голос не дрожит...

Он духом в небе – братскою ж любовью
Еще он здесь, еще в среде своих,
И светел он, что собственною кровью
Христову кровь он отстоял для них.

Не изменив ни Богу, ни народу,
Боролся он – и был необорим –
За правду Божью, за ее свободу,
За все, за все, что бредом назвал Рим.

Мы поздравляем Вас, Радован, с Новым Годом! Да будет этот год годом крушения гаагской инквизиции! Мы верим, что даже на инквизиционном трибунале в Гааге Вы сумеете строго доказать, если не предвзятым судьям, то всему Божьему миру, Вашу, и без того очевидную, правоту. Да будет грядущий год годом Вашей победы! Желаем Вам бодрости, здоровья и светлой радости на Вашем крестном пути!

В альманахе использованы иллюстрации художников:

Елена БАКСИНЕР
Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Павел БЕКЛЕШОВ
Студент ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Ольга ВЕСЕЛОВСКАЯ. Профессиональный художник

Николай ЗАРУЦКИЙ. Профессиональный художник

Катя ЗАРХ. Профессиональный художник

Валерия КОКОВКИНА.
Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Юрий КОРОЛЁВ
Студент ФКТИ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Валерия КОСАЧЕВА
Аспирант экономического факультета СПб ГУ

Екатерина МИТИНА. Студентка СПб ГУ

Антон ПОГРЕБНЯК. Мультипликатор

Сергей СИМКИН. Профессиональный художник

Валерия СМИРНОВА
Студентка ФЭМ СПб ГЭТУ Императора Александра III

Дмитрий СУГАК
Выпускник мат-мех`а СПб ГУ

Даниил ШИШКИН

Студент факультета политологии СПб филиала ГУ-ВШЭ

А также опубликованы две дореволюционные новогодние открытки

Содержание

Издательско-полиграфическая фирма «Реноме» (ИП Генкин А.Д.)
Книга издана на средства спонсоров

Подписано в печать 15.12.2008 Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 28. Тираж 300. Заказ № 876

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»
197002, Санкт-Петербург, наб. Обводного кан., д. 40
Тел./факс (812) 766 05 66
E-mail: RENOME@comlink.spb.ru
www. renomespb.ru

Ольга Веселовская "Тампере"
20x30 см, пастель, 2000 г.

Сергей Симкин "Натюрморт с лимоном"
54х75 см, холст, масло, 1994 г.

Сергей Симкин
"... на месте, где были погребены старые боги..."
70х101 см, холст, масло, 1997 г.

Катя Зарх
Бумага, акварель, тушь, 2003 г.

Николай Заруцкий
картон, масло

Елена Баксинер
холст, масло

Павел Беклешов "Мост через реку Тигода"
холст, масло

Валерия Колычева